

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2011
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

18–20 октября 2011 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2011

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2011
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

18–20 октября 2011 года

Ответственный редактор
А. Л. Свенцицкий

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2011

ББК 88.3
А64

Редакционная коллегия:

зав. кафедрой социальной психологии *А.Л. Свенцицкий* (отв. редактор),
декан факультета психологии *А.В. Шаболтас*,
профессор факультета психологии *Л.Г. Почебут*,
доцент факультета психологии *Т.В. Анисимова*,
профессор факультета психологии *В.М. Бызова*,
зав. кафедрой психологии развития
и дифференциальной психологии *Л.А. Головей*,
доцент факультета психологии *Г.Л. Исурина*,
зав. кафедрой социальной адаптации и психологической
коррекции личности *Р.Ж. Мухамедрахимов*,
доцент факультета психологии *Э.Б. Карпова*,
доцент факультета психологии *Р.О. Серебрякова*,
доцент факультета психологии *Р.А. Березовская*,
доцент факультета психологии *В.А. Чикер*,
ст. преподаватель факультета психологии *Л.В. Марарица*,
мл. науч. сотрудник факультета психологии *Н.А. Антонова*

*Печатается по решению
Ученого совета факультета психологии СПбГУ*

**Ананьевские чтения – 2011. Социальная психология и
жизнь:** Материалы научной конференции, 18–20 октября
2011 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. А.Л. Свенцицкий. – СПб.:
Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. – 440 с.

ISBN

Сборник является результатом работы научной конференции, посвященной современным методологическим, теоретическим и прикладным проблемам социальной психологии в связи с задачами, стоящими в настоящее время перед нашим обществом. Представлены тезисы научных сообщений. Основная проблематика: фундаментальные проблемы социальной психологии и перспективы развития, социально-психологические проблемы формирования межкультурной толерантности и противодействия экстремизму в России, психология массового сознания, методология и практика социально-психологического тренинга.

Издание сборника материалов конференции поддержано грантом РГНФ № 11-06-14216г.

ББК 88.3

ISBN

© Авторы тезисов, 2011

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

А.А. Балакина

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К ОБОБЩЕННОМУ ДРУГОМУ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ РАЗНОГО УРОВНЯ

В современных условиях урбанизации проблема отношений между людьми внутри городского сообщества выходит перед исследователями на передний план. Необходимость изучения данной проблемы обусловлена актуальным изменением системы социальных взаимоотношений в условиях современного общества. В последнее время среди множества факторов (социально-экономических, социокультурных, культурно-исторических и др.), детерминирующих такую динамику отношений в обществе, исследователи выделяют в отдельную группу факторы территориально-пространственной организации городской среды. Анализ многочисленных исследований (Д. Линч, 1982; М. Черноушек, 1989; В.Т. Шимко, 2006; Ш.Д. Аскаров, 1995; Э.В. Сайко, 2001; Р. Сеннет, 2002; Л. Лофланд, 1998; А. Желнина, 2005 и др.), направленных на изучение пространства города, позволил выбрать ряд параметров городской среды, оказывающих влияние на социальное взаимодействие и на формирование системы отношений жителей города: границы, зоны, улица, дизайн городской среды, центр / периферия, публичные открытые пространства.

Авторы выделяют разнообразные функции этих территориально-пространственных параметров: от логистических до социально-психологических, которые исследователи обозначают как центральные функции основных параметров городского пространства. Основными социально-психологическими функциями базовых параметров городского пространства являются: 1) интегрирующая, способствующая формированию городской идентичности (В.Т. Шимко, В. Глазьев, Л. Лофланд); 2) коммуникативная функция, которая в настоящее время, по мнению некоторых исследователей, в частности Ю. Солобозова, трансформируется в результате разрушения традици-

онных коммуникаций, которые приобретают все более «унифицированный, всеобщий» характер; 3) социализирующая, способствующая процессам обучения различным паттернам поведения, формированию идентичности (А. Желнина, Р. Сеннет, С. Барсукова); 4) развивающая (развитие социально-психологических качеств и свойств); 5) функция удовлетворения социальных потребностей (в общении, самовыражении, познании другого человека, в безопасности, контроле и т. д.). Мы предполагаем, что данные социально-психологические функции по-разному реализованы в городах разного типа, что должно найти свое отражение в различных параметрах отношений жителей этих городов к Другому человеку.

В связи с этим нами было проведено исследование, в котором приняли участие 100 жителей Москвы и 100 жителей Ростова-на-Дону в возрасте от 21 до 37 лет, проживающие в различных районах города. Методами исследования выступили: опросник межличностных отношений В. Шутца; блок методик, диагностирующих различные виды отношений к другим людям (шкала «принятия других» Фейя, «шкала враждебности» Кука–Медлей, «шкала доброжелательности» Кэмпбелла, «шкала доверия» Розенберга, «шкала манипулятивного отношения» Банта), адаптированный Ю.А. Менджеричкой; методика диагностики основных типов межличностных отношений Т. Лири.

В результате анализа модальностей отношений и ряда их сочетаний, представленных в типах отношений к обобщенному Другому, были получены следующие выводы: 1) уровень пространственной организации города (тип города) обуславливает различия в модальностях и типах отношения к обобщенному Другому; 2) мегаполис, представленный такими параметрами, как «масштабность города, размер протяженности пространства, высокая плотность населения, огромная семантическая нагруженность, многофункциональность пространственных форм» включает в себя такие типы отношения к Другому, как: ответственно-великодушный, покорно-застенчивый, зависимо-попослушный, властно-лидирующий, дифференцированные по параметру «доминирование / подчинение»; 3) такие модальности отношения к другим людям, как манипулятивное отношение и враждебное отношение (цинизм), в большей степени выражены среди респондентов Москвы, в то время как у жителей Ростова-на-Дону преобладают показатели уровня доверия к другим людям и потребности в установлении эмоциональной близости, причем в большей степени на уровне требования от Другого.

Дальнейший анализ данных ориентирован, во-первых, на подтверждение предположения о том, что виды и типы отношения к Другому будут отличаться у жителей мегаполиса, большого и малого города; во-вторых, на проверку гипотезы о наличии различий выраженности отношений к Другому между жителями, дифференцированными по территориально-пространственным параметрам в рамках одного города, вне зависимости от его величины.

О.В. Барсукова, И.С. Викторчик

МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ С РАЗНОЙ САМООЦЕНКОЙ ЧЕСТОЛЮБИЯ

Особенности современной социальной ситуации в России требуют развития определенных личностных качеств человека, его мотиваций. Как показывает теоретический анализ различных источников, к таким характеристикам относится честолюбие и мотивация достижения. В связи с этим нами было проведено эмпирическое исследование связи самооценки честолюбия студентов и их мотивации достижения. В исследовании, проведенном с помощью методик «Самооценка честолюбия» О.В. Барсуковой и «Мотивация к успеху» и «Мотивация к избеганию неудач» Т. Элерс, приняли участие студенты (71) в возрасте 18–24 года, обучающиеся на разных факультетах в ЮФУ (г. Ростов-на-Дону).

Результаты исследования позволяют подтвердить гипотезу о том, что не существует связи между самооценкой честолюбия и его уровня и мотивации достижения, т. е. у студентов с разной самооценкой честолюбия будут одинаковые показатели мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудач, и в то же время у студентов с одинаковой самооценкой честолюбия показатели мотивации достижения успеха и избегания неудач будут различными.

На первом этапе исследования нами было изучено представление студентов о содержании понятия «честолюбие». Студенты понимают честолюбие как мотивационное психическое образование – стремление к высокому социальному положению, стремление быть успешным, стремление к власти, стремление к славе. Такое понимание соответствует определению честолюбия в словарной и психологической литературе.

При исследовании самооценки честолюбия было выявлено, что большинство опрошенных студентов считают себя честолюбивыми –

72 %, нечестолюбивыми – 28 %. Также испытуемым было предложено оценить уровень собственного честолюбия. Для студентов, оценивших себя как честолюбивых, характерен средний (59 %) и высокий (41 %) уровень честолюбия, для оценивших себя как нечестолюбивых характерен низкий (40 %) и средний (60 %) уровень честолюбия.

Исследования мотивации достижения выявили, что для студентов характерны следующие уровни мотивации достижения успеха: низкий (7 %), средний (83 %) и высокий (10 %). Показатели мотивации избегания неудач распределились следующим образом: низкий – 13 %, средний – 33,5 % и высокий – 53,5 %.

Таким образом, у большинства испытуемых преобладает высокий уровень мотивации избегания неудач при среднем уровне мотивации достижения успеха (47,5%). Можно сделать вывод, что студенты, считающие себя честолюбивыми и считающие себя нечестолюбивыми, имеют средний уровень мотивации к достижению успеха и высокий уровень мотивации к избеганию неудач. Нами специально не исследовалось, но при этом не было обнаружено в изучаемых феноменах половых различий и различий, связанных со специальностью студентов. Это может говорить о том, что честолюбие не зависит от возраста, пола и профессии людей.

А.И. Белкин

АНАЛИЗ ГРАФФИТИ С ПОЗИЦИЙ БИХЕВИОРИЗМА И ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИИ

В данной работе проведен анализ психологической природы граффити с позиций основных направлений классической психологической науки: бихевиоризма, психоанализа, гештальтпсихологии и гештальттерапии, психологии деятельности. С позиций основных направлений психологической науки феномен граффити предстает в разных ракурсах. Для классической психологии граффити – явление, связанное с рядом неудовлетворенных потребностей индивида, вызванное сублимацией либидозных влечений (психоанализ), выступающее как следствие механизмов подражания и социального научения (бихевиоризм) или неотреагированных в прошлом эмоций и чувств (гештальтпсихология), как особого рода деятельность, антиобщественная по своему характеру (марксистская психология).

Усилия представителей бихевиоризма направлены на изучение внешних стимулов, которые вызывают ту или иную поведенческую реакцию (схема S–R), в нашем случае – на действия по написанию граффити. Наиболее подходящим объяснением в рамках этого направления служит механизм подражания, который ведет к выводу о том, что создание граффити является результатом научения. Однако ряд эмпирических фактов не укладывается в схемы этого направления, так как существуют надписи и рисунки, являющиеся результатом свободного творчества без апелляции к каким-либо образцам. Так, например, среди граффити встречаются стихи, выражающие чувства к любимому человеку или пространные рассуждения философского характера. К тому же граффити не всегда создаются как результат подражания. Современная психологическая наука, отмечая продуктивность использования методов бихевиоризма в психологической практике, признает методологическую ограниченность этого направления для исследования механизмов психологических феноменов, которые сводятся в этом случае к простой объяснительной схеме S–R.

С точки зрения психологии деятельности (марксистской психологии), культура представляет собой «совокупность всех видов преобразовательной деятельности человека и общества, а также результатов этой деятельности, воплотившихся в материальных и духовных ценностях». Поэтому, с данной точки зрения, граффити не являются частью культуры, так как не представляют собой вид созидательной преобразовательной деятельности общества. Это направление может быть продуктивным в исследовании данного феномена, оно требует поэтапного анализа действий, операций авторов граффити. С позиций этого направления неинституциональная изобразительная деятельность является асоциальной по своему характеру, чаще всего ее исполнителями являются отдельные индивидуумы или диффузные группы (А.В. Петровский), т. е. она характеризует индивидуумов социальной группы, находящейся на первых стадиях развития групповой динамики либо антиобщественных по своим социальным установкам.

Другой подход может быть сформулирован в русле гештальтпсихологии и гештальттерапии. Согласно основному постулату этого учения, люди организуют получаемую информацию таким образом, что ее наиболее значимые составляющие занимают в сознании центральное место, тогда как менее значимые отходят на задний план. Любой организм функционирует по принципу саморегуляции. Люди в естественном состоянии поддерживают в себе динамическое равно-

весие (гомеостаз) посредством осознания возникающих потребностей и их удовлетворения по мере появления. При возникновении какой-либо потребности на нее переключается большая часть внимания, а все остальное отходит на задний план. Важнейшим для гештальтпсихологии и гештальттерапии является понятие соотношения фигуры и фона. Процессы саморегуляции организма основаны на постоянном формировании и завершении фигур (гештальтов). Гештальт – это фигура или конфигурация, из которой ничего нельзя изъять, не разрушив ее при этом полностью. Как только потребность удовлетворена, гештальт отходит на задний план, сливается с фоном, уступая место новому гештальту. Постоянное формирование и завершение гештальтов составляет естественный ритм жизнедеятельности организма.

Достоинство этого подхода – в обращении к терапевтическому потенциалу граффити, однако, как и в ряде других направлений классической психологии, игнорируется влияние культурных факторов. С позиций гештальтпсихологии граффити предстает, наряду с другими изобразительными формами, средством отреагирования и завершения незавершенных гештальтов, поддержания процесса гомеостаза, что отражает стремление организма к достижению оптимальной саморегуляции.

Ю.В. Бражник

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ О СОДЕРЖАНИИ МУЖСКОЙ РОЛИ

Социальные изменения, размывание границ между «мужскими» и «женскими» профессиями приводят к трансформации и нормативных представлений о мужских и женских половых ролях. Цель исследования: выявление содержания мужской роли как совокупности социокультурных качеств в представлениях молодых людей в зависимости от половой принадлежности. Гипотеза: существуют значимые различия в представлениях о содержании традиционной мужской роли у молодых людей, обусловленные их половой принадлежностью.

Эмпирическую базу исследования составили результаты диагностики испытуемых в количестве 224 человека, из них 138 женщин и 86 мужчин в возрасте от 17 до 38 лет. Русских 101 человек, белорусов 123 человека. В исследовании приняли участие студенты Смоленского гуманитарного университета и Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

В выборке русских респондентов женщины видят типичного мужчину, реализующего в современных условиях роль «Защитника», более доминирующим, чем представляют данную роль сами мужчины ($M = 5,28$ и $M = 4,56$, $p < 0,05$), властным ($M = 5,46$ и $M = 4,83$, $p < 0,02$) и терпеливым ($M = 5,46$ и $M = 4,81$, $p < 0,03$), т. е. в сознании женщин образ мужчины остается в большей степени традиционным. Типичного мужчину, выполняющего роль «Профессионального деятеля», женщины видят более рискованным ($M = 5,71$ и $M = 4,67$, $p < 0,001$), самодостаточным ($M = 5,58$ и $M = 5,37$, $p < 0,03$) и деловым ($M = 6,25$ и $M = 5,59$, $p < 0,01$), но менее сентиментальным ($M = 3,18$ и $M = 4,18$, $p < 0,004$). Как видим, представления женщин достаточно традиционны: мужчине присуще быть рискованным, самодостаточным и деловым. Мужчина, осуществляющий роли «Главы семьи» и «Отца», предстает в глазах женщин более рискованным, чем в глазах мужчин (соответственно $M = 4,78$ и $M = 4,18$, $p < 0,03$; $M = 4,65$ и $M = 3,97$, $p < 0,04$). Итак, русские женщины видят современных мужчин более мужественными, склонны приписывать им традиционные качества, сами мужчины представляют себя терпеливыми и готовы проявлять больше эмоций.

В выборке белорусских респондентов также существуют значимые половые различия. Так, мужчины, исполняющие роль «Добытчика», по сравнению с женщинами представляют типичного мужчину более доброжелательным ($M = 5,12$ и $M = 4,29$, $p < 0,0007$), интеллигентным ($M = 4,95$ и $M = 4,09$, $p < 0,01$), искусным ($M = 4,65$ и $M = 4,10$, $p < 0,02$), добрым ($M = 4,97$ и $M = 4,24$, $p < 0,01$), сердечным ($M = 4,59$ и $M = 3,94$, $p < 0,03$), интимным ($M = 4,79$ и $M = 3,93$, $p < 0,01$), чутким ($M = 4,57$ и $M = 3,90$, $p < 0,03$). Как видим, у мужчин, выполняющих данную роль, доминанта от традиционных, стереотипно входящих сюда качеств сместилась в сторону некой чуткости, открытости, что совсем не свойственно типичным проявлениям данной роли.

В роли «Защитника» мужчины представляют себя более интеллигентными ($M = 4,95$ и $M = 4,24$, $p < 0,03$), сентиментальными ($M = 4,16$ и $M = 3,17$, $p < 0,001$), искусными ($M = 4,93$ и $M = 4,14$, $p < 0,02$), интимными ($M = 4,75$ и $M = 4,08$, $p < 0,03$), чувственными ($M = 4,63$ и $M = 3,97$, $p < 0,02$), чуткими ($M = 4,73$ и $M = 4,20$, $p < 0,03$). Возможно, мужчинам хочется казаться более положительными в глазах женщины, отсюда и изменение мужской роли в сторону феминизации. Типичный мужчина, реализующий роль «Профессионального деятеля», видится белорусским мужчинам как нежный ($M = 4,44$ и

М = 3,87, $p < 0,02$), интимный (М = 4,28 и М = 3,68, $p < 0,004$), грамотный (М = 7,04 и М = 5,98, $p < 0,02$), сентиментальный (М = 4,10 и М = 3,33, $p < 0,004$), разумный (М = 5,32 и М = 5,89, $p < 0,02$), эмоциональный (М = 4,96 и М = 3,85, $p < 0,007$). А белорусские женщины представляют типичного мужчину, реализующего данную роль, как более самодостаточного (М = 5,14 и М = 5,64, $p < 0,03$). И здесь, наряду с важными для профессиональной деятельности качествами, прослеживаются и традиционно женские свойства: эмоциональный, интимный, сентиментальный. Современный мужчина готов проявлять эмоции, идти на уступки и т. д. Мужчина, исполняющий роль «Главы семьи», более деловитый (М = 5,22 и М = 4,51, $p < 0,004$), деловой (М = 5,38 и М = 4,83, $p < 0,005$), сентиментальный (М = 4,83 и М = 4,10, $p < 0,03$).

Иными словами, в современных условиях мужчины-белорусы представляют себя в данной роли толковее, умелее и чувствительнее, чем женщины. Как видим, на белорусской выборке половые различия в представлениях о содержании типичных мужских ролей в современных условиях более выражены, нежели на русской выборке. Исходя из этого можно сделать вывод, что происходит преобразование представлений содержания мужской роли, но как мужчина себя чувствует в своей новой роли, еще только предстоит разобраться.

А.И. Ватулин

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС: ФОРМАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА?

Этические нормативы разрабатываются, как правило, профессиональными сообществами. Есть ли в России организации профессиональных психологов? Следует учесть, что лица, имеющие ученую степень по психологии или ученое звание по кафедре или специальности, формально не являются профессиональными психологами. Они профессиональные ученые или педагоги. Профессиональной организацией можно считать официально зарегистрированное в Российской Федерации юридическое лицо в соответствующей организационно-правовой форме, члены которой нацелены на получение дохода в какой-либо сфере деятельности.

По мере своего развития организация формирует стандарты профессиональной деятельности. Они могут включать кодекс профессиональной этики, описание квалификаций специалистов данной обла-

сти, описание основных видов деятельности, программы повышения квалификации, правила сертификации уровня квалификации специалистов и прочее. Считается, что самая многочисленная по составу психологов в стране – общественная организация «Российское психологическое общество» (РПО). Третий съезд РПО, состоявшийся в 2003 г. в Санкт-Петербурге, принял Этический кодекс РПО. Именно на него ссылаются на лекциях большинство вузовских преподавателей.

Однако с официальным вариантом кодекса происходит что-то странное. Сообщается, что он опубликован в печатном органе РПО – «Российском психологическом журнале», в № 1 за 2004 г. Действительно, на с. 37 указанного издания мы находим текст кодекса, но смущает преамбула: «Проект для обсуждения и принятия на III съезде психологов РФ в Санкт-Петербурге в июне 2003 г.». Почему проект – не понятно. В указанном тексте собственно этических принципов – четыре, а текст того же кодекса, расположенный на сайте Санкт-Петербургского психологического общества, содержит пять принципов. Не совсем понятна и трактовка ряда положений. Так, например, в пункте 1.1. читаем: «Психологи являются представителями свободной профессии». Конструкт «представитель свободной профессии» широко распространен в европейской деловой практике и имеет четкое экономическое и юридическое обоснование. В российском деловом обороте он практически не используется. Не совсем корректно содержание статьи 16.1: «В случае серьезных нарушений Этического кодекса РПО может ходатайствовать о привлечении психолога к суду». Перед кем ходатайствовать, и кто определяет степень тяжести содеянного – ни в тексте кодекса, ни в уставе РПО ответа нет.

Обратим внимание на два аспекта. Во-первых, даже если указанный кодекс очистить от неточностей, он не избавится от своей главной слабости – обязательности выполнения его положений только членами РПО. Для психологов, не являющихся членами РПО, следование его предписаниям не обязательно. Во-вторых, в структуре РПО отсутствует орган, осуществляющий контроль соблюдения этических норм и процедур разрешения конфликтных ситуаций. Без его наличия этический механизм не может эффективно работать.

Как положительный пример можно привести одну из профессиональных организаций психоаналитиков – Национальную федерацию психоанализа. Неоднозначное отношение к психоанализу среди ученых и коллег-психологов не мешает психоаналитикам уверенно заниматься профессиональной деятельностью. Ознакомившись с офици-

альными документами указанной ассоциации, можно найти и кодекс психоаналитической этики, и реально избранный орган для арбитража – комитет по этике, и специальные процедуры.

В Германской ассоциации профессиональных психологов нарушения норм этического кодекса рассматриваются судом чести. Для чего это нужно? Хочется напомнить, что профессиональная деятельность предполагает получение дохода – источника существования человека. И специалистам приходится балансировать между двумя стремлениями: во-первых, увеличить свой доход, во-вторых, избежать при этом конфликтов с клиентом, коллегами и нормами законодательства. Этические кодексы для представителей «свободных профессий» – это проводник на этом непростом пути. Нормальный путь развития профессионального сообщества неизбежно приведет отечественных психологов к необходимости создания организации либо по типу профсоюза, либо так называемой саморегулируемой организации, отвечающей за разработку и контроль выполнения стандартов профессиональной деятельности. Только такая организация будет правомочна вводить этические нормативы для профессиональных психологов и требовать их соблюдения.

Н.А. Жужлева

СКЛОННОСТЬ К РИСКУ В ГРУППАХ, РЕШАЮЩИХ ТВОРЧЕСКИЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ ЗАДАЧИ

Исследование влияния групповой дискуссии на характер принимаемых решений привело к открытию феномена «сдвига к риску» (Стоунер, 1961). Групповая дискуссия систематически повышает экстремальность решений, а именно – усиливает первоначальные индивидуальные предпочтения членов группы. Одним из следствий такой поляризации является «сдвиг к риску». На данный момент существует три основных процедуры исследования «сдвига к риску»:

1. Согласованное в группе решение рискованнее, нежели начальные индивидуальные решения членов группы.
2. После согласования решения в группе ее члены принимают более рискованные индивидуальные решения, чем первоначальные.
3. После проведения групповой дискуссии без согласования решения участники принимают более рискованные индивидуальные решения, чем первоначальные.

Менее исследованным аспектом «сдвига к риску» является связь риска с творческим процессом. Ю. Козелецкий в процессе исследования личностных свойств с точки зрения их связи с готовностью к преодолению границ (трансгрессии) отмечал важность готовности к риску. Он интерпретировал трансгрессию в познавательной сфере как творчество, преодоление границ незнаемого, и тем самым – как познавательный риск.

В нашем исследовании мы предполагаем, что на уровне группового процесса решения задачи могут обнаруживаться корреляции между типом задачи (творческим или репродуктивным) и уровнем склонности к риску в групповой дискуссии. Цель данного исследования: выявить, связан ли творческий характер задачи со степенью рискованности группового решения. Основная гипотеза: в групповых решениях будет проявляться большая рискованность при решении творческих задач, нежели при решении репродуктивных задач.

Для оценки риска в групповом решении используются две процедуры:

1. Анализ протокола дискуссии с точки зрения соотношения антиципации гипотез и их контроля (модель индивидуальных тактик Ю.Н. Кулюткина). Отношение количества реплик верификационного контроля (V) к количеству реплик ориентировочного контроля (O), а также отношение количества выдвинутых гипотез к O свидетельствует о склонности к риску и принятию импульсивных решений.

2. Сравнение субъективной оценки принятых решений по трем критериям: вероятность успеха (P), величина возможного выигрыша (W), величина возможного проигрыша (L). Используется непосредственный метод оценки величины. В качестве показателя риска (R) используется «размер ожидаемого выигрыша»: $R = (100 - P) \times L$.

В ходе обработки была выявлена большая рискованность в решении творческих задач по сравнению с репродуктивными, что подтверждает основную гипотезу исследования. Данные, полученные с помощью разных процедур оценки риска, согласованны. При этом изначальный уровень групповой склонности к риску обратно связан с выбором в задаче более или менее выгодной альтернативы. Таким образом, склонность к риску получила свое выражение не только через абсолютные величины субъективной оценки риска, но и через относительную рискованность выбранной альтернативы, что по модели Ю.Н. Кулюткина и свидетельствует об импульсивности тактик, используемых группой.

На данном этапе работы приведенные результаты зафиксированы на уровне тенденции. Анализ полученных результатов дает информацию о том, можно ли рассматривать творческий характер задачи как фактор проявления феномена «сдвига к риску» и позволяет ли подобный подход манипулировать величиной «сдвига к риску». Управление рисками является важной сферой в любой области, которая требует принятия решений. Также встает вопрос, может ли данная схема быть другим типом «сдвига к риску», или же это принципиально иной феномен. Групповая дискуссия позволяет «развернуть» процесс решения задач. Сравнение результатов, полученных разными методами, повышает валидность исследования и расширяет возможности интерпретации. Что, в свою очередь, дает большее количество точек отсчета для дальнейших исследований риска и решения творческих задач в группе.

Н.А. Журавлева

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Формирование различных структур сознания личности, в том числе и ценностной структуры, в большой степени детерминировано теми социально-экономическими условиями, в которых она осуществляет свою жизнедеятельность. Когда в обществе трансформируются социально-экономические условия, люди изменяют свои приоритеты в ценностных ориентациях, адаптируясь к новой социальной среде. Выполненное нами исследование посвящено изучению закономерностей динамики ценностных ориентаций личности под влиянием социально-экономических трансформаций российского общества с 1994 по 2006 г. Одной из основных целей является изучение того, как в динамике ценностных ориентаций личности отражаются кризисные и относительно стабильные социально-экономические условия в исторический период интенсивных макросоциальных изменений.

Для изучения ценностных ориентаций личности нами применялся адаптированный вариант методики М. Рокича «Ценностные ориентации». За шесть исследовательских «срезов», которые уравнивались по социально-демографическим данным, было опрошено 3251 человек – жителей Московского региона. Результаты исследования свидетельствуют о том, что резкие изменения социально-экономических

условий жизнедеятельности, связанные с кризисами 1992–1993 и 1998 гг., сопровождались ярко прослеживаемой динамикой в структуре ценностных ориентаций личности. Следует подчеркнуть, что значимость преобладающей части ценностей, обнаруживших динамику в посткризисном «срезе» 1999 г., продолжала изменяться и в следующем относительно стабильном в социально-экономическом плане периоде («срез» 2001 г.). Это свидетельствует о долговременности и выраженности отсроченных последствий экономической дестабилизации в обществе, проявляющихся в ценностном сознании людей, что может объясняться его инерционными процессами.

Динамика ценностных ориентаций респондентов в период после острого социально-экономического кризиса была выявлена дважды – в 1994 и 1999–2001 гг. В эти периоды динамика ценностных приоритетов характеризуется прежде всего переходом от направленности на этические ценности (честность, воспитанность, исполнительность) и активное проведение досуга (общение с друзьями, развлечения), типичной именно для периодов стабилизации экономических условий, к направленности на творческую самореализацию (творчество, познание, свободу, активную жизнь) и прагматические ценности (твердую волю, предприимчивость, эффективность в делах, рационализм, ответственность), ярко выраженной в периоды макроэкономической дестабилизации. Условия острого экономического кризиса сопровождаются замещением характерной для стабильного общества направленности на этические ценности ориентацией на ценности прагматические. Так, в иерархии инструментальных ценностей опрошенных честность опускается с 1-го рангового места на 4-е, воспитанность – с 9-го места на 14-е, исполнительность – с 15-го места на 16-е. В то же время твердая воля, наоборот, перемещается с 3-го на еще более высокое 2-е место, предприимчивость – с 4-го на 3-е место, эффективность в делах резко поднимается с 13-го на более высокое 7-е место, рационализм – с 17-го на 13-е место, собственность – с 18-го на 17-е место.

Возрастание значимости прагматических ценностей и снижение значимости этических ценностей, вероятно, объясняется тем, что необходимость выживания в сложнейших кризисных условиях нередко сопряжена с допущением нарушения этических норм. Но в условиях социально-экономической стабилизации и улучшения экономической ситуации отмечается возвращение к более выраженной ориентации личности на гуманистическое отношение к окружающему миру, другим людям. Тот факт, что в периоды экономической дестабилизации в обществе менее проявляются ориентации личности на ак-

тивное проведение досуга, по-видимому, связан с уменьшением свободного времени, необходимого для досуга, общения с друзьями (передвижение с 5-го на 6-е ранговое место), развлечений (с 15-го на 17-е место). Возрастание значимости творческой самореализации в условиях ухудшения экономической ситуации в обществе (творчества, переместившегося с 13-го на 11-е место, познания, которое сохраняет 12-й ранг, свободы, поднявшейся с 8-й на 7-ю ранговую позицию, активной жизни, оставшейся на 9-м месте) можно объяснить актуализацией «защитного» психологического механизма в жизнедеятельности личности в условиях высокого общего ее темпа и в целом усложнившейся жизни людей.

А.Н. Капустина

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕАТРАЛЬНОГО ВУЗА

Из всех видов публичных профессий актёрская профессия является наиболее заметной и престижной. По известному высказыванию К.С. Станиславского, актёр как личность является «властителем дум» и носителем ценностей, принятых в современном ему обществе. В связи с этим становится важным исследовать ценностные ориентации в период профессионального становления будущего актёра. В качестве объекта исследования выступили студенты Высшего театрального училища имени М.С. Щепкина Малого театра Москвы. Было обследовано 39 человек 4-го курса, из них 22 девушки, средний возраст – 21,8 года, и 17 юношей со средним возрастом 23,1 года. Все они обучаются актёрской профессии в двух разных группах: 20 человек – в мастерской под руководством заслуженного деятеля искусств Н.Н. Афонина, 19 – под руководством народного артиста России Ю.М. Соломина. В изучении ценностных ориентаций использовались методика С. Шварца и анкета, выявляющая ценности, по которым студенты выбрали профессию актёра.

Анализ результатов, полученных с помощью методики С. Шварца, показал, что при выборе реципиентами ценностей не обнаружены статистически значимые ни половые различия, ни различия между обеими студенческими группами (t-критерий Стьюдента). Совпадение при выборе приоритетных ценностей составило 78 %, при выборе отвергаемых – 93 %. Ранжирование ценностей показало, что к наиболее значимым ценностям относятся те, которые связаны с творчеством, смыслом жизни и самоуважением. На второе место по значи-

мости и юноши и девушки отнесли ценности общения с другими людьми (настоящую дружбу, любовь, чувство принадлежности). При этом юноши на 1-е место поставили защиту семьи (безопасность тех, кого мы любим), а девушки – зрелую любовь (глубокая эмоциональная близость). Третий по значимости ранг занимает список ценностей, связанных с такими понятиями, как мудрость, внутренняя гармония, мир прекрасного, уединение. Наиболее отвергаемыми ценностями для всей выборки явились, прежде всего, власть, затем, уважение традиций, социальный порядок, равенство, взаимоуслужливость. Контент-анализ результатов анкеты также не выявил статистически значимых различий ни по полу, ни по группам.

Основными ценностями при выборе профессии для респондентов явились: самовыражение, познание себя через своих героев, быть в центре внимания, слава, успех, полнота жизни, и на последних местах – творчество, занятие искусством, шутовство, любопытство. Показательным оказался тот факт, что на вопрос анкеты «Каким Вы представляете своё личное и профессиональное будущее через пять лет?» 78 % студентов нашей выборки не смогли конкретно ответить, так как «не загадывают вперёд, живут настоящим днём и надеждой на везение». Только 16 % хотят работать актёром, и именно они хотели бы создать семью; 6 % видят себя «звёздами, богатыми, успешными» и, при этом, не обязательно в своей актёрской профессии. Достаточно выраженная гомогенность ответов при выборе ценностей по этим методикам может объясняться следующим: одним и тем же возрастом респондентов, одной и той же будущей профессией, общей системой театральной педагогики этого вуза и, главное, тесным межличностным общением как в межгрупповом профессиональном взаимодействии, так и внутри своей группы. Отсутствие половых различий, скорее всего, связано с тем, что юноши относятся к художественному типу и соответствуют женскому профилю личности (данные методики Кеттелла). Все эти факторы, несомненно, влияют на формирование общих для них ценностных представлений.

Корреляционный анализ (коэффициент Спирмена, $r = 0,01$) показал, что как предпочитаемые, так и отвергаемые ценности по методике Шварца и ценностные критерии в выборе профессии оказались связанными и образовали обобщённые центрообразующие комплексы ценностей, присущие данной выборке. Прежде всего это ценности ориентаций на себя, на самосовершенствование и творчество. Затем – гедонизм, слава, успех. И, наконец, неконформность – неуважение традиций, власти, свобода мыслей и поступков. Данное исследование

показало, что большинство испытуемых, в основном, не видят себя в профессиональном будущем, а также и то, что у них не достаточно образовалась интериоризация социальных представлений о ценностных ориентирах. А это, в свою очередь, существенно повлияло на непонимание студентами значимости профессии актёра как нравственной единицы общества.

Н.А. Логинова

Б.Г. АНАНЬЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Многосторонность интересов и многогранность научного таланта Б.Г. Ананьева проявилась во многих отраслях психологической науки, не в последнюю очередь и в социальной психологии. На проблеме личности сошлись линии исследований ученого по общей, дифференциальной и социальной психологии. В этом Ананьев – последователь В.М. Бехтерева, который неизменно придавал огромное значение воздействию социальной среды на личность, подчеркивал социальную обусловленность её свойств и поведения. Утверждая детерминизм и объективные методы в психологии, он, вместе с тем, стремился понять природу активности личности, ее способность на героический поступок.

В тридцатые годы XX в. свои первые исследования на стыке дифференциальной и социальной психологии личности провел Б.Г. Ананьев, тогда заведующий лабораторией воспитания Института по изучению мозга и психической деятельности им. В.М. Бехтерева. Исследования были посвящены психологии педагогической оценки и характерологии. Характер нельзя понять вне отношений личности с разными сторонами действительности и в первую очередь с окружающими людьми, общение с которыми формирует исходные – коммуникативные – черты характера личности. Ананьев изучил социально-психологический механизм воспитания личности посредством оценки ученика учителем и одноклассниками. Переход объективных социальных отношений в непосредственном общении в субъективные, а затем и в черты характера – закон, открытый Ананьевым еще в 1930-е гг. В то же самое время он ставит вопрос о восприятии как социально-психологическом феномене, указывая на специфику восприятия человека человеком (психогнозис).

По инициативе Ананьева и при его неизменной поддержке позже, в пятидесятые годы, эта тематика активно начала разрабатываться учеником Б.Г. Ананьева А.А. Бодалевым и его сотрудниками В.Н. Куницыной, В.Н. Панферовым и др. В шестидесятые годы в новой социально-исторической ситуации в стране Борис Герасимович еще более укрепил свое убеждение о необходимости развития социальной психологии. Он заново ставит вопросы о социальном поведении личности, высказывает глубокие мысли о психологических эффектах социализации, а также о патологических социально-психологических явлениях современного общества, таких как одиночество и отчуждение людей при избытии коммуникаций («одинокая толпа»), создание дубового авторитета вне зависимости от продуктивной деятельности человека, манипуляция посредством СМИ.

Высказанные на этот счет мысли ученого стали еще более актуальными в настоящее время. Борис Герасимович в 1960-е гг. вновь поставил самостоятельную проблему социального поведения личности в целом и в разных исторических ситуациях. Ананьев указал, что для изучения социального поведения личности адекватными являются не всевозможные опросники, а биографический метод, естественный эксперимент и наблюдение.

В 1960-е гг. в свою программу комплексных исследований индивидуальности Б.Г. Ананьев включил социально-психологический раздел, считая принципиально важным изучение личности в социальных группах, которые являются для нее микросредой жизни, катализаторами или ингибиторами ее развития. Согласно Ананьеву, личностные особенности определяют положение человека в общности не сами по себе, но в зависимости от характера общности. Стихийное образование микрогрупп в свою очередь регулируется особенностями личности участников процесса общения. Совместимость и несовместимость людей есть одновременно дифференциально-психологическое и социально-психологическое явление.

Б.Г. Ананьев явился организатором социально-психологической науки в СССР, он всеми силами содействовал развитию социальной психологии в России, когда это стало возможным при смягчении политического режима. Было время, когда эта наука находилась в нашей стране фактически под запретом, и Ананьев в послевоенные сороковые вынужденно иногда писал о ее «буржуазности», но уже в пятидесятые он вновь заговорил о ее необходимости и предпринял соответствующие исследовательские и организационные усилия.

Современные социальные психологи многим обязаны Борису Герасимовичу как в плане теоретических основ этой науки, так и в плане ее организации и институционализации. Обращение к творческому наследию Б.Г. Ананьева является важным источником ее дальнейшего развития в новой России.

В.А. Мазилев, М.В. Базиков

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ

Социальная психология совсем недавно отметила 100-летие своего существования: в 1908 г. одновременно были опубликованы две книги, посвященные социальной психологии: в Лондоне – работа Уильяма Мак-Дауголла «Введение в социальную психологию» (McDaugall W., 1908), а в Нью-Йорке – книга Эдварда Росса «Социальная психология» (Ross E.A., 1908). Такая точка зрения является достаточно распространенной, хотя и не единственной. Некоторые исследователи связывают возникновение социальной психологии с основанием Хейманом Штейнталем и Морисом Лацарусом известного журнала “*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*” в 1859 г.

Другие авторы указывают, что есть основания связывать возникновение социальной психологии с появлением психологического направления в социологии и, соответственно, датируют это 90-ми годами XIX столетия. Основателем этого направления можно считать французского социолога Густава Лебона, в 1895 г. он опубликовал известный труд «Психология толпы» (“*Psychologie des foules*”). Между тем некоторые историки психологии полагают, что говорить о социальной психологии как науке можно лишь тогда, когда она начинает использовать экспериментальные методы. В этом случае датировка меняется и датой возникновения социальной психологии становится середина 20-х гг. XX столетия, когда экспериментальные исследования в этой области развертываются достаточно широко.

С.К. Рощин указывает, что назвать отца-основателя социальной психологии не представляется возможным, но одним из наиболее близких к этому титулу он считает французского ученого О. Конта: «Конт планировал разработать “подлинную финальную науку”, под которой он понимал то, что мы называем психологией и социальной психологией. Наука о человеке как существе более чем биологиче-

ском и в то же время более чем просто “сгустке культуры” должна была стать, по Конту, вершиной знания» (Рощин, 2002, с. 30). Сам термин «социальная психология» впервые появляется в работе Э. Дюркгейма (1887).

Глубокий анализ становления социальной психологии проделан Б.Д. Парыгиным, который отмечает, что различия во взглядах «вызваны прежде всего склонностью ряда исследователей к видению ее генезиса в качестве одноактного и однозначного феномена, что особенно очевидно в случаях фиксирования даты рождения науки подобно тому, как мы говорим о рождении ребенка. Сказывается при этом недостаточная договоренность о предмете науки, разницей в критериях при определении ее истоков в лоне различных научных дисциплин» (Парыгин, 2003, с. 77). Наиболее обоснованной представляется позиция Б.Д. Парыгина, согласно которой «становление мировой социально-психологической мысли и науки – многоактный, многозначный и протяженный во времени процесс перехода от очень удаленных и первоначально научно неосознаваемых предпосылок, практического опыта общения к попыткам его осмысления и анализа, постепенно перерастающим в течение социально-психологической мысли, а затем и в систему научного знания» (Парыгин, 2003, с. 94).

Если говорить о выделении социальной психологии в самостоятельную дисциплину, полезно сравнить этот процесс с процессом становления психологии как самостоятельной науки. При этом необходимо учитывать как внутреннюю, так и внешнюю историю выделения психологии в самостоятельную дисциплину (Мазилев, 1998). Вундт поставил задачу конституировать психологию как самостоятельную дисциплину. Прежде всего ему пришлось доказать, что психология, вопреки кантовской критике, соответствует образцу эмпирической науки. Он реализовал так называемую «двойную программу», неявно заданную Кантом (см. Мазилев, 1998), т. е. реализовать принятый научным сообществом (в отношении психологии) стандарт. Далее ему понадобилось определить предмет психологии, отличный от философского, выработать метод, задать логику этой дисциплины (через определение базового понятия и системы психологических категорий).

Отметим, что ситуация с выделением социальной психологии радикально отличается от процесса выделения психологии в самостоятельную науку: здесь фактически не было «отца-основателя», поставившего перед собой такую задачу. Соответственно, не было необхо-

димости строго фиксировать предмет этой науки. Можно сказать, что социальная психология формировалась по объекту своих исследований. Как представляется, исследования методологических оснований выделения социальной психологии в самостоятельную научную дисциплину должны быть продолжены.

Б.Д. Парыгин

ФИЛОСОФСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ В СУДЬБЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Несмотря на несомненные успехи современной мировой и отечественной социальной психологии, все более очевидным становится отставание в развитии ее общей теории (см.: Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999. С. 211) от расширяющегося поля практических проблем и вызовов времени, несущих в себе колоссальный заряд непредсказуемости социальных и природных кризисов и катаклизмов, порожденных во многом деформацией человеческих как институциональных, общностных, так и межличностных отношений. Названная трудность, по нашему мнению, явилась следствием разрыва между гуманитарной ориентацией, главным образом, философии, обращенной к внутреннему, духовно-нравственному миру личности, и естественно-научной направленностью исследований человека как продукта биоэнергетической детерминации.

Эта тенденция наметилась на рубеже XIX–XX вв. и обернулась в 20-е гг. XX в. уже полным размежеванием в методах исследования между философией и практически-прикладными разделами социологии и социальной психологии, нацеленных на обязательную верификацию теоретических постулатов. Однако еще в знаменитой книге Гегеля «Феноменология духа» (1807) в какой-то мере имплицитно, а столетие спустя и в статье его последователя Гуссерля «Философия как строгая наука» (1911) уже вполне отчетливо просматривалось критическое отношение к «психологизму» как отступлению от чистой научности, несводимой к описанию фактов и наблюдений. Здесь же можно было найти и мотив предостережения об опасности «психологизма» как влияния личностных особенностей исследователя на восприятие и толкование результатов его изысканий.

Возможен был и третий мотив алармистских настроений по поводу перспектив и последствий обозначенного выше разрыва между потенциалами философского и естественно-научного подходов к иссле-

дованию человека в контексте человеческих отношений. Его суть сводилась к вопросу: гарантирует ли разнонаправленность и одновременно несогласованность результатов исследований возможность полноты постижения многомерности человека? Чем, в частности, можно объяснить не только расхождение (что допустимо и естественно), но и принципиальную конфронтацию классиков мировой социальной психологии по поводу трактовки ими таких фундаментальных категорий, лежащих в основании всей пирамиды научного знания о человеке, какими являются понятия: «психологическая защита», «социально-психологический барьер» «психическая саморегуляция личности» и др. (см.: Парыгин Б.Д. Проблема толкования субординации категорий социальной психологии // Социальная психология сегодня: наука и практика: Матер. VI Межвуз. научно-практ. конф. 18 марта 2011 г. С. 13). Стоят ли за этим издержки «психологизма» как следствие влияния индивидуальности ученого на ход его творческой деятельности? Или здесь сказывается результат психологической неготовности научного сообщества к обеспечению эффективности диалога?

О возможности воздействия психических особенностей личности исследователя на достоверность его результатов, по крайней мере с точки зрения самих представителей области естественных наук, скорее есть основания говорить позитивно. Всемирно известный астрофизик Стивен Хокинг так писал об этом применительно к личности Ньютона: «Рассказ о том, что Ньютона вдохновило яблоко, упавшее ему на голову, почти наверняка недостоверен. Сам Ньютон сказал об этом лишь то, что мысль о тяготении пришла ему в голову, когда он сидел в “созерцательном настроении”, и “поводом было падение яблока”» (Стивен Хокинг. Краткая история времени. СПб., 2009. С. 17).

Применительно же к ситуации трудностей достижения согласия между социальными психологами в их толковании сущности названных выше фундаментальных категорий причина вероятнее всего состоит в их преимущественной ориентации на постижение уникальной неповторимости изучаемых явлений, а не абстрагированных от них суррогатных стереотипов и шаблонов, равно как и на не столько вербализованный, сколько инструментально выверенный аппарат и технологии обеспечения репрезентативности результатов исследования. Здесь как раз и сказался результат разрыва между философскими и естественно-научными традициями в построении стратегии и методов обеспечения достоверности результатов исследования.

И.В. Плаксина, Л.В. Тихомирова

СУБЪЕКТИВНО-САМООЦЕНОЧНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЛИЦ

Качество жизни является одним из главных показателей благополучия общества в целом и отдельных его граждан. В исследованиях Г.М. Зараковского (2009) качество жизни раскрывается как системное понятие, включающее объективные характеристики жизнедеятельности и условий жизни, и субъективные оценочные характеристики, отражающие отношение субъекта к реалиям его жизни. Зараковский выделяет психологические составляющие качества жизни, которые образуют два принципиально различных класса: субъективно-оценочные составляющие и объективно-оценочные составляющие. В качестве субъективно-оценочных составляющих качества жизни выступают эмоционально-когнитивные оценки человеком собственной жизни и её элементов. Они подразделяются на преимущественно эмоциональные (чувство удовлетворенности, радости) и преимущественно когнитивные (мнения и суждения).

Анализ современной литературы позволил сформулировать проблему исследования: влияет ли уровень образования и уровень материального достатка на удовлетворённость качеством жизни. Целью нашей работы стало выявление отличий в субъективно-оценочных составляющих качества жизни лиц с разным достатком и разным уровнем образования. В качестве диагностических средств был подобран блок методик, отвечающий цели исследования и позволяющий оценить параметры эмоциональной составляющей качества жизни: уровень субъективного благополучия, приспособленность, жизнестойкость. Для выявления когнитивной составляющей качества жизни была разработана анкета «Качество жизни». Для выявления достоверности различий в исследуемых параметрах были использованы Q-критерий Розенбаума.

В исследовании приняли участие работники инструментально-механического завода г. Владимира: 30 человек с высшим образованием в возрасте 25–45 лет, 15 мужчин и 15 женщин, и 30 человек со средним образованием в возрасте 25–46 лет, 15 женщин и 15 мужчин. В ходе исследования проверялись разные рабочие гипотезы. Деление выборки по половому признаку и уровню заработной платы с последующим сравнением исследуемых параметров не выявило достовер-

ных различий в оценке качества жизни. В то же время гипотеза о различиях в оценке составляющих качества жизни лицами с разным уровнем образования подтвердилась.

Анализ полученных данных показал, что параметр субъективного благополучия на достоверном уровне выше в группе лиц с высшим образованием ($p \leq 0,01$). Сравнение результатов исследуемых групп по субъективной оценке стрессовой нагрузки выявило, что процентная доля численности лиц, находящихся в переходной фазе стрессовой нагрузки, на достоверном уровне выше в группе лиц со средним образованием ($p \leq 0,01$), что свидетельствует о склонности к чрезмерным переживаниям и неумении мобильно принимать решения. Также параметры жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) и приспособленности в сфере здоровья и эмоциональных переживаний на достоверном уровне выше в группе лиц с высшим образованием ($p \leq 0,01$). Анализ ответов на вопросы анкеты «Качество жизни» выявил достоверные различия в пользу лиц с высшим образованием по следующим параметрам: удовлетворенность семейной жизнью и творческой самореализацией, позитивное отношение к переменам, целеполагание и уверенность в жизни, внутренняя мотивация в профессиональной деятельности ($p \leq 0,01$).

Результаты исследования дают возможность сделать ряд выводов и предположений: развитие познавательных способностей, широкий кругозор, способность к рефлексивной оценке происходящего, разнообразие когнитивных стилей мышления, формирующихся в образовательном процессе, способствуют развитию жизнестойкости, эмоциональной лабильности, целеустремленности и в целом удовлетворенности жизнью. Полученные результаты особенно актуальны в ситуации реформирования высшего образования. Качество жизни и качество образования – это главные акценты национальной идеи России XXI в., реализация которых определяется качеством самой государственной политики внутри России. Можно предположить, что реформирование системы высшего образования приведет к снижению уровня удовлетворенности качеством жизни.

Л.Г. Почебут

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОБЩЕСТВА И ДОВЕРИЕ ЛЮДЕЙ ДРУГ К ДРУГУ

Социальная психология в настоящее время становится важнейшей гуманитарной наукой. Социальные факторы, отражающие взаи-

моотношения людей, стали определяющими в развитии общества. Понятие «капитал» было значительно расширено, стали изучаться разнообразные виды капитала: экономический, финансовый, человеческий, социальный, креативный. Социальный капитал является социально-психологическим понятием, именно с его помощью можно объяснить психологические корни развития и состояние современного общества. Социальный капитал, по данным зарубежных ученых, существенно повышает интенсивность развития и конкурентоспособность страны, адаптационный потенциал и интеллектуальные возможности конкретного человека. Под социальным капиталом американский ученый Р. Патнэм понимает особенности социальных взаимоотношений, принципы, нормы, социальные сети, оказывающие существенное влияние на благосостояние общества. Эти социальные отношения сложились исторически, они устойчивы к изменениям социальных условий, глубоко вплетены в психологический менталитет народа.

В настоящее время и за рубежом и в нашей стране социально-психологические аспекты социального капитала остаются почти неизученными. Понятие «социальный капитал» является новой категорией социальной психологии, новым феноменом, открытым в других областях гуманитарного знания. На кафедре социальной психологии СПбГУ социальный капитал определяют как социальное богатство личности, которое выражается в совокупности ее межличностных связей, предоставляет ей доступ к различным ресурсам партнеров и дает возможность партнерам пользоваться ее ресурсами. Социальный капитал – это взаимосвязи, нормы, взаимное доверие, способствующие эффективному развитию социальной организации и психологическому раскрытию личности. Это исключительно социально-психологический феномен, поскольку социальный капитал рождается в процессе взаимодействия людей. Он основан на социально-психологической природе человека, так как выявляет и активизирует социальные, физические, интеллектуальные, эмоциональные и прочие ресурсы личности. Социальный капитал позволяет личности стать социально богатой, в максимальной степени проявиться как общественное существо. Понятие социального капитала расширяет психологическое понимание природы личности, позволяет сочетать наполненность ее внутреннего мира (зрелость, самодостаточность, самоактуализацию) и надежность, доверительность и взаимность ее внешнего социального мира. Социальный капитал основан на качестве социальных связей, их надежности и абсолютном доверии. Это нравствен-

ные взаимоотношения людей. Социальный капитал накапливается личностью и становится совокупным богатством общества.

Условия накопления социального капитала: 1) нормы взаимности; 2) гражданская (общественная и трудовая) активность людей; 3) доверие друг к другу. Доверие между людьми имеет первостепенное значение при формировании надежных, долговременных отношений. Оно основано на взаимных ожиданиях людей заинтересованного, честного и сотрудничающего поведения, опирающегося на общепринятые нормы.

В 2010 г. нами было проведено исследование по теме: «Межэтническое доверие». Было опрошено 66 респондентов. Из них 28 респондентов принадлежали к русскому этносу, 28 – к чеченскому этносу и 10 респондентов – к ингушскому этносу. Цель исследования состояла в изучении уровня взаимного доверия в межэтнических отношениях. Нами был адаптирован тест, разработанный С. Ямагучи. Измерялся уровень доверия респондента к окружающим людям и уровень доверия, которое, по мнению респондента, оказывает та этническая общность, к которой он принадлежит. По степени совпадения ответов можно судить о величине этнической идентичности с данной общностью и о величине этнической предубежденности.

Обнаружено, что молодежь в меньшей степени доверяет людям (генерализованное доверие) и проявляет более низкий уровень межэтнического доверия, чем люди старшего поколения. Такое отношение молодежи можно объяснить тем, что период их взросления связан с распадом СССР, многочисленными межэтническими конфликтами и террористическими актами, отсутствием тесного доброжелательного и добрососедского общения с кавказскими народами. Обнаружено также, что жители Кавказа в большей степени доверяют русским, чем русские доверяют им. Вывод: в набор методик по изучению этнической идентичности целесообразно добавить методику по измерению уровня межэтнического доверия.

Л.Г. Почебут, Л.В. Марарица

СТРАТЕГИИ НАКОПЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЛИЧНОСТИ

Социальный капитал – это социальное богатство личности, которое выражается в совокупности ее межличностных связей, предоставляет ей доступ к различным ресурсам партнеров и дает возможность

партнерам пользоваться ее ресурсами. Понятие социального капитала позволяет психологом рассмотреть межличностные отношения под новым углом – инструментальным. Каждый человек сознательно или по наитию решает для себя вопрос о том, как выстраивать свое окружение, как обмениваться различными ресурсами с партнерами по социальной сети. Вопрос о стратегиях накопления и использования социального капитала личности является совершенно новым и неисследованным, нет работ, где были бы сформулированы сами стратегии и критерии их выделения. Перед тем как перейти к описанию предлагаемых нами стратегий, стоит очертить критерии отдаленного осознанных стратегий от спонтанного поведения.

1. Стратегия должна быть целенаправленной. Главная цель всех описанных стратегий – получить «хороший» социальный капитал. Данная цель конкретизируется в рамках каждой из стратегий в виде той или иной структуры социального капитала личности и ее состояния.

2. Стратегия должна быть эффективной, если личность ее носителя учитывает и соблюдает групповые требования и особенности социальной ситуации. Соответственно, существуют личностные и социальные (те, которые задаются социальной группой) факторы успешности применения стратегии.

3. Стратегия должна быть более или менее осознанной, от чего будет зависеть ее гибкость, возможность осмыслить и изменить ее в случае смены обстоятельств. Если же стратегия не осознанна, ее можно считать привычной моделью поведения, не связанной с целями накопления и использования социального капитала. Таким образом, стратегия – это инструмент, поэтому она должна быть эффективной, применяться осознанно и работать на достижение целей человеком.

В нашей работе нам удалось выделить и описать четыре стратегии. Они были сформулированы на основе анализа конкретных случаев по структурной модели социального капитала личности. В основе выделения этих стратегий лежат два критерия: ориентации на взаимность – на себя и ориентации на краткосрочные – долгосрочные вложения в социальные контакты. Стратегия «Разумный альтруизм» возникает при условии сочетания двух критериев: ориентация на долгосрочные вложения и опора на взаимность. Можно предположить, что человек с подобной стратегией готов отдавать свои ресурсы в настоящее время ради увеличения потенциального социального капитала в будущем. Человек, прибегающий к данной стратегии, накапливает «позитивное напряжение» в своей социальной сети, расширяет

ее. Он рассчитывает, что при необходимости он с легкостью получит отдачу, возможно, даже в большем объеме, чем вложил. Стратегия «Взаимный обмен» предполагает также два критерия: ориентацию на краткосрочные вложения и на взаимность партнеров. При такой стратегии можно говорить скорее о поддержании баланса в обмене ресурсами с партнерами, о желании видеть ответ, благодарность или выигрыш от обмена в настоящем. Человек не ставит перед собой целей расширения социального окружения или увеличения потенциального социального капитала, его активность направлена на поддержание контактов и взаимовыгодный обмен. Стратегия «Межличностный прагматизм» возникает на основе критериев: ориентация на себя и на краткосрочные вложения. Личность с доминированием такой стратегии старается выкачать как можно больше ресурсов из той социальной сети, в которой состоит, не заботясь о будущем отношений с данным окружением. Стратегия «Инвестирование в себя» основывается на ориентации на себя и на долгосрочные вложения. При данной стратегии главное – накопить ресурсы, стать важной для социального окружения фигурой, которую каждый или определенный круг людей хотел бы видеть своим партнером.

Безусловно, человек не использует только одну стратегию, скорее можно говорить о доминировании той или иной стратегии в его поведении и о том, что существует некий профиль, диапазон стратегий у каждого из нас. Остается открытым вопрос о том, использует ли человек одну и ту же стратегию в разных сферах социальной жизни (работа, родственные отношения и т. д.), о том, как при исследовании отделить стратегию от «наивного поведения», в котором не ставится цель накопления социального капитала. В настоящее время перед нами стоит задача разработать инструмент для определения того, к какой стратегии привержен тот или иной человек.

А.Л. Свенцицкий

ВСЯ ПСИХОЛОГИЯ – СОЦИАЛЬНАЯ!?

Дискуссии о том, какой наукой является психология – естественной или общественной, давно уже ушли в прошлое. Общепринято, что психология выступает связующим звеном между естественными и общественными науками. При этом человеческая психика рассматривается как своеобразный сплав природного и социального. Часто бывает невозможно сказать, что преобладает в той или иной психиче-

ской реакции человека – специфичность его естественного организма или субъективный ответ личности на определенное воздействие социальной среды. Напомним, что Б.Г. Ананьев называл психологию наукой антропологической (по-видимому, вполне сознательно обходя здесь своим вниманием зоопсихологию), поскольку был увлечен именно человекознанием. Если же обратиться к провозглашенному в нашем заголовке тезису, то прежде всего следует отметить, что, признавая соответствующую роль нейробиологических основ функционирования человека как личности, невозможно игнорировать и факторы социальной регуляции психических явлений индивида. Обратимся к некоторым из этих факторов.

Говоря о величине абсолютных порогов чувствительности того или иного анализатора, обычно отмечают зависимость этих порогов от ряда различных условий, в том числе и от характера деятельности данного человека. Все это является доказательством того, что человеческие ощущения развиваются под влиянием условий социальной жизни, которые в одних случаях могут стимулировать развитие природных свойств человека (Я.Л. Коломинский), а в других, наоборот, задерживать их проявления (Б. Малиновский).

Всем хорошо знакомы примеры свойственных человеку зрительных иллюзий. Называемое при этом одно из объяснений таких иллюзий состоит в том, что жизненной практикой выработаны определенные приемы зрительного восприятия. Однако жизненная практика представителей различных (в том числе этнических) общностей может быть различной. Так, эксперименты американских и английских психологов показали, что существуют межкультурные различия в восприятии геометрических иллюзий. Подобные данные были получены советским психологом А.Р. Лурия в 1930–1931 гг., но не были опубликованы.

Еще одним примером социальности восприятия можно назвать перцептивную защиту – сопротивление восприятию беспокоящих или угрожающих раздражителей. Американские психологи обнаружили, что неприятные вербальные стимулы поднимали порог распознавания. Социальный характер восприятия вообще хорошо виден на примере апперцепции, связанной с такими социально-психологическими явлениями, как категоризация. Любое познание начинается с концентрации внимания человека на чем-либо. Нетрудно найти социально-психологическую обусловленность различных видов внимания и его свойств.

Если обратиться к таким познавательным процессам, как память, мышление и воображение, то следует отметить, что при безусловном признании физиологического фундамента данных процессов, очевидна их социально-психологическая составляющая. Неслучайно социально-когнитивный подход является сейчас наиболее распространенным в западной социальной психологии. Проблемы отбора информации, ее интерпретации и использования при вынесении суждений и принятии решений широко рассматриваются современными социальными психологами.

Говоря о перспективах развития психологической науки, следует подчеркнуть важную методологическую роль работ Б.Г. Ананьева, выдвинувшего идею становления системы человекознания, основанной на междисциплинарных связях. Подобные связи должны существовать в целостной совокупности психологических наук. Действительно, какую бы из них мы ни взяли, в каждой присутствует в той или иной степени социально-психологический компонент в силу неотъемлемой социальности человека. Одной из черт позитивного будущего автору видится все более широкое участие социальных психологов в комплексных исследованиях, проводимых совместно представителями ряда психологических дисциплин.

Н.И. Семечкин

АГРЕССИЯ – ДОМИНИРУЮЩИЙ СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Войны – исключительно человеческое занятие и поведение. Они являются неотъемлемым фактом истории и культуры человечества. В обыденном сознании война и вообще агрессивность ассоциируются с дикостью, варварством, неразвитостью, словом, нецивилизованностью. Если следовать логике таких представлений, то необходимо предположить, что чем дальше уходит человек от своей первобытности, тем менее агрессивным и воинственным он становится. Но в реальности все обстоит иначе и факты свидетельствуют об обратной тенденции – чем более «цивилизованным» становится человечество, тем агрессивнее себя ведет. Европейская история пятисот последних лет – наглядное тому подтверждение. В книге Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» приводится на этот счет красноречивая статистика – с 1500 по 1599 г. в Европе произошло 87 военных сражений, с 1600 по 1699 их было уже 239, с 1700 по 1799 г. – 781,

с 1800 по 1899 г.– 651, с 1900 по 1940 г. – 892. А вот сводный итог, который содержится в книге А. Монтегю «Природа человеческой агрессии», изрядно характеризующий облик и поведение Homo sapiens (sapiens): в течение последних приблизительно 5600 лет, т. е. за период так называемой «писаной» истории, произошло более 14600 войн, в среднем около трех войн в год. Но помимо крупномасштабных, исторических войн и сражений миллиарды людей повсеместно, ежедневно вели и ведут неисчислимое множество минивойн и микробоев личного, семейного, группового значения. Жестокость и насилие в межличностных отношениях, убийства и избиения в семьях и на улице, разбои, грабежи, похищения, террор, оскорбления и т. д. – все это специфические паттерны человеческого поведения. Собственно говоря, все современные авторы, исследующие проблему человеческой агрессивности, сходятся во мнении, что главной современной угрозой существованию человека является сам человек.

Уже первые опыты самопознания принесли человеку немало разочарование. Большинство мифологий мира содержит сюжет о грехопадении людей и изгнании их из Рая. Но это в мифологии. А как обстояло дело с самоощущением конкретных авторов? Точно так же, как в мифологии. Древнегреческий поэт и мыслитель Гесиод характеризовал своих современников как злых, жестоких, безжалостных «железных» людей. Конечно, можно предположить, что автору поэмы «Труды и дни» не повезло с современниками. Но вот прошла тысяча лет, и уже другой мыслитель, философ-богослов Августин Блаженный (354–430) вновь говорит о порочности, первородной греховности человеческого рода. Жадность, злоба, зависть, подлость, утверждает Августин, присущи человеку от рождения до смерти. Минула еще тысяча с лишним лет, и уже английский философ Томас Гоббс (1588–1673) приходит к огорчительному выводу, что естественным состоянием человека является «война всех против всех». Правда, позднее эпоха Просвещения породила веру в возможность смягчения людских нравов. Философы той поры, а также русские интеллигенты XIX и частично XX вв. оптимистично полагали, что развитие науки и распространение знаний (просвещение) приведут к облагораживанию человека, к гуманизации его природы. Понятно, что с позиций данного подхода корни зла усматривались в невежестве, необразованности людей. Кстати, эти идеи чрезвычайно популярны до сих пор. Сбылись ли ожидания, связанные с просвещением? Скорее всего, нет. Просвещенность только усугубила проблему. Ведь уже в XX в. наиболее известные и авторитетные ученые, каждый со своих теоретических

позиций, вновь вынуждены констатировать: человечество неестественно, патологически агрессивно. Это утверждают Зигмунд Фрейд («По ту сторону принципа удовольствия»), Конрад Лоренц («Агрессия. Так называемое зло»), Десмонд Моррис («Голая обезьяна»), Ирениус Эйбл-Эйблсфельд («Любовь и ненависть»). Я здесь уже не говорю о дилетантской, но очень хлестко изложенной точке зрения Роберта Ардри («Адам пришел из Африки», «Адам и его территория»), где автор вообще характеризует человека как хищника, в природу которого заложен инстинкт вооруженного убийства. Так или иначе, но в любом случае человека не упрекнешь в недостатке агрессивности. На основании этого многие исследователи высказывают предположение, что человек, по-видимому, самое агрессивное животное на планете. Арсенал паттернов его агрессивности не поддается учёту и исчерпывающему описанию.

В.Е. Семёнов

ДОСТОЕВСКИЙ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ И РОССИЙСКАЯ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТЬ

Известно, что великий русский писатель Ф.М. Достоевский (1821–1881) весьма скептически относился к современной ему психологической науке, которая в те времена была описательной и интроспективной дисциплиной, т. е., по сути, мало отличалась от методологии писательского творчества. Только незадолго до смерти писателя Вильгельм Вундт в 1879 г. создал в Лейпциге первую в мире лабораторию экспериментальной психологии. Впрочем, и её работа навряд ли удовлетворила бы Достоевского, который полагал, что тогдашние психологи слишком упрощённо подходят к пониманию человеческой души. Вместе с тем творчество Достоевского произвело значительное впечатление на психологов и психиатров уже в XIX в. и ещё большее – на представителей психоанализа во главе с З. Фрейдом. Многие в психоанализе было предвосхищено писателем, но Достоевский был более социален и адекватен в понимании человека и его психики. Психологический гений Достоевского обусловлен как природной одарённостью, так и уникальными особенностями его биографии, широтой жизненного опыта и пережитых экстремальных ситуаций. В результате возник исключительный феномен психологической пронациональности, эмпатии, всепонимания, «протеизма».

Анализ произведений писателя, проведённый мною, позволяет реконструировать социально-психологическую концепцию человека, которой он руководствовался сознательно и интуитивно в своём творчестве:

– Человек чрезвычайно сложен, сложнее привычных стереотипов Добра и Зла. Он воистину единство и борьба противоположностей, он диалектичен. Научные абстракции слишком сухи и тощи, чтобы правильно понять человека. «С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион!».

– Человек не только «человек разумный» (когнитивный), но и «человек страстный» (эмоциональный, аффективный). Причем разум – это не только благо, но нередко и зло. Недаром именно злодеи, вроде Петра Верховенского, Смердякова, Ставрогина, отличаются рационалистичностью. Идеалом для Достоевского является прежде всего «сердечный» человек (князь Мышкин, Алеша Карамазов, Соня Мармеладова и др.).

– Человек вполне общественное, коллективное существо. Перефразируя название офорта Гойи, «одиночество порождает чудовищ». Именно в одиночестве Раскольников выдумывает свою наполеоновскую теорию вседозволенности. Зато положительные герои всегда среди людей, почти по-детски открыты, общительны.

– Человек обладает свободной волей. Он отвечает за свои поступки, не следует абсолютизировать влияние среды («Сорокалетний бесчестит десятилетнюю девочку – среда что ли его на это понудила?!»). Однако существуют аффективные состояния, когда человек не может контролировать свои поступки.

– Счастье человека «не в комфорте», а в любви к другим людям, которая так или иначе возвращается к нему (Соня и каторжные, Алеша Карамазов и дети). Люди, не способные на это, человеконенавистники гибнут, так как не выносят даже самих себя (самоубийства Ставрогина, Смердякова, Свидригайлова).

С другой стороны, не следует закрывать глаза и на человеческое «подполье», т. е. все тёмное в недрах человеческой психики. Когда в 1990-х гг. я разрабатывал свою концепцию российской полиментальности, именно у Достоевского я нашёл образное личностное воплощение базовых типов российских менталитетов (православно-русский, общинно-коллективистский, индивидуалистско-капиталистический и криминально-групповой). Это были братья Карамазовы из одноименного романа: глубоко верующий, светлый и добродетельный инок Алёша, аффективно-импульсивный, экстравertiрованный

отставной офицер Дмитрий, рационалистично-скептический интровертированный индивидуалист Иван и их сводный брат – психопатичный маргинал отцеубийца Смердяков. Эти ментальные типы продолжают существовать и эволюционировать и в современной России. Достоевский остаётся чрезвычайно актуальным и эвристичным писателем и в наше время, в частности и особенно для социальных психологов, что будет показано в докладе.

Е.А. Сергиенко, Н.Н. Таланова

МЕНТАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОНИМАНИЯ РЕКЛАМЫ ДЕТЬМИ 3–6 ЛЕТ

Дети обладают большой притягательной силой для рекламы, что связано с огромными возможными расходами на товары для детей. В истории этого вопроса основной акцент делался на воздействии и возможностях понимания рекламы для детей с позиций информационных теорий. Наиболее адекватным для изучения когнитивных механизмов понимания рекламы может стать подход «Модель психического» или Theory of Mind, но в настоящее время подобные работы отсутствуют. На основании предположений, что социальные воздействия опосредуются внутренними ментальными моделями, выступающими как когнитивные «фильтры» понимания социальных сообщений и воздействий, в нашей работе была выдвинута гипотеза, что понимание телевизионной рекламы детьми 3–6 лет тесно связано с уровнем развития модели психического. Модель психического понимается как некоторая система концептуализации знаний о своем психическом и психическом других людей.

В исследовании для оценки развития модели психического использовались 3 задачи, которые являются ключевыми для модели психического и необходимыми для понимания социальных воздействий (две задачи на понимание обмана, задача на понимание эмоций). Понимание обмана требует сопоставления своей модели ситуации с моделью ситуации Другого, что позволяет при сравнении ментальных моделей воздействовать на мнение Другого. Второй задачей на понимание обмана служил тест «Салли-Энн», который направлен на понимание неверного мнения и используется во многих зарубежных исследованиях. Для оценки на распознавание базовых эмоций (радости, печали, страха и гнева) служил тест распознавания эмоций по фотографиям (авторский вариант) и по пиктограммам (Howlin et

al., 1999). Задачи на развитие модели психического были дополнены нарративными заданиями, направленными на анализ представлений о понимании детьми ментальных состояний и их причин в процессе социальных взаимодействий (морально-нравственных аспектов поведения Другого, причин действия, эмоций, а также понимание ментального состояния Другого).

Разработаны три нарратива, отражающие типичные социальные взаимодействия детей: ситуация взаимодействия ребенка с ребенком, ситуация взаимодействия ребенка с родителем, ситуация взаимодействия ребенка с чужим взрослым. Обязательным условием исследования являлась оценка уровня психометрического интеллекта. Для изучения понимания социальных воздействий были подобраны три типа телевизионных рекламных сообщений (по два примера на каждый тип): коммерческая реклама детских продуктов питания, адресованная взрослым (Фруто-няня и Киндер-делис), реклама игрушек, адресованная детям и взрослым (Лего и Беби-Анабель), и социальная реклама, широкой адресации, пропагандирующая семейные ценности (Сюжеты о детях-сиротах и ценностях семьи).

Всего в исследовании приняли участие 70 детей четырех возрастных групп: 3, 4, 5, 6 лет, типично развивающихся, посещающих детские сады Москвы. Результаты исследования позволили выявить возрастную динамику понимания рекламы в дошкольном возрасте. Детям 3–4 лет сложно понять смысл и сюжет рекламных роликов. В большинстве случаев дети вычлениют отдельные части сюжета без полного понимания увиденного или констатируют увиденные отрывки. К 5–6 годам дети хорошо понимают смысл рекламы, распознают эмоции персонажей, могут объяснить морально-нравственные аспекты их поведения. В этом возрасте дети способны не только понять смысл увиденной картины, но и раскритиковать, приводя верные доводы. Социальная реклама как вид пропаганды доступна только детям 5–6-летнего возраста и отстает в возможности понимания от коммерческой рекламы. По-видимому, в основе понимания рекламы у детей дошкольного возраста лежит модель психического – способность понимать собственные психические состояния и состояния Другого.

Показана тесная взаимосвязь понимания рекламы и уровней модели психического. Модель психического выступает внутренним механизмом понимания социальных взаимодействий и воздействий. В пользу данного предположения свидетельствуют тесные корреляционные связи задач на понимание психического и нарративов, отража-

ющих понимание социальных взаимодействий. Структура, лежащая в основе понимания рекламы, изменяется с возрастом: от необходимой тесной взаимосвязи составляющих модели психического и различных рекламных сообщений, что отражает ситуативно-зависимую структуру ментальной организации, к ситуативно-независимой, предполагающей большую доступность в понимании.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 11-06-00013.

О.В. Соловьева

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ КАК МЕХАНИЗМ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ

В социальной психологии роль обратной связи в межличностном общении рассматривается двояким образом, причем различие существующих подходов к обратной связи обычно не рефлексивируется исследователями. В предложенной Г.М. Андреевой логике выделения трех сторон целостного процесса общения – коммуникативной, интерактивной и перцептивной – обратную связь можно рассмотреть как важную составляющую каждой из трех сторон общения (Соловьева, 1992). При рассмотрении коммуникативной стороны общения обратная связь – «сообщения, которые человек посылает в ответ на сообщения другого» (Андреева, 2002, с. 152) – выступает как механизм, обеспечивающий осуществление общения как процесса, поскольку она реализует замыкание цепи циркулирования информации в «коммуникативном контуре». При этом акцент делается на содержании происходящей коммуникации как обмена информацией. Обратная связь рассматривается как «интерпретация смысла», как «приращение информации» (Там же). Такую трактовку обратной связи мы условно обозначили как широкую, и она является преобладающей в литературе (Соловьева, 2007).

В узком смысле принцип обратной связи, заимствованный из кибернетики, используется в социальной психологии как связывающий между собой две стороны общения – коммуникативную и перцептивную. В этой трактовке обратная связь определяется как сообщаемые коммуникатором реципиенту «сведения относительно того, как, каким он воспринят» в деятельности и общении (Петровская, 1981, с. 152). При этом акцент делается на восприятии самого говорящего и его проявлений в деятельности и общении (его личности, стиля пода-

чи им информации). Таким образом, важное различие двух подходов к рассмотрению обратной связи в общении в социальной психологии связано с местом, которое занимает межличностное общение (а точнее, общение вообще) в каждом из этих подходов к обратной связи. При широкой трактовке межличностное общение является лишь пространством, в котором обратная связь циркулирует (таким пространством может выступать и массовое общение). При узкой трактовке межличностное общение (его коммуникативная, интерактивная и перцептивная составляющие) является еще и предметом, по поводу которого дается обратная связь.

Можно сказать, что обратная связь в узком значении является частным случаем обратной связи в широком значении, но при этом надо иметь в виду, что этот частный случай настолько специфичен, что меняет характер протекания коммуникативного процесса, сдвигая фокус происходящего в нем с содержания коммуникации на ее участников (их проявления в деятельности и общении) и восприятие ими друг друга. Обратная связь в этом случае становится механизмом межличностного общения не только в том смысле, что имеется в виду процесс диадического общения, но и потому, что в фокусе внимания исследователей оказываются партнеры по общению – именно как личности, а содержанием их коммуникации становятся они сами или один из них («обратная связь от личности к личности и по поводу личности»).

Такой подход к обратной связи в нашей стране был начат работами Л.А. Петровской и ее учеников на кафедре социальной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова в конце 70-х годов прошлого века. Первые исследования межличностной обратной связи в этом узком смысле проводились параллельно на материале социально-психологического тренинга и реальных групп. В настоящее время эта традиция исследований развивается и дифференцируется (Соловьева, 2007).

А.Б. Сорокина, А.М. Шавырина

ОЦЕНКА ТЕКСТА НА ИСТИННОСТЬ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ложь является предметом интереса многих философов и специалистов по этике, однако она до сих пор должным образом не исследована как феномен психологический. Наибольшее количество психо-

логических исследований, посвященных лжи, осуществлено в рамках психологии эмоций, что привело к созданию полиграфа – «детектора лжи», и публикации большого количества точных психофизиологических данных. Такой подход, при всех его неоспоримых достоинствах, приводит к тому, что ложь не рассматривается в своем естественном контексте – как часть процесса общения. Очевидно, что обман возникает там, где есть социальное взаимодействие, и таким образом, становится важным объектом изучения социальной психологии.

Говоря о лжи как части коммуникативного процесса, необходимо обратить внимание на изменения, произошедшие в обществе за последние несколько лет. В нашу жизнь все сильнее включаются новые технологии, в частности интернет, который повлиял не только на характер современного информационного пространства, но и на протекание процесса общения между людьми. Сегодня люди все больше общаются посредством письменных сообщений, что ставит перед нами вопрос о восприятии текста и заложенной в нем информации, о доверии к ней. В связи с этим особенно интересным нам кажется вопрос об оценке человеком текста на истинность и ложность.

Мы предположили наличие связи между способностью оценить достоверность текста и эмоциональным интеллектом. Один из пионеров исследования лжи, Пол Экман, утверждает, что лжец испытывает определенные эмоции (а чаще – сложную комбинацию эмоций), что часто приводит к разоблачению. Эмоциональный интеллект же, как утверждают родоначальники концепции Салюэй и Майер, позволяет воспринимать, понимать, управлять эмоциями и направлять их в помощь разуму, что может способствовать успешному выявлению лжи.

В качестве инструмента для диагностики уровня эмоционального интеллекта нами была использована методика «Уровень эмоционального интеллекта» (LEI – Level of Emotional Intelligence). Также испытуемым были предложены два текста, один из которых был истинным, а второй – ложным. Оба текста принадлежали одному и тому же автору и были получены в ходе предыдущего исследования, посвященного свойствам правдивых и лживых текстов. Они были отобраны так, что соответствовали полученным в ходе упомянутого исследования критериям, но не были созданы искусственно. Таким образом мы могли проверить, соответствуют ли критерии оценки текста испытуемыми реальным свойствам текстов. Испытуемые, как с высоким, так и с низким EQ, успешно справились с заданием, причем и в той и в другой группе выводы делались на основе анализа отношений между людьми, описанного автором. При этом испытуемые с низким EQ

выразили недоверие к описанным в текстах отношениям, а испытуемые с высокими показателями указывали на перегруженность сюжета в ложных текстах. Интересно, что испытуемые из обеих групп осуществляли анализ менее тщательно, чем обладатели средних показателей по EQ. Испытуемые со средним EQ, верно оценившие тексты, утверждали, что правдивые более подробны, а ложным недостает детализации. Они также склонны считать заслуживающими доверия те тексты, события в которых более рутинны и обычны. Многие из них оказались в состоянии обнаружить логическое противоречие в ложном тексте. Неверно оценившие тексты, среди которых были только обладатели средних показателей по эмоциональному интеллекту, также отмечали количество деталей, но были более склонны к структурному анализу (заголовки, отдельные слова и словесные обороты). Они применяли и логический анализ текста, но допускали ошибки, что приводило к неверным выводам. Как показал анализ ответов испытуемых, большинство из них примеряли описываемые события на себя, и исходя из этого делали выводы.

Данные результаты были получены в ходе пилотного исследования, но в дальнейшем выборка будет увеличена с целью уточнить полученные результаты. Нами также планируется включение в исследование группы математиков, что позволит получить данные сравнительного характера.

А.С. Соткин

СОЗНАТЕЛЬНОЕ ОТЦОВСТВО

В социальной и семейной психологии существует понятие «сознательное материнство». Впервые этот термин появляется в 80-х гг. прошлого века, его вводит Вишневский, анализируя характер социального контроля над смертностью. В зависимости от этого, как показали исследования, у взрослых женщин качество воспитания ребенка выше. Актуальность проблемы заключается в том, что литература по сознательному материнству есть, а по сознательному отцовству практически отсутствует. Исключения составляют отдельные авторы (А. Мистерлих, Э. Клэр). Дискуссии о роли родителей в процессе воспитания подверглись влиянию ещё со стороны психоанализа. В своей концепции основную роль в воспитании ребенка и формировании его как личности Фрейд отводит матери, так как именно она закладывает основы его будущего характера, проявляющегося и во

взрослой жизни. По мнению психолога и психотерапевта Энтони Клэра, данная точка зрения приводит к большой ошибке. Долгое время предполагалось, что неполные семьи прежде всего сталкиваются с финансовыми трудностями (ввиду отсутствия отца), откуда вытекают и все другие проблемы с детьми (образование, воспитание). Такое долгое игнорирование роли отца в воспитании ребенка было вызвано, скорее всего, отсутствием достоверных данных, а также самих исследований. Важность отцовского воспитания и участия его в жизни ребёнка очень хорошо прослеживается при сравнении характеров детей в полных семьях и в семьях без отцов.

Согласно психоаналитику Мистерлиху, дети, растущие без отца, чаще других имеют низкую успеваемость в школе, проблемы в эмоциональной и поведенческой сферах, поэтому такие дети нуждаются в помощи психотерапевта. У них также может сформироваться алкогольная или наркотическая зависимость. В психике таких детей в процессе воспитания образуется вакуум, что приводит к формированию негативного образа отца, не имеющего значимой роли в воспитании детей, и искаженного представления об отцовстве. Впоследствии сыновья, транслируя подобный образец отцовства, чаще других становятся безответственными и некомпетентными родителями.

Кроме того, в наше время социализация детей становится очень сложной. Кризис и высокая криминогенная обстановка способствуют возникновению у детей тенденции к алкогольной и наркотической зависимости, поэтому сейчас, как никогда раньше, сильно повышается роль отца в воспитании ребенка. Отцу необходимо проявлять особое внимание к жизни ребенка, его досугу, а также к его друзьям. В настоящее время нами продолжается исследование проблемы сознательного отцовства, целью которого является нахождение связи между психологическим полом мужчины (фемининностью и маскулинностью) и его сознательностью при планировании ребенка и участии в принятии решения о его рождении.

Наша гипотеза заключается в том, что сознательные отцы будут отличаться преобладанием фемининных черт личности, а обычные отцы – маскулинными. Основанием гипотезы является положение о том, что у женщин желание иметь ребенка, заботиться о нем и любить детерминировано генетически, они от природы заботливы и эмоционально близки с ребенком. У мужчины же, наоборот, главная задача – продолжение рода, и многие поэтому практически не принимают участия в воспитании своего ребенка, перекладывая эту обязанность на мать, занимаясь фактически только его материальным содержанием.

В результате проведенного исследования, выделились 2 группы отцов: сознательные и обычные отцы. Всего в исследовании приняли участие 20 человек. У сознательных отцов наблюдается преобладание фемининных черт личности по сравнению с обычными отцами (U-критерий Манна–Уитни, $p = 0,01$). Проблема сознательного отцовства очень важна и актуальна в наше время. Существует большое различие между сознательными и обычными отцами. Важность участия отца в развитии ребенка, бесспорно, очень велика. Именно оно необходимо для нормального психического развития ребенка. Поэтому нужно развивать это чувство в каждом мужчине, закладывая этот фундамент с самого детства, показывая своим детям на собственном примере, каким должен быть сознательный отец.

Л.Г. Татьяна

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДОВЕРИЯ В ОБЩЕНИИ

В последнее время все более широкий круг разнообразных проблем доверия начинает активно разрабатываться в отечественной психологической науке. Возникновение и проявление доверия в разных формах, влияние многообразных обстоятельств на различные особенности доверия, его роль в тех или иных сферах жизнедеятельности личности – такой круг вопросов рассматривается в научных работах последних лет. В отечественной психологии феномен доверия не рассматривался в качестве предмета самостоятельного исследования. Тем не менее психологические проблемы доверия частично разрабатывались нашими авторами в рамках изучения вопросов социальной психологии внушения, авторитета, «значимых других», межличностных и внутригрупповых отношений, совместной (кооперативной) деятельности, а также, значительно реже, в контексте взаимодействия систем и отношения к властям.

В западной психологии изучение феномена доверия имеет сравнительно давнюю традицию, начиная с работ Э. Эриксона, К. Роджерса и других известных психологов. Очевидно, что определенная степень доверия, проявляемого личностью по отношению к окружающим, является следствием как ее индивидуально-психологических особенностей, так и контактов с другими людьми. Есть основания полагать, что позитивная установка личности по отношению к окружающим может облегчать ее контакты с другими людьми, способ-

ствовать ее профессиональному (и карьерному) росту и, в целом, психологическому здоровью. Однако для того, чтобы со всей убедительностью заявлять об этом, необходимы дальнейшие эмпирические исследования в различных социальных общностях и системах.

В проведенном нами исследовании по Модифицированной шкале доверия (Daniel Eek & Bo Rothstein) среди студентов БГТУ «Военмех» и слушателей ВУНЦ «ВМА им. адмирала флота Н.Г. Кузнецова» (всего опрошено 654 респондентов) выявлено, что самооценка уровня доверчивости во всех группах испытуемых, дифференцированных по полу, возрасту, образованию, семейному положению, выше оценки ими уровня доверия большинства людей, о чем свидетельствуют данные по шкалам «Мое доверие» – 60,2 %, «Доверие других» – 58,4 %. Сравнение сумм баллов по этим двум шкалам позволило получить показатель «сравнительной доверчивости» респондентов – 59,2 %. Введение этих двух шкал и подсчет по ним показателя доверия «представляет собой методический прием, нацеленный на диагностику такого сложного и неоднозначного аттитюда личности в сфере межличностного взаимодействия (можно спорить о том, является ли это «чертой» личности), как «доверчивость».

Также было обнаружено, что общий показатель уровня доверия респондентов, состоящих в браке, ниже уровня этого же показателя в остальных выделенных группах респондентов. Других значимых статистических различий в самооценке уровня доверчивости в исследовании не выявлено. На данном этапе идет сравнение показателей, полученных по Модифицированной шкале доверия, с другими личностными тестами: методикой многофакторного исследования личности Р. Кеттелл, методикой диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, мотивации личности к успеху, мотивации к избеганию неудач Т. Элерса, диагностики степени готовности к риску Шуберта и др.

В заключение нужно подчеркнуть, что формирование устойчивых, разделяемых большинством норм и ценностей, которые способствовали бы психологической интеграции людей, повышению их доверия по отношению друг к другу, государственным организациям и социальным институтам, государственной власти в целом, необходимость формирования так называемой «культуры доверия» в обществе – все эти задачи стоят сегодня на повестке дня у нас в стране и за рубежом.

В.В. Хороших

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО САЙТА «ВКОНТАКТЕ»

Постоянное увеличение числа пользователей сети Интернет, возрастающая популярность социальных сайтов среди различных социальных слоев и представителей различных возрастных групп в современной России определяют интерес исследователей к изучению особенностей поведения человека в интернет-пространстве, изучению влияния интернет-среды на человека. В числе актуальных направлений современных исследований можно назвать изучение особенностей самопрезентационного поведения пользователей социальных сайтов сети интернет. Под самопрезентацией мы понимаем процесс регуляции производимого субъектом впечатления с учетом специфики социальных ситуаций и (или) выражения системы представлений о самом себе. В качестве особенностей виртуальной самопрезентации исследователи отмечают возможность полного управления впечатлением о себе, возможность экспериментирования с реальной идентичностью, вариативность самопрезентации (Жичкина А.Е., 1999; Gibbs J., Ellison N., Heino R., 2006). Поскольку самопрезентация в интернет-среде является опосредованной, т. е. носителем самопрезентации является не сам человек, а некий заменяющий его объект, для нее характерны также: наличие формальных ограничений объема представляемой информации; асинхронность самопрезентационного взаимодействия; затрудненность проверки достоверности представленной информации (Хороших В.В., 2009)

В исследовании, проведенном совместно с И.А. Широкой в 2010 г. с целью изучения особенностей самопрезентации пользователей социальных сайтов интернет-сети, приняли участие пользователи сайта «ВКонтакте» в возрасте от 18 до 27 лет в количестве 80 человек, из них 40 мужчин, 40 женщин. Результаты исследования показали, что ведущими мотивами, определяющими вариативность визуальной самопрезентации для пользователей сайта «ВКонтакте», являются стремление к новизне и отражению изменений в своей жизни, а среди мотивов вариативности текстовой самопрезентации – стремление продемонстрировать свою успешность и достижения. Анализ гендерной специфики мотивов опосредованной самопрезентации показал, что у женщин доминирует стремление выразить себя, мотивация аффилиации, у мужчин сильнее выражен мотив достижения успеха.

Изучение содержательных параметров опосредованной самопрезентации пользователей социального сайта «ВКонтакте» выявило более высокий уровень самораскрытия, большую вариативность опосредованной самопрезентации в качестве отличительной особенности самопрезентации женщин.

Изучение характеристик глубины самораскрытия выявило, что наиболее сокровенной информацией для женщин является информация, связанная с их личной, интимной жизнью, тогда как для мужчин более сокровенной является информация, связанная с уязвимостью собственного эго, самолюбием, самоотношением.

Анализ тактических особенностей самопрезентации позволил выявить следующие тактики опосредованной самопрезентации: «Тактика демонстрации открытости» (отражается установка на открытость, готовность к взаимодействию), «Тактика косвенной самопрезентации социально-одобряемых качеств» (акцентирование внимания на разносторонности, образованности, интеллектуальности субъекта самопрезентации); «Тактика демонстрации включенности в разные стороны жизни» (акцент на активности, разносторонности, самораскрытии через свои интересы); «Тактика демонстрации принадлежности к группе» (самораскрытие через социальные роли, демонстрация причастности к группе), «Тактика широты самораскрытия», «Тактика демонстрации своей коммуникативной привлекательности» (использование информационных блоков, представляющих автора страницы как человека интересного, разностороннего, коммуникативно-привлекательного). При этом отличительной особенностью самопрезентационного поведения, опосредованного интернетом, у женщин является доминирование косвенных способов предъявления информации, формирования впечатления о себе; мужчинам свойственно в большей степени использование прямых способов предъявления информации о себе, акцентирование внимания на своих сильных сторонах и привлекательных качествах.

Анализ личностных особенностей респондентов позволил выявить наличие комплекса индивидуально-психологических особенностей, определяющих проявления самопрезентации у пользователей социальных сайтов: самопрезентация женщин в сети Интернет в большей степени опосредуется коммуникативными качествами личности, самопрезентация мужчин – коммуникативными, эмоционально-волевыми особенностями личности, адекватностью самооценки.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А.Н. Бражникова, И.В. Борисова

ТЕРПИМОСТЬ КАК НРАВСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ

В современной психологической науке вопрос о сущности феномена толерантности (терпимости) остается дискуссионным. Провести различие понятий «толерантность» и «терпимость» на сегодняшний день затруднительно. Одни авторы (А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова и т. д.) считают, что терпимость является составной частью толерантности. Другие (А.А. Реан, Ю.А. Ищенко), убеждены, что понятие «терпимость» включает в себя толерантность и является более общим. Мы будем рассматривать терпимость как качество человека, выражающее не просто смиренно-выносливое отношение к неприятным людям или воздействиям, а расположенность и доброжелательность, уважение и признание их прав на собственный образ жизни. Способность увидеть и услышать именно другого человека и лежит в основе терпимости. В данном случае терпимость может выступать нравственным качеством личности.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет исследование терпимости у развивающейся личности, в частности молодых людей юношеского возраста. Основная деятельность данного возраста – освоение основ профессиональной деятельности, и большинство юношей и девушек являются учащимися и студентами. Потому в фокусе нашего исследования находятся учащиеся профессиональных училищ, студенты колледжей и вузов.

В задачи исследования входило определить, насколько терпимы молодые люди в отношении к другим людям. Нами была использована экспресс-диагностика терпимости (Зельдович, 2003), которая позволяет выявить степень выраженности терпимости к другим людям, к их мнению, поступкам и имеет следующую степень выраженности: меньше 3 баллов – низкий уровень, от 3 до 6 баллов – средний уровень и более 6 баллов – высокий уровень терпимости. В исследовании

приняли участие 125 студентов вузов, 111 студентов колледжей и 100 студентов профессиональных училищ г. Брянска и области. Общий объем выборки составил 336 человек.

Результаты данных исследования уровня проявления терпимости были подвергнуты статистическому анализу. Использовалась компьютерная программа «Excel». Статистические параметры полученных результатов свидетельствуют о среднем уровне терпимости обследуемой выборки ($M = 5,244$, при $SD = 0,087$, $D = 2,567$). Полученные данные демонстрируют и тот факт, что испытуемые использовали все возможные квантованные случайные величины от одного до шести баллов. Основные характеристики рассеивания демонстрируют широкий разброс данных, как в различных учебных заведениях, так и по всей выборке, что свидетельствует о значительных индивидуальных различиях между испытуемыми. Дальнейшие психодиагностические процедуры позволили выявить в каждой из обследуемых групп (колледжи, вузы, профессиональные училища) и по всей выборке молодых людей с низким, средним и высоким уровнями выраженности терпимости в отношении к «другому».

Наибольшее количество респондентов (80 % учащихся профессиональных училищ, 80,18 % студентов колледжей и 64,8 % студентов вузов) показали средний уровень терпимости по отношению к «другому», характеризующий человека, как способного отстаивать свои убеждения, а если необходимо – менять свое мнение, так и проявляющего иногда излишнюю резкость, неуважение к ближнему. Это 75 % обследуемой выборки. В свою очередь 21 % выборки, среди которых 33,36 % студентов вузов, 18 % – учащихся профессиональных училищ и 10,81 % студентов колледжей, показали высокий уровень терпимости, характеризующий человека, способного с пониманием относиться к «другому», его мнению и поступку. И 4 % выборки (1,6 % студентов вузов, 2 % учащихся профессиональных училищ и 8,1 % студентов колледжей) обладают низким уровнем терпимости, проявляющимся в непреклонности, упрямстве, стремлении навязывать свое мнение другим.

Таким образом, данные методики свидетельствуют о том, что лишь незначительная часть молодых людей, обладающих высоким уровнем терпимости, способны, проявляя любовь и милосердие, услышать другого человека, с пониманием отнестись к его проблемам. Использование экспресс-диагностики терпимости, безусловно, не дает полного представления о терпимости как нравственном качестве развивающейся личности. Однако полученные данные в сово-

купности с другими психодиагностическими методами, на наш взгляд, могут сыграть существенную роль в исследовании нравственных качеств развивающейся личности.

Г.В. Вержибок

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ГЕНДЕРНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМОЕ КАЧЕСТВО

В последнее время одной из ключевых компетентностей является толерантность, а ее развитие превращается для отечественного образования в стратегически значимую цель (И.В. Воробьева, Е.Ю. Клепцова, П.Ф. Комогоров, Н.В. Кукушкин, В.В. Шалин и др.). Толерантность предполагает защиту своих интересов при взаимном соблюдении интересов партнера, готовность и способность человека жить и конструктивно действовать в многообразном мире. Феномен рассматривается как социальная установка, эмоциональное принятие других (Л.Г. Почебут), как причина или следствие защиты личности (З. Фрейд), свойство и ценностная ориентация (Г.Л. Бардиер), ответственный выбор человека (С.Л. Братченко).

Как интегральная характеристика толерантность содержит психологическую устойчивость, систему позитивных установок, комплекс индивидуальных качеств, личностные и групповые ценности (А.Г. Асмолов, П.Ф. Комогоров, Е.В. Магомедова, О.Б. Нурлигаянова, Л.Г. Почебут, В.А. Тишков и др.). Включение толерантности в состав гендерной культуры как основы для построения партнерских отношений между полами связано с решением проблемы равенства возможностей при снятии и деконструкции традиционных культурных ограничений (Г.В. Вержибок). Гендерная толерантность опирается на модель «человека понимающего», заинтересованного в «другом» как в необходимом звене самопознания собственного «я» (Л.П. Шустова). Посредством включения гендерного подхода в образовании создаются условия для максимальной самореализации и раскрытия способностей представителей обоих полов (И.С. Клецина, Т.И. Талина, Л.В. Штылева и др.).

Важнейшим этапом для формирования жизненного пути, поиска смысла жизни, построения ориентиров, выбора стратегий поведения, «кристаллизации установок» (Ж. Годфруа) и осмысленного регулирования поведения выступает период юности. Личностное и социальное развитие опосредуется изменением статуса, сложностью процесса

профессионализации, многообразным опытом межличностных отношений, в том числе по гендерному признаку, продолжается процесс проектирования и реализации себя в настоящем и будущем как представителя определенного пола (И.С. Клецина, И.С. Кон, В.С. Мухина, Ф. Райс, Х. Ремшмидт и др.).

При изучении гендерной толерантности будущих педагогов (студенты разных регионов Беларуси, 1–5 курсов, 2005 чел.) на основе использования методики Г.Л. Бардиер «ВИКТИ» и серии авторских разработок была зафиксирована возрастная изменчивость изучаемых признаков и спецификация выявленных связей. Предполагалось, что определенный тип идентичности способствует развитию толерантности и взаимодействию с окружающими. Разнообразие видов толерантности и полнота представленности отмечается у юношей со средним уровнем принятия гендерной идентичности вне зависимости от типа полоролевой ориентации. Однако у представителей маскулинного и андрогинного типов с высоким и низким уровнем принятия себя как представителя своего пола не наблюдается толерантного отношения в людям «другого этноса» и «другой культуры», а феминный тип отличает фрагментарность и маловыраженность проявлений.

Для девушек характерна направленность на расширение «межкультурной толерантности» при достаточно слабой выраженности остальных видов, по сравнению с юношами «общая толерантность» представлена менее значимыми весовыми нагрузками. Высокий уровень принятия себя как представителя своего пола мало ориентирован на «принятие других» (феминный тип), слабо структурирована личностная (андрогинный тип) и временная (маскулинный тип) идентичность. С взрослением наблюдается тенденция к снижению межкультурной и межэтнической, варьированию межличностной и межпоколенной толерантности. По всем видам толерантности (кроме межличностной) отмечаются половые различия выраженности показателей. Именно «межличностная толерантность» проявляется у всех девушек и юношей с разным типом ориентации и уровнем «гендерного Я», что выступает основанием общей толерантности (Г.Л. Бардиер) и объясняется желанием расширения сферы контактов, установления позитивного круга общения.

Культивирование идей гендерной толерантности в обществе связано с формированием ключевых компетентностей и социальных ролей, поэтому партнерская позиция учащихся и педагога, которые совместно и активно планируют изменения, контролируют успехи и

оценивают качество достигнутого, позволяет дифференцировать задачи обучения и воспитания, организовать учебный процесс как открытый и гибкий диалог на основе терпимости и понимания «дру-гого».

К.В. Ким

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДА САХА

Современное общество предлагает человеку разнообразные основания для самоопределения, в том числе и совершенно не характерные для предыдущих поколений. Возникают новые субкультуры, но никто не отменял первичные основы для определения себя, такие как гендерные, семейные, этнические. В то же время процессы глобализации и интеграции в современном мире, вызывая ощущение нестабильности, актуализируют именно первичные, базовые основы для определения себя в мире. Этническое самосознание позволяет человеку ощутить защищенность. При определении понятия «этническое самосознание» можно выделить два основных подхода: 1) этническое самосознание рассматривается как часть этнического сознания (В.И. Козлов, Н.Н. Чебоксаров, В.Ю. Хотинец и др.); 2) этническое самосознание рассматривается в контексте самосознания личности в целом (В.С. Мухина).

Мы понимаем этническое самосознание исходя из первого подхода, а именно как часть этнического сознания человека, выражающееся в чувстве принадлежности к определенной этногруппе, основанное на представлениях об этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаках. Большинство авторов выделяют в структуре этнического самосознания два компонента: этническая идентичность (т. е. осознание себя членом определенной этнической общности); этносоциальные представления (авто- и гетеростереотипы, представление об общей истории и пр.).

Предметом нашего исследования являются этносоциальные представления. Под этносоциальными представлениями понимаются когнитивные образования этнического самосознания, отражающие этническую жизнь человека. Метод исследования – метод свободных описаний. Исследование является пилотным, выборка составила 30 человек. Респондентами выступили студенты Северо-восточного федерального университета, представители этноса саха. Распределение

по полу равномерное. Средний возраст респондентов 23 года. Были получены следующие результаты. В этносоциальных представлениях народа саха выделены 5 основных блоков.

1. Коллективистская ориентация (38,97 %). К ней относятся такие стереотипы поведения и характера, как гостеприимство, щедрость, взаимопомощь, терпимость, доверчивость. Вероятнее всего, примат данной ориентации характерен для культур с традиционным укладом, к которым относится этнос саха, где сплоченность, взаимопомощь и пр. являются нормой.

2. Ориентация на духовные ценности (17,28 %). К данной ориентации можно отнести такие характеристики, как совестливость, альтруизм, широта души, мудрость и др.

3. Ориентация на лучшее будущее (12,87 %).

4. Ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем (12,5 %). Эта ориентация более выражена у народа саха. Мы связываем это с представлениями о территории расселения народа саха как климатически экстремальной. Проживание в данном ареале формирует у человека стремление выжить. Проблему выживания ставит перед человеком уже сама природа. Видимо, в связи с этим данный блок имеет больший удельный вес (в сравнении с результатами предыдущего исследования).

5. «Ориентация на борьбу». В данный блок вошли такие стереотипы поведения и черты личности, как агрессивность, сила, воинственность, смелость. Этот блок имеет достаточно большой удельный вес – 18,38 %. Как нам кажется, причина выделения данного блока в структуре этносоциальных представлений народа саха напрямую связана с увеличением удельного веса блока «ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем». Народ саха населяет территорию с экстремальным климатом, для выживания на которой необходимо было сформировать черты личности, ориентированные изначально на борьбу с природными явлениями (полярная ночь, холод зимой и жара летом), – силу, храбрость, активность. В дальнейшем, в процессе онтогенеза этноса на базе данных качеств были сформированы стереотипы поведения и устойчивые черты личности, необходимые для борьбы как с явлениями природы, так и с возможными врагами.

Таким образом, выявлено, что этносоциальные представления определяются базовыми ценностными ориентациями этноса.

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 10-06-90756-моб_ст.

О.А. Кособудская, Н.Г. Ершова

ТОЛЕРАНТНОСТЬ – СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ СПОРТИВНОГО ВУЗА

Одной из ключевых компетентностей личности является толерантность – готовность и способность человека жить и конструктивно действовать в многообразном мире. Ее развитие превращается для отечественного образования в стратегически значимую цель, и поэтому эта проблема в последние годы стала чрезвычайно актуальна как в психологии, так и в педагогике. Толерантность представляет собой основу педагогического общения преподавателя и студента, сущность которого сводится к таким принципам обучения, которые создают оптимальные условия для формирования у обучающихся культуры достоинства, самовыражения личности, исключают фактор боязни неправильного ответа. Толерантность в новом тысячелетии – способ выживания человечества, условие гармоничных отношений в обществе. «Педагогика сотрудничества» и «толерантность» – те понятия, без которых невозможны какие-либо преобразования в современном мире.

Основной задачей нашего исследования являлась попытка выявить сформированность толерантности у студентов вуза физической культуры. Методы исследования: теоретический анализ и обобщение научно-методической литературы по проблеме исследования; методы психодиагностики; педагогический эксперимент. Исследование проходило на базе Великолукской государственной академии физической культуры и спорта в течение 5 лет (с 2006 по 2011 г.). Возраст испытуемых от 17 до 23 лет.

Показатели коммуникативной толерантности группы оценивались с помощью методики «Самооценка коммуникативной толерантности» (Бойко В.В., 1998). Респондентам предлагалось оценить себя в девяти предложенных несложных ситуациях по взаимодействию с другими людьми. Максимальное количество баллов в данном тесте составляло 135. Чем выше количество баллов, тем личность нетерпимее к окружающим, и наоборот, чем ниже, тем человек толерантнее. Результаты свидетельствуют, что средний показатель на 1-м курсе составляет 112 баллов, на 2-м курсе – 95, на 3-м курсе – 81, на 4-м курсе – 66 и на 5-м курсе – 49 баллов соответственно. Видно, что от курса к курсу баллы снижаются, следовательно, повышается уровень развития толерантности.

Далее мы изучали развитие толерантности по гендерному признаку. В контрольную группу входило 15 девушек и 15 юношей. Средний балл толерантности у девушек составил – 68, у юношей – 55. Необходимо отметить, что с увеличением возраста, как у девушек, так и у юношей, возрастает показатель уровня развития толерантности. Если в 17 лет средний показатель был очень низкий (102–108 баллов), то к 23 годам он уменьшился до 52–58 баллов.

Таким образом, толерантность как тип индивидуального и общественного отношения к социальным и культурным различиям, как терпимость к чужим мнениям, верованиям и формам поведения можно рассматривать в качестве одного из фундаментальных признаков цивилизованности, уровня культуры. Следовательно, понятие толерантности, хотя и отождествляется большинством авторов с понятием терпения, имеет более яркую активную направленность. Толерантность – не пассивное, неестественное подчинение мнению, взглядам и действиям других, не покорное терпение, а активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания между этносами, социальными группами для позитивного взаимодействия с людьми иной культурной, национальной, религиозной или социальной среды. Развитие толерантности носит постепенный, динамический характер. К концу обучения в вузе студенты получают необходимые профессиональные знания, опыт, который оказывает существенное влияние на формирование толерантности будущих специалистов в целом.

А.В. Краева

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДРОСТОК: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И УРОВЕНЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В результате изучения теорий, характеризующих личность, а именно концепции ценностных ориентаций Ш. Шварца (конформность, традиции, доброта, универсальность, самостоятельность, экстремальность, гедонизм, достижение, власть, безопасность), признаков толерантной-интолерантной личности Г. Олпорта и подструктур, обуславливающих коммуникативную толерантность по В.В. Бойко, обнаружены общие характеристики, упоминаемые во всех концепциях. Так, например, категории «универсализм», «доброта», «конформность» вполне укладываются в понятие «толерантность». Другие же категории – «власть», «гедонизм», «экстремальность», занимают по

смыслу противоположный полюс и ассоциируются с понятием «интолерантность». Интолерантный путь развития личности характеризуется представлением о собственной исключительности, стремлением переносить ответственность на окружение, ощущением нависшей угрозы, потребностью в порядке, желанием сильной власти.

Другой путь – путь человека свободного, хорошо знающего себя и поэтому признающего других. Хорошее отношение к себе сосуществует с положительным отношением к окружающим и доброжелательным отношением к миру. Толерантность и интолерантность – понятия взаимообратимые, чем выше уровень одного, тем ниже уровень другого, и наоборот. Между этими понятиями существуют особые отношения, формирующиеся на основе оценки другого человека, благодаря постоянной связи с ним. Умение выстроить взаимодействия с самим собой, с другим человеком, а также с группами людей в современном мире приобретает все большую значимость и сопрягается с пониманием личности как успешной и гармоничной.

Так называемая коммуникативная толерантность обусловлена жизненным опытом, свойствами характера, нравственными принципами и в значительной мере предопределяет способность к социальной адаптации и самореализации личности. Низкий уровень коммуникативной толерантности говорит о высокой степени нетерпимости к окружающим, о неумении конструктивно взаимодействовать с внешним миром, о сложностях с социальной адаптацией. Людям со средним уровнем свойственно использовать и конструктивные и деструктивные стратегии в партнерских взаимоотношениях в зависимости от обстоятельств и от привычных шаблонов поведения. Высокий уровень коммуникативной толерантности свидетельствует об умении адекватно выбирать и эффективно использовать коммуникативные стратегии, что способствует становлению социальной компетентности и развивает навыки сотрудничества с другими людьми.

Изучение выборки современных подростков (110 учащихся 8–10-х классов Брюсовской гимназии № 192 г. Санкт-Петербурга) показало наличие низкого уровня коммуникативной толерантности у 45 человек (40,9 %), среднего уровня – у 43 человек (39 %), высокого – у 22 человек (20 %). При изучении ценностных ориентаций (на уровне нормативных идеалов) этой же выборки была выявлена устойчивая тенденция к выбору ценностей «власть» и «традиции» в качестве ведущих значимых приоритетов. Также в эту группу попадают такие ценностные ориентации, как «универсализм» (у девушек) и «гедонизм» (у юношей). В группу второстепенных ценностей попа-

дают такие, как «экстремальность», «достижение», «безопасность». Отвергаемыми приоритетами стали «конформность», «самостоятельность» и «щедрость».

Толерантность имеет исключительную значимость в подростковом возрасте как характеристика интегральная и многомерная, как способность личности противостоять фрустрации, агрессии, стрессу, риску, неопределённости, сохраняя устойчивость и избегая психосоматических расстройств. Следовательно, период подросткового кризиса представляется весьма целесообразным для коррекции девиантного и интолерантного поведения, а также для развития сознательных установок на социальную компетентность личности, неминуемо вовлекаемой с течением жизненного времени в огромное количество контактов с другими людьми.

Одна из стратегических линий современной социальной политики нашего государства – разработка идеологии либерального открытого общества, составляющими которой являются: толерантность, формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма. Объектом для привития этих установок, в первую очередь, является подрастающее поколение. В связи с ростом насилия и деструктивной агрессии в современном мире педагогика толерантности представляется нам весьма активной задачей, требующей незамедлительного приложения сил для ее решения.

В.А. Кривошеев

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Процесс формирования этнической идентичности и ее проявление в социальной действительности является насущной проблемой любого и в особенности поликультурного, полиэтничного общества. Исследование различных аспектов данной проблематики представляется перспективным в Республике Беларусь (РБ), которая исторически служит местом проживания представителей нескольких больших и малых этнических общностей. Конструирование этнической идентичности в РБ определяется состоянием взаимодействия исторически сложившихся общностей с их культурой, конфессиональной и политической приверженностью. Конструирование социокультурного сосуществования различных этнических групп в нашей стране предполагает достижение общественного консенсуса, осно-

ванного на взаимных компромиссах и комплементарных отношениях между этническим большинством и меньшинствами.

Процессу формирования этнической идентичности в психологической науке посвящено достаточно большое количество работ, однако эмпирические исследования представляют разные данные как о возрастных границах, так и о других особенностях процесса этнизации личности. Именно эти обстоятельства легли в основу нашего сравнительного исследования места и характера этнической идентичности в матрице социальной идентичности личности, а также возрастных особенностей выбора группы этнической принадлежности.

В исследовании приняли участие 210 человек трех возрастных групп: 10–11 лет, 12–14 лет, 16–17 лет – учащиеся 5, 8 и 11-го классов средних общеобразовательных школ г. Минска и г. Гродно. Исследование основывалось на варианте метода свободных самоописаний «Кто Я? Какой Я?», который, по мнению многих исследователей, является одним из самых надежных и информативных методов. Мы сравнили результаты проведенного нами исследования с аналогичным исследованием, предпринятым нами в лаборатории социальной и этнической психологии детства Национального института образования в 1992 г. Конечно, столь большой временной интервал между этими исследованиями сам по себе предполагал определенные различия и в социальной и политической ситуациях, и в общественном устройстве в целом. Тем не менее, при сравнении невозможно было не обратить внимания на предмет нашего исследования – этническую идентичность.

В ряду других видов социальной идентичности этническая идентичность обозначилась в раннем исследовании уже у пятиклассников, при этом ее демонстрация была не эпизодической, а более того, разнообразной. Описания своего национального «Я» часто были сопряжены с собственной гражданской принадлежностью, что вполне было объяснимо для людей, хоть и очень молодых, но оказавшихся в самостоятельном, независимом, имеющем свои официальные признаки государстве. Еще более усиленную позицию заняла этническая идентичность в структуре социальной идентичности учащихся 8-х и 11-х классов.

Несомненно, важную роль в этих различиях играли микро- и макросоциальные факторы, и в первую очередь, система образования, довольно гибко реагировавшая в начале 90-х гг. XX в. на происходившие в обществе изменения. Именно этот период в жизни Республики Беларусь характеризовался бурным интересом ко всему нацио-

нальному, и особенно к белорусскому языку, национальной культуре и истории. Кардинальная смена общественной системы и другие, произошедшие за последние десятилетия изменения в обществе, потребовали переоценки всей системы ценностей. В условиях урбанизации и ослабления роли семьи как традиционного механизма этнокультурной трансмиссии и этнической социализации молодого поколения усиливается значимость государственных институтов, и в первую очередь, системы образования. Современное образование в Республике Беларусь должно быть гибким и руководствоваться ростом интереса людей к своим корням, истории, культуре, усилением чувства солидарности со своей этнической группой при одновременном сокращении культурной дистанции с другими, так как это является характерным признаком формирования позитивной этнической идентичности. В отечественном общественном сознании значимость процессов формирования этнической идентичности не подвергается сомнению, однако данная проблема пока еще не получила возможности систематического изучения и должной репрезентации.

Ю.А. Макаров

ПРЕДПОСЫЛКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Общественное и научное внимание к идее толерантности на сегодняшний день можно рассматривать как следствие особой конъюнктуры темы или объективно вызванной необходимостью исследований в этом направлении социального, профессионального и пр. развития. На наш взгляд, верным будет и то, и другое утверждение. Даже если отрицать особую роль, необходимость идеи толерантности в современном мире, другой идеи, способной противостоять агрессивным, разрушительным тенденциям в развитии человеческой цивилизации, попросту не существует. Понятие толерантности сопровождает человека на протяжении всей истории развития человечества. Оно может быть использовано практически в любой сфере деятельности и в зависимости от этого имеет множество вариаций.

Современное понимание толерантности сложилось лишь в последние десятилетия XX в. и в настоящее время продолжает развиваться. Этот тезис подтверждает и обзор научных психолого-педагогических исследований, посвященных проблеме толерантности-терпимости. В чём причины сопротивления толеранизации? При исследовании толерантности в педагогической среде мы получили следу-

ющие данные: с 2003 по 2010 г. соотношение оптимально толерантных и интолерантных педагогов принципиально не изменилось, оставаясь примерно на уровне 1:8 (18 учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга, где, разумеется, не было никаких дополнительных переменных вроде экспериментальных программ и пр.).

Далее мы можем предположить, что сама идея толерантности часто воспринимается как попытка разрушения этноса (саморегулирующейся социальной системы, в том числе и в отношении терпимости к иной культурной традиции), и как попытка разрушения мировоззренческой позиции каждого отдельного субъекта. Широкое использование этого понятия средствами массовой информации началось со времени перестройки в нашем государстве. Причём налицо явное внедрение этой идеи из-за рубежа. Существует ещё и проблема понимания толерантности в нашей ментальности (та же история, к примеру, с европейским представлением о гуманизме). С субъективной точки зрения, формирование толерантности обеспечивается, по мнению исследователей этого феномена, такими факторами (предпосылками), как: способ восприятия и темперамент; диалогическая направленность самого педагога (субъекта, целенаправленно формирующего то или иное качество), наличие позитивного опыта преодоления других, как можно более разнообразных стратегий взаимодействия, наличие проблемной ситуации, проблематизация отношений (как предпосылка рефлексии), рефлексия, самоанализ, честная, не вызванная эмоциональным возбуждением, оценка своих мыслей, отношений, решений, поступков, частота попыток развития в себе терпимого и толерантного отношения (опыт взаимодействия с «иным»).

Наши исследования показали, что существует связь между возрастными, профессиональными кризисами и колебаниями уровня, структурных особенностей личностных характеристик (толерантности) в сфере ценностных ориентаций субъектов. Так, например, мы проследили изменение уровня и структурных компонентов толерантности, направленности в общении, эмпатии на разных возрастных этапах от 7 до 27 лет. Оказалось, что уровень диалогичности, толерантности, эмпатии в выборке на разных возрастных этапах не является неизменным или стабильно растущим. На этапах возрастных, профессиональных кризисов наблюдаются проблемы с оптимальным уровнем исследуемых характеристик на фоне усиления рефлексии, углубления во внутренний мир, самопереживания. В целом с возрастом растёт личностная составляющая толерантности по отношению к базовым характеристикам, индивидуальным предпосылкам этого явления.

Отмечается также огромное влияние на особенности развития толерантности специфики профессиональной среды. Так, в отличие от среды инженерно-технических работников, где регистрируются только небольшие возрастные колебания толерантности–интолерантности, в педагогической среде отмечается стойкий и выраженный рост чрезмерной толерантности (интолерантности) вкупе с альтероцентристской коммуникативной стратегией. Конечно, мы перечислили лишь некоторые предпосылки формирования толерантных позиций, поведения, отношений и т. п. Умышленное или некомпетентное их игнорирование может привести не только к безрезультатным усилиям, но и к прямо противоположному эффекту при разработке программ, направленных на внедрение идеи толерантности в российскую действительность.

А.В. Микляева

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОЗРАСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ: СИТУАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ

Возрастная идентичность представляет собой компонент социальной идентичности личности, который отражает субъективно разделяемую принадлежность к той или иной возрастной группе. Она является одним из компонентов социальной идентичности личности и включена в ее структуру наряду с другими компонентами: гендерным, этническим, национальным, религиозным, социально-экономическим и т. д. Содержание социальной идентичности личности определяется не только набором больших социальных групп, с которыми идентифицирует себя человек, но и их субъективной иерархией. Эта иерархия нестабильна и опосредуется особенностями конкретных ситуаций социального взаимодействия человека. Различные компоненты социальной идентичности могут актуализироваться под воздействием изменений социальной ситуации, отражая эти изменения. Актуализировавшиеся компоненты социальной идентичности играют наиболее существенную роль в регуляции социального поведения личности, в то время как остальные компоненты отходят на второй план, и участие связанных с ними норм и ценностей в регуляции социального поведения сокращается. В том случае, если социальная группа может быть категоризирована по нескольким основаниям, люди могут приписывать ей различающиеся и даже прямо противоположные

ложные черты в зависимости от актуального для них в данный момент сравнительного контекста.

Целью данного исследования явилось выявление ситуаций, обуславливающих актуализацию возрастной идентичности взрослого человека. В ходе анализа результатов проективного интервью, проведенного с 69 испытуемыми в возрасте от 17 до 67 лет, были выявлены приоритетные сферы актуализации возрастной идентичности личности. Оказалось, что возрастная идентичность актуализируется преимущественно в ситуациях ролевого взаимодействия. В межличностном взаимодействии актуализация возрастной идентичности происходит, прежде всего, в рамках внутрисемейного межпоколенческого общения. Более чем в половине случаев актуализация возрастной идентичности оказывается связанной с несоответствием поведения партнера по взаимодействию нормативным предписаниям, существующим в культуре (53,54 %). Например, так происходит, когда молодой человек не уступает место в транспорте пожилому, взрослый человек обращается за помощью к своим родителям, пожилой человек собирается развестись и создать новую семью и т. д. Треть ситуаций, связанных с актуализацией возрастной идентичности, касается нарушения возрастных цензов на покупку алкоголя, просмотр кинофильмов и т. д. (34,45 %). Значительно реже возрастная идентичность актуализируется в ситуациях трансляции опыта (7,02 %), а также при решении бытовых или профессиональных вопросов, для которых необходим жизненный опыт (4,99 %).

Таким образом, мы можем утверждать, что возрастные отношения пронизывают все сферы жизнедеятельности человека. Прежде всего они функционируют в тех сферах взаимодействия людей, которые предполагают ролевое общение, характеризующееся, как известно, низким уровнем индивидуализации партнера. По всей вероятности, здесь возрастные характеристики человека, которые являются одним из наиболее ярких социально-демографических признаков, выступают в качестве важнейшего ориентира в социально-перцептивных процессах, снижая так называемую «контекстную неуверенность» его партнера по общению. С другой стороны, возрастная идентичность естественным образом оказывается актуальной в тех ситуациях, одним из принципов организации взаимодействия в которых является возрастной принцип: в семейной сфере, сфере профессионального взаимодействия, где карьерные ступени зачастую связаны с возрастом, в сфере педагогического взаимодействия.

И.А. Новикова, Т.И. Ибадова

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Способствовать формированию межкультурной компетентности и толерантности студентов – одна из важнейших задач высшего образования в современном, все более глобализирующемся обществе. Особое значение имеет толерантность в поликультурном образовательном пространстве. Российский университет дружбы народов (РУДН) – это уникальное образовательное пространство, в котором обучаются представители более 140 стран мира. В миссии РУДН говорится об объединении знанием людей разных национальностей, рас и вероисповеданий, а также о воспитании молодежи, способной успешно работать в любой стране мира и проявлять свои творческие возможности в условиях взаимосвязи цивилизаций и многообразия современного общества. Важнейшим условием достижения данных целей является толерантная образовательная среда, для создания которой в РУДН делается очень много со стороны преподавателей, сотрудников, администрации университета, общественных и национальных организаций.

Начиная с 2007 г. мы проводим комплексные исследования толерантности студентов РУДН. Для диагностики толерантности мы используем методику О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева и Л.А. Шайгеровой «Индекс толерантности». Исследование уровня толерантности российских студентов РУДН, проведенное с помощью данной методики в 2007–2008 гг., показало, что более 90 % опрошенных имеют средний и выше среднего уровни толерантности. При этом преобладают этническая толерантность и толерантность как черта личности, чуть менее выраженной является социальная толерантность. В дальнейшем мы сравнили уровень толерантности студентов, которые обучались на первом курсе, и через год, когда они учились на втором курсе. В результате не было обнаружено ни одного статистически значимого различия параметров толерантности – ни в сторону уменьшения, ни в сторону увеличения. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что толерантность не формируется стихийно, лишь в результате нахождения человека в многонациональной и многокультурной аудитории.

На следующем этапе исследования мы использовали результаты методики «Индекс толерантности» для создания типологии толерант-

ности студентов. Для этого статистической обработке с помощью факторного и кластерного анализа были подвергнуты результаты 266 российских студентов в возрасте от 18 до 25 лет, из которых 75 % – девушки, 25 % – юноши. Обобщая итоги данного этапа исследования, мы можем сделать следующие выводы.

1. В структуре толерантности выделены три основных компонента: «общей толерантности–интолерантности как личностной черты», «этнической толерантности» и «раздражительности–терпимости». В структуре толерантности менее устойчиво выделяются дополнительные компоненты – «коммуникативная толерантность» и «социальная толерантность».

2. Выявлено 4 типа проявления толерантности студентов: «интолерантные» – с самыми низкими показателями всех компонентов толерантности; «умеренно толерантные» – со средними показателями всех компонентов толерантности, кроме «раздражительности–терпимости»; «избирательно толерантные» – с доминированием компонентов «общей толерантности–интолерантности» и «коммуникативной толерантности» над компонентами «этнической» и «коммуникативной толерантности»; «подлинно толерантные» – с самыми высокими показателями всех компонентов толерантности, кроме «раздражительности–терпимости».

3. Установлено, что уровень терпимости–раздражительности в целом обнаруживает наименьший разброс значений, по этому параметру выделенные группы отличаются в наименьшей степени. Можно предположить, что психофизиологический компонент не является определяющим в формировании того или иного типа проявления толерантности студентов. Наиболее низкий уровень терпимости характерен как для «подлинно толерантных», так и для «интолерантных» студентов. То есть более раздражительные от природы люди с одинаковой вероятностью могут стать как толерантными, так и интолерантными. На наш взгляд, данный феномен в очередной раз демонстрирует социально-психологическую природу толерантности и подчеркивает важность воспитания и формирования толерантности у студентов.

Подводя итог проведенному исследованию, мы предполагаем, что предложенная типология проявления толерантности дает возможность глубже проникнуть в сложную структуру толерантности студентов и более дифференцированно подходить к проблеме воспитания и развития толерантности в студенческой среде.

Т.В. Семеновских, А.Б. Ямаева

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В социуме вместе с процессами глобализации, интеграции идут процессы дифференциации, самоидентификации, что нередко приводит к проявлению интолерантности в поведении людей. Одним из подтверждений этого является насилие в школьной и студенческой среде. Эти опасные для существования человечества явления современного мира обуславливают рост интереса к толерантности как позитивной личностной характеристике и важнейшей составляющей социальной зрелости личности, нацеленной на диалогичность восприятия окружающего мира.

Исследование проводилось на базе МОУ СОШ № 91 г. Тюмени, в нем приняли участие 106 учащихся старшего подросткового возраста. Испытуемым, включенным в генеральную общность, предлагалось оценить степень своего согласия с приведенными утверждениями экспресс-опросника «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, Л.А. Шайгеровой, вопросника для измерения толерантности В.С. Магун, М.С. Жамкочьян, М.М. Магура и методики ИНТОЛ Л.Г. Почебут.

Обработка и интерпретация результатов диагностического исследования, показали, что среди учащихся преобладает средний уровень толерантности – 86,8 %, для них характерно сочетание толерантных (склонность к критическому мышлению) и интолерантных (переоценка или недооценка собственных сил и способностей) черт. Высокий уровень толерантности выявлен у 7,5 % респондентов, обладающих выраженными чертами толерантной личности: адекватной оценкой собственных сил и способностей, верой в возможность преодолеть препятствия, признанием самобытности внутреннего мира другого человека. Низкий уровень толерантности отмечается у 5,7 % старшеклассников, что свидетельствует о высокой интолерантности испытуемых и наличия у них выраженных негативных установок по отношению к окружающим людям и миру в целом. Среднее арифметическое значение индекса толерантности у старшеклассников составило 78,7 баллов, что незначительно ниже, чем индекс толерантности, выявленный в исследованиях Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаевой и Л.А. Шайгеровой у студентов первых курсов МГУ (80,2 балла), что объясняется особенностями старших подростков:

увеличением эмоциональной уравновешенности, самостоятельности и устремленности в будущее.

Каким образом, уровни толерантности коррелируют с проявлениями стрессоустойчивости? Опросник нервно-психической устойчивости и методика «Перцептивная оценка стрессоустойчивости» позволили получить следующие результаты: среди старшеклассников доминирует средний уровень стрессоустойчивости – 58,5 %, больше половины испытуемых способны противостоять отрицательным факторам окружающей среды в часто встречающихся схожих по содержанию напряженных ситуациях. 35,8 % испытуемых в выборке обладают низким уровнем стрессоустойчивости, возможно, это связано с ригидностью подростков по отношению к внешним событиям, у них возникают трудности с адаптацией к изменяющимся условиям окружающей среды. Наименьшее количество испытуемых из выборки характеризуется высоким уровнем стрессоустойчивости – 5,7 %, такие старшеклассники готовы индифферентно принимать перемены, они обладают способностью противостоять неблагоприятным факторам окружающей среды.

Корреляционный анализ показал, что у старшеклассников выявлена положительная умеренная связь между уровнями стрессоустойчивости и толерантности, составившая $r \sim 0,54$, для них характерно в часто повторяющихся схожих по содержанию ситуациях совмещать умение противостоять неблагоприятным факторам среды с проявлением толерантных черт, таких как склонность к критическому мышлению, многомерный подход к оценке окружающей жизни. Значительное количество испытуемых характеризуется сочетанием среднего уровня толерантности с низким уровнем стрессоустойчивости, это свидетельствует о том, что старшеклассники, обладающие максимальной ригидностью и трудностями в адаптации, также могут проявлять толерантные черты, но при этом не всегда понимать «другого» человека в вопросах религии, культуры или поведения. Высокая толерантность в сочетании с высокой стрессоустойчивостью выявлена у 5,7 % респондентов, старшеклассники обладающие данным сочетанием, не только способны с помощью саморегуляции, самоуправления противостоять неблагоприятным факторам среды, но и признают самобытность внутреннего мира «другого», возможность совершения ошибок. Итак, согласно полученным данным, если личность стрессоустойчива, то для нее характерен высокий уровень толерантности и наоборот. Однако мы считаем, что толерантный старшеклассник еще не обязательно стрессоустойчивый.

Т.В. Слотина

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА

Сложные социально-психологические условия современной действительности, прежде всего образовательной среды с ее внутренним и внешним пространством, актуализировали проблему толерантности, требующую практического решения, а потому и его научного обоснования. В 2001 г. принята Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». Очевидно, что воспитание толерантной личности должно начинаться в детстве. Воспитание толерантности в детском и подростковом возрасте – важнейшая задача современного образования. Сегодняшняя школа должна иметь в наличии педагогов, которые сами обладали бы таким личностным качеством, как толерантность. Важным фактором является развитая социально-психологическая толерантность (терпимость) личности педагога. Ориентация педагога на постижение смыслов поведения и поступков детей означает, что в воспитательной деятельности на первый план выходят задачи понимания ребенка.

Если педагог толерантен, он уверен, открыт, гибок, доброжелателен и выступает по отношению к учащемуся в роли наставника. Активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости становятся основными компонентами педагогической толерантности. Возрастные особенности могут оказывать двоякое влияние на развитие профессионально-значимых личностных качеств педагога, и толерантности в частности. С одной стороны, личностный рост и предполагает развитие терпимости, толерантности. С другой стороны, появление синдрома эмоционального выгорания способствует ее снижению.

В исследовании А.Е. Гриневич, проведенном под нашим руководством в одной из школ Санкт-Петербурга, объектом выступили педагоги со стажем работы более 10 лет и менее 10 лет, всего 40 человек. В результате сравнительного анализа средних значений коммуникативной компоненты толерантности обеих групп выяснилось, что уровень показателей по данному критерию выше у педагогов со стажем работы менее 10 лет ($t = 3,84$, $p = 0,001$). Качественный анализ показал, что наибольшие различия обнаруживаются по следующим показателям: использование себя в качестве эталона при оценке дру-

гих; неумение скрывать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнера; неумение прощать другому ошибки; нетерпимость к физиологическому или психическому дискомфорту партнера; неумение приспосабливаться к партнерам.

Таким образом, педагоги со стажем более 10 лет склонны проявлять авторитаризм, консерватизм, что частично обусловлено влиянием педагогической деятельности на личность, профессиональным статусом и социальной ролью. Также подобное поведение может быть следствием традиционной системы обучения, в которой зачастую отсутствует диалог. В этом отношении можно сказать, что наиболее благожелательными являются молодые педагоги, которые более терпимы в коммуникативном аспекте. Вместе с тем исследование также показало, что педагоги с небольшим стажем менее адаптивны, склонны проявлять негативное отношение к физическому и психическому дискомфорту окружающих, но при этом и меньше подвержены догматизму и авторитаризму.

Результаты сравнительного анализа вербального компонента толерантности позволяют говорить о наличии у педагогов со стажем более 10 лет более широкого набора убеждений, утверждений и вариантов проявления вербальной толерантности. Показатели второй группы могут быть интерпретированы как наличие «восприимчивых», но еще не до конца осознанных постулатов толерантности.

Еще один предполагаемый нами факт был подтвержден в данном исследовании: средний показатель стрессоустойчивости у педагогов со стажем более 10 лет – 13,15 баллов, со стажем менее 10 лет – 21,7 баллов; ($t = 3,81$, $p = 0,001$). Таким образом, педагоги со стажем более 10 лет более стрессоустойчивы, нежели их молодые коллеги, а так как стрессоустойчивость является составной чертой толерантности как свойства личности, то и более толерантны.

Мы полагаем, что микроклимат школы, специфика профессии являются своеобразным «экзаменом на толерантность». Сегодня актуальным является развитие толерантности не только у школьников, но и у педагогов. Это осуществимо посредством семинарской, лекционной и тренинговой работы, направленной на повышение стрессоустойчивости, развитие коммуникативных навыков, формирования толерантности и гибкости как необходимых личностных и профессиональных черт педагога. Как показывают исследования, всех успешно работающих учителей отличают именно эти особенности.

Ю.С. Смирнова

ТОЛЕРАНТНОСТЬ / ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ С ВИЧ / СПИДОМ

Задачи поддержания здоровья человека в современном обществе требуют решения ряда психологических и социальных проблем, среди которых преодоление неблагоприятных последствий стигматизации. Предубеждения и дискриминация людей, страдающих стигматизирующими заболеваниями, являются предметом активного научного поиска в зарубежной и отечественной социальной психологии. К этой проблеме в своих исследованиях обратились и мы. Предметом нашего исследования стали социальные установки студентов в отношении людей, больных СПИДОМ. Результаты позволили сделать вывод о доминировании позитивных аттитюдов к представителям данной категории. Означает ли это, что проблема стигматизации людей, живущих с ВИЧ / СПИДОМ, утрачивает свою актуальность?

В поисках ответа мы провели дополнительное исследование. Остановимся на его результатах. В опросе приняли участие 80 студентов в возрасте от 18 до 23 лет. 39 % – респонденты мужского пола, 61 % – женского. Для сбора данных использовалась авторская методика шкалирования. Респондентам предлагалось оценить типичных представителей категории «больные СПИДОМ» по 53 биполярным 5-балльным шкалам дважды – исходя из своих собственных установок, а также исходя из представлений о характеристиках «больных СПИДОМ», которые, по мнению респондентов, распространены в обществе. Полученные данные подверглись статистической обработке с использованием факторного анализа и сравнения распределений признаков с применением теста χ^2 . Факторный анализ позволил сгруппировать отдельные шкалы-дескрипторы в более емкие категории-факторы: «психическое отклонение», «оценка», «невозможность изменений», «оценка потребности в помощи», «опасность для общества», «слабость».

Мы сравнили оценки по этим факторам, данные студентами представителям категории «больные СПИДОМ» исходя из своих собственных установок и установок, доминирующих в обществе. По первым пяти факторам различия оказались статистически значимыми. Обществу респонденты приписали более высокие оценки «больных СПИДОМ» по таким качествам, как неадекватное восприятие реальности, непонимание своих действий, отсутствие самоконтроля, наличие

психических нарушений, ненормальность, нежели себе ($p = 0,005$). Студенты считают, что большинство людей, в отличие от них самих, дает «больным СПИДом» более негативную оценку ($p = 0,001$): последние в обществе вызывают непонимание, неуважение, нетерпимость, злость, негодование, неприязнь.

Общественному мнению студенты приписывают более высокие, нежели самим себе, оценки невозможности изменить, исправить ситуацию «больных СПИДом»: они не имеют надежды на лучшее, обречены, бесперспективны ($p < 0,001$). Оценки респондентами потребности «больных СПИДом» в помощи и желания ее оказать выше, нежели те, которые приписываются большинству людей ($p < 0,001$). В обществе присутствуют не свойственные опрошенным представления о «больных СПИДом» как об опасных людях, которые вредят другим ($p < 0,001$). Получается, что респонденты проявляют толерантность на фоне интолерантности, приписываемой ими обществу в целом. На результатах могло сказаться влияние фактора социальной желательности, которая препятствует открытому выражению негативных установок, а также признанию их наличия у себя.

Как отметили E. Pronin, D.Y. Lin и L. Ross, людям свойственно приписывать предубеждения другим и не замечать их наличие у самих себя. Возможно также, что предубеждения в отношении людей, живущих с ВИЧ / СПИДом, носят скрытый, завуалированный характер. Однако более привлекательным является иное объяснение полученных результатов. Возможно, негативное отношение общества к «больным СПИДом» стереотипно и необоснованно преувеличивается. Уровень стигматизации этой категории отдельными людьми гораздо ниже. По мнению M.J. Visser, J.D. Makin и K. Lehobye, сведения о толерантности окружающих помогут людям, живущим с ВИЧ / СПИДом, снизить уровень восприятия и страха стигматизации, демонстрируя, что многие люди в обществе относятся к ним с пониманием. Кроме того, полученные результаты объясняют наличие ожидания и страха стигматизации, поскольку считается, что в обществе к больным СПИДом относятся негативно. Хочется верить, что данное объяснение не является излишне оптимистичным и уровень толерантности в обществе растет. Отметим также, что сказанное не означает, что проблема стигматизирующих заболеваний перестала быть актуальной, напротив, она нуждается в дальнейших исследованиях и поиске путей преодоления ее негативных эффектов.

Ю.В. Тищенко

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ С НЕГАТИВНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ УСТАНОВКОЙ

Стремление человечества не только к выживанию, но к саморазвитию, несмотря на обостряющиеся конфликты в современном мире, остро ставит проблему взаимодействия человека и общества. Противоречия в перенаселенных городах, где требуется «выносливость» к иному, не такому, как Я, на фоне разногласия мнений, взглядов на первый план выдвигают исследование и воспитание качества терпимости (перенесения и сохранения), называемого термином «толерантность». Наиболее остро проблема изучения личностных особенностей, требующих воспитания и коррекции в сфере взаимоотношений между людьми, встает в тех областях высшего профессионального образования, которые готовят учителей, цель деятельности которых невозможно реализовать вне позитивной коммуникативной установки по отношению к своим воспитанникам.

Не существует единой методики исследования толерантности, изучаемой опосредованно, либо с помощью отдельных шкал более широких методов и методик. Так, Калифорнийский психологический опросник CPI содержит шкалу «Толерантность», входящую во вторую группу четырех основных шкал. Данная шкала не случайно характеризует нормативные ценности и ориентации личности. «Устойчивость», «терпимость», «допустимое отклонение» – три стороны понятия «толерантность», выделенные А.Г. Асмоловым, скрепляются нормами устанавливающего границы должного, за которыми поведение становится отклоняющимся от общественных норм, ценностей общества. Проблемой нашего исследования, таким образом, выступили личностные особенности, такие как черты характера и ценностные ориентации, связанные с признаками негативной коммуникативной установки.

В исследовании приняли участие студенты в возрасте 18–19 лет, обучающиеся по педагогическим специальностям, в количестве 60 человек. Применялись следующие методики: ранжирования ценностных ориентаций (разработанная Н.М. Лебедевой); многофакторный опросник исследования личности Р. Кеттелла (№ 105); диагностика коммуникативной установки В.В. Бойко. В методике Н.М. Лебедевой была изменена инструкция. Первоначально респондентов просили проранжировать ценности, которые являются наиболее полезными,

значимыми в обществе, а затем проранжировать ценности по степени важности для себя. При статистической обработке собранных данных применялся коэффициент корреляции Пирсона. По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Корреляционная связь ($p < 0,01$) с личностными свойствами была установлена по двум показателям негативной личностной установки: «открытая жестокость в отношениях к людям» и «негативный опыт общения».

2. Прямая корреляционная связь ($p < 0,01$) с уровнем выделенных показателей обнаружилась со следующими личностными чертами: ревнивостью, завистливостью, подозрительностью и самомнением, обращенностью интересов на самого себя, эгоцентричностью (фактор L – «доверчивость – подозрительность»); низкой толерантностью по отношению к фрустрации, подверженности чувствам, переменчивостью интересов, раздражительностью (фактор С – «эмоциональная неустойчивость»).

3. Обратная корреляционная связь ($p < 0,01$) выделенных показателей выявлена с личностной чертой «робость–смелость» (фактор Н), т. е. чем более выражена социальная смелость, активность у опрашиваемых студентов, тем в меньшей степени они проявляют признаки открытой жестокости и тем меньше они сообщают о своем негативной опыте общения с окружающими.

4. Корреляционная связь двух выделенных в исследовании признаков негативной личностной установки выявлена с ценностями «совесть» ($p < 0,01$) и «крепкая семья» ($p < 0,05$), т. е. чем ниже выражена жестокость по отношению к людям и негативный опыт общения, тем выше присваивается ранг ценности «совесть» и «крепкая семья». Хотя ранговые места этих двух ценностей отличаются: 2-я ранговая позиция у ценностной ориентации «крепкая семья» и 6-я у ценности «совесть», что свидетельствует о безразличии к нравственности как основе для регуляции собственного поведения; по-видимому, эту роль взял на себя внешний фактор – «крепкая семья». Такие признаки негативной личностной установки, как жестокость по отношению к людям и негативный опыт общения в наибольшей степени проявляется у тех студентов, чье самосознание лишено нравственной опоры, а позиционируемые личностные черты лишены зрелости, что ставит проблемы актуализации процессов личностного роста и психологического взросления, включив их в систему подготовки будущего профессионала.

Е.В. Александрова

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И СТИЛИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ ОАО «РЖД»

Сегодня в ОАО «РЖД» работает почти 285 тысяч молодых работников, что составляет 21 % от численности всего персонала. В современных условиях перед компанией стоит задача – разработка комплексной системы адаптации молодых сотрудников, так как статистика показывает, что более 20 % от числа работников ОАО «РЖД», ежегодно увольняющихся с предприятия компании по собственному желанию, – это молодые люди в возрасте до 30 лет. Актуальность проблемы адаптации молодых сотрудников, ее практическая значимость, необходимость поиска путей активизации условий, способных обеспечить процесс адаптации молодого сотрудника к организации, обусловили необходимость проведения данного исследования, целью которого стал анализ используемых копинг-стратегий и стилей саморегуляции поведения молодых сотрудников ОАО «РЖД» в связи с уровнем их социально-психологической адаптации.

Диагностика осуществлялась с помощью следующих методик: методика диагностики уровня социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда (адаптация А.К. Осницкого); опросник «Проактивное совладающее поведение» E.R. Greenglass (адаптация Е.С. Старченковой); методика психологической диагностики копинг-механизмов Э. Хейма (адаптация Л.И. Вассермана), методика «Стилевые особенности саморегуляции поведения-ССП-98» В.И. Моросановой, Е.М. Коноз. В исследовании приняли участие 120 сотрудников ОАО «РЖД» в возрасте от 21 года до 27 лет (средний возраст 23,9 года) со стажем работы в компании до 1 года.

Исследование показало, что для молодых сотрудников ОАО «РЖД» приоритетным является использование следующих адаптивных и относительно адаптивных вариантов копинг-поведения на этапе адаптации к организации: когнитивные – проблемный анализ

(38,5 %) и придача смысла (29,4 %); эмоциональные – оптимизм (67 %) и поведенческие – обращение (29,4 %) и отвлечение (27,5 %). Таким образом, молодые сотрудники ОАО «РЖД» используют формы поведения, направленные на анализ возникающих трудностей и возможных путей выхода из них, поиск поддержки в ближайшем социальном окружении, а также придание особого смысла преодолению трудностей и стремление к временному отходу от решения проблем. Для них характерны наличие веры в собственные ресурсы в преодолении трудных ситуаций и уверенность в наличии выхода из любой ситуации, даже самой сложной.

Результаты корреляционного анализа показали статистически значимую взаимосвязь ($p < 0,05$) уровня социально-психологической адаптации респондентов с использованием следующих проактивных копинг-стратегий: проактивное, рефлексивное и превентивное преодоление. Таким образом, высокий уровень социально-психологической адаптации молодых сотрудников компании связан с использованием комплекса проактивных копинг-стратегий, способствующих постановке лично значимых целей, инициации конструктивных путей действий, которые создают возможности для саморазвития, тем самым способствуя повышению общего потенциала активности и стрессоустойчивости личности. Феномен стиля саморегуляции поведения проявляется в том, каким образом человек планирует и программирует достижение жизненных целей, учитывает значимые внешние и внутренние условия, оценивает результаты и корректирует свою активность для достижения субъективно приемлемых результатов, в том, в какой мере процессы самоорганизации развиты и осознаны (В.И. Моросанова, 1989).

В исследовании выявлена статистически значимая взаимосвязь ($p < 0,05$) уровня социально-психологической адаптации молодых сотрудников ОАО «РЖД» с общим уровнем сформированности индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности человека, что способствует самостоятельности, гибкости и адекватному реагированию на изменение условий, осознанному выдвиганию и достижению целей. В частности, выявлена взаимосвязь уровня социально-психологической адаптации молодых сотрудников ОАО «РЖД» с использованием таких стилей произвольной саморегуляции поведения, как планирование (характеризует индивидуальные особенности целеполагания и удержания целей, уровень сформированности у человека осознанного планирования деятельности); моделирование (индивидуальная развитость представлений о системе

внешних и внутренних значимых условий, степень их осознанности, детализированности и адекватности); программирование (индивидуальная развитость осознанного программирования человеком своих действий).

Т.В. Андреева

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ СЕМЕЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Важнейшими социальными последствиями изменений в отношениях собственности и формирования новой социальной структуры российского общества стали процессы социального расслоения семей. По теме семьи бизнесмена еще не накоплено достаточное количество отечественных данных. Выявление и исследование семей предпринимателей сильно затруднено на практике. Обычные методы построения анкеты и проведения выборочного исследования зачастую оказываются малоэффективными, так как нередко предпринимательские семьи окружены атмосферой недоброжелательности.

Значимость семьи для бизнесменов, по данным некоторых исследований, достаточно высокая: так, исследования В.Д. Патрушева и А.Л. Темницкого показали, что у коммерсантов достаточно высока значимость материального благополучия семьи и воспитания детей, а также учебы и повышения квалификации. По данным Л.Г. Почебут, представители этой группы населения тяготеют к западной модели ценностей: здоровье, безопасность семьи, материальное благополучие (Почебут, 2002). По данным нашего исследования оказалось, что у жен предпринимателей доминируют ценности: здоровье, работа, материально обеспеченная жизнь и любовь. Отвергаются ценности отвлеченного плана — познание, творчество, счастье других (Андреева Т.В., 2006).

В связи с тем, что исследовать семьи бизнесменов методически сложно, мы предприняли попытку изучать их как бы «изнутри», глазами выросших детей. Нами проведено исследование семей предпринимателей на основе опроса с помощью биографической анкеты девушек-студенток, выросших в этих семьях. Задачами исследования являлись: получение данных о соотношении профессий супругов в семьях предпринимателей; социальном происхождении бизнесменов; воспитании детей. Опрос с помощью биографической анкеты студентов экономического факультета СПбГУ (260 человек) показал, что

более половины студенток (55 %) продолжили профессиональный путь своих родителей: их отцами в основном были предприниматели. На основе биографических данных опрошенных можно выделить 4 типа семей:

1. Однокарьерные традиционные семьи, в которых мужчина – предприниматель, а жена – домохозяйка, обеспечивающая тыл (36 %).

2. Традиционные двухкарьерные семьи, в которых муж – предприниматель, а жена работает в сходной области в среднем или нижнем звене товароведом, бухгалтером. Традиционными такие семьи можно назвать потому, что в религиозном понимании жена – помощник мужа, здесь же муж и жена имеют сходные профессиональные интересы, при этом жена является для мужа помощником и в работе (21 %).

3. Семьи с реверсией ролей, в которых женщина является ведущей, так как ее карьера на первом месте – генеральный директор, финансовый директор, предприниматель, а муж – рабочий (7 %). Такие семьи можно рассматривать как социальный феномен.

4. Двухкарьерные эгалитарные семьи, в которых у мужчин все же ведущая финансовая роль, всего 28 %. Муж – предприниматель, жена – специалист гуманитарной профессии (преподаватель, учительница, психолог), иногда ИТР. К этому же типу относятся семьи, в которых оба супруга – предприниматели (таких 7 %).

Данные биографической анкеты о происхождении предпринимателей показали, что треть из них происходят из семей интеллигенции (причем у 13 % отцы работали бухгалтерами), четвертая часть – из семей военнослужащих. В рабочих и крестьянских семьях выросли соответственно по 8,5 % предпринимателей. Следует отметить, что родители предпринимателей относятся к поколению, рожденному в 1930–1945 гг. Данные о прасеях предпринимателей дают сходную картину – их деды (рождения 1905–1925 гг.) в 33 % случаев – представители интеллигенции, крестьяне составляют уже 16 %, ремесленники – 4 %.

Исследование показало достаточно большую роль отцов как агентов социализации. 21 % девушек, выросших в семьях предпринимателей, выбрали профессию по совету отцов и признают их большую роль в своем развитии, отцы стали для них примером. 16,7 % студенток указывают на влияние обоих родителей на свой профессиональный выбор, 8,3 % – на влияние матери, столько же девушек признали влияние других родственников. На основе полученных результатов можно сделать вывод о достаточно большой роли мужа (отца) в

семьях предпринимателей: наличии традиционных семей с женой-домохозяйкой, признании влияния отца на развитие дочерей в их детские годы (по сравнению с влиянием матери и других родственников). В то же время отмечается и существование такого феномена, как наличие небольшого числа женщин-предпринимателей, возглавляющих семью.

Л.А. Верещагина, В.А. Перман

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И МОТИВИРОВАНИЕ МЕНЕДЖЕРОВ

Проблема эффективного мотивирования персонала актуальна для любой организации, руководство которой должно ориентироваться при разработке мотивирующих мероприятий на актуальные потребности и доминирующие мотивы работников. В связи с этим можно предположить, что тип организационной культуры будет влиять на инструменты мотивирования работников, которые используются руководством. В зависимости от характеризующих организацию устойчивых отношений общие мотивационные тенденции работников могут приобретать ту или иную специфику. Наше эмпирическое исследование направлено на выявление взаимосвязей между типами организационной культуры, особенностями потребностей и мотивов менеджеров и используемых инструментов их мотивирования. Руководители компании с определенным типом организационной культуры, изучая потребности и мотивы своих сотрудников, управляют и стимулируют персонал теми приемами, которые характерны для конкретного типа организационной культуры.

Цель нашего исследования – поиск и изучение взаимосвязей между типом организационной культуры, потребностями, мотивами и способами мотивирования менеджеров среднего звена. Были опрошены 78 менеджеров из 7 организаций. Для определения типов организационной культуры использовался вопросник «ОСАИ» К. Камерона и Р. Куинна. Выраженность профессиональных потребностей определялась с помощью вопросника «Мотивационный профиль» Ш. Ричи и П. Мартина. Кроме того, менеджеры заполняли две разработанные нами в соответствии с поставленной целью анкеты: на определение применяемых в организации способов мотивирования и на выявление степени значимости для опрашиваемых сотрудников профессиональных потребностей.

Результаты опроса по методике «Мотивационный профиль» выявили три доминирующих типа организационной культуры: клановую, рыночную и иерархическую, в которых формируются и проявляются разные потребности персонала. Сравнение ответов испытуемых на вопросы анкеты, направленной на выявление ведущих профессиональных потребностей, показывает, что при доминирующей рыночной культуре потребность в достижении успеха статистически достоверно выше, чем при клановой ($p < 0,05$) и иерархической ($p < 0,01$). Вместе с тем при иерархической культуре потребности в хороших условиях труда и в полезной, общественно востребованной работе статистически достоверно выше, чем при доминирующей клановой или рыночной культуре ($p < 0,05$). При доминирующей иерархической и рыночной культуре потребности сотрудников в дополнительных льготах и в ощущении уверенности в будущем статистически достоверно выше, чем при клановой ($p < 0,05$). Результаты корреляционного анализа выявили положительную взаимосвязь клановой культуры с потребностями в социальных контактах (0,36; $p < 0,01$), в самосовершенствовании (0,23; $p < 0,05$), а отрицательную – с потребностью в комфортных условиях труда (-0,28; $p < 0,05$). Установлена положительная взаимосвязь рыночной культуры с потребностями в достижении успеха (0,35; $p < 0,01$) и в стремлении к власти (0,23; $p < 0,05$), а отрицательная – с потребностью в востребованной работе (-0,32; $p < 0,01$). Обнаружена положительная взаимосвязь иерархической культуры с потребностью в комфортных условиях труда (0,32; $p < 0,01$). Адхократический тип организационной культуры положительно взаимосвязан с потребностью в творческой работе (0,37; $p < 0,01$) и отрицательно – с потребностью в структурировании труда (-0,30; $p < 0,01$).

Независимо от типа организационной культуры у менеджеров выражена потребность в повышении своего материального благополучия, в признании и более разнообразной работе. Анализ ответов на вопросы анкеты, направленной на определение применяемых в организации способов мотивирования, показал, что существуют различия в способах мотивирования менеджеров в компаниях с разными типами организационных культур. Эти различия в значительной степени соответствуют обнаруженным особенностям потребностей и мотивов у менеджеров в условиях разных культур. Однако установлены и значительные расхождения между важными для сотрудников потребностями и используемыми в компании инструментами мотивирования работников.

Е.Н. Газогареева

УВЕРЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ В СЕБЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ

Данное исследование посвящено актуальной проблеме выявления значимых психологических факторов эффективности современного бизнеса. К числу таких факторов мы относим уверенность, которую, вслед за В.Г. Ромеком (1998), мы определяем как стабильное, позитивное отношение к собственным навыкам, умениям и способностям, проявляющуюся в ситуациях взаимодействия. Уверенность в себе – положительное свойство личности, формируемое в процессе профессионального обучения и воспитания (Платонов К.К., 1994).

В качестве основной гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что существуют различия в уверенности сотрудников в организациях с различным уровнем эффективности. В высокоэффективной компании показатели уверенности в себе у сотрудников должны быть выше, чем в компании с низким уровнем эффективности. Объект исследования – персонал двух компаний, который специализируется на продаже промышленного оборудования.

В исследовании, проведенном совместно с Л.М. Мешковой, приняли участие 70 человек, в возрасте от 25 до 48 лет (средний возраст 35 лет). Методы исследования: тест уверенности в себе В.Г. Ромека, тест уверенности в себе S.A. Rathus, тест Т. Лири. Эффективность организации оценивалась комплексно, по показателям двух блоков. Первый блок включал в себя объективные (экономические показатели). Второй блок – субъективные (социально-психологические) показатели. По показателям двух блоков, компания «А» значительно превышала компанию «В» по выделенным показателям эффективности. В дальнейшем компания «А» нами была обозначена как «высокоэффективная», а компания «В» как «низкоэффективная».

По результатам сравнительного анализа двух компаний: высокоэффективной и низкоэффективной, наша гипотеза подтвердилась. Все показатели уровня уверенности, полученные по методикам В.Г. Ромека и S.A. Rathus, значимо выше в высокоэффективной компании по сравнению с низкоэффективной: сотрудники компании «А» отличаются от сотрудников компании «В» по показателям «уверенность в себе» и «социальная смелость» (на уровне статистической значимости $p < 0,01$); по показателю «инициатива в социальных контактах» (на уровне статистической значимости $p < 0,05$). Сотрудники

компании «А» выше оценивают свои способности к принятию решений в сложных ситуациях, готовы взять ответственность на себя, в большей степени контролируют собственные чувства, они более открыты и активны в социальных контактах. Персонал компании «В», наоборот, низко оценивает свои способности к принятию решений. Из-за большей тревожности или из-за того, что у них недостаточно социальных навыков, для них характерны такие негативные эмоции и чувства, как смущение, робость и стеснение. В социальных контактах чаще всего присутствует пассивность, они больше выражают недоверие по отношению к окружающим.

Проведенный по методике Т. Лири анализ выявил следующие значимые различия по показателям: «агрессивный тип», «подозрительный тип», «подчиняемый тип», «зависимый тип» (на уровне статистической значимости $p < 0,01$); «эгоистический тип», «дружелюбный тип» (на уровне $p < 0,05$), т. е. у сотрудников высокоэффективной компании наблюдается более гармоничный профиль типов поведения. У сотрудников низкоэффективной компании – средне-групповой профиль, с повышенными значениями по шкалам авторитарности, с одной стороны, и по шкалам подчиняемости, подозрительности и альтруизма – с другой. Можно предположить, что в компании с низким уровнем эффективности сотрудники характеризуются противоречивыми психологическими особенностями. Корреляционный анализ позволил установить, что стаж работы и возраст в низкоэффективной компании отрицательно коррелируют с уверенностью в себе.

Основываясь на этом результате, можно сформулировать следующие выводы: во-первых, чем дольше человек работает в неуспешной компании, тем ниже его уверенность в себе; во-вторых, соотношения могут быть и обратными: люди, не уверенные в себе, не склонны покидать компанию, даже если она малоуспешна. Интересен и тот факт, что в высокоуспешной компании уверенность в себе оказалась не связанной ни с возрастом, ни со стажем, ни с уровнем образования.

Таким образом, из полученных в нашем исследовании данных можно сделать вывод о том, что между уверенностью сотрудников и эффективностью организации существуют отношения взаимного влияния: уверенность сотрудников является тем фактором, который обеспечивает эффективность компании, а эффективность компании способствует укреплению и повышению их уверенности в себе.

И.А. Давыдова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОТИВАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА В МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Здравоохранение представляет собой уникальную область деятельности человека. Качественная работа врача затрагивает сферу состояния здоровья и жизни человека. Такая деятельность несет в себе большую ответственность, предъявляет высокие требования к уровню профессионализма врача. Одним из важнейших факторов обеспечения качественного труда работника является уровень его мотивации.

Работа с мотивацией сотрудников реализуется в мотивационном менеджменте. Мотивационный менеджмент – это управление, построенное на приоритетах мотивации делового поведения, т. е. на создании условий заинтересованности в результате трудовой деятельности и стремлении к его достижению. Как правило, мотивационный менеджмент включает в себя четыре группы элементов: экономические, социальные, организационные, социально-психологические. В рамках мотивационного менеджмента, на наш взгляд, наиболее популярными моделями, учитывающими, помимо экономических средств мотивации, средства социально-психологические, являются: модель «управления по целям» П. Друкера, модель ключевых индикаторов выполнения КРІ, сбалансированная система показателей Р. Нортон, Д. Каплана.

В модели П. Друкера используются такие социально-психологические элементы, как эффективное целеполагание, совместное обсуждение целей подчиненных и руководителей, принцип «достижение цели – это критерий расчета вознаграждения», наличие социальной ответственности. В модели мотивации КРІ используются такие элементы, как ориентированность на результат, понятность и простота расчета вознаграждения, возможность самостоятельно регулировать объем и специфику выполняемой деятельности. Важными социально-психологическими элементами, рассматриваемыми в сбалансированной системе показателей являются: особая мотивирующая сила обучающих семинаров и курсов, четкая ориентация на результат, коммуникативная компетентность сотрудников, высокий уровень информированности о тех процессах, которые происходят в организации в целом, четкое понимание своего вклада в общий результат

деятельности организации, своей части ответственности в поддержании имиджа и успешности всей организации.

С целью изучения того, насколько успешно реализуются социально-психологические элементы мотивационного менеджмента в современных учреждениях здравоохранения, было проведено пилотное исследование, в котором приняли участие 53 медицинских работника (23 врача и 30 медсестер). В качестве психодиагностического инструментария использовались: «Ценностные ориентации» М. Роккича, диагностика мотивации достижения А. Мехрабиана, анкета «Карта мотиваторов».

По результатам проведенного исследования было выявлено, что наиболее важными (мотивирующими) социально-психологическими аспектами для медицинских работников являются: ощущение причастности к социально значимой деятельности; наличие образца для подражания; возможность самореализации; признание заслуг и компетентности; интерес к работе; возможность творческой реализации в труде; дружный коллектив; возможность карьерного роста; положительная обратная связь от пациентов и руководства.

Демотивирующими факторами являются: взаимодействие с конфликтными пациентами; трудности в общении с руководством; трудности, связанные с тайм-менеджментом. Был выявлен средний уровень мотивации достижения у медицинских работников, причем у врачей он был значимо выше, чем у медсестер. Также было выявлена тенденция к более активному перечислению мотивирующих к работе факторов у работников с более высокими показателями мотивации достижения. При оценке ценностей медики отдают предпочтение таким, как профессиональная самореализация, личная жизнь, взаимодействие с другими; альтруистические и конформистские ценности. Все это подчеркивает принципиальную важность для медиков возможности самореализации в труде, а также ощущение их социальной значимости.

Таким образом, современные модели мотивационного менеджмента плохо используют в работе социально-психологические элементы, охватывая только часть из них, причем нередко не самую значимую для медицинских работников. Такие важные мотивирующие стимулы, как позитивный пример, интерес к работе, мобилизация творческого потенциала, возможность самореализации, положительное влияние группы, управление временем, обратная связь, не находят своего отражения в мотивационном менеджменте. Все это делает вопрос организации и использования эффективной системы мотиви-

рования медицинских работников к качественному выполнению своей деятельности актуальным.

Е.А. Дуленкова, К.Р. Червинская

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЙ (на примере медицинской организации)

Данная работа посвящена исследованию содержательных и процессуальных характеристик разделения знаний в медицинской организации. Разделение знаний, или шеринг (от англ. knowledge sharing), – это процесс передачи и получения знаний между людьми, который способствует появлению нового понимания относительно решаемых в организации задач. Содержательные характеристики шеринга изучались при помощи анализа дискурса, свойственного данному учреждению.

Дискурс – это то, о чем и как собеседники говорят между собой. Мы выделяем три вида дискурса: организационный, профессиональный и личный. В основе исследования шеринга лежит теоретическая модель, разработанная зарубежными исследователями Бартом ван ден Хофом и Мэрлин Хьюзман. Их модель позволила связать характеристики дискурса и разделения знаний. Согласно концепции Хофа и Хьюзман, шеринг состоит из трех компонентов: когнитивного, структурного и компонента отношений. 1. Когнитивный компонент подразумевает предмет и тему разговора, достижение понимания и взаимопонимания во время обсуждения. 2. Компонент отношений заключается в установлении доверия между собеседниками при соответствующем психологическом климате в организации. 3. Структурный компонент определяется транзактной памятью участников шеринга, т. е. их осведомленностью о том, у кого и о чем они могут спросить, узнать, с кем обсудить какой-либо вопрос. Следовательно, структурный компонент задается таким параметром, как опытность в теме каждого из собеседников. От опытности и осведомленности человека в том или ином вопросе зависит, обратятся к нему с вопросом или нет, таким образом, транзактная память задает коммуникационную цепочку между собеседниками, по которой передаются знания.

Структурный компонент шеринга также включает в себя формат общения (строгий – совещание; свободный – беседа); каналы общения (лицом к лицу или посредством коммуникационных технологий); форму общения (один к одному или в группе). В свою очередь, фор-

мат, форма и каналы общения – это дискурсивные характеристики, которые позволяют описывать процесс разделения знаний. К процессуальным характеристикам шеринга относятся включенность в процесс разделения знаний, удовлетворенность этим процессом и эффекты, вызванные его влиянием. В соответствии с этими тремя характеристиками участников шеринга можно поделить на включенных и избегающих этот процесс; удовлетворенных и не удовлетворенных разделением знаний; ориентированных и не ориентированных на эффекты шеринга (под эффектами шеринга понимается рост по карьерной лестнице, авторитет, репутация).

В исследовании приняли участие 52 сотрудника поликлиники, среди которых были представители высшего руководства (главный врач и его заместители), заведующие отделениями, старшие медсестры, практикующие врачи отделения скорой медицинской помощи при данной поликлинике и специалисты немедицинского профиля (экономисты, кадровики, статистики). В работе использовались следующие методы: 1. Опросник Хофа и Хьюзман (разработан на основе упомянутой выше модели), позволивший получить данные по разделению знаний и трем его аспектам. 2. Тематико-жанровая карта. С ее помощью изучались характеристики дискурсов поликлиники и содержательные характеристики шеринга (когнитивный и структурный компоненты). 3. Методика доверия / недоверия сотрудникам коллегам и руководителям организации А.Б. Купрейченко и методика определения психологического климата в группе Л.Н. Лутошкина (направлены на исследование компонента отношений). 4. Опросник на выявление включенности и удовлетворенности процессом разделения знаний. Применялся для изучения процессуальных характеристик разделения знаний.

В результате исследования выделены темы, обсуждаемые сотрудниками поликлиники. Все темы были распределены по видам дискурса и охарактеризованы такими параметрами, как интенсивность, экстенсивность, плотность общения и др. Также удалось установить наличие положительной статистически достоверной взаимосвязи между разделением знаний и компонентом отношений, а также между разделением знаний и структурным компонентом. Включенными и удовлетворенными респондентами по большей части являются представители высшего руководства и заведующие отделениями. К респондентам, ориентированным на эффекты шеринга, в основном относятся заведующие отделениями, старшие медсестры и врачи скорой помощи.

А.В. Казаков

ПРОСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ МОДЕРАТОРОВ ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

С каждым годом Интернет приобретает все большее значение как в профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни человека. Неудивительно, что растет и количество исследований, направленных на изучение данной среды. Однако, несмотря на важность просоциального поведения в жизнедеятельности любого сообщества, проблема его осуществления в сети Интернет довольно редко попадает в сферу интересов психологов. Кроме того, большинство исследований, посвященных данной теме, проводились зарубежными учеными и на англоязычных выборках. В нашей работе мы сконцентрировались на изучении особенностей просоциального поведения в сети Интернет модераторов сообществ. Данная группа была выбрана объектом исследования потому, что просоциальное поведение ее представителей носит достаточно продолжительный характер и во многом определяет существование и качество функционирования интернет-сообщества.

В исследовании приняли участие 120 человек (65 мужчин и 55 женщин), в том числе 50 модераторов. Средний возраст респондентов составил 30 лет (от 17 до 60 лет). Для сбора информации были использованы следующие методы: 1) опросник «Доминирующее состояние (ДС-8)» Л.В. Куликова; 2) «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна; 3) авторская методика «Мотивы просоциального поведения»; 4) авторский опросник «Деятельность модераторов интернет-сообществ». Для обработки данных использовались критерии корреляции Пирсона и Спирмена, t-критерий Стьюдента для независимых выборок, U-критерий Манна-Уитни, факторный анализ.

Среди полученных данных стоит отметить, что модераторы имеют больший стаж использования Интернет (p < 0,05), а также больше времени ежедневно проводят в нем (p < 0,05). Также были обнаружены отличия модераторов от других участников сообщества по значимости для них некоторых мотивов использования Интернета: по всей видимости, модераторы сильнее воспринимают Интернет как социальную среду, в которой можно успешно взаимодействовать с другими людьми (p < 0,01), развиваться (p < 0,05) и реализовываться (p < 0,01).

Деятельность модераторов многогранна и включает в себя ряд различных задач: начиная с контроля соблюдения правил сообщества его участниками и заканчивая поддержанием благоприятной атмосферы в группе. С помощью факторного анализа видов деятельности модератора были выделены 3 фактора:

1. Творческая деятельность. Положительно полюсу этого фактора соответствуют действия, требующие творческого подхода: создание контента и поддержание активности пользователей; отрицательному – рутинная деятельность в виде контроля соблюдения правил сообщества.

2. Популяризация сообщества. В данный фактор вошли такие виды деятельности, как продвижение сообщества и ответы на вопросы его участников.

3. Взаимодействие с участниками сообщества. Положительно полюсу этого фактора соответствует выполнение обязанностей модератора, направленных на взаимодействие с другими участниками интернет-сообщества: поддержание в группе благоприятной атмосферы и обсуждение с другими модераторами возможных путей развития сообщества; отрицательному – осуществление мероприятий, ориентированных на противодействие некоторым участникам сообщества путем удаления их спам-сообщений.

Также было обнаружено, что фактор творчества положительно связан с такими видами мотивации модераторской деятельности, как самореализация ($p < 0,05$) и оказание помощи участникам сообщества ($p < 0,05$), а также уровнем эмпатии индивида ($p < 0,05$). Отрицательные взаимосвязи наблюдаются с желанием быть примером при осуществлении деятельности модератора ($p < 0,05$) и эмоциональной раскованностью индивида ($p < 0,05$). Фактор популяризации сообщества положительно коррелирует с такими видами мотивации модераторской деятельности, как увеличение круга своего общения ($p < 0,05$), оказание помощи участникам сообщества ($p < 0,01$), и отрицательно – со значимостью принципа справедливости при осуществлении просоциального поведения ($p < 0,05$). Фактор взаимодействия с участниками сообщества положительно связан с альтруистической ($p < 0,05$) и коллективистской ($p < 0,05$) мотивацией осуществления просоциального поведения, эмоциональной устойчивостью модератора ($p < 0,05$) и отрицательно – со стажем его деятельности ($p < 0,05$).

Е.В. Козлова

ЛИЧНОСТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ К МОББИНГ-АТАКАМ

Одним из механизмов трансформации структур доминирования и подчинения является психологическое насилие, широко распространенное в рабочих коллективах. Психологический террор на рабочем месте получил название – моббинг. Моббинг – это межличностный процесс, состоящий из комплекса длительно повторяющихся действий, изводящих объекта (жертву), наносящих ущерб его психическому и физическому самочувствию, понижающих его социальный статус; наносимых одним человеком (инициатором, преступником) или группой людей, совместно работающих и/или обучающихся сотрудников. Закрепление моббинг-поведения в организации приводит к серьезным последствиям. В ЯрГУ им. П.Г. Демидова ранее было проведено исследование лиц, которые имеют тенденцию становиться жертвами моббинга. Исследование поставило задачу выявления тех, кто организует моббинг-атаки. Кто же они – инициаторы моббинга? Каждый ли человек может стать инициатором психотеррора? Именно поиску ответа на этот вопрос посвящена наша работа.

Основной задачей нашего исследования стала разработка и полная психометрическая проверка теста, направленного на изучение личностной склонности быть инициатором моббинг-атак. Используемые в работе методы и методики: 1) авторская анкета для проведения опроса и интервью респондентов; 2) методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки в адаптации А.К. Осноцкого; 3) авторская методика «Диагностика личностной склонности быть инициатором моббинга»; 4) 16PF Личностный опросник Р. Кэттелла («С» форма).

С помощью разработанной анкеты был проведен опрос 75 респондентов от 19 до 57 лет. Цель опроса: сбор интересующей информации по изучаемой проблеме. Результаты данного опроса обобщены; составлен портрет человека склонного к моббингу. Далее была составлена первичная форма вопросника для диагностики личностной склонности к моббингу. Вопросы составлены на основе: 1) изучения имеющейся литературы по проблемам моббинга и социальной психологии; 2) данных от респондентов с помощью опросной анкеты; 3) отбора вопросов из психологических методик, прошедших психометрическую проверку; 4) анализа отечественных и зарубежных ху-

дожественных фильмов, в которых затрагивается проблема психотерапевта. Составленный вопросник прошел полную психометрическую проверку, выборка составила 100 человек, работающих в различных сферах деятельности, в различных типах организации. Для разработки норм по данному тесту выборка составила 170 работающих человек. Итоговый, прошедший психометрическую проверку, вариант вопросника состоит из 76 вопросов.

Подробнее остановимся на проверке конструктивной валидности данного теста. Нами был взят следующий критерий: «Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки» в адаптации А.К. Осницкого. Для подсчета коэффициента корреляции использовалась линейная корреляция Пирсона. Полученная корреляция равна 0,669 на 1%-м уровне значимости. Вывод: 1) наша методика измеряет сходный конструкт, что и независимая методика, прошедшая психометрическую проверку; 2) моббинг коррелирует с агрессивностью.

Далее мы провели эмпирическое исследование причинно-следственных связей между чертами личности и склонностью к моббингу. При математической обработке применен однофакторный дисперсионный анализ.

Основные результаты данного исследования: склонны быть инициаторами моббинг-атак люди со следующими развитыми чертами личности: недобросовестность, жестокость, тревожность, лживость, в отличие от лиц с преобладанием следующих личностных черт: добросовестность, чувствительность, уверенность в себе, правдивость, которые не склонны быть инициаторами моббинга. Актуальность данного исследования состоит в том, что применение разработанной методики на практике позволит оптимизировать процедуры профессионального отбора сотрудников; позволит выявить лиц, склонных быть инициаторами моббинга, а, следовательно, даст возможность разработки программ сопровождения инициаторов психотерапевта в рабочем коллективе.

И.Н. Романько

ВЛИЯЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Влияние имеет важное значение для эффективной деятельности руководителей. Чтобы быть эффективными, руководители должны

влиять на своих подчиненных во время работы для выполнения их просьб, поддержки каких-либо предложений и реализации решений. Успех такого влияния одного человека («агента») на другого («цель») зависит в большой степени от тактики, используемой агентом. Тактики влияния могут быть классифицированы в зависимости от их главной цели и временных рамок. Проактивные тактики используются при попытке повлиять на кого-то с целью получения немедленного эффекта или немедленного выполнения просьбы. Такие тактики особенно важны в тех случаях, когда агент обладает низким авторитетом перед лицом, на которое он пытается повлиять. Тактики для формирования впечатления о себе используются для создания благоприятного имиджа и более тесных отношений. Некоторые виды тактик влияния могут быть использованы для достижения более чем одной цели, но одна тактика не может быть одинаково эффективной для различных целей.

Влияющее поведение можно изучать несколькими методами, включая кодирование качественных описаний влияющего поведения (например, способами критических инцидентов или дневников), манипуляции тактиками влияния в лабораторных экспериментах (например, при участии актеров, ролевыми упражнениями или построением сценариев), а также манипуляции влияющим поведением в полевых опытах (например, при обратной связи и обучении). Наиболее часто используемым методом для изучения проактивных тактик является опросник с описанием поведения. С 1980 г. были разработаны два различных опросника для изучения опросным методом проактивных тактик влияния. Это опросник под названием «Профили стратегий влияния в организациях» (POIS), разработанный Д. Кипнисом, С. Шмидтом и И. Вилкинсоном, и «Опросник влияющего поведения» (IBQ), разработанный Г. Юклом.

Нашей исследовательской группой (научная исследовательская группа кафедры эргономики и инженерной психологии факультета психологии СПбГУ) впервые было проведено исследование с использованием «Опросника влияющего поведения» Г. Юкла на российской популяции. Исследование проводилось в государственных и коммерческих организациях Санкт-Петербурга. Всего в выборку вошло 285 человек в возрасте от 24 до 56 лет.

В результате проведенного исследования было установлено, что чаще всего по отношению к своим подчиненным руководители применяют так называемую тактику «Рационального обращения» ($M = 3,5$) и сотрудничества ($M = 3$). Использование тактики «Рационально-

го обращения» свидетельствует о том, что чаще всего руководители применяют логические аргументы и фактические доказательства, чтобы убедить своих подчиненных в том, что их обращение с просьбой целесообразно и, вероятно, приведет к достижению целей. Тактика «Сотрудничества» характеризуется тем, что при воздействии на своих подчиненных руководители предлагают им свою помощь в выполнении этого задания или предлагают обеспечить их необходимыми ресурсами при условии, что сотрудники, в свою очередь, выполнят их просьбу или одобряют предложенные изменения в работе.

Руководители практически не используют по отношению к своим подчиненным такие тактики воздействия, как «Давление» ($M = 1,8$) и «Коалиция» ($M = 1,9$). Это свидетельствует о том, что реже всего в своей управленческой практике руководители используют такие методы воздействия, которые характеризуются требованиями, угрозами или постоянными напоминаниями, чтобы заставить подчиненных делать то, что они хотят. Как было выявлено из анализа полученных данных, очень редко руководители прибегают к тому, чтобы обращаться к чувствам лояльности, преданности, верности и дружелюбия по отношению к ним у своих подчиненных, перед тем как попросить их сделать что-либо. Полученные результаты позволяют сделать важные выводы об эффективности использования руководителями тактик влияния по отношению к своим подчиненными. В большинстве случаев руководители выбирают эффективные методы воздействия на своих подчиненных.

Д.В. Санцевич

МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ В ОБУЧЕНИИ ОПЕРАТОРОВ CALL-ЦЕНТРА

Точность и лаконичность ответов, а также умение решить вопрос Клиента «с одного звонка» неизменно являются критериями качества работы операторов call-центра. Для определения наиболее эффективных методов их подготовки нами было исследовано текущее качество работы с помощью мониторинга телефонных разговоров по восьми разноплановым проектам входящей связи. В результате выделены три группы проблемных ситуаций взаимодействия оператора call-центра с Клиентом.

1. Ситуации неожиданности, когда вопрос Клиента, адресованный справочно-информационной службе, удивляет своей внезапно-

стью, например «В чём смысл жизни?»).

2. Ситуации неопределённости, когда у оператора недостаточно данных для того, чтобы ответить однозначно (например, при консультировании по вопросу кредитования по банковскому проекту).

3. Ситуации призыва о помощи, когда Клиент в силу своего эмоционально возбужденного, агрессивного состояния не слышит оператора.

В аутсорсинговом call-центре проекты отличаются по частоте проблемных ситуаций. Так, в банковских – она меняется в зависимости от экономической ситуации, внутренних решений банка (например, о повышении процентной ставки), в справочно-информационном – всегда высока. Поэтому наилучшего качества работы операторов можно достичь в рамках такой системы подготовки, которая позволит моделировать ситуации взаимодействия оператора и Клиента, тренируя высокую скорость и точность предоставления информации, повышая стрессоустойчивость оператора.

Данным критериям соответствует система проблемного обучения. Рассмотрим, как реализуются его принципы и методы в ходе моделирования проблемных ситуаций для обучения по новому проекту. Основная модель, которая создаётся в процессе подготовки, – это модель взаимодействий в будущем проекте. Для этого выявляем наиболее существенные факторы, которые описывают диапазон ситуаций взаимодействия между оператором и Клиентом, устанавливаем причинно-следственные связи между выявленными факторами, оцениваем значимость этих связей и др. Например, если целью проекта является продажа «Z» постоянным Клиентам, то важно выяснить у Заказчика, как компания осуществляла данную продажу раньше, какие задачи ставит на данном этапе, каков портрет Покупателя, каковы особенности логики взаимодействия с Клиентом и т. д. Модели, производные от основной, направлены на достижение специализированных требований проекта (консультирование Клиента по «U» услуге, продажа «Y» товара). Общую схему моделирования можно представить следующим образом: название, цель моделирования – модель (конкретный сотрудник (-и), или представление о необходимом варианте) – круг ситуаций, в котором действует модель – влияние результата моделирования на эффективность работы, на других сотрудников, на модель – критерии, определяющие данную схему, их взаимовлияние – область применения моделирования, помимо должностных обязанностей – время, планируемое на реализацию.

В процессе обучения по новому проекту моделирование контекста деятельности оператора может иметь различные основания.

1. Проблемное: выделяется реальная трудность в деятельности оператора, исследуются возможности ее эффективного решения; прогнозируются формы, методы и результаты.

2. Психологическое: для операторов не всегда очевиден смысл изучения предлагаемого тренером материала. С помощью данной модели целесообразно тренировать применение теоретических знаний на практике. Например, знание стилей взаимодействия, конкретных приемов коммуникативного воздействия и т. д.

3. Индивидуализированное: опирается в процессе обучения на индивидуальные особенности оператора, на анализ причин проявления тех или иных качеств. Конструируются наиболее эффективные варианты улучшения показателей КРІ.

4. Экспертное: исходит из результатов психологической диагностики, мониторинга звонков. Включает в себя: анализ процессуальных и результативных характеристик деятельности оператора во взаимосвязи с его личностными особенностями, формулирование рекомендации по приоритетам участия оператора в проектах, по его профессиональному развитию.

В целом, метод позволяет оператору свести к минимуму ситуации неопределённости в ходе телефонного общения, отработать различные варианты взаимодействия с Клиентом, выявить «зоны повышенного напряжения» (эмоционального, интеллектуального) и ликвидировать их в ходе обучения, а также составить полный и лаконичный скрипт проекта, проанализировать проект скрипта перед техническим внедрением.

Е.А. Столярчук, А.А. Золотарева

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И УСПЕШНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИЭЛТОРОВ

Риэлторские услуги в настоящее время являются высоко востребованными, однако подбор и обучение специалистов в данной профессиональной области осуществляется стихийно и далеко не всегда эффективно. Профессиональная подготовка в вузах, выпускающих дипломированных специалистов-риэлторов, отсутствует. Поэтому в агентства недвижимости приходят работать специалисты из других областей: экономисты, юристы, учителя, врачи и т. д. Стать профес-

сионалом в данной сфере деятельности возможно только путем наработки практического опыта. Для успешной самореализации в профессии риэлторы должны уметь выстраивать деловые контакты с самыми разными людьми, справляться с эмоционально насыщенными ситуациями, быть стрессоустойчивыми, верить в успех и его достигать.

Целью нашего исследования явилось изучение взаимосвязей личностных особенностей риэлторов с разной степенью успешности деятельности со стратегиями поведения в конфликтных ситуациях. Данное эмпирическое исследование проводилось на базе агентств недвижимости Санкт-Петербурга. В исследовании приняли участие 82 риэлтора, из них 46 % были отнесены к группе успешных агентов, 54 % – к группе малоуспешных (по результатам рейтинга, предоставленного руководством компаний). В группе успешных риэлторов наблюдалось сильное сопротивление проведению исследования, потребовалась помощь руководства агентств недвижимости, чтобы убедить работников заполнить все предложенные опросники. Большинство риэлторов объясняло свое нежелание участвовать в опросах боязнью снижения комиссионного вознаграждения, которое, с их точки зрения, может быть обосновано результатами исследования, и, наоборот, малоуспешные – охотно принимали участие в тестировании. В ходе проведенного психологического анализа профессиональной деятельности риэлторов были выделены профессионально важные качества: коммуникативные, эмоциональные, мыслительные.

Результаты эмпирического исследования показали, что как успешным, так и малоуспешным риэлторам свойственны высокие уровни креативности, гибкости мышления. Они быстро переходят от одного вида деятельности к другому и оперативно реагируют на изменение исходной ситуации. Кроме того, их отличает высокий уровень эмоционального интеллекта. Для 22 % успешных риэлторов более характерны такие составляющие эмоционального интеллекта, как осознание эмоций других людей и выстраивание с ними отношений, а у 30 % малоуспешных более выражены осознание собственных эмоций и мотивация на достижение цели. У 70 % риэлторов был выявлен высокий уровень развития коммуникативно-организаторских способностей. У малоуспешных риэлторов (54 %) отмечается повышенное стремление к статусному росту, а успешные риэлторы (22 %) больше ориентируются на избегание неудачи. В целом, они не терпят неопределенности, предпочитают следовать определенной стратегии поведения, которая когда-то оказалась удачной, даже если в сложившихся условиях она является неэффективной. Самой предпочитаемой стра-

тегией поведения в конфликтных ситуациях для всех риэлторов является стратегия компромисса, позволяющая путем взаимных уступок находить нужное решение и при этом сохранять хорошие отношения с клиентами, коллегами и чиновниками. Наиболее предпочтительной для респондентов является компромиссная стратегия поведения. Среди риэлторов, выбирающих компромисс как стратегию поведения в конфликтных ситуациях, больше успешных (46 %); среди тех, кто выбирает соперничество, больше малоуспешных риэлторов (24 %).

Профессиональная структура личности риэлтора имеет следующий корреляционный портрет – коммуникативные особенности взаимосвязаны с эмоциональным интеллектом, социально-коммуникативной неуклюжестью, ориентацией на избегание неудач и стремлением к статусному росту. Чем старше возраст риэлтора, тем больше он стремится к конформности и проявлению своих организаторских способностей с преобладающими стратегиями соперничества и приспособления; стратегия компромисса в конфликтных ситуациях взаимосвязана с социально-коммуникативной неуклюжестью и стремлением к статусному росту.

Е.Б. Филлипова

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В отечественной психологии проблема психологической готовности субъекта к деятельности не является новой. Выделяются три основных подхода к пониманию этого феномена: 1) функциональный, в котором психологическая готовность к деятельности понимается как психическое состояние; 2) личностный, опирающийся на понимание готовности как совокупности личностных черт, обеспечивающих подготовленность субъекта к выполнению профессиональных задач; 3) личностно-деятельностный, в котором готовность рассматривается как интегративное психическое образование, отражающее диалектическую взаимосвязь психического состояния и качеств личности. Мы исходили из понимания психологической готовности учителя к управленческой деятельности как интегрального образования, которое проявляется одновременно как на уровне эмоционального состояния учителя, так и на уровне его самосознания.

Целью проведенного нами исследования было изучение психологической готовности учителей к управленческой деятельности. Ос-

новная гипотеза – уровень психологической готовности учителей к переходу от педагогической деятельности к управленческой не выше среднего уровня, что обусловлено представлением учителей о невозможности удовлетворить в управленческой работе основные мотивы выбора педагогической деятельности. В исследовании приняли участие 80 заместителей директоров школ по учебно-воспитательной работе (завучей) и 39 директоров школ. Основной метод исследования – стандартизированное интервью, содержащее в основном открытые вопросы. Обработка результатов проводилась методом контент-анализа, корреляции по Спирмену и сравнения групп по критерию Фишера.

Выделено пять уровней психологической готовности учителей к управленческой деятельности с точки зрения соответствия их личностных характеристик требованиям управленческой работы. Половина опрошенных педагогов продемонстрировали высокий или очень высокий уровень психологической готовности, около трети – средний и пятая часть выборки – низкий или очень низкий уровни. Общегрупповой уровень психологической готовности учителей к переходу на работу заместителем директора школы – выше среднего уровня. Факторами снижения психологической готовности учителей к управленческой деятельности являются: низкая оценка учителем себя в качестве руководителя, отсутствие мотивации к работе руководителем в связи с доминированием в иерархии трудовых мотивов мотива работы с детьми, негативная оценка некоторых характеристик будущей деятельности.

Выявлена взаимосвязь уровня психологической готовности субъекта к управленческой деятельности и времени принятия решения: чем выше уровень психологической готовности, тем меньше срок принятия решения о переходе на управленческую работу. Полученная закономерность работает только в условиях нормальности управленческой ситуации в школе. В случае управленческого кризиса в организации решение о переходе на управленческую работу принимается очень быстро и не зависит от уровня психологической готовности субъекта к новой деятельности. Уровень психологической готовности учителей к управленческой деятельности значимо выше в случае перехода от исполнительской деятельности к первому уровню управления (на должность завуча), по сравнению с переходом сразу на второй уровень управления (на должность директора). Психологическая готовность к переходу от педагогической деятельности сразу на второй управленческий уровень – ниже среднего уровня. Различий в уровнях

готовности учителей к управленческой деятельности и готовности завучей к работе директора школы не обнаружено. В целом, последовательное прохождение всех уровней управления является одним из факторов психологической готовности субъекта к работе руководителя высокого ранга.

Иерархия факторов снижения психологической готовности исполнителя к управленческой деятельности отличается от аналогичной иерархии руководителя к переходу на следующий уровень управления. Если для учителей как исполнителей основным фактором снижения психологической готовности к новой работе выступало представление субъекта о несоответствии его личности управленческой деятельности, а второстепенным – негативное отношение к будущей деятельности, то для завучей основные причины неготовности к переходу на следующий уровень управления оказались мало связаны с личностью руководителя и базировались на его оценке характеристик самой деятельности.

Т.В. Фоломеева

ОПЫТ ИЗМЕРЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК

Современный уровень развития российских потребительских рынков позволяет судить о том, что потребительское поведение оказывается значимым феноменом общественной жизни, с одной стороны, и важным аспектом проявления личности, с другой, заслуживая тем самым серьезного внимания психологов. Идея детерминированности когнитивных процессов и поведения человека всей совокупностью социальных и культурных факторов, воплощенной в прошлом опыте, нашла свое развитие и в прикладных исследованиях потребительского поведения.

Потребительские предпочтения часто определяют как установки по отношению к товарам и услугам. Когнитивный компонент потребительской социальной установки представляет собой осознание и рациональное обоснование потребителем своего выбора определенного продукта, торговой марки, оценка его объективных характеристик и свойств, результатом чего является совокупность мнений и знаний о нем.

Эмоциональный компонент потребительского отношения представляет собой совокупность субъективных эмоциональных оценок продукта, чувств, вызываемых образом торговой марки. Поведенче-

ский компонент проявляется в готовности потребителя использовать определенный продукт или отказаться от него.

Целью нашего исследования является анализ динамики потребительских установок к высокотехнологичным продуктам в изменяющихся социально-экономических условиях России середины 90-х гг. XX – начала XXI в. В качестве предмета исследования выступили потребительские установки к высокотехнологичным услугам – сотовой связи и интернету. Основным объектом исследования стало потребительское поведение жителей московского региона обоего пола от 18 до 60 лет общей выборкой более 4000 человек. Исследование проводилось методом точечного трекингового замера ежегодно с 1996 по 2009 г. в конце (осенью) каждого календарного года. Было проведено 14 замеров, каждый из которых состоял из трех этапов: фокус-группы; опрос, выявляющий установки по отношению к сотовой связи; опрос, выявляющий установки по отношению к интернету. Для измерения установок использовалась шкала Лайкерта.

Результаты исследования показали, что общая оценка когнитивного элемента установки к сотовой связи последовательно изменялась в соответствии с ростом рынка услуг. Увеличивался общий балл и углублялось содержание рациональных мнений: от недифференцированного представления о сотовом телефоне, как «игрушке для богатых» до определения его как «необходимого средства общения»; от неопределенного понимания интернета как «виртуальной реальности» до обыденного – «источник информации обо всем». Причем когнитивные составляющие установки потенциальных потребителей и абонентов практически не различаются.

Эмоциональная составляющая претерпела более сложное развитие. Во-первых, эмоциональные оценки абонентов и потенциальных пользователей различны. Абоненты показывают большую вовлеченность в категорию, т. е. сотовая связь для них эмоционально ближе, понятнее, чем для людей, только планирующих покупку. Соответственно, отношение абонентов к сотовой связи более эмоционально насыщено и дружелюбно. Во-вторых, по мере роста рынка изменялся знак этих оценок, средний балл при этом остался прежним. Общее негативное отношение к мобильной связи на раннем этапе развития рынка («бессмысленная трата денег») сменилось общим принятием услуги как «жизненно необходимой». При этом количественный средний балл незначительно колебался от года к году и практически

не изменился (умеренно увеличился). Исключением оказались результаты 1998 и 2009 гг., когда эмоциональные оценки резко снизились: упал средний балл этих оценок, сократилось количество эмоциональных характеристик отношения к сотовой связи и изменился их знак. Общее направление динамики потребительского аттитюда к интернету практически совпадает с динамикой аттитюда к сотовой связи. Это стабильный, поступательный рост средних баллов. Но когнитивный элемент аттитюда к интернету не претерпел изменений, в отличие от когнитивного элемента аттитюда к сотовой связи, оценки которого увеличились. Вероятно, когнитивная составляющая потребительского аттитюда в большей степени связана с общим развитием рынка конкретной услуги, а эмоциональная компонента больше отражает общее эмоциональное состояние потребителей, влияние социально-экономической ситуации. Поведенческая составляющая обоих аттитюдов практически повторяет динамику эмоциональной, имея лишь более низкий средний балл. Именно эта составляющая оказалась наиболее подверженной влиянию социально-экономических кризисов.

В.А. Чикер, А.Е. Посохова

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ РЕПУТАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ

Глобализация, возросший темп обмена информацией, важность самопрезентации для повышения эффективности взаимоотношений и другие особенности современного общества находят отражение в возросшем интересе к вопросу деловой репутации. Особенно эта тенденция заметна в бизнес-среде, где ценность положительного имени компании сказывается на ее прибыльности. Несмотря на высокую востребованность знаний механизмов создания стабильной репутации компании и специалистов, способных регулировать этот процесс, серьезной проблемой остается наличие метода, точно и разносторонне показывающего текущее состояние репутации организации. Большинство известных сегодня методов заключаются в экономическом подсчете стоимости репутации компании. Исследования показали большую эффективность применения методов, показывающих составляющие репутации компании.

На базе концепции американского специалиста в области репутации Ч. Фомруна (С. Fombrun) нами был разработан опросник, поз-

воляющий подойти к диагностике репутации, учитывая ее социально-психологические составляющие. Методика «Компоненты репутации организации» направлена на выявление основных «репутационных платформ» компании, т. е. элементов политики, на которые делается максимальный акцент при формировании репутации. Среди них качество продукции/услуг компании, условия работы, особенности управления и лидерства, финансовые показатели, социальная ответственность и позиционирование компании. Также фиксируются принципы достижения поставленных целей (видимость, отличительность, аутентичность, прозрачность и согласованность) и эмоциональная привлекательность компании.

В апробации методики участвовали сотрудники государственных и коммерческих компаний с устойчивой репутацией разного статуса и пола в количестве 100 человек. Для подтверждения валидности и социально-психологического содержания шкал опросника были выявлены взаимосвязи с такими стандартизованными методами, как опросник диагностики типа организационной культуры К. Куинна и Р. Камерона и методика диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца.

Полученные данные выявили 85 связей $|0,26| \leq r \leq |0,43|$ при $p \leq 0,01$ и 68 связей $|0,20| \leq r \leq |0,25|$ при $p \leq 0,05$ с показателями типов организационной культуры. Сущность, традиции, цели и поощрения сотрудников, свойственные клановой культуре, которая отличается дружелюбностью, сплоченностью коллектива и некоторой закрытостью для окружающих, являются наиболее эффективными для развития большинства опорных компонентов стабильной репутации (47 связей). Среди них качество продуктов и услуг, условия работы, особенности управления и финансовой политики, социальная ответственность, позиционирование, а также принципы видимости, согласованности, отличительности, аутентичности и эмоциональная привлекательность. Сплоченность, структура и цели рыночной организационной культуры, направленные на развитие конкурентоспособности и являющиеся наиболее благоприятными для бизнес-среды, напротив, среди мужчин и женщин, а также в государственных и коммерческих компаниях в целом ассоциируются с ослаблением всех компонентов репутации компании, кроме позиционирования и видимости (23 связи).

Подтвердилась включенность доминирующих ценностных ориентаций сотрудников в оценочные шкалы репутации компании. Было выявлено 57 взаимосвязей $0,26 \leq r \leq 0,49$ при $p \leq 0,01$ и 28 взаимосвя-

зей $0,21 \leq r \leq 0,26$ при $p \leq 0,05$. Системообразующими являются три ценности, которые объединяют характеристики репутации организации. Доброжелательность во взаимодействии сотрудников, самостоятельность мышления и образа действия, а также стремление добиваться успеха через проявление компетентности положительно связаны со всеми 12 показателями репутации. Близкими по количеству связей являются универсализм и конформизм, заключающиеся в проявлении понимания и терпимости к ошибкам окружающих. Остальные ценностные ориентации, среди которых власть, гедонизм и безопасность, имеют выборочный характер связи с репутацией организации.

Предложенная нами методика по изучению основных компонентов репутации организации проявила валидность в отношении оценки особенностей организационной культуры, отражающей социальные процессы в компании, и индивидуальных ценностей персонала.

И.С. Шишкова

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ КОМПОНЕНТ ГОТОВНОСТИ К ОРИЕНТАЦИИ НА КЛИЕНТА У ПРОДАВЦА

В условиях современной российской экономики значимым является вопрос об ориентированности торговых компаний на клиента, его запросы и потребности. Эмоционально-волевые качества продавца во многом определяют его готовность к ориентации на клиента. Гипотеза исследования: психологическая готовность к ориентации на клиента у продавца определяется следующими эмоционально-волевыми качествами: стрессоустойчивостью, эмоциональной устойчивостью, эмпатией, чувствительностью, ответственностью, настойчивостью, смелостью, выдержкой, инициативностью, низкой тревожностью. Выборка: продавцы г. Новокузнецка в количестве 25 человек в возрасте от 21 до 51 года. Методики: 1) 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла; 2) Опросник ЕРІ экстраверсии–интроверсии и эмоциональной устойчивости Г. Айзенка; 3) методика «Самооценка волевых качеств» Н.Е. Стамбуловой, модифицированная М.В. Овсянниковой; 4) методика диагностики эмпатических способностей В.В. Бойко; 5) тест «Исследование тревожности» Ч.Д. Спилбергера–Ю.Л. Ханина; 6) диагностика стрессоустойчивости А.Я. Кибанова, Л.В. Ивановской; 7) тест на индивидуальную чувствительность к стрессу; 7) методика диагностики профессиональной направленности

продавца («на продажу», «на товар», «на клиента», «на себя») Е.В. Дворцовой; 8) анкета «Ориентация на клиента в профессии продавца» Г.С. Сильягиной, Е.В. Дворцовой.

Более клиент-ориентированные продавцы, так же, как и менее, имеют средний уровень эмоциональной устойчивости (С) ($8,37 \pm 2,38$ и $8,15 \pm 1,62$ соответственно), высокий уровень чувствительности (I). Но чувствительность у более клиент-ориентированных несколько ниже ($7,87 \pm 1,8$; у менее клиент-ориентированных $8,46 \pm 2,18$). Тревожность (O) выше во второй подвыборке и относится к высокому уровню ($6,87 \pm 2,69$; в первой подвыборке – $6,3 \pm 2,09$). Продавцы с более выраженной ориентацией на клиента имеют оптимальный уровень внутренней напряженности (Q4) ($5 \pm 1,41$), в отличие от первой подвыборки, где напряженность имеет низкое значение ($4,61 \pm 1,66$). У более клиент-ориентированных эмпатия выше (рациональный канал – $2,5 \pm 1,19$; эмоциональный канал – $3,75 \pm 1,38$; проникающая способность – $4,12 \pm 1,12$), чем у менее клиент-ориентированных (рациональный канал – $2,23 \pm 1,16$; эмоциональный канал – $2,92 \pm 1,44$; проникающая способность – $3,76 \pm 1,36$). Как ситуативная, так и личностная тревожность у более клиент-ориентированных ниже ($32,37 \pm 7,61$ и $37,25 \pm 8,46$ соответственно), чем у менее клиент-ориентированных ($33,3 \pm 7,69$ и $39,1 \pm 8,27$). В группе более клиент-ориентированных стрессоустойчивость выше ($56,71 \pm 12,56$), чем в первой подвыборке ($54,41 \pm 12,6$), и базовый и динамический показатели чувствительности к стрессу значительно ниже ($72,87 \pm 28,69$ и $31,75 \pm 29,28$ соответственно; в группе менее клиент-ориентированных $83,84 \pm 20,02$ и $53,69 \pm 28,55$). Социальная нормированность (G) выше у продавцов с выраженной направленностью на клиента ($8,62 \pm 1,5$), чем в другой группе ($7,53 \pm 1,89$).

Выраженность всех исследованных свойств (целеустремленность, смелость и решительность, настойчивость и упорство, инициативность и самостоятельность, самообладание и выдержка) в подгруппе менее клиент-ориентированных продавцов выше, чем в группе более клиент-ориентированных. В первой группе ведущим качеством является инициативность и самостоятельность, а во второй – самообладание и выдержка. По генерализованности более клиент-ориентированные продавцы имеют более высокие показатели целеустремленности, самообладания и выдержки. По остальным качествам волевой сферы у продавцов с меньшей направленностью на клиента показатели генерализованности превышают уровень второй группы.

Корреляционный анализ выявил, что прямую взаимосвязь с ориентацией на клиента имеют: стаж работы ($r = 0,42$ при $p < 0,05$), генерализованность самообладания и выдержки ($r = 0,41$ при $p < 0,05$). Отрицательная связь – с инициативностью и самостоятельностью ($r = -0,43$ при $p < 0,05$), ориентацией на себя ($r = -0,56$ при $p < 0,01$) и на продажу ($r = -0,68$ при $p < 0,01$).

Таким образом, готовность к ориентации на клиента у продавца обеспечивают следующие эмоционально-волевые качества: средний уровень эмоциональной устойчивости (С), высокая чувствительность (I), оптимальный уровень внутренней напряженности (Q4), высокая социальная нормированность (G), проникающая способность к эмпатии, оптимальная тревожность, средняя стрессоустойчивость, нормальные показатели чувствительности к стрессу, генерализованность целеустремленности, самообладания и выдержки.

Е.П. Волохова

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

При анализе общественного мнения уделяется внимание двум обстоятельствам: тому, как граждане узнают о вещах, которые по большей части находятся за пределами их непосредственного опыта, и тому, как получаемая информация преобразуется в общественное мнение. Препятствиями для манипулирования являются собственный опыт людей, а также не контролируемые властью системы коммуникаций: семья, родственники. Наиболее слабы у населения защитные механизмы против манипулирования в области новой проблематики, по отношению к которой у него еще не сложилось мнение. Одним из способов распространения информации являются слухи. Под слухами понимаются процессы межличностного общения, в ходе которого эмоционально значимый сюжет становится достоянием обширной и рассредоточенной аудитории. Своевременное выявление эмоциональной насыщенности слуха, определение границ его распространения, интенсивности и циркуляции могут помочь вынести суждение о доминирующих настроениях в конкретной социальной общности.

На основе теоретического материала было проведено эмпирическое исследование по поводу информационной «утки», созданной в СМИ 21 мая 2008 г. о том, что на Ленинградской атомной электростанции произошла авария в одном из энергоблоков с выбросом радиации в атмосферу, образовалось радиационное облако, которое движется к Санкт-Петербургу. Было проведено психологическое измерение (опрос-анкета), в ходе которого регистрировались ответы на 9 вопросов, учитывающих эмоциональный компонент (первичную реакцию на информацию), с одной стороны, и когнитивный, с другой стороны, (попытка объяснить распространение слухов). Объектами исследования были жители Санкт-Петербурга и Ленинградской области (всего 98 человек). Опрос проводился с 24 мая по 1 июня 2008 г., т. е. в течение 2–7 дней со дня события, рассылались вопросы по интернету (социальная сеть Вконтакте).

Общие выводы: авария на ЛАЭС – это событие, представляющее опасность для жизни, особенно если вспомнить аварию на Чернобыльской АЭС 1986 г. В данном случае многие респонденты решили проверить информацию у своих знакомых, либо живущих, либо работающих на ЛАЭС, два респондента воспользовались своими личными дозиметрами и удостоверились, что радиационный фон в норме. На женщин информация оказала большее эмоциональное воздействие, они испытывали страх. Сам факт появления слуха, стихийно возникшего или преднамеренно распространяемого, свидетельствует о том, что существует интерес людей к данной социальной проблеме, причем этот интерес не удовлетворяется СМИ.

По критериям классификации слухов Шерковина и Назаретяна: 1) авария на ЛАЭС относится к региональным слухам, охватывающим определенный географический регион, в частности Ленинградская область и Санкт-Петербург, в непосредственной близости от которого находится атомная станция; 2) по типу слух об аварии на ЛАЭС является «слухом-пугалом», который выражает предвидение каких-либо неприятностей, негативного развития событий. Этот слух возникает на основе переживаемого людьми страха. Исследование показало, что все-таки большая часть респондентов получили информацию от своих родственников, хотя «утка» была выложена в интернете. Страх, разделенный с большим количеством людей, переживается индивидом легче, это подтверждает определение слуха как пример межличностной коммуникации; 3) по информационному критерию, оценивающему достоверность слухов, степень соответствия сообщаемой в слухе информации реальным фактам, данный слух можно отнести к двум вариантам: а) недостоверный слух с элементами правдоподобия; б) правдоподобный слух, отражающий реальные факты, но не подтвержденный СМИ. Как показало исследование, респонденты разделились на две большие группы по степени доверия: те, кто не поверил вообще, и те, кто поверил сразу. Но по мере того, как шли официальные опровержения, степень доверия снижалась, т. е. в процессе распространения слуха информация, заложенная в нем, изменяется, трансформируется, что снижает степень ее достоверности; тенденция сглаживания информации – сюжет слуха становится короче за счет исчезновения той информации, которая кажется аудитории несущественной; 4) источник возникновения слухов в данном случае умышленно сфабрикован; 5) по силе влияния слуха на психику и массовое поведение данный слух относится к слухам, возбуждающим общественное мнение.

О.С. Дейнека, Е.Ю. Барафанова

ФАКТОР МОРАЛИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Соблюдение разнообразных норм (правовых, экономических, административных, технико-технологических и социальных) определяет характер взаимодействия субъектов рынка. Особую роль в этом плане играют моральные, или этические, нормы. Пренебрежение нормами морального характера ради индивидуального успеха не только снижает уровень доверия между участниками рынка, но и реально угрожает стабильности экономического развития, как в масштабе отдельного предприятия, так и на уровне национальной и даже мировой экономики. Ф. Фукуяма (2004) рассматривает мораль как социальный капитал, определяющий степень жизнеспособности общества, а значит, и его конкурентоспособности. Главный советник Всемирного банка в недавнем прошлом Дж. Стиглиц (2003) среди факторов, защитивших азиатских «тигров» от экономического кризиса, ставит на первое место хорошую трудовую мораль, а затем уже экспортную ориентацию и высокую норму сбережений.

Нравственный кризис современности представлен прежде всего в противоречии: с одной стороны, растет значимость моральной регуляции, с другой стороны, эмпирические исследования показывают деформации и дефициты морального сознания, проявляющиеся в таких феноменах, как anomia, моральный релятивизм, корпоративность морали. А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко (2003) подчеркивают важность мониторингового характера изучения нравственно-психологической регуляции экономической активности разных социальных групп, составляющих современное российское общество. По мнению Фукуяма, мораль направлена на единообразие регуляции отношений и снижение конфликтности в обществе. Деньги являются одним из самых мощных источников конфликтов, что позволяет Б.А. Райзбергу (2005) выделять такой вид конфликтологии, как денежная.

Настоящее исследование представляет собой попытку выявить место морали в символической картине представлений о конкурентоспособности на трех уровнях (личности, организации, страны) и отнести его к результатам готовности к морально-денежным девиациям. В исследовании приняли участие 84 представителя организаций разного профиля (возраст 35 ± 11 лет). Для исследования представлений о конкурентоспособности страны, организации и личности ис-

пользовался блок из трех методик ранжирования факторов конкурентоспособности О.С. Дейнека. Каждая из методик содержала мораль (морально-нравственный климат в коллективе, духовное воспитание) в качестве составляющей списка факторов повышения конкурентоспособности. Для исследования моральной компоненты экономического поведения использовался блок из трех экспресс-методик измерения монетарных стратегий А. Фенэма. Одна из методик давала представление о ценностно-мотивационных характеристиках профессиональной деятельности испытуемого, вторая предоставляла информацию о субъективных предпосылках зарабатывания денег, третья выявляла, какие морально-нравственные барьеры готов переступить испытуемый ради денег. Кроме того, испытуемые производили самооценку своей конкурентоспособности с помощью экспресс-методики (Фетискин Н.П. и др., 2002).

Результаты исследования показали, что испытуемые предъявляют более низкие моральные требования к себе, чем в отношении организации и страны. Критическое отношение к моральным девиациям обнаружено у более зрелых по возрасту испытуемых (при $p < 0,01$). Обследованные с более низким субъективным доходом в большей степени готовы ради денег переступить моральные барьеры. Те испытуемые, которые в меньшей степени стремятся к росту своей компетентности, допускают обман бизнес-партнера (при $p < 0,05$).

Среди тех, кто охарактеризовал себя как более ленивых, оказалось больше таких, которые решились бы украсть что-либо (при $p < 0,05$). Личности с более размытыми целями готовы ради денег выполнять работу, которая не нравится (при $p < 0,001$). Готовы ради денег дать взятку те, у кого успех в работе ассоциируется с большими доходами (при $p < 0,01$), конкурентоспособность страны связывается с ее финансовым благополучием (при $p < 0,01$), и деньги выступают важным фактором конкурентоспособности личности (при $p < 0,01$). Дать взятку скорее решаются менее трудолюбивые и более рискованные (при $p < 0,05$). Получение взятки допускают те, кто оценивают себя как лидеров, а не как ведомых (при $p < 0,05$). Те испытуемые, для которых деньги являются важным фактором личной конкурентоспособности, демонстрируют более высокую готовность дать взятку и получить взятку, т. е. не просто более терпимо относятся к такому суррогату регуляции экономических отношений, как коррупция, но и вовлекаются в нее.

М.А. Дроздова

ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ СВЯЗИ ОБРАЗОВ РОДИТЕЛЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Одним из аспектов проблемы политической социализации выступает феномен связи родительских и политических авторитетов в сознании детей и молодежи. Этот вопрос изучался, главным образом, в рамках американской психологии (Ф. Гринштейн, Дж. Девис, Дж. Деннис, Д. Истон, Дж. Торни, Р. Хесс). Однако результаты проведенных исследований в основном констатировали лишь факт связи между образами родителей и политиков. В немногочисленных попытках выявить механизмы связи указанных образов акцент делался преимущественно на психоаналитические механизмы (перенос, регрессия, идентификация).

Целью нашего исследования было изучение образов родительских и политических фигур в сознании детей и молодежи, а также механизмов их связи. Выборку составили 350 школьников и студентов (г. Чернигов). Результаты показали, что оценка реальных политиков (В. Ющенко, В. Янукович, Ю. Тимошенко) является преимущественно негативной или амбивалентной и отражает существующие стереотипы относительно политики и политиков. Идеальный политический лидер наделяется целым комплексом черт, среди которых доминируют эмоционально-волевые и морально-этические. С возрастом представления об идеальном лидере дифференцируются, становятся более четкими. Восприятие детьми и молодежью образа отца осуществляется, с одной стороны, сквозь призму традиционных маскулинных стереотипов, а с другой, ему приписывается комплекс черт морально-этического и фемининного содержания. Мать, в целом, представляется авторитетной фигурой, воплощающей различные позитивные черты. Вместе с тем ее образ более разноплановый и многогранный, чем образ отца.

Исследование возрастной динамики составляющих образов родителей и политических лидеров показало, что с возрастом увеличиваются критичность и адекватность восприятия взрослых авторитетов, уменьшается их идеализация. Связь между образами родителей и политических лидеров в первую очередь касается черт интеллектуально-делового и коммуникативного типов. Признаки опытности и доброжелательности часто связывают образы обоих родителей и политических лидеров. Ряд других шкал чаще срабатывают в диаде

«отец – политик» или «мать – политик». Эти связи отражают гендерные стереотипы «делового» маскулинного отца и эмоциональной, эффективно взаимодействующей матери. И у девушек, и у юношей больше связей касаются образа отца и политиков, с возрастом связь типа «родители–политические лидеры» становится менее выраженной.

Полученные данные показали, что в основе связи образов родителей и политических лидеров лежит механизм переноса. Он может проявляться в разных формах – как проективно-аттрактивный, аттрактивный, проективный, стереотипно-аттрактивный, идентификационный. В качестве ведущих механизмов воспроизведения родительских образов в представлениях молодежи о политических лидерах мы выявили проективно-аттрактивный, проективный и аттрактивный переносы. Чаще всего соответствующие связи обеспечиваются проективно-аттрактивным переносом: молодежь проецирует свою симпатию к родителям на образы авторитетных для них политиков. Нами зафиксированы половые отличия в закономерностях связи между составляющими исследуемых образов и их механизмов. Так, у юношей выявлено больше связей между образами обоих родителей и политических лидеров, и выразительнее срабатывают механизмы проективного, проективно-аттрактивного и аттрактивного переносов. У девушек же эти связи обеспечиваются аттрактивным, стереотипно-аттрактивным и проективным переносами.

На основе полученных результатов мы построили модели связи структурных компонентов образов родителей и политических лидеров. Структура моделей отражает существование в политическом сознании молодежи «мужского» и «женского» архетипов власти. Основу первого составляют связи между определенными компонентами образов отца и идеального президента, которые обеспечиваются механизмом проективно-аттрактивного переноса. В то же время «женский властный авторитет» построен на связях образов матери, Ю. Тимошенко и идеального президента, где доминируют механизмы проективно-аттрактивного и идентификационного переносов.

Е.В. Иоффе

ЗНАЧЕНИЕ РАБОТЫ ПО ИЗМЕНЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В БОРЬБЕ С ПРОСТИТУЦИЕЙ

Проституция относится к «тёмным» сторонам социальной жизни, которые редко попадают в поле зрения исследователей. Возникший в

90-е годы интерес к этой теме у социологов, психологов, журналистов и деятелей кино угас, а масштабы распространения проституции только увеличились. При этом важно отметить, что предложение сексуальных услуг значительно превышает спрос, который на сегодняшний день стимулируется специальными маркетинговыми средствами: реклама в газетах, в интернете, на сайтах знакомств и т. д. Для Петербурга, например, характерно, что на многих оживленных перекрестках водителям, задержавшимся на светофоре, раздаются буклеты с фотографиями девушек и координатами, по которым их можно «заказать». Каждый район представлен несколькими адресами массажных салонов, бань и других заведений. На фотографиях кроме изображения девушек аналогично маркировке товара приведены их параметры: возраст, рост, размер груди. Можно только сожалеть, что проблема развития рынка сексуальных услуг не включена в общественные дискуссии, а если эта тема вдруг появляется в СМИ, то преобладает обсуждение легализации и декриминализации проституции, которые оправдываются необходимостью контроля связи проституции с распространением ЗППП и ВИЧ-инфекции. Поэтому вне общественной рефлексии оказываются связь проституции с преступностью (насилие, наркотики, трэффик и т. д.) и вовлечение в проституцию и секс-индустрию несовершеннолетних, хотя согласно данным, полученным в ходе социальной работы, осуществляемой сотрудниками РОО СПСБН «Стеллит», среди женщин, вовлеченных в уличную проституцию в Санкт-Петербурге, около 30 % составляют несовершеннолетние девушки.

Как показывает опыт западных стран, экспериментирующих с реализацией разных политик в отношении проституции, основная работа по решению этой проблемы должна быть направлена на изменение общественного мнения и, прежде всего, отношения самих мужчин к проституции. Именно мужское желание предшествует и функционирует как необходимое условие для продолжающегося существования проституции. Однако общественное мнение в первую очередь стремится определить статус самих проститутток. В соответствии с базой данных Фонда общественного мнения за 2008 г. оценки проституции и тех, кто ею занимается, далеки от однозначно порицающих. Женщины примерно одинаково относятся и к самим проституткам, и к тем, кто пользуется услугами таковых (проститутток осуждают 47 %, не осуждают – 30 %; клиентов – 44 и 28 % соответственно), тогда как мужчины демонстрируют гораздо большую толерантность в

отношении потребителей сексуальных услуг, нежели тех, кто их оказывает (проституток осуждают 36%, их клиентов – 27%).

В ходе одного из наших исследований, в котором приняли участие 96 женщин в возрасте от 18 до 42 лет, наряду с другими вопросами спрашивалось: «Если бы Вам предоставили возможность определить государственную политику относительно проституции, какой из вариантов Вы бы выбрали: 1) легализация проституции; 2) криминализация или запрет проституции; 3) криминализация клиента проститутки». Третью стратегию выбрали только 20 % респонденток, а ответы остальных почти равномерно распределились за легализацию и запрет проституции. То есть большинство женщин не осознает роли мужчин в поддержании и развитии секс-индустрии.

К сожалению, вне фокуса внимания общественного сознания оказывается проблема все большего вовлечения в покупку услуг проституток молодых мужчин, что влечет за собой осложнение развития эгалитарных отношений между мужчинами и женщинами. Гендерное равенство не может быть достигнуто до тех пор, пока мужчины будут покупать, продавать и эксплуатировать женщин. Следует задать себе вопрос, что происходит с человеком, который регулярно подчиняет себе другого человека? К каким социальным последствиям приводит нарастание массы подобных мужчин в обществе? Как это влияет на их роли отцов, профессионалов, политических деятелей? Что думают эти мужчины о достоинстве, справедливости и о правах человека?

В соответствии с опытом Швеции, который готовятся перенять Финляндия и Литва, наиболее эффективный способ, которым осуществляется борьба с самим институтом проституции, заключается в разрушении рынка посредством закона о криминализации клиента. Как в ситуации со взяточником, которого сурово наказывают за подкуп должностного лица, закон и его реализация имеют превентивный эффект. Он направлен на уменьшение числа клиентов и, главное, на изменение установок в обществе по поводу проституции.

А.Г. Конфисахор

КРИТЕРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ МАТРИЦ ОСНОВНЫХ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИЙ

В основе геополитики лежат цивилизационный подход, военно-стратегические концепции и теории географического детерминизма. В цивилизационном подходе акторами геополитики являются не госу-

дарства и нации, а цивилизации, культурно-религиозные и культурно-исторические общности. Согласно военно-стратегическому подходу между 30 и 40-й параллелью существует зона, в которой сталкиваются интересы морской империи и сухопутной державы, что и является причиной конфликтов и войн. Концепции географического детерминизма рассматривают влияние географической среды на историю и человека. До эпохи глобализации, наступившей во второй половине XX в., главными акторами мирового политического процесса считались государства-нации. В настоящее время геополитическая ситуация кардинально изменилась и в качестве акторов геополитических процессов выступают геоцивилизации. Противостояние по цивилизационному признаку существовало на протяжении всей истории человечества, принимая то экстремальные, то опосредованные формы и признаки. Отметим, что геоцивилизации, являясь культурными единствами, в отличие от политических систем, не имеют четких временных и пространственных границ, при этом каждая цивилизация может содержать как одно, так и несколько политических образований.

Актуальность проблемы исследования геоцивилизаций как акторов глобальной геополитики рассмотрел С. Хантингтон. Согласно его определению, цивилизация – это «наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации... Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей». Он выделил китайскую, японскую, индуистскую, исламскую, западную, православную и латиноамериканскую цивилизации и, под вопросом, африканскую. Согласно концепции С. Хантингтона, возник мировой порядок, основанный на цивилизационных принципах. Общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом, причем попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными, т. к. общества группируются вокруг ведущих стран своих цивилизаций. Глобальная политика предстает многополюсным и полицивилизационным явлением, при котором распространение западных норм и идеалов не приводит к возникновению всеобщей цивилизации.

Для исследования характеристик основных геоцивилизаций необходимо использовать следующие критерии анализа, соотнося их с элементами общенаучного пентабазиса: 1) отношение к собственности (энергия); 2) отношение к закону (пространство); 3) отношение к индивиду (время); 4) отношение к религии (информация); 5) политическая деятельность (субстрат). Анализ ведущих геоцивилизаций

позволяет получить следующие цивилизационные матрицы. К ведущим мы отнесем: западно-европейскую, арабо-мусульманскую, конфуцианско-китайскую и славяно-православную гецивилизации. Их анализ позволяет получить следующие цивилизационные матрицы.

Западно-европейская: 1. Частная собственность – основа независимости человека. 2. Индивидуальная ответственность и рациональное правосознание. 3. Человек – единица общества и ценность. 4. Разделение светского и религиозного. 5. Гражданское общество, большинство вовлечено в политическую деятельность

Арабо-мусульманская: 1. Частная собственность – основа общественного равенства. 2. Религиозное правосознание, личная ответственность за грехи мира. 3. Человек – песчинка, основная добродетель – покорность. 4. Теократизация всех сфер жизни. 5. Императив веры в политической деятельности. Теократизация власти.

Конфуцианско-китайская: 1. Собственность – основа благополучия семьи и общества. 2. Традиционное правосознание, человек несет ответственность за семью. 3. Основа общества – семья, основная добродетель человека – долг. 4. Религиозное обоснование целесообразности. 5. Сакрализация власти. Политика – сфера ограниченного меньшинства.

Славяно-православная: 1. Общинная собственность – основа социальной гармонии. 2. Коллективная ответственность. Закон может быть противоположен справедливости. 3. Соборная личность. Идеал общинности. 4. Религия как идеология, но не личная религиозность. 5. Политика как «коллективный грех», как неодобряемая сфера деятельности.

Предложенный анализ сходства–различия, соответствия–несоответствия ведущих гецивилизаций позволяет прогнозировать возможности их сотрудничества, противостояния, компромисса или избегания взаимодействий и взаимоотношений, что и является одной из ключевых задач глобальной геополитики.

Н.О. Леоненко

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО ХАРАКТЕРА И ЛИЧНОСТИ

За последнее десятилетие в российском обществе произошли коренные преобразования, связанные с изменением традиционного российского стиля жизни в соответствии с мировыми западными стан-

дартами. Характерной особенностью этой трансформации стала унификация специфичных для России форм жизнеобеспечения, и в этой связи особую актуальность приобретает проблема прогрессирующей утраты специфики русского национального характера. С одной стороны, трансформация общественного устройства должна повлечь за собой изменение характера народа в соответствии с преобладающими чертами в единой глобальной общности. С другой стороны, современные ученые отмечают парадоксальную тенденцию к росту этнического самосознания в условиях унификации этнических культур. Что же все-таки остается неизменным в русском национальном характере и что меняется в условиях глобализации?

С целью изучения этнической специфики русского характера нами проводилось эмпирическое исследование. В качестве диагностического инструментария был использован опросник «Исследование национального характера и личности» (The NEO Personality Inventory – Revised Form R, by Paul Costa And Robert McCrae). В исследовании приняли участие представители трех этнических групп: русской (114 человек), немецкой (104 человека) и турецкой (98 человек). Эмпирические данные были подвергнуты факторному анализу.

Факторная структура русского национального характера и личности: 1 Фактор – «Адаптирующая инертность». Фактор включил в себя следующие переменные: «доверчивый, легковверный, наивный», «неорганизованный, небрежный», «медлительный, размеренный», «апатичный, ленивый, бесцельный», «склонный к крайностям, максималист» и «противоречивый, непредсказуемый, неоднозначный». Мы склонны расценивать данные характеристики как проявления ограничения разного рода активности русского человека. Так, доверчивость и наивность могут быть рассмотрены как ограничение рациональности и критичности; небрежность – ответственности и аккуратности; медлительность – динамических характеристик, апатичность – активного отношения к жизни и т. п. Принимая во внимание исторически сложившиеся модели адаптации русских людей к климатическим условиям жизни (круглосуточная работа летом и длительный неактивный период с осени до весны), мы интерпретировали содержание данного фактора как проявление стремлений к экономизации усилий, или своего рода сдерживанию тех или иных проявлений активности.

2 Фактор – «Альтруизм»: положительный полюс – «подвижник, склонный к самопожертвованию»; отрицательный – «безрадостный, скучный, серьезный» и «стремящийся к уединению, необщительный».

На наш взгляд, данные характеристики отражают непереносимость русским человеком сколько-нибудь длительного уединения и отсутствия впечатлений в сочетании с высокой степенью готовности к проявлению героизма ради достижения высокой цели. Вместе с тем, в данном конструкте отсутствуют переменные, отражающие стремление к достижению корыстных целей.

3 Фактор – «Авантюризм»: «склонность к риску и острым ощущениям», «беспечный, легкомысленный, нерасчетливый» и «покорный судьбе». Подобное сочетание отражает склонность русского человека к риску, сопряженную с фаталистическим отношением к жизни, без обращения к рациональным доводам и расчётам (с надеждой «на авось»).

Факторная структура немецкого национального характера и личности: 1 Фактор – «Пессимизм»: «безрадостный, скучный, серьезный, эмоционально чувствительный, переживающий и «тревожный, напряженный, беспокойный».

2 Фактор – «Склонность к конкуренции»: «склонность к риску и острым ощущениям», «амбициозный, целеустремленный» и «способный, эффективный, компетентный».

3 Фактор – «Социализирующий догматизм»: «дисциплинированный, упорный, способный к длительному напряжению» и «консервативный, догматичный».

Факторная структура турецкого национального характера и личности: 1 Фактор – «Поддерживающий догматизм»: «консервативный, догматичный», «покорность судьбе», «удовлетворенный, оптимистичный» и «беспечный, нерасчетливый».

2 Фактор – «Авантюризм»: «хитрый, ловкий, манипулирующий» и «склонность к риску и острым ощущениям».

3 Фактор – «Оптимизм»: «дружелюбный, теплый, нежный» и «неунывающий, не теряющий самообладания в трудных ситуациях».

Анализ эмпирических данных позволяет констатировать наличие этнических особенностей русского национального характера и личности (инертность, альтруизм, беспечность, фатализм, противоречивость, максимализм).

И.А. Самуйлова

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АУДИТОРИИ О БЕЗОПАСНОСТИ СООБЩЕНИЙ СМИ

В последнее время в обществе появилась потребность в защите от недоброкачественной информации. По данным социологического опроса, проведенного компанией ROMIR Monitoring в 2004 г., 76 % россиян высказались за введение цензуры в СМИ, против – только 6 %. В учебных заведениях активно формируется медиаобразование, которое учит распознавать информацию, наносящую вред личности, и уклоняться от нее.

Весной 2010 г. нами проведено исследование, направленное на выявление представлений аудитории о качестве сообщений СМИ на тему финансово-экономического кризиса. В исследовании приняли участие жители Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Москвы, Сыктывкара, Архангельска. Всего 100 человек от 20 до 72 лет. Средний возраст членов выборки – 33 года. Из них 40 % – мужчины и 60 % женщины. Высшее образование имеют 58 человек (63,4 %), неполное высшее – 33 человека (33 %), среднее специальное – 9 человек (3,6 %).

Мы предположили, что представления респондентов о сообщениях политиков России на тему финансово-экономического кризиса связаны с психологическими защитами, которые актуализируются в масс-коммуникационных ситуациях, и блоком гуманитарных психических состояний как реакции на качество политической информации. В качестве инструментария использовались: авторская анкета на выявление представлений аудитории СМИ о психолого-политических качествах политической информации (разработана И.А. Самуйловой, А.Л. Шлионским), модифицированный вариант методики семантического дифференциала для выявления актуальных для аудитории психических состояний, апробированный в кандидатской диссертации В.А. Бианки, а также методика «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index (LSI)), предложенная Р. Плутчиком с соавторами для выявления механизмов психологической защиты индивида.

Результаты нашего исследования подтвердили зафиксированную в последних соцопросах тенденцию падения доверия аудитории к сообщениям СМИ. Хотя телевидение предпочитается другим каналам массовой коммуникации, сегодня оно расценивается как источник репрезентации не вполне практических, объективных сведений. Скорее

оно вызывает возмущение и состояние напряженности. Несмотря на удобство восприятия сообщений СМИ о финансово-экономическом кризисе и их понятность, аудитория испытывает недостаток в разноплановости и непредвзятости обсуждения происходящего. Возможно, с этим связано предпочтение интернета при необходимости получения интересующей информации как менее «ангажированного» и подконтрольного источника. Вместе с тем использование интернета утомляет и способно быстрее истощать психические ресурсы аудитории, поскольку требует активизации самостоятельного регулирования процессов восприятия и переработки информации. Предоставляемая информация оказалась безопасна лишь по критериям понятности и демонстрации высокой заинтересованности в ней, что, как было установлено в исследовании, активизирует механизм управления с целью осуществления контроля над процессом воздействия.

Также выявлено, что ощущение неполноты и малая степень доверия к сообщениям СМИ могут актуализировать стремление аудитории прервать контакт с информацией, чтобы оградить психику от нежелательного внешнего воздействия. Качество сообщений СМИ при осуществлении интеллектуальной экспансии на заданную тему оценить сложнее. По критериям адекватности / неадекватности (Юрьев А.И., 1992) отсутствие противоречий в их оценивании проявилось лишь по четырем критериям из шестнадцати. Так, ясность информации для респондентов не исключает возможности формирования серии критических суждений о ней и ее распространителях, а также ее оценки как недостаточной, неправдоподобной, подрывающей доверие к носителям иной позиции. Акцент аудитории СМИ на блоке мотивационных (возмущение, негармоничность) и практических (утомление, напряженность, тревожность) состояний при оценке сообщений ведущих политиков России на тему современного финансово-экономического кризиса может свидетельствовать о тенденции судить о циркулирующей информации с позиции расклада сил в обществе между участниками политического процесса, а также с точки зрения анализа объема расходования собственных ресурсов. Процесс формирования картины мира респондентов сегодня в большей степени определяется критичностью, а удовлетворение потребностей организма в жизненных ресурсах – любопытством.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (государственный контракт № П2403 от 18.11.2009).

Е.Е. Алексеева

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ

Современное понимание психического и физиологического как разных аспектов рассмотрения одних и тех же системных процессов позволяет не только представить типологические особенности человека в виде трёх иерархически связанных между собой уровней, где на базовом уровне находятся генотипически определяемые особенности нервной системы; на высшем уровне располагаются особенности характера, составляющие «фенотип», а промежуточное интегративное положение между генотипом и фенотипом занимают психодинамические свойства человека («темпераментальный уровень») (Каменская, Алексеева, 2010), но и предположить возможность изменения типологических особенностей разных уровней. Изменение типологических особенностей на фенотипическом уровне является обычной целью проведения социально-психологического тренинга, вместе с тем недостаточно учитывается тот факт, что психологическое воздействие социально-психологического тренинга затрагивает и генотипический и тем более темпераментальный уровень типологических особенностей человека.

Цель нашего исследования заключается в анализе изменений психофизиологических и психологических особенностей студентов вуза в результате проведения социально-психологического тренинга. Мы предположили, что изменения будут затрагивать типологические особенности студентов на генотипическом, темпераментальном и фенотипическом уровнях. Блок психофизиологических методов включал в себя психофизиологическую пробу Штанге (задержка дыхания на вдохе) для экспресс-оценки адаптационного ресурса. Блок социально-психологических методов состоял из опросника Г. Айзенка (форма PEN) для оценки экстраверсии–интроверсии, нейротизма, психотизма и опросника К. Томаса (адаптация Н.В. Гри-

шиной) с целью оценки эффективных и неэффективных стилей поведения в социальных конфликтах. Всего в программе психологического тренинга в 2010–2011 гг. приняли участие 70 студентов (19 юношей и 51 девушка) Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Средний возраст студентов составлял $18,8 \pm 0,9$ лет. Статистическая обработка данных проводилась при помощи компьютерной программы SPSS (статистический пакет для социальных наук). Был применён вариант t-критерия: Paired-Samples T Test (t-критерий для зависимых выборок) для сравнения средних значений двух выборок и определения статистической значимости их различия (Наследов, 2007).

После первичной диагностики со студентами было проведено 10 занятий социально-психологического тренинга с целью коррекции неэффективных и дезадаптивных форм поведения посредством углубления опыта анализа ситуаций общения (повышение адекватности анализа себя и партнёров по общению). Изменения типологических особенностей фиксировались сразу после тренинга и спустя год после его проведения. Было выявлено, что среднее значение переменной «проба Штанге» сразу после тренинга (49,07) оказалась статистически значимо выше среднего значения переменной «проба Штанге» до тренинга (38,55) с уровнем значимости $p = 0,001$.

В то же время сравнение показателей среднего значения переменной «проба Штанге» до тренинга и спустя год после проведения социально-психологического тренинга показало сохранение динамики изменения адаптационного ресурса в сторону его увеличения с уровнем значимости $p = 0,031$, что может рассматриваться как положительный эффект от проведения социально-психологического тренинга. У студентов спустя год сохранилась динамика выявленных сразу после тренинга изменений, связанных с повышением показателей общительности и эмоциональной стабильности. И хотя эти изменения не были статистически достоверными, как и изменение показателей реагирования в конфликтной ситуации до тренинга и спустя год после его проведения, необходимо отметить как положительную тенденцию увеличение у студентов общительности, эмоциональной стабильности и сотрудничества. Уменьшение среднего значения показателя «искренность» спустя год после проведения тренинга по сравнению с показателями до тренинга с уровнем значимости $p = 0,000$ рассматривается нами как положительное изменение типологических особенностей на фенотипическом уровне.

Таким образом, психологическое воздействие, которое оказывает социально-психологический тренинг, затрагивает генотипический (увеличение адаптационного ресурса), темпераментальный (увеличение общительности и эмоциональной устойчивости) и фенотипический уровни типологических особенностей человека.

Н.М. Бабаева

ПРОЯВЛЕНИЕ СИЛЫ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К ВУЗУ

Одной из важнейших задач, связанных с изучением проблемы адаптации к вузу, является изучение внутренних факторов адаптации (называемых также «личностные факторы», «личностные ресурсы адаптации», «адаптационные способности», «психологические факторы», «внутренние условия» и т. п.). Анализ работ исследователей, направленных на изучение приспособительной функции индивидуально-психологических свойств на всех уровнях интегральной личности, позволил выделить те из них, которые существенно влияют на адаптационный процесс в вузе, в том числе свойства нервной системы (силу и лабильность).

Основные свойства нервной системы являются врожденными индивидуальными особенностями нервной организации человека, на основе которых в зависимости от жизненных условий формируются черты характера, стиль деятельности, особенности волевых процессов и т. д. Причем в обычных жизненных ситуациях, по мнению В.Д. Небылицына, особенности поведения человека в большей степени обусловлены «воспитательным влиянием и регулируемыми воздействиями социального окружения». Однако возникновение «экстремальности» приводит к «более или менее выраженной редукции выработанных способов поведения и как бы обнажает закрытые наслоениями опыта природные качества индивидуальной нервной организации, среди которых на первом месте... стоят основные свойства нервной системы». При этом автором отмечается значимость в экстремальных ситуациях силы нервной системы по возбуждению и лабильности. Поскольку начало обучения в вузе характеризуется многими исследователями как стрессовая ситуация, требующая от учащихся построения новых моделей поведения, одной из составляющих нашего исследования стало проявление силы нервной системы старшекласников в процессе их адаптации к вузу.

В исследовании принимали участие 189 15–17-летних учащихся среднетехнического факультета Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. Для исследования силы нервных процессов использовалась методика Е.П. Ильина «Теппинг-тест». В качестве одного из критериев успешности процесса адаптации учащихся рассматривалась их академическая успеваемость.

Результаты исследования показали следующее:

1. Высокоуспешные учащиеся отличаются ($p < 0,05$) большей величиной максимального темпа теппинга, что позволяет говорить об их больших энергоресурсах. Как известно, в моторной организации человека, в его поведении, деятельности, речи отражается практически вся его характеристика и как индивида, и как личности, и как субъекта деятельности при всей его неповторимой организации. Б.Г. Ананьев выделял уровень микродвижений, в основе которых лежит спонтанная двигательная активность (автоколебания мышечно-двигательных, речедвигательных, сосудодвигательных систем с обратной связью), определяемая энергетическими процессами организма и преобразуемая под влиянием информационных потоков деятельности. Возможно, именно различиями в скоростных параметрах микродвижений объясняется, например, разница в полноте и качестве конспектов лекций высоко- и слабоуспешных учащихся, поскольку характеристики моторного темпа определяют скоростные параметры некоторых видов учебной деятельности учащихся, их способность к скорописи, к быстрому и продолжительному письму во время лекций.

2. У высокоуспешных учащихся лучше показатели нарастания и устойчивости моторного темпа, что позволяет говорить об их более быстрой вработываемости в различные виды деятельности и о способности дольше выдерживать высокие нагрузки, а также характеризует нервную систему высокоуспешных учащихся как более сильную. Двигательные характеристики включены во все виды деятельности человека и свидетельствуют о его реальных ресурсах и резервах. Согласно Е.П. Ильину, показатели психомоторики отражают способность терпеть усталость и аэробные возможности организма.

3. Выявление с помощью теппинг-теста показателей силы нервной системы (максимального темпа теппинга, его нарастания и устойчивости), как нам кажется, может использоваться для изучения процесса адаптации учащихся к обучению в вузе; выполнять прогностическую функцию относительно успешности адаптации; индивидуализировать предъявляемые учебным процессом требования к уча-

щимся, поскольку характеризуют способность учащихся к скорописи, быстроту их вработываемости и выносливость в учебной деятельности – качества, обуславливающие высокую академическую успеваемость в вузе, являющуюся одним из критериев успешности адаптации.

В.Д. Балин, И.А. Горбунов

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ВАЛИДНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕСТОВ

Валидность психологического теста – одна из основных его характеристик. Существует несколько видов валидности: внешняя, внутренняя, операциональная, конструктивная, валидность по критерию, диагностическая, прогностическая, экологическая. Соотношение между разными видами валидности часто видятся исследователями в зависимости от их теоретических представлений. В данном случае речь будет идти главным образом о конструктивной и, как ее следствие, прогностической и диагностической валидности. Известны несколько способов оценки валидности, но среди них нет идеального. Приемлемый результат достигим, видимо, при применении нескольких методов. Но и в этом случае валидность теста можно подвергнуть сомнению. На наш взгляд, для проверки валидности психологических тестов можно применить психофизиологические критерии. Широко известно применение психогенетических исследований для оценки валидности интеллектуальных тестов (И.В. Равич-Щербо). Часто применяются психофизиологические критерии при построении тестов, измеряющих темперамент (А. Басс и Р. Пломин, В.М. Русалов).

Мы исходим из предположения, что каждому психическому явлению соответствует некая функциональная система (ФС), которая «обеспечивает» его развитие и функционирование. Названную ФС можно выявить, зарегистрировав некоторые физиологические и психофизиологические показатели параллельно разворачиванию интересующего нас психического явления. Так как любая ФС в зависимости от сложности ситуации и существующего набора средств достижения результата может включать различное количество ресурсов, набор физиологических и психофизиологических методик следует взять с «запасом».

После измерения набора физиологических показателей, отражающих работу различных систем организма при реализации изучаемо-

го психического явления, необходимо подвергнуть его математической обработке. Здесь можно назвать нелинейные методы анализа: вычисление фрактальной и корреляционной размерности, вейвлет-анализ. Для моделирования системы взаимодействий между различными сигналами и глубинных мозговых явлений можно использовать метод независимых компонентов (ICA), дипольное моделирование, математические модели нейронных сетей, для выявления системы связей между элементами ФС – корреляционный, факторный и кластерный анализы, многомерное шкалирование, которые позволяют провести агрегацию данных. Выявленные блоки физиологических показателей должны сводиться в предполагаемую ФС, по которой можно определить, какую работу совершает организм при протекании интересующего нас психического явления. Для проверки статистических моделей, в которые включены исследованные звенья ФС и психологические параметры, используется моделирование структурными уравнениями, строятся модели нейронных сетей.

Другими словами, мы сможем создать физиологическую схему психического явления. Изучив ее, можно сказать, действительно ли выявленные закономерности соответствуют нашим представлениям о ФС, стоящей за изучаемым психическим явлением. Предлагаемый алгоритм определения валидности чем-то напоминает алгоритмический анализ трудовой деятельности (Г.М. Зараковский). Видимо, это оценка содержательной валидности, которая предполагает, что тест обнаруживает в себе полный набор заданий для измерения определенной черты. После выполнения описанной процедуры следует проводить оценку прогностической и диагностической валидности.

Приведем пример. Разрабатывается тест для определения семантической упорядоченности сознания (Л.О. Ткачева). Критерием для выявления такой степени упорядоченности будет возможность вписать в N-мерное пространство 7 понятий, расстояния между которыми испытываемый оценил субъективно. Оказывается, что степень упорядоченности этого пространства коррелирует с выраженностью тета- и гамма-ритмов, которые во многих психофизиологических исследованиях фигурируют как индикаторы работы сознания и речевых функций.

Полученные взаимосвязи подтверждают наличие ФС, стоящей за упорядочиванием семантических связей в процессе саморегуляции. Она базируется на увеличении информационной сложности перерабатываемой информации (высокочастотная ритмика) с одновременным закреплением выявленных закономерностей на уровне текущих моти-

вов, потребностей и психического состояния (низкочастотный диапазон). То есть на фоне усложнения картины мира происходит закрепление ее на уровне контекста эмоционально-потребностной сферы.

М.В. Вагайцева

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МУЖЧИН С ДИАГНОЗОМ «РАК ПРОСТАТЫ»

Онкологическое заболевание вызывает чрезвычайное психоэмоциональное напряжение у заболевшего человека в связи с реальной угрозой жизни, нередко калечащими видами лечения и необратимыми изменениями качества жизни. Онкологи признают, что переживания больного являются фактором, усугубляющим общее течение болезни и затрудняющим реабилитацию в период ремиссии. В структуре онкологической заболеваемости мужчин в мире первые места занимают рак легкого и предстательной железы.

В России средний годовой прирост рака предстательной железы составляет порядка 15 % за 15 лет на 2006 г., в Санкт-Петербурге рак простаты за этот же период переместился с 5-го на 3-е место в структуре онкологических заболеваний у мужчин. Снижение психологического напряжения становится особенно актуальным у больных с данной локализацией рака (С61 по МКБ-10). Продолжительность жизни этих больных может быть значительно продлена благодаря ранней диагностике и современным методам лечения заболевания, но качество жизни при этом часто остается очень плохим еще и в связи с тем, что наблюдается тенденция заболеваемости мужчин все более молодого возраста. Так, за 15 лет наблюдений больных раком предстательной железы число заболевших мужчин в возрасте 50–55 лет удвоилось. В этой связи исследования особенностей социально-психологической адаптации данной категории больных являются чрезвычайно актуальными.

Было исследовано 56 мужчин, находящихся в ремиссии разной длительности (от 1 до 10 лет) после перенесенного оперативного вмешательства в отделении урологии НИИ онкологии им. Н.Н. Петрова, а также 9 мужчин, у которых прошло не более 10 суток после операции. В ходе исследования с каждым из пациентов наряду с психологическим тестированием (тест ТОБОЛ, «Я-структурный» тест Аммона, шкала самооценки Дембо–Рубинштейн, тест «УСК», тест «Субъективный дифференциал времени», тест «Мотивации на буду-

сее» Нюттена) проводилась клинико-психологическая беседа. Вопросы, которые рассматривались в ней, касались некоторых социально-психологических аспектов отношений больного в связи с заболеванием: отношения в семье, с ближайшим окружением, а также степень удовлетворенности пациента этими отношениями, качеством его жизни в период ремиссии.

Было выявлено, что наиболее важным для психологической адаптации к изменившимся условиям жизни является период от 1,5 до 3-х лет, так как именно в эти сроки определяется, какие физические функции мочеполовой сферы восстановились. Вместе с тем отношения в семье, с ближайшим окружением влияют на психологическое самочувствие пациента и тем самым на его физическое восстановление. Кроме того, возраст пациентов предполагает активную социальную жизнь, однако переживания, вызванные калечащим характером операции, и нарушенные в связи с этим отношения, снижают качество жизни пациента. В психологической помощи нуждается не только сам пациент, но и его семья.

А.Э. Вейц

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ У ДЕТЕЙ С НЕРВНОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

В формировании защитных механизмов у детей большую роль играют социально-психологические факторы, а именно семья. Применение детьми тех или иных защитных механизмов и копинг-стратегий – результат демонстрации родителями образцов защитного поведения, а также негативного воздействия со стороны родителей. Мы изучили зависимость копинг-стратегий от видов родительского отношения и типов семейного воспитания у детей с неврозоподобным синдромом, обусловленным органической патологией ЦНС (1 группа) и с неврозами (2 группа). Было проведено исследование детей младшего школьного возраста по опроснику копинг-стратегий, адаптированному Н.А. Сиротой и В.М. Ялтонским, и их матерей по методикам «Тест родительских отношений» (А.Я. Варга, В.В. Столин) и «Анализ семейных взаимоотношений» (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис).

Результаты «Теста родительских отношений» показали, что мамам детей с неврозоподобным синдромом значительно труднее принять своего ребенка таким, как он есть, признать его индивидуальность, поддерживать и уважать его интересы. Поэтому в этой группе

высок процент применения стратегии «обнимаю, прижимаю, глажу» (как компенсация). Также мамы детей 1-й группы проявляют чрезмерный контроль за действиями ребенка, недооценивают его как личность, не верят в него. Отсюда – частое применение стратегий «играю во что-нибудь», «мечтаю, представляю себе что-нибудь» (уход от реальности). Матери детей 1-й группы считают своих детей несмысленными, а их интересы, мысли и чувства – несерьезными, что отражается в защите по типу регрессии («Считаете, что я еще малыш? Буду им!»). Это же подтверждают результаты опросника «Анализ семейных взаимоотношений», по которым 56 % детей 1-й группы воспитываются по типу потворствующей гиперпротекции, т. е. ребенок находится в центре внимания семьи, стремящейся к максимальному удовлетворению его потребностей, воспитание является смыслом жизни таких матерей. Как результат, проявляется интровертированность – «уход в себя» в знак протеста (в своем мире, в пространстве своих грез и фантазий ребенок чувствует себя свободным от гиперопеки). Дети в таких семьях отрицают свои недостатки, объективную реальность, живут в придуманном мире и верят в него. 41 % детей воспитывается по типу доминирующей гиперпротекции, т. е. сиюминутное удовлетворение потребностей сочетается с повышенным контролем над ребенком. Отсюда инфантилизм у таких детей, привычка перекладывать ответственность на других.

Матери детей с неврозами отстают от матерей детей 1-й группы по шкале «Симбиоз», т. е. между ними нет близких, доверительных отношений, они не пытаются оградить ребенка от неприятностей, дети не чувствуют себя защищенными. Поэтому в группе детей с неврозами высок процент применения копинг-стратегий «мечтаю, представляю себе что-нибудь» и дезадаптивных стратегий «кусаю ногти или ломаю суставы пальцев», «стискиваю зубы», указывающих на интрапунитивный тип реакции (агрессия направлена на себя), характерный для детей этой группы. Кроме воспитания по типу потворствующей гиперпротекции (58 %), для детей с неврозами характерно воспитание по типу гипопротекции (34 %). В отличие от детей 1-й группы, они остро реагируют на мнение окружающих, что ведет к мнительности, тревожности, крайней неуверенности в себе. Дети стараются вытеснить неприятные события из памяти (стратегия «стараясь забыть»). Также дети 2-й группы часто «едят или пьют», «принимают душ» и «спят» т. е. используют стратегии посредством восстановления физических сил.

Таким образом, дети с неврозоподобным синдромом применяют стратегии, позволяющие расслабиться путем телесного контакта, с помощью механизма идентификации (игра); дети с неврозами – посредством восстановления физических сил, используя дезадаптивные стратегии. Но ни те, ни другие не применяют осознанные, конструктивные копинг-стратегии, направленные на решение проблем. Полностью расслабиться и освободиться от негатива они не могут, что ведет в дальнейшем к закреплению негативных черт характера и формированию личности по патологическому типу, что усугубляет уже имеющуюся дезадаптацию личности. Анализ семейного воспитания и степень его влияния на уровень индивидуальной адаптации ребенка к своему социальному окружению позволит более дифференцированно подойти к семейной психологической коррекции, разработать методы индивидуальной коррекции с учетом личностного потенциала ребенка и родителей, особенностей межличностных отношений в семье и стилей семейного воспитания, а также специфики индивидуальной адаптации ребенка.

К.В. Вершинина, О.Ю. Аверьянова

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СТАЦИОНАРА

Целью нашего исследования было изучение особенностей эмоциональной сферы подростков в условиях стационара. Исследование было выполнено на базе Детской городской клинической больницы № 5 им. Н.Ф. Филатова г. Санкт-Петербурга. В исследовании принимали участие 30 подростков (15 девочек и 15 мальчиков) в возрасте от 14 до 16 лет. Для диагностики использовались: шкала психологического стресса PSM-25, опросник исследования ситуативной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера, подростковый опросник Г. Айзенка. Психологическое обследование больных проводилось в два этапа: на 2-й день пребывания в больнице и через 3–4 дня. Мальчики находились на лечении в лор-отделении, а девочки – на гинекологическом отделении.

По результатам исследования, проведенного в первые 48 часов после госпитализации, у мальчиков был выявлен средний уровень проявления психологического стресса в 86,6 % случаев, низкий только в 13,3 % случаев. Высокий уровень ситуативной тревожности диагностировался в 46,6 %, умеренный – в 53,3 % случаев. С целью диа-

гностики индивидуально-психологических свойств применялся опросник Айзенка. Большинство обследуемых (53,3 %) обладают холерическим типом темперамента, 40 % – сангвиническим, 6,6 % – флегматическим.

При обследовании девочек получены следующие данные: высокий уровень психологического стресса выявлен в 6,6 % случаев, средний уровень – в 73,3 %, низкий – в 20 %. Высокий уровень ситуативной тревожности выявлен в 86,6 % случаев, умеренный уровень – в 13,3 %. По результатам опросника Айзенка, 26,6 % обследованных девочек холерического темперамента, 60 % – сангвинического, 13,3 % – флегматического.

Таким образом, мы выявили, что после госпитализации мальчики и девочки находятся в состоянии стресса. Поступление подростка в больницу – такой же отрыв от семьи, как поступление в детское учреждение. Отрицательные эмоции подростков в связи с болезнью и предшествующим отрывом от семьи, друзей усугубляют, усиливают их боязливость. Наряду с дискомфортом, неуверенностью опасная ситуация порождает у подростка переживания тревожности и страха. Несмотря на холерический тип темперамента, склонного к бурным эмоциональным всплескам и резким сменам настроения, подростки не показали должного бурного эмоционального поведения.

Показатели ситуативной тревожности у девочек значительно больше, чем у мальчиков. Это может объясняться спецификой отделения, где девочки проходили лечение. Гинекологическое исследование, несмотря на самые различные возможности инструментального исследования, требует глубокого доверия к врачу, интимности, дискретности обстановки. Одним из самых больших страхов является необходимость «обнажаться» перед гинекологом и связанное с этим чувство стыда. На 4-е сутки пребывания в стационаре ситуация уже не оценивается как стрессовая: у всех мальчиков выявлен низкий уровень стресса. Умеренный уровень ситуативной тревожности – в 93 % случаев, низкий – в 7 % случаев. Таким образом, мальчики постепенно адаптируются к условиям больницы. У девочек выявлен низкий уровень стресса в 100 % случаев. Высокий уровень ситуативной тревожности выявлен в 20 % случаев, умеренный уровень в 80 % случаев. По-прежнему у девочек выше тревожность, чем у мальчиков, но, тем не менее, на 4-е сутки девочки тоже адаптируются. Им уже легче контролировать свои поступки, эмоции, настроение.

Подводя итоги, необходимо обратить внимание на то, что ребенку нужно помогать справляться со стрессами, которые вызывают гос-

питализация и процесс лечения в стационарных условиях. Наличие психологической службы является необходимым условием качественной системы услуг в детском здравоохранении. Психологи могут помочь в более эффективной организации больничной среды в целях снижения стресса, тревоги и страха, испытываемых детьми. В рекомендациях психолога также нуждается и медицинский персонал. Хорошая атмосфера в детском отделении, во всем детском лечебном учреждении необходима. Она должна быть дружелюбной, чтобы помочь детям чувствовать себя как дома, облегчить привыкание к больничной обстановке. Необходимо помнить, что комфортное пребывание ребенка в больнице можно обеспечить только совместными усилиями психолога и медицинского персонала.

С.А. Виндорф

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ У ПОДРОСТКОВ С НАРКОЗАВИСИМОСТЬЮ

Подростковый период представляется важнейшим подготовительным этапом взрослой жизни и характеризуется многообразием кризисных явлений, связанных с изменением телесного «Я», всей психической структуры, а также социального положения подростка. Важнейшей задачей данного возраста является создание собственной системы ценностей, приоритетов и этических принципов и идеологии как основы собственного поведения (Эриксон Э., 1996; Райс Ф., 2000).

Целью данного исследования являлось изучение особенностей ценностно-смысловой сферы у подростков с наркозависимостью. Было обследовано 90 подростков с наркозависимостью в возрасте 14–18 лет, средний возраст составил $16,28 \pm 1,14$ года, 33 женского и 57 мужского пола. Все обследованные пациенты находились на этапе реабилитации в различных наркологических учреждениях г. Санкт-Петербурга: «Центр медицинской профилактики наркологических заболеваний», отделение лечения больных с аддиктивной патологией детской городской инфекционной больницы. Всем испытуемым клинической группы был поставлен диагноз синдром зависимости от ПАВ врачами психиатрами-наркологами.

Для сопоставления с клинической группой была сформирована контрольная выборка из 90 социально адаптированных подростков без опыта употребления ПАВ, которая по половозрастным характери-

стикам была идентична группе наркозависимых подростков. В качестве экспериментального метода был применен тест «Смысло-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьева. Также использовались данные клинко-психологического обследования.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что у наркозависимых подростков наблюдается неудача в поиске смысла жизни («экзистенциальная фрустрация»). Так, подросток с аддиктивным поведением не видит целей в будущем, воспринимает жизнь как эмоционально ненасыщенную, считает, что жизнь ему неподвластна, и не удовлетворен ею в настоящее время. У наркозависимых подростков возникает «патологическая спираль развития». При низкой осмысленности жизни, неудовлетворенности подростки стремятся к поиску других ощущений, начинают употреблять наркотические вещества.

Наркотизация подростка, в свою очередь, приводит к еще меньшей удовлетворенности и осмысленности жизни; «идеологическая конфронтация» возникает не для отстаивания своих правил и взглядов на жизнь, а для осуществления наркотической активности, т. е. не для разрешения подросткового кризиса, а для беспрепятственной наркотизации. При этом наркотизация является средством для выражения протеста против норм и правил семьи и социума в целом. В свою очередь эмоциональная ненасыщенность жизни, фатализм, ощущение бессмысленности жизни являются факторами, способствующими различным поведенческим девиациям у наркотизирующихся подростков.

Поиск впечатлений, ощущений, переживаний приводит подростков к употреблению ПАВ, что еще больше снижает удовлетворенность жизнью. Это согласуется с данными ряда авторов, подчеркивающих, что у наркозависимых подростков блокирована способность планировать долгосрочное будущее (Кулаков С.А., 1989; Толстых Н.Н., Кулаков С.А., 1989) вследствие этого возникает неспособность к построению жизненной перспективы (Слоневская С.Ю., Стрельцова Ж.Н., 2000).

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить нарушения развития ценностно-смысловой сферы у подростков с наркозависимостью. В связи с этим в качестве задач психокоррекционной работы с наркозависимыми подростками следует рассматривать: преодоление «патологических спиралей развития», усиление осмысленности жизни, формирование способности строить временную и жизненную перспективу, повышение уровня целеполагания,

формирование собственной системы ценностей и жизненных ориентиров.

Т.Н. Высотина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В СЕМЬЯХ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ СО СЛОЖНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ

Категория детей со сложными нарушениями развития, среди которых особую группу составляют дети, страдающие аутизмом с умственной отсталостью, является малоизученной. По данным литературы, психическое развитие такого ребенка во многом обусловлено отношениями с близким окружением. Однако часто родители не могут оказать ребенку необходимую помощь. Это может быть связано как с неприятием диагноза, недостаточной информированностью об умственной отсталости и аутизме, так и с особенностями психологического климата в семье.

Цель исследования – выявление психологического климата в семьях, имеющих детей со сложными нарушениями развития (аутизм с умственной отсталостью). Всего было обследовано 120 родителей детей от 4 до 6 лет. Экспериментальную группу (ЭГ) составили 56 родителей детей с аутизмом и умственной отсталостью, контрольную группу (КГ) – 64 родителя детей с умственной отсталостью. В исследовании был использован клинико-психологический метод (биографический, наблюдение, беседа), комплекс экспериментально-психологических методик: опросник родительского отношения (ОРО) (А.Я. Варга, В.В. Столин); «Родительское сочинение» (адаптация А.А. Шведовской); 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла; метод цветowych выборов (МЦВ) (Л.Н. Собчик); опросник Г. Келлермана–Р. Плутчика (адаптация Л.И. Вассермана с соавт.); обработка данных – U-критерий Манна–Уитни, корреляционный анализ, контент-анализ.

По результатам клинико-психологического метода, у испытуемых были выделены преобладающие личностные реакции на ситуацию воспитания в семье ребенка с отклонениями. Матери обеих групп были склонны отрицать нарушение либо недооценивать его тяжесть, отцы стремились дистанцироваться от проблем семьи. Для матерей ЭГ были характерны также тревожно-фобические, депрессивные, демонстративные реакции, для матерей и отцов КГ – дисфорические. Анализ сочинений родителей выявил, что в ЭГ достоверно чаще ($p \leq 0,05$) встречался дистантный тип взаимодействия, характеризующийся недостатком эмоциональных связей между членами семьи, а также тип «Ребенок-диктатор», при котором родители стреми-

лись удовлетворить любые желания ребенка. По данным ОРО, испытуемые ЭГ достоверно чаще ($p \leq 0,05$), чем испытуемые КГ, эмоционально отвергали ребенка, преувеличивали его недостатки и одновременно стремились к единению с ним, сокращению психологической дистанции. По данным МЦВ, у 80 % испытуемых ЭГ выявлялся стресс, вызванный ощущением непреодолимости существующих препятствий. У 65 % испытуемых КГ также отмечалась напряженность, однако их отличал протест в отношении ограничений, активность в преодолении трудностей.

Наличие актуальной психотравмирующей ситуации в семьях детей с аутизмом, осложненным умственной отсталостью, было подтверждено также достоверными различиями ($p \leq 0,05$) в напряженности психологических защит в ЭГ и КГ. Выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,01$) в эмоционально-волевой сфере испытуемых ЭГ и КГ. Матери ЭГ более замкнуты, тревожны и раздражительны, зависимы от мнения окружающих, чем матери КГ и отцы ЭГ. Отцы ЭГ имели более высокую самооценку и отличались большим самоконтролем, чем отцы КГ.

Корреляционный анализ выявил положительные связи между эмоциональным отвержением ребенка и степенью тяжести нарушения развития, выраженностью искажения эмоциональной сферы ($r = 0,56$) и такими личностными особенностями родителей, как тревожность, раздражительность, ориентация на мнение окружающих ($r = 0,41$). В семьях аутичных детей, имеющих умственную отсталость, создается неблагоприятный психологический климат, который определяется как клинико-психологическими особенностями ребенка, так и личностными особенностями его родителей. Неоднозначность эмоциональных проявлений такого ребенка, своеобразие его интересов, поведения, интеллектуальные проблемы, а также недостаточная осведомленность о проблеме сложных вариантов развития формируют амбивалентное родительское отношение. Заострение тревожно-сенситивных черт личности у матерей и дистанцирование отцов отражаются на супружеских, детско-родительских отношениях, провоцируют семейные конфликты.

Помощь семьям, воспитывающим детей со сложными нарушениями развития, заключается не только в материальной, социальной, медицинской, образовательной поддержке, но и в поиске психологических ресурсов для их сплочения – формировании единой системы ценностей и требований, укреплении уважительного отношения к ребенку, его индивидуальности.

В.А. Гончарова, Е.Э. Кац

ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТИ У БОЛЬНЫХ С АФАЗИЕЙ

Память является сложным многоуровневым процессом, который предполагает как последовательную, так и параллельную реализацию различных операций, имеющих неодинаковое психологическое строение (Вачков И.В., 2000; Зинченко П.И., 1961; Леонтьев А.Н., 1983; Рубинштейн С.Л., 2000). Мнестическая деятельность обеспечивается распределенной системой мозговых зон, каждая из которых вносит специфический вклад в протекание процессов памяти (Визель Т.Г., 2005; Леонтьев А.Н., 2008; Рубинштейн С.Л., 2008). По данным А.Р. Лурия (1974), примерно у половины больных с очаговыми поражениями мозга встречаются нарушения памяти, которые могут проявляться на различных уровнях мнестической деятельности. Вместе с тем вопрос о состоянии памяти у больных с афазией недостаточно изучен. Однако можно говорить о том, что нарушения памяти у больных с афазией могут быть обусловлены рядом факторов. Распад речи приводит к расстройствам вербальной памяти, а также тех видов запоминания, которые требуют речевого опосредования (Леонтьев А.Н., 1983, 2008; Шохор-Троцкая М.К., 2001).

Целью данного исследования являлось изучение особенностей памяти у пациентов с моторными формами афазий. В исследовании приняли участие 80 взрослых (средний возраст 60 лет), из них 40 испытуемых без речевых нарушений и 40 испытуемых с моторными формами афазии: 16 с моторной афферентной, 15 с моторной эфферентной, 9 с афферентно-эфферентной моторной афазией. С целью изучения структуры нарушений памяти при афазии проводилось изучение состояния вербальной, опосредованной, ассоциативной и зрительной памяти. Результаты сравнительного анализа выявили сходную тенденцию более высокой продуктивности ассоциативной памяти по сравнению с речеслуховой у обеих групп испытуемых. Однако уровни сохранности разных видов памяти у испытуемых контрольной и экспериментальной групп существенно отличаются. Результаты изучения памяти показали наличие достоверных различий по всем параметрам исследования при $p \leq 0,01$ (по t-критерию Стьюдента) между двумя группами испытуемых. Наиболее значительная разница отмечается в результатах выполнения заданий на исследование вербальной и зрительной памяти; менее существенные различия выявлены в результатах исследования образной и ассоциативной памяти.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. У взрослых без нарушений речи отмечается средний уровень сохранности исследованных видов памяти, тогда как у пациентов с афазиями выявляется низкий уровень сохранности памяти. Это является следствием нарушения мозгового кровообращения, что в свою очередь приводит к нейрофункциональным нарушениям различных форм памяти (Корсакова Н.К., Московичюте Л.И., 2003; Лурия А.Р., 1974; Цветкова Л.С., 2001; Шохор-Троцкая М.К., 2001).

2. У испытуемых обеих групп наиболее продуктивным является опосредованное запоминание и запоминание по обобщениям, промежуточное место по продуктивности занимает зрительное произвольное запоминание, наименее продуктивной оказалась произвольная вербальная память. Подобное соотношение продуктивности различных видов памяти может отражать возрастные закономерности ее функционирования, которые проявляются, с одной стороны, в виде некоторого снижения объема памяти, а с другой – в более успешном использовании индивидуальных стратегий запоминания, в том числе логических приемов (Корсакова Н.К., Московичюте Л.И., 2003).

3. Специфическими особенностями запоминания вербального материала у больных с афазиями были значительно меньший объем запоминания слов, нестойкость ассоциаций при опосредованном запоминании, что проявлялось в виде замен слов, более частых, чем в контрольной группе, воспроизведении слов из мотивировки выбора карточки, возникновения новых ассоциаций. Трудности у пациентов с афазиями вызывала необходимость актуализации нужного слова, что приводило к описанию действий с объектом вместо его названия.

4. Достаточно высокие показатели, полученные при обследовании участников эксперимента по методикам «образная память», «ассоциативная память», можно объяснить тем, что переработка материала с помощью образов и понятий позволяет осуществить смысловую группировку и резко увеличивает объем запоминаемого материала (Зинченко П.И., 1961).

5. Состояние сохранности функции памяти у больных с афазией не одинаково, что может быть обусловлено особенностями речевого нарушения у пациентов, а также индивидуально-личностными особенностями (Лурия А.Р., 1974; Цветкова Л.С., 2001; Шохор-Троцкая М.К., 2001).

В.А. Гончарова

СОСТОЯНИЕ ПРОИЗВОЛЬНОГО ЗРИТЕЛЬНОГО ВНИМАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ С ДИСГРАФИЕЙ

Нарушения письма у младших школьников сопровождаются недостаточностью функционирования психических процессов, особенно зрительного внимания. Л.С. Цветкова (2000) отмечает, что несформированность функций внимания и контроля в письменной деятельности в одних случаях является самостоятельной причиной расстройства письма, а в других – усугубляет уже имеющуюся симптоматику дисграфии. Однако в современной логопедии недостаточно освещен вопрос изучения зрительного внимания у детей с дисграфией.

Целью данного исследования являлось сравнительное изучение объема, устойчивости и продуктивности зрительного внимания у детей младшего школьного возраста с дисграфией и у детей без нарушений письменной речи. В исследовании приняли участие 50 младших школьников без нарушений письменной речи (контрольная группа) и 50 детей с дисграфией. Возраст школьников – 8–9 лет, все дети являлись учащимися 2-х классов. В экспериментальную группу вошли дети с наиболее распространенным видом ведущей дисграфии – с дисграфией на почве нарушения языкового анализа и синтеза. Однако сопутствующие виды дисграфий были различными: дисграфия на почве нарушения фонемного распознавания, аграмматическая и оптическая дисграфия в различных сочетаниях.

Для изучения зрительного внимания детей с дисграфией были использованы методики А.А. Осиповой, Л.И. Малашинской (2002). Методика включала разделы исследования продуктивности и эффективности внимания; определение уровня развития устойчивости внимания; исследование объема внимания.

Результаты диагностики показали, что у детей с дисграфией более низкий уровень сформированности зрительного внимания по сравнению с учащимися контрольной группы. У школьников с дисграфией отмечалась низкая продуктивность, неустойчивость внимания, слабая способность к концентрации и распределению внимания, быстрая истощаемость внимания, ограниченный объем внимания. Дети испытывали выраженные затруднения в произвольном сосредоточении внимания при продолжительном выполнении задания. У учащихся с дисграфией имели место недостатки произвольной регу-

ляции деятельности, которые проявлялись в недостаточной мотивации, слабой зависимости деятельности от поставленной цели, подмене цели более простой и знакомой, слабости контроля за результатами деятельности. Дети нуждались в постоянном побуждении к деятельности со стороны экспериментатора, не могли эффективно использовать время для решения тех или иных задач, у них отмечалась недостаточная выраженность ориентировочного этапа, малая значимость образца действия, трудности удержания многоступенчатых инструкций. Для детей с дисграфией был характерен замедленный темп выполнения заданий: отмечалось снижение темпа деятельности в 1,5–2 раза по сравнению с нормой.

В процессе исследования не была выявлена корреляция между нарушением зрительного внимания и определенным сочетанием форм дисграфии. Однако была выявлена взаимосвязь степени выраженности дисграфии и степени нарушения зрительного внимания. Отмечалась вариативность нарушений зрительного внимания, что можно объяснить различной степенью собственно речевого нарушения, поскольку прослеживается связь между степенью нарушения внимания и тяжестью речевого расстройства.

Результаты проведенного эксперимента соотносятся с имеющимися в литературе данными нейропсихологических исследований. По данным Т.В. Ахутиной (2001), А.В. Семенович (2007), Л.С. Цветковой (2000), функциональная несформированность лобных отделов мозга и связанная с этим недостаточность нейродинамического компонента психической деятельности могут проявляться в нарушении организации письма как деятельности (неустойчивость внимания, снижение объема внимания). Т.В. Ахутина (2001) с позиции нейропсихологического подхода выделила варианты трудностей письма по типу регуляторной дисграфии, обусловленной несформированностью зрительного внимания (трудности удержания произвольного внимания, ориентировки в задании, включения в задание, импульсивность решений и инертность, затруднения в переключении с одного задания на другое).

Результаты исследования показали необходимость проведения специальной коррекционной работы по развитию произвольного внимания у младших школьников с дисграфией, что позволит повысить эффективность преодоления нарушений письма.

В.В. Григалиюнайте-Плерпене

АРТ-ТЕРАПИЯ С ПСИХИАТРИЧЕСКИМИ БОЛЬНЫМИ

Всемирный опыт применения арттерапии в медицинских, образовательных и социальных учреждениях подтверждает ее потенциальные возможности для решения задач лечения, реабилитации и профилактики нервно-психических и психосоматических расстройств. Арт-терапия отличается от других методов психологической помощи и имеет свои преимущества. Методы арт-терапии дают возможности прикоснуться к проблемам, которые не могут быть решены с помощью фармакотерапии или вербальной психотерапии. Арт-терапия как альтернативное средство общения с пациентами представляет собой оптимальный путь для развития самопознания и самопринятия, свободы, нового творческого опыта и открытий.

Используя художественный материал, который выступает своеобразным проводником, человек получает возможность погружаться в творческое состояние, которое снимает напряжение и приводит его к действительности, динамичности. Творящий индивид попадает в некоторый «поток», свойственный только ему (при его возможностях и состоянии), в котором он может прикасаться к своей жизни и переживаниям более смело, становится способным формировать свое будущее. Важно также и то, что в процессе арттерапии пациент приобретает возможность изменять взгляд на себя и мир, ощутить себя иначе, не в темноте, не в подавленности, не в оцепенении. Творческий процесс, состояние и оставшийся след творческого опыта у больного рождает и закрепляет проявления внутренних сил для ощущения себя сильным и уникальным. Арт-терапия помогает увидеть и услышать мир, почувствовать бытие и радость творчества.

В психиатрическом филиале Республиканской клайпедской больницы используется групповая арт-терапия. Пациенты в отделении имеют разную длительность лечения, поэтому занятия проводятся в открытых психотерапевтических группах. Эти условия усложняют работу, прежде всего, при создании для пациента психологической безопасности, а от терапевта требуют особенной пластичности. В группе обычно участвуют шесть пациентов. В описываемой группе диагнозы пациентов охватывали личностные расстройства, шизофрению, депрессию, синдром постоянной боли, алкоголизм. Занятия проводятся два раза в неделю в небольшом кабинете арт-терапии. Из отделения пациенты попадают в иное пространство, с которым нужно

познакомиться и к нему привыкнуть. Отводится время на просмотр выставки, для того чтобы прикоснуться к художественному материалу, обсудить, что такое арт-терапия, познакомиться друг с другом.

Пациент ЮЛЮС. 10 лет назад попал в автокатастрофу, перенес множество операций, последняя была полтора года назад. Когда попадает в больницу, к нему возвращается страх. По словам пациента, ему надоело десять лет говорить о здоровье, отвечать на вопросы, когда ничего не меняется. Юлюс посетил восемь занятий. Знакомился с разными техниками самовыражения, участвовал в обсуждении своих потребностей и ресурсов, рисовал с фиксацией на телесные ощущения, искал формы и фактуры своей «исцеляющей сущности» (ее находил в желтом цвете и блестящем фундаменте-свете). Пробовал рисовать инструмент, с которым «играла» его сломанная в аварии рука.

Заполняя круг (мандалу) разными красками, неожиданно нарисовал символы, которые сильно и позитивно повлияли на Юлюса. Участвовал в творческой коммуникации между членами группы. На занятия Юлюс приходил злой, в напряжении. Про самочувствие отвечал: «То же самое». Заранее имел негативные установки, недовольство, категоричность, безнадежность, боялся выражать позитивные чувства. Но занятия посещал регулярно. Можно было проследить, как постепенно он привыкает к художественному материалу, как начинает чувствовать, что это может ему дать, все свободнее и глубже погружался в творческий процесс. Закончив работу, становился спокойным, хвалил краски. На восхищение его работами реагировал спокойно, но было заметно, насколько это для него важно. Часто в названии ставился вопросительный знак или слово «может быть», что указывает на страх сделать ошибку, неуверенность в себе. В рисунках краски менялись, колориты стали едины. По окончании арттерапии стало очевидно, что человек, перенесший много травм и боли, внутренне стал более раскрепощенным, более креативным. Характер рисунков показывал, как интенсивно шла работа, направленная на преодоление внутренних противоречий.

К.А. Долбеева, Н.Е. Андрианова

ДИСФУНКЦИИ ПЕРЕРАБОТКИ ПРОВОЦИРУЮЩЕЙ ИНФОРМАЦИИ У БОЛЬНЫХ ГЕРОИНОВОЙ НАРКОМАНИЕЙ

Установлено, что дисфункции когнитивной деятельности («захваты») внимания, неспособность подавлять образы, связанные с при-

емом ПАВ) приводят к актуализации патологического влечения у лиц с аддиктивным поведением. Нами было проведено исследование, целью которого являлось описание дисфункций когнитивного контроля в процессе переработки провоцирующей информации у больных героиновой наркоманией. Исследование предполагало моделирование процесса восприятия в условиях воздействия провоцирующих раздражителей и регистрацию перцептивных и поведенческих показателей. Контрольную группу составили 30 человек, никогда не злоупотреблявших ПАВ. В экспериментальную группу вошел 21 больной героиновой наркоманией.

Оценка особенностей ранних стадий переработки визуальной и вербальной информации проводилась с помощью модификаций антисаккадного теста. Перед испытуемым в процессе предъявления нейтральной информации и информации наркотического содержания ставилась задача направлять взор в определенную область экрана и пытаться подавлять зрительные фиксации ориентировочного типа. Успешность перцептивной деятельности испытуемого оценивалась на основе данных бесконтактной регистрации движений глаз. В модификации 1 испытуемому последовательно предъявлялись (350 мс) 9 составных изображений, включающих нейтральную или аффективную и провоцирующую (сцены, связанные с приемом ПАВ) информацию. Фотографии, несущие роль дистракторов, появлялись на одинаковом расстоянии справа и слева от центра экрана. Среднюю часть экрана составляет пустое серое поле, на котором испытуемые получали инструкцию удерживать взгляд. Модификация 2 предполагала аналогичную процедуру предъявления вербальных стимулов провоцирующего содержания. Слова (14) были подобраны по длине и предъявлялись справа и слева на одинаковом расстоянии от центра на 350 мс. Задача испытуемых состояла в произвольном удержании взгляда на центральном поле изображения.

Анализ глазодвигательной деятельности позволил выявить дисфункции когнитивного контроля, возникающие у больных героиновой наркоманией на ранних этапах восприятия как визуальной, так и вербальной информации. Статистически достоверно возрастали количество и длительность фиксаций на поле провоцирующих дистракторов у пациентов в сравнении со здоровыми испытуемыми. Методика свободного рассматривания применялась для оценки поздних этапов переработки провоцирующей информации и предполагала предъявление (3 с) составных изображений, содержащих по 4 фотографии (3 нейтральные и 1 провоцирующая). Статистически значимых различий

по количеству и длительности фиксации на наркотических стимулах у больных наркоманией и здоровых испытуемых не обнаружено. У больных героиновой наркоманией отмечалось малое число коротких фиксаций на фотографиях наркотического содержания. Полученные данные могут быть интерпретированы как применение стратегии избегания провоцирующего материала пациентами, что подтверждается анализом вербальных самоотчетов испытуемых.

Для оценки поздних этапов переработки вербальной информации применялся эмоциональный Струп-тест. Задача испытуемого состояла в назывании цвета шрифта, которым напечатаны слова, и игнорировании их содержания. В данной модификации бланк представлял собой 3 блока слов, в первом из которых цвет шрифта и значение слова совпадают, во втором различаются, а в третьем различными цветами напечатаны слова провоцирующего содержания.

Анализ характеристик глазодвигательной активности показал наличие нарушений когнитивной деятельности при переходах чтения от одного блока к другому, возрастание общего времени выполнения задания. Однако имел место процесс вработывания, в результате которого больные к концу блока ускоряли темп называния цвета и могли успешно подавлять вербальные репрезентации провоцирующих слов. У больных героиновой наркоманией при выполнении экспериментальных задач в условиях предъявления провоцирующих дистракторов имели место дисфункции когнитивного контроля. Нарушения отражались на перцептивных (возрастание количества и длительности фиксаций) и поведенческих (ошибки, возрастание времени) компонентах деятельности. Преимущественно дисфункции отражались на ранних этапах переработки информации, в то время как на поздних этапах больные героиновой наркоманией, предположительно, применяли стратегию избегания стимулов, ассоциирующихся с приемом ПАВ.

В.Б. Зайцева, И.А. Горбунов

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ НЕОСОЗНАЕМЫХ ЭМОЦИЙ

В условиях современного общества люди постоянно испытывают воздействие визуальных стимулов из внешней среды. Нормой жизни стало получение информации посредством телевидения. Несмотря на появление интернета и многочисленных печатных изданий, большин-

ство людей считают именно телевидение «окном в мир» и значительную долю информации получают из телевизионных передач. Стоит задуматься, какое именно влияние оказывает телевидение на наш мозг и, следовательно, на наше психическое состояние. В связи с этим становится очевидной актуальность изучения влияния психических процессов на функциональное состояние мозга человека в процессе восприятия визуальных стимулов, так как именно мозг управляет поведением человека и влияет на его психическую и интеллектуальную деятельность. От успешного функционирования нервной системы зависит способность воспринимать окружающий мир, адаптироваться к внешней среде.

Если рассматривать организм человека как единую систему, в рамках которой происходят взаимосвязанные изменения, отражающие динамику как психических, так и физиологических процессов, можно предположить, что при просмотре эмоционально нагруженного видеоряда человек испытывает различные эмоции, сопровождающиеся изменяющимся соматическим статусом. Это объясняется тем, что в связи с изменением интенсивности (силы) эмоции меняется тонус симпатического, парасимпатического отделов вегетативной нервной системы, происходят изменения в центральной нервной системе, выраженные изменения в деятельности эндокринной системы – передней доли гипофиза, надпочечников (как коркового, так и мозгового вещества), половых желез, вилочковой железы и др. Кроме того, наблюдаются выраженные изменения в функционировании внутренних органов, касающиеся кровообращения, дыхания, пищеварения, терморегуляции, выделения и др. Таким образом, в формировании эмоций принимают участие весьма разнообразные физиологические механизмы в их очень сложном взаимодействии. Не все процессы, сопровождающие эмоции, осознаются человеком. Однако даже на неосознаваемом уровне они могут влиять на его психическую деятельность. Сам же процесс осознания эмоций зависит от множества факторов: установок, социального контекста, наличия внутриличностных конфликтов. Поэтому встают задачи выявления физиологических механизмов, связанных с неосознанными эмоциями.

В процессе эксперимента испытуемый находился перед экраном монитора. Одновременно измерялась его ЭЭГ по стандартной системе (10–20 %) с 19 монополярными отведениями. На экране монитора предъявлялись видеоролики различного эмоционального содержания длительностью 1–3 минуты. В течение эксперимента мимика испытуемого фиксировалась на видеокамеру. Между роликами был установ-

лен 20-секундный интервал. Интенсивность эмоций, вызванных различными видеосюжетами, оценивалась испытуемыми по шкале Изарда после эксперимента. Одновременно два эксперта с использованием этой же шкалы оценивали интенсивность эмоций по мимике на видеозаписи с камеры наблюдения.

При анализе результатов было выявлено, что интенсивность эмоции, отмеченная испытуемым при субъективной оценке, достоверно отличается от интенсивности эмоции, которую зафиксировали эксперты по его мимике. Оказалось, что испытуемый субъективно чаще отмечает у себя положительные эмоции. Исходя из этого возникло предположение, что та выраженность эмоции, которая проявлялась в мимике испытуемых, но не отражалась в их самоотчетах, была вытеснена из сознания. Следовательно, разность между интенсивностью эмоции, оцененной экспертами по мимике, и интенсивностью эмоции, отраженной в самоотчете, обнаруживает неосознаваемый компонент эмоции. Для выявления психофизиологических механизмов вытеснения эмоций необходимо определить взаимосвязи различных параметров ЭЭГ с показателем вытеснения эмоции, равным вышеуказанной разности. Оказалось, что между этими величинами имеются достоверно значимые взаимосвязи. Интенсивность вытеснения эмоций положительно коррелирует с мощностью низкочастотного диапазона (дельта- и тета-) ритмов и отрицательно – с мощностью высокочастотных (бета- и гамма-) ритмов. Исходя из этих данных можно сделать вывод, что при вытеснении эмоции происходит «упрощение» деятельности мозга, отражающееся в снижении фрактальной размерности регистрируемых на ЭЭГ физиологических сигналов.

М.В. Иванов

ДИАГНОСТИКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Пространственные представления относятся к базовым составляющим познавательной деятельности, они образуют «ось координат», посредством которой люди воспринимают окружающую действительность и выстраивают свой индивидуальный образ мира (Леонтьев, 1975). Диагностика пространственных представлений в раннем и дошкольном возрасте чрезвычайно важна, в особенности при аномальном психическом развитии. Изучению психического

дизонтогенеза в детском возрасте посвящены работы Л. Каннера, Г.Е. Сухаревой, В.В. Ковалева, В.В. Лебединского и др. Рядом ученых выделена такая форма психического дизонтогенеза, как диатез, представляющий собой выражение предрасположения к тем или иным психическим заболеваниям (Ануфриев, Козловская, 1985; Циркин, 1995 и др.). Детскими психиатрами хорошо изучен шизотипический диатез как клиническое выражение генетического предрасположения к шизофрении (Козловская с соавт., 1986). Типологические представления психического дизонтогенеза при шизофрении в детском возрасте разработаны О.П. Юрьевой (1970), Г.В. Козловской (1995).

Цель исследования: изучить особенности пространственных представлений у детей с нормативным и дизонтогенетическим развитием по типу шизотипического диатеза. Экспериментальная база: отдел по изучению психической патологии раннего детского возраста НЦПЗ РАМН. Материал исследования: экспериментальная группа (ЭГ) – дети с шизотипическим диатезом (20 чел.) и группа контроля (ГК) – дети с нормативным развитием (10 чел.) в возрасте 4–7 лет. Методы и методики исследования: субтесты диагностического альбома Н.Я. Семаго в соавт.; методика по изучению пространственных представлений (кубики и блоки); методы программы Statistica 7.0 (U-критерий Манна–Уитни, t-критерий Стьюдента).

Результаты. При использовании субтеста на понимание и употребление предлогов и слов, обозначающих пространственное взаиморасположение объектов (например, выше – ниже, над – под, и др.), обнаружены у детей обеих групп исследования сложности перехода от импрессивного к экспрессивному (самостоятельному употреблению предлогов) уровню анализа понятий (например: лево, право, слева, снизу и т. п.). Детям из группы шизотипического диатеза в большей степени свойственны ошибочные инвертированные конструкции. При складывании разрезных картинок отмечаются особенности анализа и синтеза пространственного взаиморасположения частей целого изображения и нарушения пространственной координации. Хаотическая стратегия деятельности при выполнении заданий более свойственна детям с шизотипическим диатезом, в то время как дети из ГК в большей степени действуют целенаправленно и по типу «проб и ошибок».

Пространственное взаиморасположение объектов по вертикальной оси (выше – ниже) при нормативном развитии формируется к четырем годам жизни, при шизотипическом диатезе оно формируется диссоциативно, парциально. Горизонтальная плоскость при норма-

тивном развитии формируется позже вертикальной, в норме к пяти – шести годам, при шизотипическом развитии наблюдается диссоциированность, дефицитарность пространственных представлений, нарушение содружественности право- и левосторонней ориентации и др. Были выявлены различия между ЭГ и ГК по разности функций распределения и средним значениям (при $p \leq 0,05$) в пробах методики пространственных представлений (кубики и блоки). Испытуемые ЭГ допускали больше ошибок по сравнению с ГК. Интересный факт, что количество ошибок в ЭГ не было связано с нарастающей сложностью заданий. Дети из группы шизотипического диатеза при выполнении заданий используют парадоксальные и амбивалентные решения, встречаются агглютинации понятий и прочее, что квалифицируется как особые проявления восприятия и мышления по шизотипическому типу.

Проведенное исследование показывает, что дети из группы шизотипического диатеза воспринимают свой предметный мир в определенной степени парадоксально, у них имеется специфика образно-знаковых систем. Данное исследование дает возможность диагностировать нарушения в познавательной сфере на ранних этапах психической патологии, таким образом, появляется шанс выявлять определенные аномалии при психических расстройствах (латентные формы, состояния риска). По пространственным представлениям, тесно связанным с особенностями восприятия и мышления, можно выявлять предрасположенность к латентной психической патологии различного генеза.

М.С. Ковязина

ОЦЕНКА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ПРИ НАРУШЕНИЯХ МЕЖПОЛУШАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

При патологии мозолистого тела (МТ) отмечаются трудности в сфере социальных навыков и эмоциональной коммуникации (Brown, Paul, 2000; Paul, Schieffer, Brown, 2004; др.). В нашем эксперименте мы проанализировали способность оценивать эмоциональное состояние другого человека больными с патологией МТ (10 больных от 14 до 71 года с различной патологией МТ: частичная агенезия, дегенеративные изменения, гипоплазия, объемное образование). Использовались следующие методики: 1) компьютерная методика для распознавания лицевой экспрессии. 14 изображений (среди них 3 гримасы) лицевой экспрессии предъявлялись на 50 мс и 100 мс. Испытуемый

должен был заполнить анкету, которая содержала 6-балльную оценочную шкалу и список прилагательных; 2) видеотест Овсянниковой–Люсина, состоящий из набора шкал для оценки и 7 сюжетов, являющихся материалом для оценивания состояния персонажа в определенной ситуации (Овсянникова, 2007).

Результаты по 1-й методике. Определить изображенную эмоцию за 50 мс испытуемым не удается; не идентифицируется даже знак эмоциональной экспрессии (в отличие от здоровых испытуемых). Не наступало улучшения распознавания ни знака, ни модальности эмоций и при 100 мс предъявлении.

Анализ частотности использования характеристик модальности стимулов показал, что используются всего 5 прилагательных из 24 предложенных. Чаще всего это положительные характеристики, и за ними стоит несколько эмоций (например, «симпатичный», «целеустремленный»). Больные не опознавали гримас! Можно предположить, что у испытуемых ослаблен эмоциональный тонус, что и приводит к неправильной оценке валентности стимула на уровне правой височной коры. Аналогичные результаты были получены на больных с поражениями правого полушария (Бабенкова, 1971; Доброхотова, 1974; Квасовец С.В. и др. 1989; Caltagirone et al., 1989). Кроме того, результаты не исключают нарушения критериев анализа эмоционально-экспрессивных выражений другого человека.

По данным Т.А. Доброхотовой (1974) и Д.В. Ольшанского (1979), при поражении левой лобной коры страдает когнитивная обобщающая оценка эмоций, их семантическая вербальная категоризация. Трудности категоризации (интерпретации) эмоций у больных с патологией МТ могут быть следствием двух причин. С одной стороны, если корковые отделы правого полушария ничего не восприняли, то и категоризовать нечего. С другой стороны, даже если и произошло восприятие валентного эмоционального стимула задними правыми отделами коры больших полушарий, то эта информация не передается в левое полушарие, так как связь между полушариями нарушена. То, что больные экспериментальной группы чаще используют положительные оценочные характеристики, может опять указывать на сходство наших испытуемых с правополушарными больными. Так, известно, что при поражениях левого полушария нарушаются механизмы, преимущественно связанные с узнаванием и оценкой положительных эмоций, а при поражениях правого полушария – отрицательных эмоциональных состояний (Доброхотова, 1974; Ольшанский, 1981). При этом следует учитывать, что отрицательные эмоции вооб-

ще распознаются хуже из-за того, что такие эмоции и, соответственно, сопровождающую их экспрессию люди обычно стараются скрыть. При проявлении же положительных эмоций – человек открыт и расслаблен (Барабанчиков, Носуленко, 2004). Однако использование положительных эмоциональных характеристик нашими испытуемыми ошибочно.

Результаты по 2-й методике (видеотест Овсянниковой–Люсина). Испытуемые с патологией МТ ошибочно опознавали эмоциональные состояния героев сюжетов, как по визуальным, так и по акустическим характеристикам экспрессии. Опознанию состояния другого не помог и ситуационный контекст. Возможно, что мы имеем дело с рядоположенными нарушениями (трудности опознания эмоций и трудности понимания контекста), а возможно – эти нарушения взаимосвязаны (например, трудности понимания контекста делают невозможным понимание сути происходящего, а, значит, и правильной интерпретации эмоций героя сюжета).

Таким образом, исследование продемонстрировало дефицитарность опознания эмоциональных состояний у лиц с нарушенным межполушарным взаимодействием. Выявленные трудности характерны не только для поражений лобных отделов и правого полушария головного мозга, но и для патологии МТ. Необходим более детальный синдромный анализ всех наблюдаемых особенностей психики при патологии МТ. «Бедность межполушарной интеграции» является слишком общим механизмом объяснения выявленных симптомов.

М.С. Ковязина, Е.Ю. Балашова

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ПРИ ДЕФИЦИТЕ МЕЖПОЛУШАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Межполушарное взаимодействие (МВ) является одним из принципиальных механизмов интегративной деятельности мозга, во многом определяющим функционирование и развитие психики. Наличие многообразных структурно-функциональных связей между полушариями позволяет мозгу реализовать те преимущества, которыми он обладает как парный орган, эффективно распределяя между левым и правым полушарием реализацию разных этапов и уровней психической деятельности и поведения. Изучение различных аспектов проблемы МВ находится сегодня в центре внимания не только нейроанатомии, но и нейропсихологии. Ученых интересуют как мозговые

структуры, обеспечивающие МВ, так и особенности нейропсихологических симптомов и синдромов, наблюдающиеся при их поражениях.

В последние десятилетия были получены данные, указывающие на значительное сходство комплекса нарушений психических функций, возникающего при патологии мозолистого тела (МТ), с синдромами, наблюдающимися при поражениях правого полушария (Газзанига, 1999; Семенович, 2002; Буклина, 2001; и др.). Так, в синдроме «расщепленного мозга» часто встречаются симптомы левостороннего невнимания или игнорирования, «зеркальные» ошибки в графических пробах. Однако пока остается открытым вопрос о спектре, специфике и степени выраженности при нарушениях МВ правополушарных симптомов, особенно в сфере пространственных функций. Поэтому нами было проведено исследование различных пространственных функций (пространственного праксиса, координатных, метрических и проекционных компонентов рисунка, пространственных составляющих слухоречевой памяти) у больных с разными формами патологии МТ.

Нами было обследовано 29 больных с различной патологией МТ в возрасте от 5 до 38 лет. 14 человек (дети) были в возрасте от 5 до 13 лет. Среди них у 11 была констатирована агенезия МТ, у 3 – гипоплазия МТ. 15 человек (взрослые) были в возрасте от 18 до 38 лет. Среди них у 4 больных была полная агенезия МТ, у 2 – частичная агенезия МТ, у 1 – аплазия, у 1 – киста МТ, у 7 – артерио-венозная мальформация МТ. У двух больных с агенезией МТ из взрослой группы отмечались эпилептические приступы. Все обследованные больные были праворукими. Во всех случаях проводилась строгая верификация патологии МТ с помощью МРТ и ангиографии. В неврологическом статусе обследованных не отмечалось отчетливых знаков очагового поражения ЦНС, однако выявлялась негрубая неврологическая симптоматика: мышечная гипотония, признаки гидроцефалии в стадии субкомпенсации, отсутствие или снижение конвергенции.

При комплексном нейропсихологическом обследовании у всех больных обнаруживались нарушения психических функций разной степени выраженности. Во-первых, отмечались нарушения зрительно-пространственных функций: структурно-топологические ошибки при копировании и воспроизведении по памяти сложных геометрических фигур типа фигуры Рея-Тейлора; левостороннее игнорирование или тенденция к нему; дисметрические ошибки (+5 мин, +1 час) при определении времени по «немым» часам; фрагментарные ошибки в сенсibilизированных пробах предметного гнозиса; трудности рисования объемных изображений (куба, домика). Интересно отметить,

что не было выявлено существенной разницы при копировании и рисовании правой и левой руками. У больных наблюдались негрубые, но отчетливые нарушения памяти по модально-неспецифическому типу вследствие повышенной тормозимости следов. При этом в слухоречевой модальности встречались ошибки удержания порядка слов, а в зрительной модальности у некоторых испытуемых отмечалась реверсия исходного стимульного ряда (его «зеркальное» воспроизведение) или реверсии отдельных стимулов. Встречались «зеркальные» ошибки в пробах пространственного праксиса, отставание или сбой левой руки при выполнении реципрокной координации. У больной с кистой МТ наблюдался своеобразный феномен насильственного «зеркального» письма ведущей рукой: независимо от желания больной рука при письме начинала двигаться в противоположную сторону.

Результаты подтверждают предположение, что при врожденной или приобретенной патологии МТ многие из выявляемых симптомов нарушений МВ носят правополушарный характер. Эти факты могут свидетельствовать о значительной роли правой гемисферы (повидимому, запускающего и контролирующего функционирование комиссуральной системы мозга в онтогенезе) в обеспечении межполушарного взаимодействия. С другой стороны, необходимо учитывать и разницу в функциональных связях церебральных комиссур с полушариями мозга (Буклина, 2004).

Д.Ю. Коломейцев

ОТНОШЕНИЕ ОТЦОВ К УМСТВЕННО ОТСТАЛЫМ ДЕТЯМ

В настоящее время большое внимание уделяется институту семьи, 2008 год был объявлен годом семьи в России. Возросло и количество социологических, педагогических и психологических работ, посвященных изучению супружеских взаимоотношений, проблемам семьи и брака, детско-родительским отношениям. В специальной психологии данная проблема стоит наиболее остро, так как рождение ребенка с ограниченными возможностями здоровья меняет у родителей взгляд на мир, отношение к самим себе, своему ребенку, который не такой как все, к другим людям и жизни вообще. Семейные условия, включая социальное положение, род занятий, материальный уровень и уровень образования родителей, в значительной мере определяют жизненный путь ребенка. Как отмечается многими ис-

следователями, практически нет ни одного социального или психологического аспекта развития ребенка, который не зависел бы от семейных условий в настоящем или в прошлом. Особой значимостью проблема детско-родительских отношений обладает в связи с семейным воспитанием ребенка с легкой степенью умственной отсталости.

Исследование проблемы отцовства на фоне снижения воспитательной роли отца в семье приобретает сегодня не только теоретико-практическое, но социальной звучание. Можно выделить незначительное количество работ, в которых представлен научный интерес к проблеме отцовства. Это работы И.С. Кона, В.А. Сухомлинского, Ю.В. Борисенко.

Цель исследования состояла в изучении отношений отцов к ребенку с умственной отсталостью. Для решения задач исследования использовались следующие методики: «Анализ семейного воспитания» Э.Г. Эйдемиллера, опросник родительского отношения к детям А.Я. Варга и В.В. Столина.

Анализ результатов семейного воспитания в семьях, где проживает и воспитывается подросток с легкой степенью умственной отсталости, позволяет нам проранжировать типы нарушений воспитания, характерные для этих семей. У отцов умственно отсталых детей выявлены следующие нарушения воспитания: доминирующая гиперпротекция, высокий уровень запретов, требований, потворствование, предпочтение в ребенке детских качеств. Родители стремятся к максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей ребенка или подростка. Сравнивая особенности воспитания умственно отсталых детей матерями и отцами, можно утверждать, что для матерей в большей степени характерна чрезмерная протекция, неустойчивость воспитания, инфантилизация ребенка, фобия утраты ребенка, воспитательная неуверенность. Для отцов умственно отсталых детей, по сравнению с матерями, в большей степени свойственны повышенный уровень требований, санкций, неразвитость родительских чувств.

Для отцов умственно отсталых детей, по сравнению с отцами здоровых детей, в большей степени свойственны гиперпротекция ($p \leq 0,01$), потворствование желаниям ребенка ($p \leq 0,05$), игнорирование желаний ребенка ($p \leq 0,01$), сниженный уровень требований ($p \leq 0,001$), неустойчивость стиля воспитания ($p \leq 0,01$), предпочтение в ребенке детских качеств ($p \leq 0,001$), воспитательная неуверенность ($p \leq 0,001$). Отцам умственно отсталых детей менее присущ сниженный уровень протекции ($p \leq 0,05$). Сравнительный анализ средних

показателей, отражающих особенности воспитания умственно отсталых и здоровых детей отцами, дает противоречивые данные. Так, в группе отцов умственно отсталых детей выявлены относительно высокие показатели и по игнорированию, и по потворствованию желаниям ребенка. Для отцов детей с сохранным интеллектом более характерна повышенная требовательность к ребенку. Именно это качество лежит в основе типа негармоничного воспитания «повышенная моральная ответственность». Требования к ребенку в этом случае очень велики, непомерны, не соответствуют его возможностям и не только не содействуют полноценному развитию его личности, но напротив, представляют риск психотравматизации.

Сравнительный анализ отношения к умственно отсталому ребенку матерей и отцов показывает, что для отцов в большей степени характерно отвержение ребенка, которое проявляется в том, что родитель воспринимает своего ребенка плохим, неприспособленным, неудачливым. По большей части родитель испытывает к ребенку злость, досаду, раздражение, обиду. Он не доверяет ребенку и не уважает его. В гораздо меньшей степени для отцов умственно отсталых детей, по сравнению с матерями, характерны симбиотические отношения с ребенком.

Т.Н. Кондюхова, В.В. Богданова

ВНУТРЕННЯЯ КАРТИНА БОЛЕЗНИ ПАЦИЕНТОВ С ЧЕРЕПНО-МОЗГОВЫМИ ТРАВМАМИ

Известно, что в трудоспособном возрасте черепно-мозговые травмы (ЧМТ) приводят к смерти и инвалидности чаще, чем любой другой вид неврологических заболеваний, а у мужчин моложе 35 лет травмы головного мозга (ГМ) являются одной из ведущих причин смерти. Около 50 % больных с тяжелыми ЧМТ умирают. У 90 % пациентов обнаруживаются нервно-психические расстройства в отдаленном периоде от 2 до 10 лет после ЧМТ, что составляет 10 % всех больных, наблюдаемых в психоневрологических диспансерах. Поэтому изучение психологических особенностей пациентов с ЧМТ крайне необходимо для их более эффективного лечения, комплексной реабилитации и профилактики повторных травм ГМ, что будет способствовать успешной ресоциализации больных.

Цель исследования – изучение специфики внутренней картины болезни (ВКБ) пациентов с ЧМТ, имеющих разную степень ограни-

чения жизнедеятельности. Предмет исследования – отношение к болезни, личностные характеристики, особенности мотивации, поведения и эмоциональной сферы инвалидов с ЧМТ. Объект исследования – мужчины и женщины – инвалиды 2-й и 3-й группы вследствие ЧМТ в количестве 54 человек. Средний возраст обследованных – 47,1±2,5 лет. По возрасту и полу больных группы были одинаковые. На момент обследования все пациенты находились в стационаре в удовлетворительном состоянии.

В работе использовались следующие методики: «Индекс жизненного стиля» (Л.И. Вассерман и др.), определения типа отношения к болезни (Л.И. Вассерман и др.), диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана (модификация В.В. Бойко), диагностики уровня субъективного контроля (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд), опросник Мини-мульти (Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников), Гиссенский перечень жалоб (Е. Брюхлер, Дж. Снер), Интегративный тест тревожности (Л.И. Вассерман, А.П. Бизюк, Б.В. Иовлев).

Результаты исследования показали, что в структуре ВКБ у инвалидов 3-й группы доминирует сенситивно-эргопатический тип отношения к болезни (ТОБ) (26,63 ± 2,223; 22,185 ± 3,315 соотв.), а у инвалидов 2-й группы – сенситивный (22,444 ± 2,221), тревожный (18,148 ± 3,056), эргопатический (16,593 ± 3,443), ипохондрический (15,704 ± 1,711) и неврастенический ТОБ (15,556 ± 1,956), при этом для них в большей степени характерна ипохондрия, меланхолия и апатия ($p < 0,05$, $p < 0,05$, $p < 0,01$ соотв.). Поведение инвалидов 3-й группы характеризуется преобладанием механизмов психологических защит по типу отрицания (82,5 %), компенсации (78 %) и замещения (72,2 %), а инвалидов 2-й группы – компенсации (81 %), регрессии (79 %) и реактивных образований (77,5 %), при этом отрицание используется на 3-й группе чаще ($p < 0,05$). Анализ личностного профиля больных показал, что всем обследованным присущи такие характеристики, как добросовестность, нерешительность и неуверенность в себе, а также склонность к эгоцентризму. К особенностям эмоциональной сферы пациентов с ЧМТ можно отнести сниженный фон настроения, эмоциональную лабильность, тревожность и чувствительность. При этом показатели ситуативной (15,889 ± 1,921) и личностной (24,111 ± 1,508) тревожности у инвалидов 2-й группы выше ($p < 0,01$; $p < 0,05$ соотв.). У всех больных преобладают жалобы алгического характера (6,333 ± 0,597; 10,963 ± 0,858) и астения (5,519 ± 0,688; 10,185 ± 0,759), которые предъявляются инвалидами 2-й груп-

пы, как и жалобы со стороны сердечно-сосудистой системы (6,778 + 1,314) и желудочно-кишечного тракта (5,000 + 0,864) чаще ($p < 0,001$; $p < 0,001$; $p < 0,001$; $p < 0,05$ соотв.).

Мотивационная сфера всех пациентов характеризуется средним уровнем общего локуса контроля (25,852 + 0,369; 25,815 + 0,403) и интернальностью в области достижений и семейных отношений. Показатель среднего коэффициента социальной фрустрации у всех больных очень низкий (1,315 + 0,1; 1,378 + 0,111). Неопределённый уровень выявлен в отношении материального положения (2 + 0,245; 2,222 + 0,241), сферы услуг (2,074 + 0,213; 2,148 + 0,231) и обстановки в государстве (2,154 + 0,233; 2,148 + 0,231), при этом инвалиды 2-й группы более фрустрированы возможностью выбора места работы ($p < 0,05$).

Итак, ВКБ инвалидов 3-й группы вследствие ЧМТ представлена смешанным ТОБ и обусловлена их удовлетворительной социальной адаптацией, а у инвалидов 2-й группы носит диффузный характер и выражается в реакциях по типу «раздражительной слабости» на фоне сниженного настроения, повышенной тревоги и активного предъявления соматических жалоб, что свидетельствует о проявлениях дезадаптации в связи с вторичными повреждениями ГМ, вызванными осложнениями ЧМТ.

Р.Ж. Мухамедрахимов, Н.И. Никитин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С МАТЕРЬЮ И СЛУХОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА У ДЕТЕЙ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ

Исследования детей в раннем возрасте свидетельствуют, что основным условием полноценного развития является взаимодействие ребенка с наиболее близким взрослым – матерью (Bowlby, 1969, 1973; Stern, 1985, 1995). Показано, что особенности взаимодействия в системе «мать–младенец» влияют на характеристики эмоционального (Emde, Gaensbauer, Harmon, 1976) и социального (Stern, 1985) развития ребенка, формирования им рабочих моделей репрезентаций себя и близкого взрослого (Ainsworth et al., 1978; Crittenden, 1985; Мухамедрахимов, Плешкова, 2008; Плешкова, 2008). Обнаружено, что характеристики социального окружения ребенка в раннем возрасте в значительной мере определяют параметры его физического, двигательного и познавательного развития (St. Petersburg-USA Orphanage Research Team, 2008).

Среди факторов нормального развития одним из наиболее важных является формирование пространственного восприятия. Пространственная ориентация, правильное восприятие окружения и своего положения в нем являются важнейшей предпосылкой целенаправленных действий ребенка. В этой связи большое значение для восприятия пространства ребенком имеет поведение матери. Анализ характеристик взаимодействия матери и ребенка свидетельствует о значительной вариативности используемых матерью сигналов (Иванова, 2006; Мухамедрахимов, Иванова, Вершинина, 2008), в том числе пространственных характеристик взаимодействия.

Одной из важных сторон пространственного восприятия ребенка, во многом способствующей правильной ориентации в пространстве и формированию на этой основе адекватного поведения, является локализация источника звука. Слуховая система определяет направление источника звука по ряду акустических признаков: по разнице интенсивности и времени прихода звука в правом и левом ухе, а также по спектральным изменениям звука, вносимым ушной раковиной (Альтман, 1983). При движении тела или поворотах головы соотношения этих признаков меняются, однако невзирая на это слуховая система неизменно проецирует приходящий звук на его источник, т. е. воспринимает его положение инвариантно относительно положения самого тела (Алексеевко, 1978; Lackner, 1973). Это происходит благодаря тому, что изменения локализационных признаков звука, возникающих при движении, сопоставляются с информацией о положении тела и его частей – схемой тела (Lackner, 1973; Lewald et al., 2000).

В результате создаются определенные соотношения между пространственными признаками звука и схемой тела. Именно эти соотношения, а не одно только звуковое воздействие, определяют в конечном итоге проецирование звукового образа в том или ином направлении. Кроме того, информация о слуховом пространстве меняется в результате изменений размеров и формы головы и ушных раковин, определяющих значения локализационных признаков звука (Clifton et al., 1988, Morrongiello, 1987). Двигательные функции формируются вместе с изменениями опорно-двигательного аппарата. Согласованность наступающих перестроек может достигаться благодаря формированию новых соотношений между показаниями слуховой и двигательной систем.

Таким образом, к настоящему времени получено достаточное количество эмпирических данных, свидетельствующих о том, что для раннего развития человека ведущее значение имеет формирование

системы взаимодействия с близким взрослым, характеристики которой оказывают влияние на широкий спектр областей развития. Можно предположить, что обобщение ребенком параметров взаимодействия с матерью отражается на развитии пространственной ориентации, в том числе на необходимом для развития представлений о слуховом пространстве формировании соотношения между слуховой и двигательной системами. Изучение общих и специфических возрастных изменений двигательно-слуховых перестроек у детей младенческого и раннего возраста в связи с характеристиками взаимодействия с близким взрослым может представлять актуальную задачу исследования основ формирования слухового пространственного восприятия. Один из подходов к решению этой задачи состоит в исследовании ориентировочной реакции на звук у детей разных возрастных групп и сопоставлении этой информации с характеристиками взаимодействия матери и ребенка. Ориентировочная реакция в виде поворота глаз и головы в направлении источника звука представлена у детей с самого рождения (Muir, Field, 1979) и как показатель пространственной слуховой ориентации может служить эффективным инструментом оценки уровня развития слухо-моторной координации.

В.В. Николаева, Е.И. Первичко, Т.Л. Загорец

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ В ДИАДЕ «ВРАЧ–ПАЦИЕНТ» ПРИ СОМАТОФОРМНЫХ РАССТРОЙСТВАХ

В настоящее время в клинической психологии и медицине все большее внимание уделяется проблеме установления эффективного сотрудничества между врачом и пациентом как фактору, влияющему на успешность процесса лечения; акцентируется внимание на необходимости учета личностных особенностей больного при выработке определенного стиля общения с ним. Данная проблема приобретает все большую актуальность в связи с рассмотрением проблематики комплаенса. Комплаенс, согласно предметному определению термина, – это «добровольное следование пациента предписанному ему режиму лечения; готовность следовать рекомендациям врача» (Becker M.N., Maiman L.A., 1975; Ngoh L.N., 2009). Известно, что несоблюдение пациентами назначенного им лечения признается одной из самых серьезных и распространенных трудностей клинической практики (Aronson J.K., 2007; Shah N.R. et al., 2009, и др). Особенно остро вопросы эффективного взаимодействия с пациентами встают у

врачей, работающих с так называемыми «трудными» больными, к числу которых традиционно относят больных с соматоформными расстройствами.

Целью данного исследования явилось изучение взаимосвязи между комплаентностью, типом отношения к болезни и индивидуально-психологическими особенностями пациентов с соматоформными расстройствами. Задачи проводимого исследования: 1) выявить и описать особенности отношений в диаде «врач–пациент» при соматоформных расстройствах; 2) выявить и описать типы отношения к болезни у больных с соматоформными расстройствами; 3) изучить взаимосвязь между особенностями отношений в диаде «врач–пациент», комплаентностью, типом отношения к болезни и индивидуально-психологическими характеристиками пациентов с соматоформными расстройствами. В исследовании приняли участие 40 больных в возрасте от 18 до 47 лет, проходящие стационарное и амбулаторное лечение в ПКБ № 12 г. Москвы с диагнозами: ипохондрическое расстройство, соматоформная дисфункция вегетативной нервной системы, устойчивое соматоформное болевое расстройство. Для реализации программы исследования использовались следующие методики: методика диагностики межличностных отношений (Л.Н. Собчик, 2005); Шкала установки к лечению – DAI-10 (Hogan T.P. et al., 1983); авторская анкета комплаентности, включающая блоки вопросов, адресованных как врачу, так и больному; методика личностного дифференциала (в адаптации НИИ им. В.М. Бехтерева); методика диагностики типов отношения к болезни (Л.И. Вассерман и соавт., 2005); методика «Незаконченные предложения» в авторской модификации и СМИЛ (Л.Н. Собчик, 2009). Обработка эмпирических данных проводилась методами корреляционного и дисперсионного анализа.

Основные результаты: 1. Для подавляющего большинства обследованных больных (свыше 75 %) характерна низкая комплаентность и сформированность установки к отказу от предлагаемого лечения, вплоть до смены лечащего врача и лечебного учреждения (более чем у 50 % обследованных). Выявлена положительная корреляционная связь между уровнем комплаенса и показателями шкалы установки к лечению ($p < 0,05$).

2. Преобладающими типами отношения к болезни в обследованной выборке пациентов являются ипохондрический, тревожный, меланхолический и неврастенический (суммарно – 56 %). У 12,5 % пациентов выявлен сенситивный, эгоцентрический или паранойяльный

тип отношения к болезни. У 25 % пациентов – смешанный тип отношения к болезни. При этом выявлена положительная корреляция между типом отношения к болезни и соответствующими шкалами СМИЛ ($p < 0,05$).

3. Анализ взаимосвязи уровня комплаенса и типа ВКБ при соматоформных расстройствах показал отрицательную корреляцию в случае ипохондрического, тревожного, меланхолического и неврастенического типов отношения к болезни ($p < 0,05$ – $p < 0,01$) и положительную – в случае сенситивного отношения ($p < 0,05$). В остальных случаях достоверных корреляционных взаимосвязей не выявлено.

4. Показано, что пациенты, находящиеся на стационарном лечении, в большей степени ориентированы на понимание и эмоциональную поддержку со стороны врача, тогда как при амбулаторном лечении для пациентов более приемлемы отношения сотрудничества.

Полученные результаты позволят разработать специальные рекомендации для врачей, работающих с так называемыми «трудными» пациентами, а также программу психокоррекционных мероприятий, направленных на формирование установки на лечение и повышение комплаентности соматоформных больных.

Н.А. Польская

ВЛИЯНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ Я-КОНЦЕПЦИИ НА РИСК САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Я-концепция личности охватывает совокупность всех представлений человека о самом себе и отражает оценочный уровень самосознания (Р. Бернс). Выделяют три взаимосвязанных компонента Я-концепции: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий. Изучение Я-концепции позволяет раскрыть как отдельные компоненты, так и всю систему представлений и оценок личности в отношении самой себя. Особую важность представляют исследования особенностей Я-концепции, связанные с такими девиациями, как самоповреждающий и аутоагрессивный типы поведения. В нашем понимании данные типы не тождественны друг другу, хотя и являются родственными. Самоповреждающее поведение охватывает более широкий спектр характеристик и проявлений, не сводимых к аутоагрессии, а связанных со специфическими представлениями о красоте, с субкультурными ценностями и нормами. В данном сообщении мы

изложим результаты изучения взаимосвязи показателей Я-концепции с частотой актов самоповреждающего поведения.

Исследование проводилось в выборке психически здоровых молодых людей в возрасте 18–22 лет ($N = 63$) – учащихся колледжа, из них девушек – 39 (61,9 %), юношей – 24 (38,1 %). Риск самоповреждающего поведения измерялся с помощью авторской шкалы (Польская Н.А., 2010), включающей перечень конкретных актов самоповреждения (самопорезы, самоожоги, удары по собственному телу, выдергивание волос и др.). В инструкции респондентов просили указать частоту совершения конкретных самоповреждений (от «никогда» до «часто»). Отдельные аспекты Я-концепции измерялись с помощью шкалы самооценки Heatherton T.F., Polivy J. (1991) в переводе А.Ю. Развальяевой (2010), опросника неуверенности (Behzadi B., 1985), опросника диспозициональных форм Я-внимания» (Merz J., 1986; Кондаков И.М., 1997), методики исследования самоотношения (МИС) (Пантелеев С.Р., 1993). В общей сложности измерялось 19 показателей Я-концепции и 7 показателей самоповреждения. Для статистической обработки использовался пакет SPSS-14 for Windows.

Результаты ответов по шкале самоповреждающего поведения распределились следующим образом: 11 (17,5 %) респондентов указали на факт самопорезов; на факт намеренного выдергивания волос – 9 (14,3 %); намеренные удары о твердые поверхности совершают 16 (25,4 %) респондентов; на намеренные самоожоги указали 4 (6,4 %) респондента; пункт «Случалось, что я специально сковыривал(а) болячки, чтобы они дольше не заживали» был выбран 13 (20,6 %) респондентами; удары по собственному телу наносят 12 (19,1 %) респондентов и намеренное расчесывание кожи свойственно 13 (20,6 %) респондентам. На основе факторного анализа (анализ методом главных компонент с Варимакс-вращением и нормализацией Кайзера) 19 показателей Я-концепции было выделено три фактора: фактор социальной неуверенности; фактор стабильного самопринятия; фактор конфликтного я-внимания. После упорядочивания данных по каждому фактору были использованы таблицы сопряженности с целью выявления связи между частотой актов самоповреждения и уровнем выраженности каждого из факторов. Положительные взаимосвязи были выявлены между фактором «социальная неуверенность» и частотой самопорезов ($p = 0,007$); фактором «конфликтное я-внимание» и частотой самоожогов и самопорезов ($p = 0,04$); отрицательные взаимосвязи были определены между фактором «стабильное самопринятие» и частотой самопорезов ($p = 0,04$), самоожогов ($p = 0,01$), ударами о

твердые поверхности ($p = 0,05$). Полученные на этом этапе результаты могут быть обобщены в следующих положениях.

1. И социальные, и приватные аспекты Я-концепции могут служить условием развития самоповреждающего поведения.

2. Социальная неуверенность (социальный страх, низкий показатель социальной активности и социального самоуважения, неуверенность в себе) и конфликтная, дисфункциональная фиксация на частных (приватных) сторонах собственного Я могут быть определены в качестве маркеров самоповреждающего поведения.

3. Стабильное самопринятие (высокий уровень самоуважения, саморуководство, самопривязанность) выступает условием конструктивного отношения и к себе, и к окружающим. Однако не исключено, что социально одобряемые формы самоповреждения (например, различные способы декорирования своего тела, нередко имеющие статусное значение) могут быть наиболее ярко выражены у личностей со стабильным уровнем самопринятия.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-06-00511а).

Г.В. Пятакова, Е.А. Иванова

АТРИБУТИВНЫЕ СТИЛИ У ДЕТЕЙ С ДВИГАТЕЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РАЗЛИЧНОГО ГЕНЕЗА

Заболевания и повреждения опорно-двигательного аппарата имеют высокую распространенность среди детей и подростков. Врожденные и приобретенные заболевания костно-мышечной системы являются причиной инвалидности с детства. Психогенная травматизация в связи с наличием физического дефекта, воздействие микро-социального окружения, частые госпитализации, переживание ряда медицинских манипуляций – все это является мощными стрессогенными факторами, обуславливающими целый комплекс переживаний и психологических изменений у детей. Характер поведенческих реакций на трудности, возможность эффективного преодоления стрессовых событий зависит от устойчивых стилей атрибуции (оптимистического или пессимистического), представляющих собой подходы для объяснения стрессовых событий. В качестве источника формирования пессимистического стиля атрибуции у детей могут выступать неблагоприятные события в жизни (развод родителей, смерть родственников, семейные ссоры, а также особенности детско-

родительских отношений, стиль взаимодействия ребенка с близкими взрослыми – родителями и учителями). В исследованиях зарубежных и отечественных авторов показано, что пессимистический стиль атрибуции имеет связь с состоянием здоровья и восстановлением после оперативного вмешательства. Ситуация болезни может оказать воздействие на формирование атрибутивных стилей в детском возрасте. Артрогрипоз относится к наиболее тяжелым врожденным порокам опорно-двигательного аппарата с недоразвитием мышц и деформацией суставов. Умственные способности при этом заболевании, как правило, сохранены. Детский церебральный паралич – это полиэтиологическое заболевание, которое клинически проявляется в виде различных двигательных, психических и речевых нарушений, имеющих различную степень выраженности в зависимости от степени патологического состояния мозга.

Проведено изучение атрибутивных стилей детей с двигательными нарушениями различного генеза. В исследовании приняли участие 14 детей 11–12 лет, страдающих ДЦП, и 17 детей 11–12 лет – артрогрипозом. Все больные дети были обследованы психоневрологом, невропатологом, ортопедом. По результатам клинко-психологического обследования выраженных признаков интеллектуального снижения обнаружено не было. Все дети обучались по общеобразовательной программе. В качестве контрольной группы было обследовано 26 здоровых школьников того же возраста. Исследование проводилось с применением опросника атрибутивного стиля у детей ОСАД (адаптация Д.А. Циринг), клинко-биографического метода, изучались истории болезни.

Сравнительный анализ показателей атрибутивных стилей детей с двигательными нарушениями различного генеза и их здоровых сверстников показал, что у больных детей атрибутивный стиль оказался более пессимистическим. Дети, страдающие ДЦП и артрогрипозом, более пессимистичны относительно различных событий, они в большей степени, чем здоровые дети, склонны думать, что благоприятные события временны, происходят в ограниченной сфере жизни и являются результатом внешних обстоятельств. Дети с тяжелыми двигательными нарушениями склонны считать, что неблагоприятные события имеют постоянный характер и тенденцию к распространению на многие сферы жизни. Больные дети склонны к самообвинениям, считают, что причиной этих негативных событий в жизни выступают они сами. Аtribuтивный стиль детей, страдающих ДЦП, харак-

теризуется в целом более пессимистическими тенденциями, чем атрибутивный стиль детей с артрогрипозом.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что дети с ДЦП при объяснении неблагоприятных событий в своей жизни в большей степени, чем дети с артрогрипозом, склонны относить эти события к устойчивым, распространяющимся на многие сферы жизни, и приписывать им внутренние причины. Таким образом, ситуация болезни, тяжесть физического недостатка, выраженность двигательной недостаточности могут оказать воздействие на формирование атрибутивных стилей в детском возрасте, что в свою очередь окажет влияние на процесс реабилитации и лечения.

В.А. Ракова, О.Ю. Щелкова

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ БОЛЬНЫМИ ШИЗОФРЕНИЕЙ

Особенности индивидуального восприятия времени являются одним из факторов, определяющих пространственно-временную организацию психики (Веккер Л.М., 2000). Тем не менее эта область психической деятельности человека до настоящего времени остается мало изученной. Психологические исследования в клинике показали особенности восприятия временной перспективы больных разными формами аффективных расстройств (Тейверлаур М., 1992). Подобных исследований больных шизофренией до настоящего времени не проводилось. Это и определило цель исследования – изучение особенностей восприятия временной перспективы больными параноидной шизофренией.

На базе психиатрической больницы № 3 (Санкт-Петербург) исследовано 64 больных параноидной шизофренией (F-20.0): 30 мужчин и 34 женщины; средний возраст $37,5 \pm 1,5$ лет; тип течения заболевания – непрерывно-прогредиентный; ведущий синдром – галлюциаторно-бредовой; у всех больных отмечалось наличие эмоционально-волевого дефекта средней выраженности. Больные распределены на три группы по длительности заболевания: до 15 лет; от 16 до 30 лет; более 31 года. В каждой группе выделены подгруппы мужчин и женщин. Была использована оригинальная методика «Семантический дифференциал времени» (СДВ) (Вассерман Л.И., с соавт., 2005), позволяющая оценить индивидуальные различия в переживании времени по пяти факторам: активности (А), эмоциональной окраски (Э), вели-

чины (В), структуры (С) и осязаемости времени (О). Основной методический прием – сопоставление выделенных групп больных по факторам СДВ.

Результаты исследования: сопоставляемые группы больных не отличаются по восприятию своего прошлого времени; значения всех пяти факторов СДВ во всех шести изученных группах больных выше соответствующих значений здоровых лиц, полученных авторами методики. Это свидетельствует об идеализации больными шизофренией своего прошлого, о восприятии его как активного, насыщенного, структурированного и определенного. При изучении восприятия настоящего времени выявлены различия ($p \leq 0,01$) между мужчинами с меньшей (до 15 лет) и максимальной (более 30 лет) длительностью болезненного процесса по фактору О. Длительно болеющие шизофренией мужчины описывают свое настоящее как кажущееся, далекое, частное, замкнутое и неосязаемое. Это свидетельствует о негативном отношении к своему настоящему, о нарушении психологической связи с действительностью, о недостаточной эмоциональной вовлеченности в актуальную ситуацию.

Наибольшее количество различий выявлено по факторам, характеризующим восприятие будущего времени, а среди этих факторов – по фактору Э. Так, различия ($p \leq 0,01$) выявлены между группами женщин с меньшей (до 15 лет) и максимальной (более 30 лет) длительностью болезненного процесса, а также между группами женщин с длительностью от 16 до 30 лет и более 30 лет: больным с большей длительностью заболевания присуще более положительное отношение к будущему, которое они оценивают как яркое, светлое, радостное, цветное, насыщенное. Такая оценка свидетельствует о нереальности представлений и недостаточной критичности исследуемых. В группах мужчин выявлена та же закономерность. В группах мужчин с меньшей (до 15 лет) и большей (от 16 до 30 лет) длительностью болезненного процесса выявлены различия ($p \leq 0,01$) по фактору В. Больные с большим «стажем» заболевания воспринимают свое будущее время как большое, объемное, широкое, свободное, демонстрируя тем самым положительное отношение к будущему, его смысловую наполненность, что, вероятно, имеет компенсаторный характер, связанный с ощущением собственной жизненной несостоятельности, нарастанием одиночества и оторванности от реальности.

Таким образом, выявлены особенности восприятия временной перспективы у лиц, длительно болеющих параноидной шизофренией. В оценках прошлого проявляется идеализация и недифференциро-

ванное ощущение благополучия, наполненности, целостности; в оценках будущего – нереалистичность, связанная с недостаточной критичностью больных, недооценкой актуальной жизненной ситуации; негативное отношение к настоящему увеличивается по мере нарастания длительности болезненного процесса. Полученные данные расширяют представления о содержании переживаний больных, о субъективной составляющей качества их жизни и могут быть использованы при поддерживающей психотерапии.

Н.П. Реброва, С.О. Богородская

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ПОДРОСТКОВ С ДИАГНОЗОМ ГАСТРОДУОДЕНИТ

Гастродуоденит – это одно из наиболее распространенных заболеваний у современных подростков. С учетом того, что это заболевание сопровождается болевым, психовегетативным и астеническим синдромами, можно предполагать ухудшение общего функционального состояния (ФС) у таких больных, особенно в период обострения.

В данной работе ФС подростков исследовалось на следующих уровнях: субъективном (по показателям самочувствия, активности, настроения), умственной работоспособности (по показателям памяти и внимания), психомоторном (по показателям времени простой зрительно-моторной реакции, сложной реакции выбора, реакции на движущийся объект) и психофизиологическом (по показателям психоэмоционального состояния, свойств нейродинамики – силы, лабильности подвижности). Для оценки самочувствия, активности, настроения и умственной работоспособности использовались стандартные бланковые методики (тест «САН», методика «Заучивание 10 слов», корректурная проба Ландольта). Психофизиологические и психомоторные показатели определялись с помощью прибора «Активациометр» (Цагарелли Ю.А., 2008).

Исследования проводились на базе Детской городской больницы № 1 г. Санкт-Петербурга. Обследовано 20 человек мужского пола в возрасте от 12 до 13 лет с диагнозом острый гастродуоденит, которые находились на лечении в стационаре 7 дней. Каждый из пациентов проходил обследование трижды: в начале, в середине и в конце пребывания в стационаре. Полученные результаты обрабатывались статистически с использованием пакетов Statistica 8 и SPSS Statistics 17.

Вычислялись средние значения и стандартное отклонение по каждому из показателей; определялась достоверность отличий с помощью Т-критерия Вилкоксона, проводился корреляционный анализ.

Исследование показало, что по ряду показателей (точность и продуктивность внимания, время простой двигательной реакции левой руки и сложной реакции выбора правой руки, психоэмоциональное состояние) к концу госпитализации ФС обследованных подростков достоверно улучшилось ($p \leq 0,05$) по сравнению с данными, полученными на первом этапе обследования. Заметные трудности на протяжении всего периода госпитализации были выявлены у подростков только при заучивании 10 слов, что свидетельствует о некотором снижении возможности произвольного запоминания. По остальным показателям достоверной динамики обнаружено не было. Необходимо отметить, что все изучаемые показатели существенно не выходили за границы нормы как в начале лечения, так при его завершении. Такие данные позволяют считать, что при остром гастродуодените изменения в психофизиологическом и психическом состоянии невелики. Полученные результаты согласуются с мнением некоторых авторов о том, что при гастродуодените изменения в психическом состоянии детей и подростков выражены минимально (Менделевич В.Д., Резеда А.Ф., Киясова Л.М., 2009).

Корреляционный анализ на всех этапах обследования выявил положительные корреляции между показателями самочувствия, активности и настроения (самочувствие – активность (1-й этап: $r = 0,69$; 2-й этап: $r = 0,54$; 3-й этап: $r = 0,57$); самочувствие – настроение (1-й этап: $r = 0,87$; 2-й этап: $r = 0,9$; 3-й этап: $r = 0,81$); активность – настроение (1-й этап: $r = 0,69$; 2-й этап: $r = 0,55$; 3-й этап: $r = 0,59$)). На первых двух этапах самочувствие и настроение имели отрицательные корреляционные связи с лабильностью нервной системы (величина лабильности нервной системы – самочувствие (1-й этап: $r = -0,79$; 2-й этап: $r = -0,72$); величина лабильности нервной системы – настроение (1-й этап: $r = -0,66$; 2-й этап: $r = -0,6$)). Лабильность в данном случае можно рассматривать как повышенную возбудимость, что на субъективном уровне оценивается как неблагоприятное состояние.

Исследование также показало, что подростки с диагнозом гастродуоденит обладают сходными показателями свойств нервной системы. Для них характерно преобладание слабой нервной системы, со средними показателями подвижности и уравновешенности. Как известно, лица со слабой нервной системой обладают более высокой чувствительностью к различным воздействиям и низкой устойчиво-

стью и адаптивностью к стрессовым ситуациям (Ильин Е.П., 2008). Возможно, что такие особенности нервной системы создают психосоматическую базу для развития гастродуоденита, с переходом патологического процесса в хроническую стадию.

В.С. Сачук

О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТИПАХ ОТНОШЕНИЯ К БОЛЕЗНИ У БОЛЬНЫХ ГЕМОРРОЕМ

Отношение больного к своему заболеванию является значимым и оказывает влияние на другие отношения личности (Вассерман Л.И., Вукс А.Я., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б., 1987). Отношение к болезни, обладая всеми характеристиками, присущими психологическим отношениям, содержит в себе когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Если рассматривать отношение к болезни с позиций психологических отношений, то следует отметить наличие трех факторов, влияющих на формирование отношения к болезни: преморбидные личностные особенности больного, природа самого заболевания, социально-психологические факторы. Согласно (Вассерману Л.И., Вуксу А.Я., Иовлеву Б.В., Карповой Э.Б., 1987), отношение к болезни является индивидуальным, избирательным, сознательным (или способным к осознанию), т. е. отражает индивидуальный, или личностный, уровень. Кроме того, отношение к болезни носит субъективно-объективный характер, является содержательным и не может рассматриваться вне объекта отношения, т. е. отражает уровень объекта, другими словами, определяется природой самого заболевания.

Как любое отношение, отношение к болезни опосредовано существующими в значимом для больного микросоциальном окружении и в обществе в целом представлениями о данном заболевании, о регламентированных в определенной культуре нормах поведения больного, о социальных и социально-психологических последствиях болезни. Современные авторы, рассматривают возникновение психологических реакций на то или иное соматическое заболевание, учитывая фактор «социальной престижности болезни» (Карвасарский Б.Д., 2009). Так, традиционно к наиболее «престижным» соматическим заболеваниям относятся болезни сердечно-сосудистой системы, обсуждение которых в настоящее время становится обычной темой светской беседы. Между тем, заболевания желудочно-кишечного тракта, в частности геморрой, относятся к «непрестижной» патоло-

гии; симптомы желудочно-кишечных нарушений, такие как поносы, запоры, не обсуждаются с окружающими людьми, поскольку их переживание связано с чувством стыда. Именно поэтому различные нозологические формы заболеваний способствуют проявлению соответствующих особенностей клинических проявлений психологических изменений.

В связи с этим целью нашего исследования являлось изучение типов отношения к своему заболеванию. Нами было обследовано 70 (46 женщин и 24 мужчин) больных колопроктологического отделения больницы № 40 г. Санкт-Петербурга с клиническим диагнозом геморрой, в возрасте от 26 до 72 лет (средний возраст $47,23 \pm 11,5$, $SD = 1,37$).

Исследование проводилось с помощью клинко-психологического метода, направленного на сбор психологического анамнеза, в виде беседы с пациентами и использованием методики ТООБЛ, предназначенной для психологической диагностики типов отношения к болезни. По всем 12 типам отношения к болезни у больных геморроем в ходе исследования нами были получены следующие данные, средние значения, которых составили: по гармоническому типу ($33,01 \pm 12,1$, $SD = 1,46$), по эргопатическому типу ($30,8 \pm 12,1$, $SD = 1,47$), по сенситивному типу ($22,56 \pm 8,2$, $SD = 1,0$), по анозогностическому типу ($21,7 \pm 12,7$, $SD = 1,5$), по тревожному типу ($11,2 \pm 10,3$, $SD = 1,25$), по ипохондрическому типу ($10,09 \pm 6,6$, $SD = 0,83$), по неврастеническому типу ($11,6 \pm 8,0$, $SD = 0,97$), по меланхолическому типу ($3,7 \pm 4,5$, $SD = 0,54$), по апатическому типу ($4,5 \pm 5,2$, $SD = 0,63$), по эгоцентрическому типу ($9,81 \pm 4,6$, $SD = 0,56$), по паранойальному типу ($7,21 \pm 5,4$, $SD = 0,6$), дисфорическому типу ($5,03 \pm 6,0$, $SD = 0,72$).

Наиболее выраженными типами отношения к болезни у больных геморроем являются гармонический, эргопатический, анозогностический и сенситивный типы. Исходя из полученных данных необходимо отметить, что при гармоническом типе реагирования больные геморроем адекватно оценивают свое состояние, активно участвуют в лечении заболевания, соблюдают назначенный врачом режим. Для больных геморроем с эргопатическим и анозогностическим типами отношения к болезни характерно: снижение критичности к своему заболеванию, преуменьшение значения заболевания вплоть до полного его вытеснения, которое иногда может проявляться поведенческими нарушениями режима жизни, рекомендуемого врачом, погружением в работу с отрицанием факта заболевания. Выраженность сенситив-

ного типа отношения к болезни позволяет говорить о чрезмерной ра­нимости, уязвимости, озабоченности неблагоприятными впечатлени­ями, которые могут произвести на окружающих сведения о болезни у больных данной нозологической группы.

В.А. Сотников, А.В. Селин

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА БОЛЬНЫХ ОНКОЛОГИЕЙ ГИНЕКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В последние десятилетия в мире резко возросло количество лю­дей, страдающих онкологическими заболеваниями. Среди заболева­ний гинекологического профиля ведущее место занимает поражение шейки матки. В настоящее время ежегодно в мире насчитывается около 500 тыс. новых больных. По мнению многих психологов (А.Ш. Тхостов, Н.Г. Кошуг, А.В. Гнездилов, В.Н. Герасименко), тя­жесть и негативный миф заболевания в обществе приводит к тому, что происходит разрушение привычной деятельности, установок и отношений личности. Человек оказывается в ситуации невозмож­ности жить, реализовывать внутренние необходимости своей жизни (Ф.Е. Василюк), в ситуации кризиса. Кризис, вызванный онкологиче­ской патологией гинекологического профиля, также затрагивает глу­бинные аспекты гендерной идентичности женщины, деформирует жизненно-смысловую перспективу, сужает свободу существования не только в настоящем, но в перспективе будущего (А.В. Гнездилов).

Мы предполагаем, что онкологическая патология гинекологиче­ского профиля (на примере поражения шейки матки) приводит к из­менению временной перспективы. Для проверки данного предполо­жения нами было проведено эмпирическое исследование, целью ко­торого являлось изучение особенностей влияния онкологической па­тологии гинекологического профиля на временную перспективу. Ги­потеза нашего исследования: онкологическая патология гинекологи­ческого профиля сужает и деформирует временную перспективу женщины. Для изучения временной перспективы мы использовали: опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPИ) (адаптация А. Сырцовой); тест «Смысло­жизненные ориентации» Д.А. Леонтьева; процедуру «Линия жизни», суть которой в том, что испытуемым предлагается изобразить «линию своей жизни», отмечая на ней собы­тия прошлого, настоящего и будущего и оценивая их согласно пред­ложенной шкале от + 5 до – 5; используя данный прием можно оце­

нить особенности переживания настоящего момента и преобладаю­щую временную ориентацию. При планировании данного исследова­ния был использован экспериментальный план ex-post-facto.

В исследовании приняли участие 40 испытуемых. Эксперимен­тальную группу составили пациенты онкологического диспансера, находящиеся на амбулаторном лечении, со стажем заболевания до 3 месяцев, имеющие диагноз рак шейки матки, $n = 20$. Контрольную группу составили практически здоровые женщины, $n = 20$. Расчеты проводились с помощью статистического пакета STATISTICA 8.0, с использованием U-критерия Манна–Уитни и описательных стати­стик.

В процессе статистической обработки данных исследования бы­ли получены следующие результаты. Переживание настоящего (по линии жизни) момента в группе онкологических больных имеет более негативную окраску, чем в группе здоровых испытуемых ($p = 0,00004$). Отмечаются более высокие показатели по фактору «фатали­стическое настоящее» в группе больных ($p = 0,03$). На уровне стати­стической тенденции выявлено, что количество событий будущего в группе гинекологических больных ниже ($p = 0,0712$), жизненные цели представлены менее четко, чем в группе здоровых испытуемых ($p = 0,0742$). У здоровых испытуемых отмечаются более высокие показа­тели по фактору «гедонистическое настоящее», чем в группе больных ($p = 0,09$).

Таким образом, в результате проведенного эмпирического иссле­дования мы получили данные, свидетельствующие о том, что женщи­ны, страдающие онкологической патологией гинекологического про­филя (на примере поражения шейки матки), имеют измененную вре­менную перспективу, и это подтверждается тем, что настоящее вос­принимается как негативное, лишённое смысла, фаталистическое, фрустрирующее удовлетворение потребностей. Преобладание пози­тивной ориентации на будущее в контрольной группе, размытые жиз­ненные цели в группе больных позволяют сделать вывод, что в ситу­ации онкологической патологии снижается возможность построения перспективы, человек ориентируется либо на прошлое, либо на настоящее, будущее не представляется ему развернутым и насыщен­ным, так как ситуация заболевания несет в себе высокий уровень не­определенности, что также сужает возможность влияния на будущее активными индивидуальными действиями.

Работа поддержана Грантом Президента РФ № МК-4130.2011.6 «Структура и динамика жизненного пути личности в

социальной ситуации тяжелого соматического заболевания (на примере кардиологической, гастроэнтерологической, гинекологической и онкологической патологии)».

Е.Е. Стеценко

СОБЫТИЙНАЯ СТРУКТУРА АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ У БОЛЬНЫХ АЛКОГОЛИЗМОМ

Распространенность алкоголизма продолжает оставаться серьезной проблемой. Вследствие патологических изменений личности у больного алкоголизмом нарушаются связи с окружающими, стираются индивидуальные различия в образе жизни. Известно, что при алкоголизме страдает мотивационная сфера личности, происходит «сдвиг мотива на цель». Это приводит к формированию патологической потребности; нарушается иерархия мотивов, формируется иллюзорно-компенсаторная деятельность. Все это приводит к бездумности, импульсивности поступков больных, которые «живут только сегодняшним днем». Мы предполагаем, что следствием алкоголизма также является нарушение субъективной картины жизненного пути в целом и ее отдельных компонентов (временной перспективы личности и событийной структуры автобиографической памяти).

Целью нашего исследования выступило изучение особенностей структурирования жизненного пути у больных алкоголизмом в сравнении со здоровыми испытуемыми. Объект исследования: психологические образования, отражающие временную перспективу личности, субъективная картина жизненного пути. Предметом исследования являются особенности событийной структуры автобиографической памяти и временных перспектив у больных алкоголизмом. Для проверки гипотез мы использовали методику Life Line в модификации В.В. Нурковой, а также методику изучения временной перспективы личности Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой. В качестве испытуемых выступили 20 больных алкоголизмом 2-й стадии в возрасте от 24 до 45 лет, из них 14 мужчин и 6 женщин, находящихся на лечении в стационарном отделении ГУЗ «Магаданский областной наркологический диспансер». Контрольная группа состояла из 20 здоровых испытуемых – 15 мужчин и 5 женщин в возрасте от 24 до 45 лет.

Мы получили следующие статистически достоверные результаты. По результатам методики Life Line событийная структура авто-

биографической памяти больных алкоголизмом беднее событиями количественно и качественно. Больные называют значимо меньше событий, чем здоровые испытуемые, при этом отмечаемые события более стереотипны, чаще обозначают социальные переходы и в целом касаются меньшего числа сфер, чем у здоровых. Здоровые испытуемые быстрее справлялись с заданиями, при этом охотно рассказывали о значимых событиях своей жизни, в деталях описывали каждую отмеченную ситуацию, старались не упустить ни одного важного события. У них чаще отмечались «оригинальные события» (такие как приобретение собаки, распад СССР, становление личности и т. д.), обозначающие глубокие личностные переживания.

По методике Ф. Зимбардо выявлены статистически значимые превышения по шкалам «негативное прошлое» и «фаталистическое настоящее» у больных алкоголизмом. Больные считают, что к алкоголизму их привело негативное прошлое (они «застревают» в нем), и в настоящем давно минувшие события продолжают их тревожить. Другими словами, больные не видят смысла бороться со своей болезнью и принимают ее как должное, как издержки жизненного пути. Эта оценка компенсаторна, поскольку позволяет больному занять экстерналистическую позицию. Поскольку субъективная картина жизненного пути в норме служит средством регуляции личностной активности, ее нарушение приводит к дезорганизации индивида. Жизненный путь у больных не является источником опыта и не служит инструментом планирования. Субъективная картина жизненного пути больных нуждается в коррекции при помощи специальных методов. Позитивное переосмысление прошлого опыта, расширение диапазона событий прошлого, построение адекватного настоящего на основе целенаправленного планирования и накопленного опыта может повысить эффективность реабилитационной работы с больными алкоголизмом.

С.В. Телешева, М.М. Азеддин

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Система социально-педагогической реабилитации сложилась и получила признание как кондуктивная педагогика в Венгерской Республике. Кондуктивная педагогика как метод реабилитации была разработана венгерским врачом и педагогом Андрашем Петё, впоследствии получила развитие в трудах его ученицы и коллеги проф. Марии Хари. Кондуктивная педагогика изучает теорию и практику раз-

вития, воспитания и обучения, а также вопросы абилитации и реабилитации детей, имеющих церебральный паралич. Кондуктивная педагогика рассматривает ребенка как личность в целом, используя в работе с ним системный подход, стремится ввести и применить реабилитационные мероприятия во все виды деятельности в процессе всего дня.

Сущность системы А. Петё состоит в стремлении создать для ребенка условия, стимулирующие его жизнедеятельность и позволяющие наиболее полно и эффективно использовать его индивидуальные возможности в процессе целенаправленного комплексного развития, в ходе которого коррекция двигательных нарушений у ребенка происходит с помощью педагогического воздействия на него, а каждодневные реабилитационные мероприятия развивают адаптационные способности, прививают навыки удовлетворять свои потребности с минимальной помощью окружающих. Для достижения этого на начальном этапе у ребенка необходимо сформировать подсознательное построение двигательного стереотипа. Затем организованный двигательный акт переходит в сферу сознания и в конечном итоге автоматизируется, таким образом, человек из дисфункциональной личности становится личностью ортофункциональной. Это достигается стимуляцией и развитием способностей личности к обучению. В процессе достижения этой цели А. Петё основывается на высокой пластичности мозга ребенка, которая особенно характерна для детского возраста.

Ход всего реабилитационного процесса в ГУСО КРЦ «Орленок» осуществляется в группах численностью от 10 до 25 детей, имеющих различную патологию. Управление процессом осуществляется педагогом-кондуктором (от лат. conductor – сопровождающий, проводник). Педагог-кондуктор – это специалист, владеющий знаниями в области медицины, психологии, педагогики, дефектологии, логопедии и лечебной физкультуры. Основная задача кондуктора – достижение наиболее эффективных результатов у каждого ребенка, находящегося в группе в процессе обучения: преодолеть или минимизировать двигательную, речевую и психическую недостаточность, развивая задержанные и корригируя нарушенные функции.

Большую роль в достижении этой цели играет комплексная программа дня. Она включает в себя медицинский, психологический и педагогический блоки, состоящие из комплексов упражнений и педагогических занятий, проводимых в игровой форме, а также включение ребенка с ДЦП в программу «РИТМ». Для каждого ребенка с

ДЦП составляется индивидуальная комплексная программа реабилитации, разрабатываются методические рекомендации для родителей. Системный подход в кондуктивной педагогике не подразумевает разделение ее элементов и применение их независимо друг от друга. Основная цель применения технологии кондуктивной педагогики – создать условия, позволяющие ребенку проявить свою инициативу, показать себя самостоятельной личностью, при этом ребенка никто не подгоняет, не проявляет нетерпения.

Анализ опыта применения технологии кондуктивной педагогики в реабилитационном процессе позволяет сделать следующие выводы. Эффективность участия ребенка в реабилитационном процессе в значительной степени зависит от его мотивации. Особое значение в процессе реабилитационной работы имеет сформированная мотивация, а также устойчивое стремление ребенка к успеху и достижение результата. Любой, даже совсем незначительный, успех должен быть замечен и положительно оценен специалистами. Одним из основополагающих компонентов кондуктивной педагогики является выбор активной жизненной позиции у ребенка. Сложившееся в реабилитационной среде особое представление о заниженной активности детей с ДЦП уменьшает активное участие самого ребенка в процессе реабилитации. Включение ребенка в программу «РИТМ» способствует интеграции ребенка с ограниченными возможностями в социум. Участие ребенка в программе воспитывает активного, думающего человека, способного креативно мыслить и самостоятельно решать многие жизненные задачи, в том числе и двигательные. Цель реабилитационного процесса – исправление нарушений, возникших у детей вследствие ДЦП. Технологии кондуктивной педагогики – средство для достижения этой цели.

П.К. Тромбчиньски

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕВРОТИЧЕСКИХ ЧЕРТ У БОЛЬНЫХ И ЗДОРОВЫХ В ПОЛЬШЕ И РФ

Результаты научных исследований до сих пор не дают убедительных знаний о предрасположении к развитию невротических расстройств. Возможно, причиной этого является недостаточность существующих методических приемов и исследовательского инструментария. В этой связи несомненный интерес представляет новая методика для исследования невротической личности KON-2006, разработанная

польским психиатром Е. Александровичем. Методика была переведена на русский язык и адаптирована на факультете психологии СПбГУ. Проведенное пилотное исследование на российских выборках пациентов, больных неврозами и здоровых позволило сопоставить полученные результаты с польскими данными.

Различия между польской и российской выборками обнаружены по ряду шкал KON–2006. По шкале «Чувство зависимости от окружения» различия установлены между группами здоровых (в польской выборке показатели значительно ниже); российские и польские пациенты – больные неврозами, различий не обнаруживают. Показатель выраженности астении в польской выборке выше, чем в российской (у здоровых почти в 2 раза), что может свидетельствовать о большей астенизации польской выборки в целом. Выявлено, что и польские, и российские пациенты характеризуются заниженной самооценкой, однако этот показатель у российских пациентов значительно ниже, чем у польских. По шкале «Импульсивность» различия обнаружены только в группе здоровых: в польской выборке показатели значительно ниже. По шкале «Сложность принятия решения» различия выявлены только в группе больных: в польской выборке этот показатель выше, чем в российской. Данные, полученные по шкале «Отчуждение», показывают, что российская выборка здоровых в большей степени характеризуется ощущением себя как человека одинокого, лишённого поддержки общества.

По шкале «Демобилизация» выявлены высокие показатели во всех группах, однако в группе польских пациентов этот показатель выше, чем у российских. Шкала «Рискованное поведение» – показатели по этой шкале в группе больных выше в российской выборке. По шкале «Сложность эмоциональных отношений» показатели в польской выборке выше у больных и здоровых. Шкала «Нехватка жизненной энергии» имеет наиболее высокие значения в обеих выборках. Показатели пациентов польской выборки выше, что может свидетельствовать об отсутствии жизненной динамики и осознании пациентами этой дисфункции. Шкала «Уверенность в собственной жизненной беспомощности» описывает человека, легко отказывающегося от своего мнения, не доводящего дела до конца и легко уходящего от проблем. Данные по этой шкале в российской выборке у пациентов ниже, а у здоровых выше, в сравнении с польской выборкой. По шкале «Чувство отсутствия влияния» польские здоровые испытуемые ощущают большее влияние на окружающее, чем испытуемые в РФ. «Отсутствие внутренней направленности» – различия по этой шкале

наиболее выражены в группе здоровых и выше в российской выборке. Шкала «Представление и фантазии» описывает человека, создающего фантазии и представления с целью приобрести симпатию общества. Показатели по этой шкале сходны у всех групп испытуемых.

По шкале «Чувство вины» в клинической и здоровой группах показатели ниже у испытуемых российской выборки. По шкале «Проблемы в межлических отношениях» отличия между польской и российской выборкой значительны. Высокие показатели по шкале «Чувство опасности» характерны для российской выборки здоровых. Средние значения по шкале «Экзальтация» – одни из самых высоких. В сравнении с польской выборкой, группа российских здоровых лиц характеризуется более высокими значениями. По шкалам «Иррациональность» и «Мелочность» показатели и в клинической группе, и в группе здоровых выше в российской выборке. Шкалы «Рефлексивность» и «Чувство перегрузки» описывают человека мнительного, который часто задумывается о себе и своих поступках, неуверенного и легко обижающегося, много от себя требующего, слишком перегруженного. Показатели российской выборки по этим шкалам ниже, чем в польской.

Предварительный сравнительный анализ полученных данных показал, что российская и польская выборки обнаруживают определенные различия как между клиническими группами, так и между группами здоровых лиц. Следует также отметить, что различия между выборками здоровых характеризуются относительно большей выраженностью.

Н.Г. Туровская

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ДИАГНОСТИКЕ НАРУШЕНИЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИ ЭПИЛЕПСИИ

Широкие возможности для выяснения закономерностей нарушений психического развития детей, перенесших в анамнезе или страдающих судорожными пароксизмальными состояниями, дает использование в процессе психологического исследования системного подхода, важность и правомерность применения которого определяется следующими теоретическими положениями.

1. Нормальное развитие ребенка происходит под взаимным системным влиянием двух факторов: биологического и социального. Такой характер влияния определен специфическими особенностями и

сущностью психики как способностью высокоорганизованной материи отражать объективный мир.

2. Организм человека является системой, взаимодействие компонентов которой подчиняется принципу нейротрансмиссии (передачи управляющих организмом импульсов посредством нервной системы) (Крайг Г., Бокум Д., 2005).

3. Согласно современным анатомическим представлениям об основных принципах организации мозга как субстрата психики, мозг представляет собой сложную метасистему, состоящую из различных макросистем (проекционных, ассоциативных, интегративно-пусковых, лимбико-ретикулярных); каждая из них строится из разных микросистем (микроансамблей) (Хомская Е.Д., 2002).

4. Высшие психические функции (ВПФ) – это сложные системные образования, которые создаются путем надстройки новых образований над старыми с сохранением последних в виде подчиненных структур внутри нового целого (Выготский Л.С., 1956; Лурия А.Р., 1969; Хомская Е.Д., 2002).

5. Системная локализация высших психических функций предполагает их многоэтапную иерархическую многоуровневую мозговую организацию (Лурия А.Р., 1969; Хомская Е.Д., 2002).

6. Одной из закономерностей развития ВПФ является их системное формирование (развитие ВПФ протекает не изолированно, а во взаимодействии с той или другой группой ВПФ) (Выготский Л.С., 1960; Цветкова Л.С., 2006).

6. Возможной причиной несформированности психической деятельности у детей является неблагополучие в развитии функциональных систем. В одних случаях это может быть неполнота состава функциональной системы, в других – задержка консолидации тех частей мозга, совместная работа которых обеспечивает те или другие психические свойства функции, в-третьих – дезинтеграция той или иной функциональной системы, в-четвертых – задержка высших уровней интеграции функциональных органов (Цветкова Л.С., 2006).

7. Дефект развития ребенка имеет системное строение (Выготский Л.С., 1960). В аномальном развитии можно выделить две группы симптомов: первичные – нарушения, непосредственно вытекающие из биологического фактора болезни, и вторичные, возникающие опосредованно в процессе аномального социального развития (Лебединский В.В., 2003).

8. При эпилепсии отмечается «прорыв» эпилептической активности из очага и формирование эпилептической системы, которая вклю-

чает пути распространения эпилептического разряда, структуры, активизирующие эпилептический фокус, и образования, способствующие генерализации эпилептического разряда. Эпилептическая система является динамической, постепенно усложняющейся патологической структурно-функциональной системой (Крыжановский Г.Н., 1980; Карлов В.А., 1990).

9. Влияние эпилепсии и эпилептиформных расстройств на психическую деятельность определяется системой факторов, которые включают органические поражения головного мозга, лежащие в основе заболевания и сочетающиеся с припадками; нейронные эпилептические разряды, которые значительно нарушают нормальную активность в пораженной области мозга; факт наличия эпилептических припадков, нередко являющийся серьезным психическим стрессом для больного; противоэпилептическую терапию и другие (Карлов В.А., 1990).

А.С. ТЫСЯЧНЮК

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ ДЕПРИВИРОВАННЫХ ПОДРОСТКОВ

В современной отечественной литературе значительное количество работ посвящено клинико-психологическим исследованиям подростков с нарушениями поведения, начиная от антисоциальных до девиантных (Личко А.Е., 1983; Лебединская К.С., Грибанова Г.В., 1982; Егоров А.Ю., Игумнов С.А., 2005; Антипова И.Г., 1999; Змановская Е.В. 2003; Шнейдер Л.Б., 2005, Курек Н.С., 2001, Мамайчук И.И., Смирнова М.И., 2010 и др.). Психологические концепции, посвященные вопросам психического развития, рассматривают широкий спектр неблагоприятных факторов, обуславливающих возникновение поведенческих нарушений в подростковом возрасте. Проблема депривации стала предметом научного обсуждения в 30–40-е годы XX в., когда ряд психологов заинтересовались фактом значительного отставания в развитии у младенцев, воспитывавшихся в детских учреждениях (Шпиз, Анна Фрейд). При оценке эффективности и динамики психической адаптации депривированных подростков одно из первостепенных значений имеет изучение защитных механизмов личности и копинг-стратегий депривированных подростков.

Для анализа особенностей структуры личности и защитных механизмов депривированных подростков нами были обследованы 55

воспитанников одного из социально-реабилитационных центров Санкт-Петербурга в возрасте от 13 до 15 лет. Контрольной группой выступили 32 подростка, учащиеся 10-х классов специализированной гимназии. В исследовании использовался следующий психодиагностический инструментарий: подростковый вариант многофакторного личностного опросника Кеттелла; метод изучения фрустрационных реакций Розенцвейга; методика для диагностики механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х.Р. Конта; копинг-опросник Карвера.

Анализ полученных данных выявил следующее. Структура личности воспитанников детских домов отличается некоторой дисгармоничностью, проявляющейся в трудностях установления межличностных взаимоотношений, доминировании эмоциональных факторов, снижении уровня организации мыслительных операций и динамики мыслительных процессов, а также недостаточной интегрированностью ее свойств в сравнении с контрольной группой.

Анализ особенностей фрустрационных реакций не выявил существования достоверных различий между изучаемыми группами, однако у депривированных подростков проявилась тенденция к повышению экстрапунитивных реакций, что отражает склонность к аффективным и агрессивным реакциям. Качественный анализ ответов депривированных подростков выявил тенденцию давать ответы, направленные на создание положительного образа в глазах окружающих, что отражает их заниженную самооценку и неуверенность в себе (Мамайчук, Трошихина, 1997). В целом, у депривированных подростков наблюдается низкая фрустрационная толерантность, выражающаяся в предпочтении неконструктивного эмоционального способа реагирования на фрустрацию.

У депривированных подростков наблюдаются достоверно высокие различия по использованию следующих защитных механизмов: отрицание, вытеснение, регрессия, реактивные образования. Данные защитные механизмы относятся к примитивным (онтогенетически более ранним) защитным механизмам, и их использование отражает существенные эмоционально-волевые проблемы. Выраженность такого защитного механизма, как вытеснение, отражает наличие у депривированных подростков психогений и неизжитых травматических переживаний. Депривированным подросткам, в отличие от контрольной группы, в большей мере свойственно использование какого-то одного защитного механизма, а не их совокупности, что подчеркивает недоразвитие у них системы психологических защит в целом.

Сравнительный анализ использования копинг стратегий показал, что для совладания со стрессом депривированные подростки достоверно чаще используют эмоционально-ориентированные копинг-стратегии и достоверно реже – проблемно-ориентированные копинги, что указывает на несформированность у них необходимых личностных копинг-ресурсов.

Полученные данные имеют важное значение для дифференцированной психологической помощи депривированным подросткам, которая должна быть направлена на гармонизацию их личности в процессе комплексного клинико-психолого-педагогического сопровождения, а также на формирование фрустрационной толерантности и активных копинг-стратегий в процессе направленных психокоррекционных воздействий в зависимости от структуры, степени тяжести поведенческих нарушений.

Н.В. Флёрко

ПСИХОКОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА С ДЕТЬМИ С ТРУДНОСТЯМИ В ОБУЧЕНИИ, ОБУСЛОВЛЕННЫМИ ЗПР

Одной из задач умственного воспитания детей с трудностями в обучении, обусловленными задержкой психического развития (ЗПР), является формирование мыслительной деятельности. При наличии трудностей в формировании познавательной деятельности умственное развитие должно являться одной из задач организации и проведения психокоррекционной работы. Дети дошкольного возраста с трудностями в обучении, обусловленными задержкой психического развития, характеризуются снижением познавательной деятельности. У всех детей данной категории наблюдается сравнительно низкий уровень развития восприятия, снижение долговременной и кратковременной памяти, низкая продуктивность запоминания. Неполноценное восприятие и нарушение процессов памяти приводит к формированию неадекватного образа воспринимаемого предмета и его неправильному запечатлению, что, в свою очередь, оказывает влияние на протекание мыслительных процессов.

В связи с этим цель нашего исследования – определить направления психокоррекционной работы по развитию мышления у детей 6–7 лет с трудностями в обучении, обусловленными ЗПР. Для достижения поставленной цели была сформирована экспериментальная группа, состоящая из детей 6–7 лет, обучающихся по программе обучения

и воспитания детей дошкольного возраста с задержкой психического развития на базе ГУО «Специальный ясли-сад № 5 г. Гродно для детей с особенностями психофизического развития». С учетом принципа единства диагностики и коррекции нами было проведено исследование мышления детей с использованием теста Дж. Равена, направленного на изучение особенностей наглядно-образного и наглядно-схематического мышления.

Проведенное исследование показало, что внешне представленные схемы и модели предметов не являются для детей 6–7 лет с трудностями в обучении, обусловленными ЗПР, основой для выделения существенных признаков предметов. Значительные трудности у них проявляются при необходимости мысленно объединить части в целое и установить закономерности смены определенных элементов в фигуре. Дошкольникам легче работать с образцом, который представляет собой целый фрагмент, нежели разделенный на определенные части. Выявленные особенности позволяют говорить о недостаточном уровне мышления у детей 6–7 лет с трудностями в обучении, обусловленными ЗПР, и необходимости проведения с ними соответствующей психокоррекционной работы.

На основе выявленных особенностей мышления были определены направления психокоррекционной работы с детьми данной категории. Первое направление – это развитие целостного образа предмета, включающее в себя выделение свойств в предмете, его основных частей, узнавание предмета по пунктирному изображению, при перекрытии предметов друг другом.

Второе направление предполагает развитие представлений о пространственном расположении предметов. На начальном этапе дети осуществляют анализ рисунка, узора с объяснением расположения отдельных элементов. Затем дети выкладывают аналогичный рисунок, узор сначала с использованием словесной инструкции и наличием образца, после чего выполнение задания происходит по памяти без образца.

Третье направление – развитие мышления, решающее две основные задачи: 1) развивать наглядно-образное мышление и на его основе способность к анализу, синтезу, сравнению и обобщению предметов; 2) развивать умение составлять рассказ по предложенным картинкам, по итогам прослушанного рассказа или выполненной деятельности. Для достижения первой задачи у детей необходимо развивать умение выделять в предмете составные части, соотносить их между собой; сравнивать предметы по определенным признакам: ве-

личине, форме, цвету; группировать предметы на основе выделения у них существенных признаков. Для достижения второй задачи у детей развивают способность выделять опорные слова в рассказе, обозначать их определенными картинками и на основе картинок составлять схему, отражающую последовательность событий, изложенных в рассказе.

Четвертое направление – развитие способности к контролю за собственной деятельностью. Данное направление осуществляется с опорой на формирование внимания, способности к концентрации и переключению внимания.

Организованная таким образом психокоррекционная работа позволит развивать у детей 6–7 лет с трудностями в обучении, обусловленными ЗПР, способность решать задачи, ориентированные на использование наглядно-образного и наглядно-схематического мышления.

А.В. Фролова

ВЗАИМОСВЯЗЬ АНТИЦИПАЦИИ И РЕЧЕВОГО СОДЕРЖАНИЯ БОЛЬНЫХ НАРКОМАНИЕЙ

Одной из наиболее актуальных проблем современного общества является проблема сохранения и укрепления психического здоровья населения. Нарушение способности к вероятностному прогнозированию и антиципации приводит к социальной дезадаптации – утрате приспособляемости к условиям социальной среды. Можно предполагать, что одним из важных механизмов формирования девиантных форм поведения становится механизм, основанный на антиципационной (прогностической) деятельности человека. В психологии известна и доказана роль нарушения функционирования антиципационных механизмов в формировании невротических расстройств у взрослых, детей и подростков, нашедшая свое отражение в антиципационной концепции невротогенеза (Менделевич В.Д., 1988). Согласно концепции невротогенеза, в структуру «невроустойчивой личности», в отличие от личности «потенциального невротика», входит понятие «психологической ловкости», способности предвосхищать события, упреждать их. Логично предположить, что антиципационная несостоятельность детерминирует высокий уровень тревожности. Высказанное предположение о тесной взаимосвязи антиципационной несостоятельности и эмоциональной неустойчивости было подвергнуто эм-

пирической проверке. В качестве методов диагностики использовались: шкалы Готтшалка–Глезера, тест фрустрационной толерантности Розенцвейга (модификации В.Д. Менделевича), методика Эббингауза.

В исследовании принимали участие 100 человек в возрасте от 18 до 26 лет, больные наркоманией. Из общего количества испытуемых были выделены две группы по 50 человек в каждой: первую группу составили испытуемые с высокими показателями актуализируемой в толкованиях тревоги, агрессии и депрессии, другую группу – с низкими. То есть лексико-семантический анализ толкований качеств личности с помощью шкал Готтшалка–Глезера показывает, что рассматриваемые испытуемые достоверно ($p \leq 0,001$) отличаются по типу актуализируемой в толкованиях тревоги, агрессии и депрессии.

В целом у обследованных лиц были выделены три типа вероятностного прогнозирования: моновариантный, не более 1 ответа на одно задание, нормовариантный, от 2 до 3, «поливариантный» (более 3). У респондентов первой группы распределение по типам вероятностного прогнозирования было следующим: моновариантный прогноз выявлялся в 55,0 %, поливариантный 13,4 %, нормовариантный в 30,0 %. У лиц второй группы распределение оказалось таким: моновариантный прогноз – 25,0 %, поливариантный 6,2 %, нормовариантный в 60,0 %. 23,0 % испытуемых первой группы демонстрируют употребление высказываний, связанных с тревогой разобщения (высказывания об оставлении, заброшенности, утрате поддержки). Выявленные показатели тревоги разобщения тесно ($p \leq 0,001$) коррелируют с «моновариантным» (не более 1 ответа на одно задание) типом прогнозирования. Проявление в толкованиях тревоги социального неодобрения наблюдается у 35,0 % респондентов первой группы. Тревога социального неодобрения, проявляющаяся в чувствительности к оценке себя другими людьми, боязнь осуждения значимо коррелируют ($p \leq 0,001$) с «поливариантным» (более 3) прогнозом. Зачастую испытуемые использовали подменяющий вариант ответа, т. е. вместо фраз собственного сочинения 5 % испытуемых воспроизводили ассоциативно связанное с текстом содержание книги, фильма и т. д. Выяснилось, что у респондентов первой группы достоверно ($p \leq 0,001$) чаще встречались речевые неясности, логическая несвязанность частей рассказа, являющиеся признаком утраты смысла понятий.

Таким образом, испытуемые использовали ряд особенностей в построении прогностического процесса, которые проявлялись в трудностях с выбором вариантов предположительного ответа, извлечения из семантической памяти слов, сложностью подбора правильных лек-

сических единиц. Установление закономерностей отношений между речевым содержанием и антиципационными способностями открывает возможности в дифференциальной диагностике и позволяет прогнозировать поведение людей в определенных ситуациях.

Д.И. Черного, М.Ю. Васильева, Р.Ж. Мухамедрахимов

РАЗВИТИЕ НЕДОНОШЕННЫХ ДЕТЕЙ В СВЯЗИ С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ИХ СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ

Нами было проведено изучение влияния характеристик социального окружения на психическое развитие недоношенных детей, воспитывающихся в различных условиях социального окружения в течение первого года жизни (Васильева М.Ю., Черного Д.И., 2010; Васильева М.Ю., Черного Д.И., Мухамедрахимов Р.Ж., 2010). В исследовании приняли участие преждевременно родившиеся дети, воспитывающиеся в трех разных условиях: 1) в обычном доме ребенка без проведения изменений социального окружения, 2) в доме ребенка после проведения изменений социального окружения [1], и 3) в семьях [2]. Обследование детей проводилось в возрасте 3, 6, 9 и 12 месяцев.

Для определения уровня психического развития использовали «Методику оценки уровня развития Баттелл», состоящую из 5 шкал: личностно-социального развития, моторного развития, адаптации, коммуникации, познавательных процессов, а также шкалы общего развития. В результате сравнительного анализа трех групп было обнаружено, что уровень развития недоношенных детей, воспитывающихся в выделенных выше трех видах социального окружения, в разных областях и возрастных этапах первого года жизни различный:

– при воспитании в доме ребенка семейного типа уровень развития во всех обследованных возрастах не отличается от уровня развития детей в семьях в двигательной, познавательной, коммуникативной и личностно-социальной (кроме 9 мес.) областях, однако значимо выше в формировании навыков адаптации;

– общее психическое развитие недоношенных детей, воспитывающихся в обычных условиях дома ребенка, ниже развития детей в семьях только в 12 мес., и ниже развития детей в доме ребенка семейного типа – в 6, 9 и 12 мес.

Было обнаружено, что скорость психического развития недоношенных детей первого года жизни также связана с условиями социального окружения: у недоношенных детей в семьях и доме ребенка

семейного типа скорость общего психического развития выше, чем у недоношенных детей, воспитывающихся в обычных условиях дома ребенка. Сравнительное исследование недоношенных детей, воспитывающихся в семьях и домах ребенка, позволило сделать теоретическое заключение о влиянии характеристик социально-эмоционального окружения на развитие детей из группы биологического риска в течение первого года жизни. Вероятно, основное значение имеет не столько институциональная характеристика окружения (семья или дом ребенка), сколько собственно показатели этого первичного социально-эмоционального окружения ребенка, а именно чувствительность и отзывчивость, а также стабильность и постоянство близкого ухаживающего за ребенком взрослого.

На сегодняшний день не проводилось работ, посвященных изучению влияния социального окружения на психическое развитие недоношенных детей от рождения до трех лет, воспитывающихся в различных условиях социального окружения (в обычных домах ребенка, в домах ребенка после проведения изменений и организации семейных условий проживания и в семьях). Проведенные к настоящему времени исследования свидетельствуют о том, что у детей из групп риска, имеющих неблагоприятный ранний социально-эмоциональный опыт, нарушения психического развития наблюдаются в более позднем возрасте (Gunnar, 2001; Mertz, McCall, 2008). В связи с этим представляется важным проследивание преждевременно родившихся детей не только на первом году жизни, но и в последующие возрастные периоды.

[1] – Данные о развитии детей в домах ребенка были получены в проекте «Влияние изменения социального окружения на психическое здоровье детей», поддержанного грантом HD39017 от Национального Института Здоровья Ребенка и Развития Человека США.

[2] – Данные о развитии детей в семьях были получены в исследовании «Биомедицинские, психологические и социальные основы здоровья человека на ранних этапах развития» № 0.37.116.2011, выполняемого за счет средств федерального бюджета, выделенных СПбГУ.

А.М. Шишкова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ У МАТЕРЕЙ НАРКОЗАВИСИМЫХ

Высокая распространенность наркотической зависимости в России обуславливает необходимость разработки мероприятий, направ-

ленных на профилактику и лечение этого заболевания. Одной из наиболее тяжелых форм наркомании, приводящей к значительному нарушению психического и соматического здоровья, а также социального функционирования больного и его близких, является зависимость от опиатов. Значимые близкие наркозависимого оказывают значительное влияние на формирование и течение этого заболевания и, как правило, сами остро нуждаются в психологической помощи. Для создания эффективной системы помощи больным наркоманией и их близким важным является понимание особенностей их психического функционирования.

Целью настоящего исследования являлось изучение взаимосвязи особенностей личности и семейных отношений у матерей наркозависимых. Для достижения поставленной цели было проведено комплексное клинико- и экспериментально-психологическое исследование, направленное на объективацию особенностей личностного и семейного функционирования матерей наркоманов с героиновой зависимостью, проанализированы взаимосвязи этих особенностей.

В качестве диагностических инструментов были применены: «Я-структурный тест» (ISTA) Г. Аммона, адаптированный в НИПНИ им. В.М. Бехтерева, и «Шкала семейного окружения» (ШСО), адаптированная С.Ю. Куприяновым.

Исследование взаимосвязи особенностей личностного и семейного функционирования матерей наркозависимых проводилось при помощи анализа корреляций показателей шкал ISTA и ШСО. Математическая обработка полученных данных проводилась с использованием компьютерной программы статистической обработки данных SPSS.

В исследовании приняли участие 70 матерей (средний возраст $54,39 \pm 3,4$ года), взрослые дети которых больны опиатной наркоманией и проходят в лечение в различных реабилитационных центрах Санкт-Петербурга. В качестве контрольной группы было обследовано 25 женщин, дети которых не были больны героиновой наркоманией и были социально адаптированы. В ходе исследования личностных особенностей матерей выявлено, что для них характерно: ощущение враждебности окружающего мира, трудности в организации своей активности, повышенная тревожность, сужение круга интересов, трудности регуляции межличностной дистанции, снижение самооценки, стремление избегать доверительных контактов. Для семейных отношений матерей наркозависимых характерны следующие тенденции: высокая конфликтность; склонность демонстрировать социально-приемлемый «фасад»; тенденция матерей наркозависимых

занимать доминирующую позицию в псевдосолидарной семейной системе; симбиотическое «слияние» матери с членами семьи; сужение поля социальной активности матерей наркозависимых. В группе матерей наркоманов с героиновой зависимостью отмечается наличие значительного числа статистически достоверных корреляционных взаимосвязей показателей опросника ISTA с показателями ШСО, в то время как у матерей социально-адаптированных, не страдающих наркоманией лиц эти взаимосвязи фактически не выявились.

Полученные данные говорят о более выраженной личностной вовлеченности в процесс семейного взаимодействия матерей пациентов с героиновой наркоманией по сравнению с матерями социально-адаптированных людей, не страдающих зависимостью. Можно предположить, что личностные особенности матери больного героиновой зависимостью во многом определяют характер ее семейного взаимодействия. Так, например, показатель «Деструктивная тревога» (ISTA) матерей пациентов с героиновой наркоманией имеет положительные корреляционные взаимосвязи с показателями «Интеллектуально-культурная ориентация», «Морально-нравственные аспекты» и «Конфликт» (ШСО) при $p < 0,05$. Можно предположить, что повышенная тревожность матерей обуславливает их попытки контролировать своего наркозависимого ребенка, которые, в свою очередь, неизбежно приводят к усилению семейных конфликтов. Культурная ориентация транслирует общепринятые морально-этические нормы, несоблюдение которых наркозависимым способствует усилению тревоги и отвержения со стороны матери.

Результаты настоящего исследования важно использовать при построении психотерапевтических мероприятий, которые необходимо планировать, учитывая значительное влияние личностных особенностей матерей наркозависимых на их семейные отношения.

Н.А. Шумская

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА КРИТЕРИЕВ НАРУШЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТА У ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗПР

Задержка психического развития (ЗПР) является одним из самых распространенных расстройств детского возраста, которое проявляется в снижении общего запаса знаний, в ограниченности представлений, в недостаточной интеллектуальной целенаправленности и продуктивности интеллектуальной деятельности. У детей с ЗПР часто

наблюдаются различные нарушения речи, что проявляется в нарушениях фонематической стороны речи и в позднем развитии словарного запаса и фразовой речи, в недоразвитии лексико-грамматической стороны речи. Диагноз ОНР (общее недоразвитие речи) также часто ставят дошкольникам, не страдающим ЗПР. Кроме этого, говоря про ОНР, чаще всего подразумевают речевые расстройства детей с нормальным интеллектом и слухом. Дело в том, что при нарушениях слуха или интеллекта недоразвитие речи, разумеется, возникает в большинстве случаев, однако при этом ОНР уже носит характер вторичного дефекта. К сожалению, при исследовании особенностей когнитивного и речевого развития детей с ЗПР не учитываются клинико-психологические особенности ребенка, включающие в себя не только исследование этиологии и патогенеза нарушений, но и степени тяжести и специфики структуры интеллектуального развития ребенка.

Нами было исследовано 48 детей от 3 до 8 лет с ЗПР, которым был поставлен диагноз ОНР 1–2–3 степени. В нашем исследовании было использовано 3 методики: Стэнфорд–Бине, WISC Д. Векслера и новая методика – «Тест Интеллекта в Картинках» (РТИ) Дж. Френча. Что касается первых двух методик, то они непригодны для детей, имеющих речевые проблемы. Такие дети часто отказываются отвечать на вопросы из субтестов вербальной группы, а задания не способствуют установлению контакта с ребенком, имеющим речевые проблемы, кроме всего прочего, ребенок чувствует дискомфорт или даже ущербность. Методика РТИ предназначена для тестирования как здоровых детей, так и детей, имеющих дефекты в речевом развитии. В результате было выявлено, что развитие вербального интеллекта у детей от 3 до 8 лет с ЗПР ниже, чем невербального, а также ниже, чем у детей с нормальным развитием, что связано с наличием у них речевых дефектов.

Получены следующие результаты: 29 % из этих детей имеют нормальный коэффициент интеллекта (IQ), 16 % обладают IQ выше нормы. Следует отметить, что ОНР 1 степени встречалось только у детей, чей IQ был ниже нормы, т. е. детей с ЗПР. Выделяются три уровня речевого развития, которые отражают типичное состояние компонентов языка при ОНР. Первый уровень характеризуется полным отсутствием речи или наличием лишь ее элементов. Второй уровень – искаженностью слов, неоформленностью связей между словами в предложении. Третий уровень характеризуется развернутой разговорной фразой и отсутствием грубых нарушений в развитии раз-

личных сторон речи; однако есть нарушения в оформлении сложных речевых единиц. Анализ данных психологического исследования позволяет предположить, что из-за этих речевых проблем детям ошибочно был поставлен диагноз ЗПР. Происходит это еще и потому, что такие дети чрезвычайно неохотно отвечают на различные вопросы, а иногда и вообще отказываются вступать в контакт. Поэтому очень важно при диагностике интеллекта у таких детей использовать методики, которые не требуют от ребенка вербального общения.

Эффективность психологической помощи детям зависит не только от ранней диагностики развития когнитивных функций и уровня интеллекта, а также от сотрудничества психолога с другими специалистами. В процессе логопедической коррекции детей с ЗПР необходимо учитывать структурные и уровневые характеристики интеллекта таких детей.

О.Ю. Щелкова, О.В. Машонская

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТИВНОСТЬ И РАСПОЗНАВАНИЕ ЭМОЦИЙ ПРИ ДЕПРЕССИЯХ РАЗЛИЧНОГО ГЕНЕЗА

Психологические исследования при депрессиях становятся все более актуальными в связи с клиническим патоморфозом, приводящим к увеличению «стертых», трудно распознаваемых форм депрессий (Смулевич А.Б., 2008). В этих условиях клиническая психология стремится к расширению арсенала методов и предметов исследования, релевантных задаче ранней диагностики депрессий. Актуальным становится изучение психологических конструктов, имеющих очевидную взаимосвязь с эмоциональным состоянием, а также социализацией больных. К таким конструктам относится восприятие лицевой экспрессии (Jong P.J., Martens S., 2006).

В связи с этим целью исследования было изучение особенностей восприятия лицевой экспрессии и их взаимосвязи с характеристиками социальной адаптивности больных депрессиями различного генеза.

Методы исследования: 1) психодиагностическая техника «Определение эмоциональной экспрессии» Р. Екман (2006), с помощью которой изучается способность идентифицировать эмоции (радость, печаль, страх, удивление, пренебрежение, отвращение и гнев), изображенные на фотографиях лиц; 2) адаптированный тест-опросник «Диагностика социально-психологической адаптации» (Райгородский Д.Я., 2006).

Материал исследования: клиническая группа – 34 пациента с депрессивным синдромом в рамках биполярного аффективного расстройства (F 31) – 19 человек, средний возраст – 38,2 года (1-я группа) и шизоаффективного расстройства (F 25) – 15 человек, средний возраст – 46,5 лет (2-я группа); больные находились на лечении в психиатрической больнице № 3 (Санкт-Петербург). Контрольную группу составили 25 здоровых лиц (средний возраст – 40,3 года).

Результаты исследования. Анализ особенностей распознавания эмоциональной экспрессии больными депрессией в рамках различных нозологических форм в сопоставлении со здоровыми показал, что наибольшей деформации эта способность подвергается при шизофрении. Для этих больных характерно также оценивать эмоцию пренебрежения как более выраженную, по сравнению со здоровыми людьми ($0,05 < p \leq 0,1$) и больными с аффективной патологией ($p \leq 0,05$). Обе группы больных (с аффективной патологией и шизофренией) реже идентифицировали эмоцию гнева, чем здоровые испытуемые.

При изучении социально-психологической адаптации выявлено, что у больных с депрессивным синдромом в рамках аффективной патологии показатели всех шкал, кроме шкалы «эскапизма» (бегства), статистически значимо снижены по сравнению с нормативной выборкой. Для больных шизофренией такие различия получены по шкалам «адаптация» ($0,05 < p \leq 0,1$), «принятие себя» ($p \leq 0,05$) и «стремление к доминированию» ($p \leq 0,05$).

Анализ «профилей» социально-психологической адаптации показывает, что больные с аффективной патологией характеризуются более негативной эмоциональностью по сравнению с нормой, что находит выражение в эмоциональном дискомфорте, в недостаточном самопринятии, в сниженном принятии других, и в целом, в отсутствии удовлетворения от социального взаимодействия. Также больные с аффективной патологией по сравнению с нормой характеризуются снижением тенденций доминирования, проявляя повышенную ведомость, управляемость, в целом, зависимый тип поведения. У больных шизофренией еще больше, чем у лиц с аффективной патологией, снижено стремление к доминированию и повышена социальная зависимость.

Анализ взаимосвязи особенностей восприятия лицевой экспрессии с характеристиками социально-психологической адаптации в группах больных депрессиями различного генеза (в объединенной выборке) и психически здоровых лиц показал, что при депрессии снижение социальной адаптивности связано со склонностью воспри-

нимать отрицательные эмоции (страх, печаль и пренебрежение) окружающих людей как более выраженные, а положительные – как менее выраженные. В группе больных наиболее связанными с показателями социально-психологической адаптации оказались эмоции страха, печали и пренебрежения; в группе здоровых – эмоции гнева, пренебрежения и удивления.

Таким образом, результаты исследования показывают, что изменения детекции эмоциональных выражений связаны с особенностями патологического процесса (шизофрения, аффективное расстройство) и с различными характеристиками социально-психологической адаптации. Выявленные изменения у пациентов двух клинических групп по-разному отражаются на качестве их социальной адаптации, и это влияние является скорее негативным, чем позитивным.

Т.П. Бартош, О.П. Бартош

ВЫРАЖЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ФРУСТРИРОВАННОСТИ У ВРАЧЕЙ МАГАДАНА

В современных условиях на Северо-Востоке России дефицит медицинских кадров в лечебных учреждениях Магаданской области составляет более 50 % (Елин, 2009). Медицинский труд характеризуется повышенной ответственностью, дефицитом информации для принятия правильного решения, постоянным контактом с больными людьми, сопровождается высоким нервно-эмоциональным напряжением работников и служит одним из факторов риска нарушений психической адаптации, развития синдрома эмоционального выгорания и нарушения показателей здоровья (Орел, Большакова, 2005). Положение может отягощаться длительным воздействием социально-фрустрирующих факторов, которые формируют напряженность адаптивных механизмов и ведут к снижению качества жизни (Вассерман и др., 2004). Поэтому оценка содержания и выраженности социальной фрустрированности врачей (т. е. невозможности реализации личностью своих актуальных социальных потребностей), проживающих в суровых условиях Севера, как фактора риска нарушения здоровья, является актуальной задачей.

Задачей нашего исследования было определение зоны наибольшей социальной фрустрированности врачей, работающих в различных лечебно-профилактических учреждениях (ЛПУ) г. Магадана. Для исследования уровня социальной фрустрированности в различных сферах функционирования врачей применяли методику диагностики уровня социальной фрустрированности (УСФ) Л.И. Вассермана (2004), а также разработанную нами совместно с медпрофсоюзом Магадана анкету по изучению социально-экономического положения медицинских работников. Всего анонимно протестировано 72 врача обоего пола 4 лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ) Магадана, работающих в Магаданской областной больнице (МОБ), поликлиниках № 2, № 3 и онкодиспансере. В ходе исследования обследо-

ваемые были разделены на 3 группы: 1 – врачи МОБ, 2 – врачи поликлиник, 3 – врачи онкодиспансера. Средний возраст врачей 45 ± 2 года (диапазон от 23 лет до 60), рабочий стаж $21 \pm 2,6$ года (от 1 года до 35 лет).

Данные показали, что выраженной социальной фрустрированности в группах врачей различных ЛПУ не выявлено. Средний показатель фрустрированности у врачей МОБ составил $1,9 \pm 0,1$ балла, у врачей поликлиник – $2,1 \pm 0,1$, и значимо выше был показатель у врачей онкодиспансера – $2,5 \pm 0,2$ ($p < 0,05$). В целом во всех трех группах нет выраженной неудовлетворенности в зонах, связанных с взаимоотношениями с родными и близкими и ближайшим социальным окружением. Полностью удовлетворены взаимоотношениями с коллегами от 40 % до 60 % магаданских врачей. Социальным статусом не удовлетворены в среднем 15–20 % врачей из каждой группы. Полностью удовлетворены своей специальностью 60 % врачей 1-й и 2-й групп и 40 % врачей 3-й группы. Наибольшая неудовлетворенность связана с социально-экономическим положением. Недовольство своим материальным положением отметили 55 % врачей МОБ и поликлиник и 100 % врачей онкодиспансера, жилищно-бытовыми условиями – 40 % и 67 %, соответственно. Более 60 % врачей онкодиспансера и поликлиник нуждаются в улучшении жилищно-бытовых условий. Уровнем зарплаты совершенно не удовлетворены 90 % врачей МОБ и онкодиспансера. Свой уровень жизни как «средний» оценили 75 % врачей поликлиник Магадана; ниже среднего – 80 % врачей онкодиспансера; как нищенский – 10 % врачей онкодиспансера и 3 % врачей поликлиник. Лишь 2 % врачей из числа МОБ оценили свой уровень жизни как высокий. Большинство (66 %) опрошенных врачей подвергают себя чрезмерным нагрузкам, работают более, чем на одну ставку. Около 40 % совмещают работу по специальности, а 30 % врачей онкодиспансера подрабатывают не по специальности. Озабоченность своим физическим состоянием выразили 30 % врачей из МОБ, 25 % из поликлиник и 20 % работающих в онкодиспансере. Психологическим состоянием не удовлетворены 35 % врачей МОБ и поликлиник и 50 % из онкодиспансера. Своим образом жизни в целом не удовлетворены 25 % врачей 1-й и 2-й групп и 40 % 3-й группы. При изучении пожеланий покинуть Магаданскую область оказалось, что 70 % врачей онкодиспансера и 53 % врачей поликлиник хотят уехать.

Таким образом, наибольшей зоной социальной фрустрированности врачей Магадана является социально-экономическое положение.

В наименьшей степени неудовлетворенность затрагивает сферу личных взаимоотношений. Наиболее фрустрированными в различных сферах социального функционирования являются врачи онкодиспансера г. Магадана. Высокая профессиональная нагрузка в сочетании с особенностями оказания помощи контингенту с онкологическими заболеваниями усугубляет отрицательное воздействие фрустрирующих факторов.

М.В. Вагина

ПРОФИЛАКТИКА СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ОФИСНЫХ СЛУЖАЩИХ

Термин «эмоциональное выгорание» был введен Х. Фрейденбергом в 1974 г. и обозначает состояние эмоционального, умственного истощения, физического утомления, возникающее в результате хронического стресса на работе. В отечественной психологии феноменом «выгорания» в среде педагогов занимаются А.А. Реан (1994), Л.М. Митина (1994), Т.И. Ронгинская (2002), в среде управленцев – Н.Е. Водопьянова и А.Б. Серебрякова (1997). Основная причина развития СЭВ – несоответствие между личностью и работой, между повышенными требованиями руководителя к работнику и реальными возможностями последнего. Выделяют пять ключевых групп симптомов, характерных для СЭВ, а именно: физические симптомы, эмоциональные симптомы, поведенческие симптомы, интеллектуальное состояние и социальные симптомы.

Целью проведенного исследования является выявление и психокоррекция СЭВ у офисных служащих. Объект исследования – офисные служащие, работающие в ОАО «Балтийский Банк». Общая выборка – 15 человек от 25 до 45 лет, из них 8 мужчин и 7 женщин со стажем больше 1 года. В браке состоят 12 человек, 3 человека не в браке. Особенности СЭВ у банковских работников изучались посредством следующих методов: наблюдение, беседа, методика интегральной диагностики и коррекции профессионального стресса (ИДИКС) и методика «Диагностика эмоционального выгорания» В.В. Бойко. Наблюдение за сотрудниками осуществлялось во время рабочего процесса и оценивалось по 5 параметрам: общительность, речевая активность, концентрация внимания, эмоциональность и раздражительность.

В результате первичного обследования определено, что наиболее высокие показатели выявлены по параметру общительности и раздражительности, низкие – по параметру эмоциональности и концентрации внимания. По методике ИДИКС по 2 основным выделенным параметрам (стресс и социальная желательность) выявлен очень высокий и низкий уровень соответственно. По диагностике уровня эмоционального выгорания по методике В.В. Бойко стало видно, что синдром «выгорания» уже сформирован у 4 человек, наиболее большую группу составили люди с синдромом «выгорания» на стадии формирования (8 человек), и только у 3 человек СЭВ не сформирован. Для коррекции выявленного СЭВ у офисных работников была разработана коррекционная программа, состоящая из нескольких блоков: музыкальная терапия, танцевально-двигательная терапия, релаксация и социально-культурная деятельность (проведение праздников, посещение музеев, выставок и т. д.). Занятия проводились как индивидуально, так и в группах, как в рабочее время (музыкальная терапия, релаксация, беседа), так и в нерабочее время – в обеденные перерывы, время после работы.

После проведения коррекции было осуществлено повторное исследование степени сформированности СЭВ у банковских работников. В результате чего было выявлено, что произошли очень сильные изменения по параметру «концентрация внимания» – показатель увеличился, а по параметру «раздражительность» уменьшился. По методике ИДИКС уровень стресса уменьшился, тогда как социальная желательность, наоборот, увеличилась. Синдром «выгорания» сформированным остался только у одного человека, на стадии формирования сократился вдвое, и у большинства (10 человек) синдром «выгорания» оказался не сформированным. Проведенное исследование и апробированная коррекционная программа доказали эффективность танцевально-двигательной и музыкальной терапии для коррекции СЭВ у банковских работников.

В результате проведенного исследования был разработан ряд рекомендаций по профилактике СЭВ у банковских служащих, включающий в себя: рекомендации по устранению (профилактике) последствий стресса; обязательный ежегодный отпуск; занятия фитнесом (бассейн) либо другой спортивной деятельностью; наличие увлечения; овладение навыками саморегуляции (релаксация, расслабление, снятие напряжения); менее эмоциональное отношение к конфликтным ситуациям на работе.

Е.В. Дворцова

ОРИЕНТАЦИЯ НА КЛИЕНТА И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ В ПРОФЕССИЯХ ПРОДАВЦА И ВРАЧА

Синдром выгорания наиболее характерен для представителей профессий сферы «человек–человек». Работа с людьми в силу предъявляемых ею высоких требований, особой ответственности и эмоциональных нагрузок потенциально содержит в себе опасность тяжёлых переживаний, связанных с рабочими ситуациями, и, следовательно, вероятность возникновения профессионального стресса и эмоционального выгорания. В современных условиях ориентация на клиента стала стратегической необходимостью. Ориентация организации на клиента в целом зависит от степени ориентации на клиента отдельного сотрудника, непосредственно работающего в контакте с клиентом. Однако взаимосвязь ориентации на клиента с выгоранием в различных профессиях сферы «человек–человек» мало изучена. Ориентация на клиента нужна и продавцу и врачу, но она, безусловно, имеет специфические черты в этих разных профессиях.

Гипотеза: чем меньше выражена ориентация на клиента (пациента), тем выше эмоциональное выгорание. Методики: 1) «Профессиональное выгорание» Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой; 2) диагностики эмоционального выгорания В.В. Бойко; 3) «Профессиональная направленность продавца» Е.В. Дворцовой; 4) «Профессиональная направленность врача» (модификация методики Е.В. Дворцовой); 5) анкета «Ориентация на клиента у продавцов» Г.С. Сильягиной, Е.В. Дворцовой; 6) анкета «Ориентация на пациента у врачей» Г.С. Сильягиной, Е.В. Дворцовой. Методы математико-статистической обработки: корреляционный анализ (критерий Пирсона), оценка достоверности различий (критерий Стьюдента). Выборка: 63 продавца промышленных товаров и 24 врача разных специальностей городской клинической больницы № 1 г. Новокузнецка.

По результатам диагностики обе выборки были разделены на две группы: с более выраженной ориентацией на клиента и с менее выраженной ориентацией на клиента. Профиль профессиональной направленности продавца следующий: на первом месте ориентация на клиента, затем идет ориентация на продажу, на третьем месте ориентация на товар и на себя. Выявлено, что группу более ориентированных на клиента продавцов характеризует более низкий уровень выгорания по итоговому показателю по методике Бойко. В работе Г.С. Силья-

гиной, выполненной под нашим руководством, по данным корреляционного анализа установлено, что в группе продавцов существует обратная взаимосвязь показателей ориентации на клиента и таких компонентов выгорания, как эмоциональное истощение, деперсонализация, резистенция, тревога и депрессия, неадекватное эмоциональное реагирование, психосоматические и вегетативные нарушения ($p \leq 0,05$). Более выражена взаимосвязь ориентации на клиента с симптомами неадекватного эмоционального реагирования: $r = -0,653$ ($p \leq 0,01$) и резистенции: $r = -0,628$ ($p \leq 0,01$).

Профиль профессиональной направленности врача следующий: на первом месте – ориентация на лечение, затем идет ориентация на клиента, на третьем месте – ориентация на медицинское оборудование, препараты и на себя. Группу врачей, менее ориентированных на клиента, характеризует более высокий уровень выгорания, высокие показатели эмоционального истощения, эмоционального дефицита и высокий уровень деперсонализации. В группе врачей, более ориентированных на клиента, достоверно ниже уровень эмоционального выгорания по большинству показателей ($p \leq 0,05$). Корреляционный анализ выявил у врачей обратную взаимосвязь ориентации на пациента с эмоциональным дефицитом, эмоциональным истощением ($r = -0,468$ при $p \leq 0,05$) и деперсонализацией: $r = -0,578$ ($p \leq 0,01$). Выявлено, что у врачей показатели выгорания достоверно выше, чем у продавцов ($p \leq 0,05$), также выше по сравнению с продавцами доля врачей с высоким уровнем выгорания.

Итак, ориентация на клиента у врачей ниже, чем у продавцов, а эмоциональное выгорание выше. Между ориентацией на клиента и эмоциональным выгоранием в профессиях продавца и врача существует следующая взаимосвязь: чем меньше выражена ориентация на клиента (пациента), тем выше выгорание: эмоциональное истощение, резистенция и деперсонализация.

И.А. Денисова

ОСОБЕННОСТИ ПАТТЕРНОВ ЭЭГ-АКТИВНОСТИ У МУЗЫКАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ТВОРЧЕСТВА

Музыка во все времена была и остается универсальным средством общения людей, причем независимо от культурной и языковой принадлежности. Поэтому изучение психофизиологических предикторов этого международного языка имеет огромное значение для раз-

вития представлений о невербальных формах взаимодействия людей. Исследования нейрофизиологии музыкального творчества носят пока фрагментарный характер (Р.А. Павлыгина, В.И. Давыдов, А.В. Сулимов, Ю.В. Любимова, Д.С. Сахаров, Т. Д. Панюшева, Н. Уэйнбергер), в то время как научный интерес к этой сфере когнитивной науки продолжает расти.

Целью проведенного исследования стало изучение специфических паттернов ЭЭГ-активности у музыкантов в процессе интериоризированного сочинения музыки. В исследовании участвовали студенты Ростовской консерватории им. С.В. Рахманинова в возрасте 17–23 лет, практикующие композиторскую деятельность. Эксперимент состоял из нескольких функциональных проб (восприятие, воспроизведение, сочинение музыкального произведения). В первой пробе музыкантам предлагалось в течение 1 минуты слушать отрывки классической музыки с мажорной и минорной эмоциональной окраской. Во второй экспериментальной пробе испытуемым предлагалось воспроизвести про себя услышанные музыкальные отрывки. В третьей пробе перед испытуемыми ставилась задача сочинить собственные мелодии с такой же эмоциональной окраской, как и ранее прослушанные, а после исследования воспроизвести сочиненную мелодию.

В результате сравнительного анализа спектральной мощности ЭЭГ между фоновыми показателями и показателями каждой из функциональных проб (восприятия, воспроизведения и сочинения мелодий) выявлено, что для всех исследуемых видов музыкальной деятельности характерно повышение мощности дельта1-ритма во фронтальных зонах левого полушария, бета1- и бета2-ритма в префронтальной и фронтальной зонах правого полушария и в окципитальных зонах коры левого полушария. Для процесса сочинения музыки, независимо от характера её эмоциональной окраски, характерно повышение мощности дельта1-ритма в задней темпоральной зоне левого полушария, т. е. в области стриарной коры и средней височной извилины, где расположены слуховые ассоциативные зоны, связанные с механизмом восприятия ритма и переработки сложных музыкальных характеристик (гармонии, мелодии, ритма) (Т. Д. Панюшева).

Рассматривая результаты сравнения паттернов ЭЭГ-активации, полученные в фоновых и экспериментальных пробах, мы исходили из того, что дельта-ритм отражает деятельность фронто-лимбической системы мозга. При извлечении из памяти эмоциональных образов в процессе генерации эмоций наблюдается усиление мощности в дельта-диапазоне (Л.И. Афтанас, Н.В. Рева, А.А. Варламов, С.В. Павлов,

В.П. Махиев). Усиление низкочастотной активности в теменно-височно-затылочных областях коры отражает механизмы восприятия ритма, а также переработку сложных музыкальных характеристик (гармонии, мелодии, ритма) в этих слуховых ассоциативных зонах (Т.Д. Панюшева). Различные аспекты переработки музыкальной информации связаны с деятельностью многочисленных мозговых структур, одни из которых обеспечивают восприятие музыки (например, височные доли мозга функционально связаны с пониманием мелодии), а другие опосредуют развитие эмоциональных реакций (подкорковые структуры и лобные доли коры) (Н. Уэйнбергер).

В нашем исследовании повышение активности и значительной когерентности тета-ритма в теменно-затылочной области мы рассматриваем как отражение процесса активизации доступа и извлечения из памяти эмоциональной информации, процесс поиска новых, оригинальных решений (О.М. Разумникова). Активность альфа-ритма ассоциируется с текущим функциональным состоянием человека, на которое оказывает воздействие характер музыки (её мощность, стиль).

В исследовании наблюдались паттерны ЭЭГ-активации в альфа-диапазоне. При сочинении музыки с минорной эмоциональной окраской возрастала мощность во фронтальных (F4) и задне-темпоральных (T6) зонах правого полушария. Известно, что выраженность бетаритма возрастает при умственном напряжении, эмоциональном возбуждении. В нашем исследовании повышение активности в бета1- и бета2-частотных диапазонах в префронтальной области правого полушария и окципитальной области левого полушария можно рассматривать как отражение активации творческого процесса при создании музыкального рисунка мелодии.

Н.В. Ликстанова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ВРАЧЕЙ

Профессиональное здоровье – свойство организма сохранять заданные компенсаторные и защитные механизмы, обеспечивающие работоспособность во всех условиях, в которых протекает профессиональная деятельность. Врачебная практика относится к той сфере профессиональной деятельности, которая протекает в стрессовых

условиях, поэтому врачам, помимо поддержания здоровья пациентов, необходимо заботиться и о своем профессиональном здоровье.

Цель: исследование психологических факторов профессионального здоровья врачей. Выборка: 36 респондентов – врачи МЛПУ «Зональный перинатальный центр» и МЛПУ «Клинический родильный дом № 3 г. Новокузнецка, 18 мужчин и 18 женщин в возрасте от 22 до 57 лет, стаж работы от 2 до 34 лет. Методики: «Самооценка физического, психического и социального здоровья» Г.С. Никифорова, Л.И. Августовой; «Отношение к здоровью» Р.А. Березовской; личностный опросник Р. Кеттелла.

Математико-статистическая обработка: вычисление первичных статистик, корреляционный анализ (коэффициент Пирсона). Профессиональное здоровье респондентов оценивалось нами по интегральному показателю, включающему сумму баллов по методике самооценки здоровья минус показатели по методике выгорания. В целом профессиональное здоровье респондентов находится на среднем уровне. Из критериев профессионального здоровья самый большой вклад в данный показатель вносит именно физическое здоровье ($r = 0,94$, $p \leq 0,01$). Скорее всего физическое благополучие является основополагающим условием профессионального здоровья, так как позволяет организму функционировать в полной мере. Фактор I «чувствительность» (эмоционально-волевой блок) положительно коррелирует с профессиональным здоровьем ($r = 0,41$, $p \leq 0,05$). Врачам необходимо обладать развитой эмпатией, умением сопереживать и понимать пациентов, быть с ними приветливыми.

Также выявлена взаимосвязь профессионального здоровья с «открытостью» (фактор А) ($r = 0,41$, $p \leq 0,05$). Скорее всего общительность, доброжелательность, во-первых, помогает устанавливать и поддерживать хороший контакт с пациентами и коллегами, обеспечивая хорошее настроение, а во-вторых, выплескивать свои чувства и эмоции наружу, не храня все в себе. Возможно, это объясняет еще одну взаимосвязь профессионального здоровья с удовлетворенностью своим выражением и восприятием чувств ($r = 0,36$, $p \leq 0,05$). Выявлена положительная взаимосвязь между профессиональным здоровьем и положительным отношением к работе ($r = 0,40$, $p \leq 0,05$). Отрицательная взаимосвязь выявлена между профессиональным здоровьем и высказыванием респондентов: «Когда я чувствую недомогание, я расстроен» ($r = -0,54$, $p \leq 0,01$). Возможно, такая установка респондентов – не расстраиваться при недомогании, а сразу принимать меры лечения, помогает поддерживать свое профессиональное здоровье на

высоком уровне. Обращает на себя внимание тот факт, что у респондентов существует обратная взаимосвязь между профессиональным здоровьем и фактором В «интеллект». Возможно, чем больше респонденты знают что-то о здоровье, о его поддержании, укреплении, тем меньше они что-то для этого делают, так как все внимание обращено именно на когнитивную составляющую здоровья, нежели на поведенческий компонент, и все знания сложно воплотить в жизнь.

На основе интегрального показателя профессионального здоровья вся выборка была разделена на 2 группы – с высоким и низким профессиональным здоровьем. Различия в группах составляют физическое здоровье (108,6 баллов – высокий уровень и 52,8 баллов – средний уровень соответственно), эмоциональное истощение (23,8 – средний уровень и 31,3 – высокий уровень), стрессоустойчивость (43,6 – низкий уровень и 61,5 – высокий уровень). В группе с высоким профессиональным здоровьем основной процент (57 %) составляет женский пол, в группе с низким профессиональным здоровьем женщин всего 31 %. Скорее всего это связано с тем, что женщины более ответственно относятся к своему здоровью и принимают различные меры для лечения и профилактики, не отрицая заболевания.

Таким образом, профессиональное здоровье врачей зависит как от коммуникативных черт (общительность), эмоционально-волевых черт (чувствительность), так и от положительного отношения к своей работе и к своему здоровью в целом – умения контролировать себя при недомогании, сразу принимать меры для лечения и профилактики.

А.В. Пилишина, А.В. Емельяненко

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Актуальность исследования психологического здоровья человека-оператора является важной и сложной проблемой инженерной психологии, эргономики, психологии здоровья и ряда смежных дисциплин. Важнейшей составляющей здоровья работника является психологическое здоровье, которое служит основой эффективности как профессиональной деятельности, так и общего благополучия человека. Решение обозначенной проблемы возможно посредством предварительного научного осмысления содержания понятия «здоровье работников железнодорожного транспорта». Особенности работы машинистов и проводников требуют повышенного внимания к состоя-

нию их здоровья, что связано с высоким психоэмоциональным напряжением, работой в ночную смену, постоянной готовностью к экстренным ситуациям, что в свою очередь приводит к снижению психической и физиологической адаптации. Кроме того, каждый работник локомотивной бригады подвергается воздействию вредных и опасных факторов, таких как шум и вибрация.

Целью нашего исследования является изучение отношения к собственному здоровью, трудовым нагрузкам у работников, обеспечивающих движение поездов. Обследованы две группы работников железнодорожного транспорта: машинисты и проводники в возрасте от 26 до 47 лет. Мы проводили психосемантическое компьютерное исследование по методике Ч. Осгуда в модификации И.Л. Соломина (ИМАТОН). Обработка осуществлялась при помощи кластерного анализа.

По результатам исследования мы получили следующие данные. У всех работников отмечается неудовлетворенность настоящим, что приводит к состоянию повышенной эмоциональной напряженности, беспокойству, нестабильному поведению и стремлению компенсировать их удовлетворением других потребностей. Вытесненными переживаниями у двух групп выступили «моя работа», «моя профессия», «трудовые нагрузки» и «график работы». Вытесненные комплексы обусловлены крайней значимостью представлений, которая может приводить к болезненным переживаниям. Они могут быть связаны с эмоциональными травмами, внутренними конфликтами. Испытуемые игнорируют трудовые нагрузки и плотный график работы, что может привести к перегрузкам, переутомлению и срывам работоспособности. Изолированными понятиями выступили «моя работа» и «моя профессия», работники не обращают внимание на условия труда и карьерный рост. Данные условия могут быть обозначены спецификой работы, выносливостью и активностью испытуемых.

В одном кластере у групп машинистов и проводников объединены такие понятия как «адаптивность», «реакция на стресс» и «выполнение требований». Это может свидетельствовать о том, что качественное выполнение работы, четкое соблюдение графика и плана снижает сильную реакцию на стресс, а значит, улучшает адаптивность к жестким условиям труда. Что касается понятия «мое здоровье», то у машинистов оно объединено в один кластер с «отдыхом между поездками». Данные показатели свидетельствуют о том, что 98 % испытуемых нуждаются в качественной реабилитации после поездки, заключающейся в психоэмоциональной разгрузке, которая

обеспечивается психологами и врачами в отделении восстановительного лечения.

У проводников в один кластер с понятием «здоровье» включены следующие словосочетания: «избегание неприятностей», «достижение успеха», «признание окружающими», а также «моя семья». Полученные результаты свидетельствуют о том, что испытуемые в нашем исследовании – женщины, а значит они ориентированы в большей степени на общение с окружающими, нуждаются в поддержке со стороны семьи и в уважительном отношении пассажиров и коллег. Эмоциональное здоровье проводников напрямую связано с удовлетворенностью своим трудом, которая обеспечивается за счет качественно выполненной работы, отсутствия нарушений трудовой дисциплины, а также благоприятным микроклиматом в семье. На современном железнодорожном транспорте среди проводников 60–80 % женщин. Между тем, проблеме комплексного изучения влияния производственной среды на эмоциональное здоровье женщин этой профессиональной группы до настоящего времени не уделялось должного внимания.

Таким образом, в своем исследовании мы охватили две большие группы работников железнодорожного транспорта, которые обеспечивают безопасность движения поездов. Изучение эмоционального здоровья этих людей требует повышенного внимания со стороны врачей и психологов отделения восстановительного лечения и реабилитации.

П.А. Семянищева

СТРАТЕГИИ И РЕСУРСЫ СОВЛАДАНИЯ У ОФИЦЕРОВ КОСМИЧЕСКИХ ВОЙСК В ПЕРИОД РЕФОРМ

Развитие космической отрасли является одной из приоритетных целей нашей страны. Успех в изучении космоса во многом определяется слаженной работой соответствующих наземных служб, поэтому большое значение имеет высокое качество функционирования Космических войск (КВ) Вооруженных Сил РФ. Деятельность офицеров КВ является по преимуществу операторской и требует от них устойчивости функционального состояния (ФС), что поднимает проблему обеспечения надежности деятельности и сохранения профессионального здоровья военнослужащих КВ.

Целью нашего исследования было выявление особенностей совладающего поведения офицеров в условиях действия профессионального и организационного стресса. Предметом исследования стали субъективный образ факторов стресса и стратегий совладания. Исследование проводилось в период начала формирования «нового облика» российской армии. В частности, были начаты работы по сокращению штата военнослужащих, аттестации военнослужащих с целью отбора «лучших» и т. п. Стресс жизни и работы офицеров дополнялся действием организационного стресса, связанного с инновационными процессами в армии.

В диагностический пакет методик были включены анкета «Оценка удовлетворенности работой» Л.А. Верещагиной, «Опросник трудового стресса» в адаптации А.Б. Леоновой и С.Б. Величковой и опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС – CISS) в адаптации Т.Л. Крюковой. Обработка данных показала, что к наиболее стрессогенным факторам труда офицеров относятся несправедливость в оплате труда ($M = 48,33 / \sigma = 22,882$) и сверхурочная работа ($M = 37,02 / \sigma = 18,961$). Показатель удовлетворенности работой составил в среднем 39,21 балла, что говорит о наличии некоторой неудовлетворенности работой. Применение стратегии совладания, ориентированной на решение задачи, выражено у респондентов на среднем уровне ($M = 55,26$), а применение стратегии, ориентированной на эмоции, имеет низкий уровень проявления ($M = 33,38$). Копинг, ориентированный на избегание, имеет выраженность выше среднего ($M = 45,40$), в пределах которого стратегии отвлечения и социального отвлечения выражены на среднем уровне, но последние ближе к верхней границе в своем диапазоне ($M = 19,00$ и $M = 16,74$).

Выявленные факторы стресса можно рассматривать как следствие длительной неблагоприятной обстановки в армии, а также как результат проводимых реформ, в процессе которых офицеры были поставлены в ситуацию неуверенности в своем положении и угрозы несправедливого распределения премий и т. д. После анализа сложившейся обстановки в армии кажется закономерным проявление офицерами стратегии избегания в совладающем поведении: респонденты хотят «уйти» от происходящего, отстраниться от переживания этого стресса, что наиболее ярко проявляется в социальном отвлечении. Между тем, респонденты не проявили эмоционально-ориентированного копинга, используя проблемно-ориентированные стратегии совладания. Это говорит о том, что содержание и значимость работы офицеров остаются важными внутренними мотиваторами их труда.

Такой вывод может быть сделан и на основании того, что уровень удовлетворенности трудом респондентов все-таки не упал до низких значений.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) офицеры КВ испытывают действие как связанных с содержанием труда и спецификой профессии стрессоров, так и факторов организационного стресса вследствие начала военного реформирования; 2) восприятие сложившейся социально-экономической ситуации как субъективно трудной ведет за собой проявление совладающих стратегий, ориентированных на избегание, что происходит большей частью через использование социального отвлечения; это говорит о значимости социального ресурса для офицеров в переживании трудной жизненной ситуации; 3) наряду с избегающими стратегиями военнослужащие используют также и стратегии, ориентированные на решение проблемы, что можно считать подтверждением относительно стабильного функционирования мотивационных ресурсов совладающего поведения офицеров КВ.

Е.С. Старченкова, О.В. Гущина

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОАКТИВНОГО СОВЛАДАНИЯ С АНТИЦИПАЦИЕЙ И ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ

Проактивное совладающее поведение включает в себя постановку и достижение лично значимых целей в отдаленном будущем, а также предвосхищение возможных преград для их достижения. Проактивный уровень совладания предполагает прогнозирование и формирование отдаленного относительно неопределенного будущего во всей сложности, многомерности и многовариантности жизненного пути (Старченкова, 2009). Преимуществом проактивного совладания является обнаружение стрессора на ранней стадии, что обуславливает меньшее расходование ресурсов на борьбу с ним, а следовательно, ресурсы остаются доступными для других видов деятельности. Проактивное совладание тесно связано с целеполаганием и целедостижением во временной перспективе развития личности. Личность, обладающая временной перспективой, продлевает настоящее, вбирая в него будущее, превращая его в мотивационное пространство.

Для изучения взаимосвязи временной перспективы, антиципационных способностей личности и проактивных копинг-стратегий у врачей ($n = 58$) нами были использованы: «Методика мотивационной

индукции» (Ж. Нюттен), опросник «Проактивное совладание» Э. Грингласс и соавт. (адаптация Е.С. Старченковой), тест антиципационной состоятельности (В.Д. Менделевич). Методика мотивационной индукции позволяет оценить протяженность временной перспективы и содержательную наполненность образа будущего. Временная перспектива у респондентов была связана преимущественно с «открытым настоящим» и неопределенным будущим. То есть испытуемые в основном концентрировались на настоящем, а будущее представляло для них в неопределенной форме, в нем отсутствовали четкие, отдаленные во времени цели. Анализ содержательной характеристики временной перспективы показал, что наиболее выраженные мотивационные устремления испытуемых касались аспектов самореализации, развития отдельных сторон личности, совершенствования в профессиональной сфере, а также ожидания действий, активности по отношению к ним со стороны других людей (например, проявления любви, симпатии, уважения, признания).

Результаты корреляционного анализа показали, что представленность во временной перспективе возрастного периода от 55 и более лет положительно коррелировала с такими копинг-стратегиями, как проактивное совладание ($p < 0,05$), стратегическое планирование ($p < 0,05$), рефлексивное совладание ($p < 0,01$). Перспективная рефлексия также положительно коррелировала с возрастным периодом 35–55 лет ($p < 0,05$). Таким образом, наличие отдаленных целей (средний возраст респондентов составил 30 лет) связано с включением целого спектра копинг-стратегий, способствующих их достижению. Чем чаще испытуемые концентрировались на настоящем и обращались к прошлому, тем меньше в структуре совладающего поведения были выражены такие стратегии, как превентивное ($p < 0,01$) и рефлексивное совладание ($p < 0,05$). Ограниченность представлений о будущем приводит к тому, что респонденты его не планируют, а, следовательно, не готовятся к возможным препятствиям, в частности, не принимают превентивных мер. В то же самое время при такой временной ориентации больше были выражены такие копинг-стратегии, как обращение за эмоциональной ($p < 0,01$) и инструментальной ($p < 0,05$) поддержкой, а также избегание ($p < 0,05$). Антиципационная состоятельность (прогностическая компетентность) представляет собой способность личности с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственно реакции на них, действовать с временно-пространственным упреждением. Результаты исследования показали, что личностно-ситуативная прогностическая

компетентность положительно коррелирует с проактивной ($p < 0,01$) и рефлексивной ($p < 0,05$) копинг-стратегиями.

Таким образом, способность предвидеть поступки других людей, наступление и различные варианты развития событий связана с активным целеполаганием и саморегуляцией по достижению поставленных целей, оценкой возможных преград, анализом проблем и имеющихся ресурсов, прогнозом вероятного исхода деятельности и выбором способов ее выполнения. Временная антиципационная состоятельность была положительно связана с проактивным ($p < 0,01$), рефлексивным ($p < 0,05$) и превентивным ($p < 0,05$) совладанием. Умение распределять и адекватно планировать свое время способствует реализации проактивных копинг-стратегий, ориентированных на будущее, тем самым позволяя разумно и целесообразно распределять действия по достижению целей и ресурсы во временной перспективе.

В.А. Шаповал

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ МАССОВЫХ ПСИХОПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ

Основной проблемой массовых психопрофилактических обследований является обработка и анализ результатов тестирования в условиях дефицита времени, когда трудоемкий и ненадежный «ручной» способ обработки данных оказывается не приемлемым. В этой связи наиболее оптимальным способом ее решения является использование программного продукта ABBYY FormReader – системы автоматизированного ввода форм, заполненных от руки, с технологией распознавания, позволяющей с высокой производительностью (до 1000 протоколов в день, а при наличии скоростного сканера до 10 страниц в минуту) осуществлять обработку и экспорт данных с бумажных носителей в файл или базу данных при 10-кратном уменьшении времени на ввод данных с бумажных форм и 20-кратном повышении точности распознавания данных с автоматическим контролем результатов распознавания с помощью готовых или задаваемых правил проверки. Применение ABBYY FormReader позволяет оперировать первичными ответами больших выборок испытуемых на пункты опросника и открывает широкие перспективы для проведения психометрической экспертизы используемых для массовой экспресс-диагностики методик в виде специальной эмпирико-статистической

процедуры отладки тестов – айтем-анализа (item analysis), основной целью которого является получение информации об адекватности функционирования составляющих тест пунктов, служащих эмпирическими индикаторами диагностических концептов (шкал), для последующего повышения надежности и валидности теста путем редактирования или удаления слабо работающих утверждений. Нами была осуществлена процедура айтем-анализа результатов массового психопрофилактического тестирования сотрудников ОВД мужского пола ($n > 3000$) в связи с их внеочередной аттестацией с помощью автоматизированной на базе АBBYU FormReader 6.5 экспертно-диагностической системы «ПОЛО+», включающей мужской вариант психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» (В.А. Шаповал, 2006), созданного на основе психодинамической концепции ISTA (Г. Аммон, 1995) для оценки психологического здоровья при обследовании массовых контингентов в ситуации экспертизы; тест на ассертивность (В. Каппони, Т. Новак, 1995), шкалу креативности (В.А. Шаповал, 2007) и методику исследования профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер, 2006).

Целью исследования являлось повышение валидности итогового показателя ресурса психологического здоровья как разности интегральных шкал общей конструктивности и деструктивно-дефицитарности Я-структуры личности, за счет использования айтем-пространства всего психодиагностического комплекса из 377 утверждений. На первом этапе определялся индекс дискриминативности (Id) утверждений исходных интегральных шкал теста, для чего вычислялась разность средних значений пунктов контрастных групп испытуемых, набравших самые высокие (27 %) и самые низкие (27 %) суммарные баллы по шкале. Пункты с $Id < 0,2$ удалялись. «Очищенные» шкалы усиливались утверждениями, достоверно ($p < 0,01$) коррелирующими с их суммарным баллом, после чего шкала оценивалась с точки зрения степени связанности каждого ее пункта с другими путем определения максимальных значений квадратов коэффициентов межпунктовых корреляций, их ранжирования и последующей отбраковки пунктов с низкими и одного из пары с крайне высокими значениями на основе их содержательного анализа (Мельников В.М., Ямпольский Л.Т., 1985). Далее повторялась оценка Id пунктов до получения удовлетворительных результатов и определялась внутренняя согласованность шкалы (α -Кронбаха). В результате вся психодиагностическая информация айтем-пространства была сведена к 2 усовершенствованным интегральным шкалам: общей конструктивности (36

it) и общей деструктивно-дефицитарности (58 it), обладающих высокой дискриминативной способностью ($Id\text{ ср.} = 0,46$) и внутренней согласованностью ($\alpha K = 0,9$). Обновленные шкалы содержали 55 и 51 % утверждений исходных, причем k их интеркорреляции составил $-0,16$ ($p < 0,01$) против $k = -0,01$ ($p > 0,05$) исходных. После принудительно нормализованного перевода «сырых» баллов в стандартизованные для каждого испытуемого вычислялась разность (в T-баллах) показателей новых шкал и по эмпирически разработанному алгоритму осуществлялась их градация на 4 группы психологического здоровья. Таким образом, использование современных информационных технологий открывает широкие перспективы для усовершенствования психодиагностического инструментария в целях более эффективной первичной психопрофилактики организованных контингентов.

К.Н. Шестакова

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ТРУДНЫЕ СИТУАЦИИ В АКТЕРСКОЙ ПРОФЕССИИ

Любая профессиональная деятельность сопровождается трудными ситуациями. Некоторые из них вполне преодолимы и являются нормативной частью профессии, другие же провоцируют стресс. Проблема совладания с трудными ситуациями и профессиональным стрессом представляется важной и актуальной. В профессии актера наблюдается большой процент текучести, ухода из профессии, или, как выражаются сами актеры, «отбраковки». Одной из причин этого является профессиональная невостребованность.

На основе теоретического анализа исследований по проблеме профессионального выгорания в творческих профессиях была сформулирована цель исследования – выявление профессионально трудных ситуаций и оценка их стрессогенности как возможных факторов развития синдрома выгорания. Исследование осуществляется с позиции когнитивно-ситуационного подхода и ресурсной концепции. В пилотном интервью приняли участие 35 актеров (14 женщин и 21 мужчина). Это актеры, находящиеся на разных уровнях профессионализации: 13 актеров со стажем от 5 до 35 лет, 7 молодых актеров (стаж 1–3 года), 10 студентов Санкт-Петербургской государственной театральной академии, участвующие в профессиональных постановках, а также 5 актеров любительского Университетского театра. Для выявления профессионально трудных ситуаций использовался метод

интервью с последующим контент-анализом ответов. Вопросы касались привлекательности профессии, ее трудностей, профессионального стресса и кризисов. В результате было обнаружено следующее: самыми привлекательными факторами являются развитие, общение с интересными личностями и сам процесс перевоплощения. К категории затрудняющих профессиональную деятельность актеры отнесли следующие: трудности совладания с эмоциональной сферой личности, неудовлетворенность трудовыми результатами, непонимание коллег, режиссера, т. е. низкие компетенции в когнитивно-рефлексивной сфере и психической саморегуляции, субъект-субъектные отношения.

На второе место по трудности актеры поставили ситуации интеракций с художественным образом – перевоплощение в персонаж, вера в предлагаемые обстоятельства жизни образа, профессиональные штампы. Данные трудности связаны с субъективными репрезентациями ситуаций взаимодействия с художественным образом и их творческим воплощением. Третье место заняли ситуации, требующие высокой саморегуляции, свободы от зажимов, т. е. навыков и умений работы с собой как с профессиональным инструментом. По словам актеров, профессионально трудные ситуации переживаются ими по-разному. Мы условно разделили переживания на стенические (способствующие активным действиям) и астенические (затрудняющие активность). Результаты анализа интервью показали, что трудные ситуации в деятельности актеров можно разделить на два класса – когнитивный (анализ деятельности, самостоятельное выстраивание роли, самоконтроль и рефлексия) и эмоционально-коммуникативный (юмор, переговоры, общение вне сценического взаимодействия). Наиболее часто актеры используют рефлексии (37 % опрошенных). Второе место по частоте использования занимает стратегия «погружения» или «ухода» в работу в ущерб другим сферам жизнедеятельности.

В результате исследования были выявлены следующие категории профессионально трудных ситуаций: организационные, коммуникативные, процессуально-технические, эмоциональные, когнитивные, профессионально трудные ситуации, требующие дополнительных ресурсов. По мнению актеров, стрессовые ситуации – естественное условие их профессиональной деятельности. 57 % опрошенных относят стресс к процессуально-техническому уровню (спектакли, репетиции, внезапный ввод, отмены спектакля, забывание текста, реквизиции). В большей мере переживаются ситуации профессиональной

невостребованности – отсутствия ролей, далее – социально-бытовая неустроенность. Было обнаружено, что наибольшей стрессогенностью отличаются ситуации непонимания между актером и режиссером (77 % опрошенных). Это объясняется частотой взаимодействия, а также непосредственным воздействием на предмет деятельности актера – создание художественного образа. Зачастую видение режиссера может разительно отличаться от понимания персонажа актером, его ощущений. В данном случае важно интроспективизировать это видение, наделять его субъективной значимостью. Таков вечный компромисс, парадокс актерской свободы воплощения образа и зависимости профессии. Итак, выделенные ситуации, их субъективные репрезентации позволяют говорить о том, что в профессии актера имеются большие риски развития профессионального выгорания.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА

К.Н. Белогай

ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ В РАМКАХ ТРЕНИНГА

Психология отношений позволяет анализировать личность как систему взаимосвязанных отношений, реализующихся в объективной деятельности. Рассматривая личность как систему отношений, необходимо выделить в ее структуре родительское отношение (РО).

С целью определения эффективных методов формирования родительского отношения личности было проведено экспериментальное исследование, в котором приняли участие родители, обратившиеся за психологической помощью по поводу развития и коррекции родительского отношения, всего 28 супружеских пар. Все родители данной группы имели одного ребенка в возрасте от 0 до 7 лет. Отцы и матери, вошедшие в эту группу, стали экспериментальной группой, контрольная группа включала в себя 20 супружеских пар, имеющих детей дошкольного возраста. Для практической работы с экспериментальной группой была создана программа психологического тренинга. Разработанная программа тренинга – это программа краткосрочной работы с родителями, во многом это было обусловлено ориентированностью родителей на достижение быстрых результатов. С учетом различных эффектов психологического тренинга была сформулирована основная цель практической работы с родителями: через развитие всех компонентов родительского отношения способствовать личностному развитию родителей.

В ходе тренинга с родителями решались следующие основные задачи: мотивировать родителей на самопознание и исследование собственных чувств; помочь родителям в овладении способами выражения эмоций, навыками общения с ребенком, умением сопереживать ребенку и партнеру; способствовать формированию индивидуальных стратегий и тактик сотрудничества с детьми; способствовать самопринятию, повышению самооценности родителей, принятию от-

ветственности. В процессе взаимодействия с родителями использовались традиционные методы групповой психологической работы: психогимнастические упражнения, упражнения на групповую сплоченность, ролевые игры, групповые дискуссии, диагностические задания, а также элементы арт-терапии. Работа в группе предполагала выполнение родителями домашних заданий и ведение специального дневника, где участники могли фиксировать свои удаchi и неудачи, изменения, происходившие с ними. Эта последняя форма работы не только способствовала достижению цели тренинга, но и помогала решить проблему, связанную с отсутствием переноса полученного опыта в реальную жизнь.

Для проверки эффективности тренинга было проведено два обследования экспериментальной группы: до тренинга и после его окончания. Контрольная группа также дважды была подвергнута обследованию. Результаты были обработаны с использованием статистики при помощи *t*-критерия Стьюдента и непараметрических критериев. Основные изменения, произошедшие в родительском отношении участников тренинга, как и предполагалось, были связаны с поведенческими, эмоциональными и оценочными компонентами родительского отношения. Серьезные изменения произошли в оценочном компоненте РО. Например, после проведения тренинга у родителей экспериментальной группы сблизились образы своего ребенка и идеального ребенка. Аналогичным образом изменились оценки себя и идеального родителя по шкале. После окончания тренинга у родителей экспериментальной группы собственный образ сблизился с образом идеального родителя. В ходе тренинга у родителей экспериментальной группы изменился также эмоциональный компонент родительского отношения.

После завершения работы большее число родителей назвали свои отношения с ребенком близкими и доверительными. Причем данные изменения в большей степени коснулись мужчин. Если на первом этапе исследования их отношения с ребенком по степени эмоциональной близости различались с материнским отношением, то после тренинга различия стали незначимыми, отцы описывали свои отношения с ребенком как более близкие и доверительные. Об этом же свидетельствуют самоотчеты участников. Разработанная программа психологического тренинга для родителей оказалась эффективной в плане воздействия на структуру родительского отношения. Как и ожидалось в начале работы, наибольшее воздействие было оказано на эмоциональный и оценочный компоненты РО. Проследить изменения

в потребностно-мотивационном и ценностно-смысловом компонентах оказалось гораздо сложнее, предполагается, что возникновение этих изменений происходит отсроченно, за границами тренингового пространства.

В.В. Зайцева

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРЕНИНГА ЛИЧНОСТНОГО РОСТА

Тренинги личностного роста (ТЛР) получили широкое распространение в России и СНГ и декларируют достижение большого спектра личностных изменений, а также получения ряда навыков и умений. Противоречие между шириной декларируемых изменений в ТЛР и недостаточным количеством исследований в данной области, в особенности гендерных различий эффектов тренинга, обуславливает научную актуальность данной темы исследования.

Представленное исследование направлено на изучение личностных изменений, происходящих в результате прохождения ТЛР, а также на выявление гендерных различий эффектов тренинга. Для исследования были выбраны структурированные тренинги, состоящие из 3 ступеней и направленные на комплексную работу по личностному развитию, с общей длительностью 2–3 месяца. Выбор тренингов данного типа обусловлен тем, что они представлены в нескольких тренинговых компаниях в Санкт-Петербурге и имеют максимально сходную структуру и теоретическую базу из всех ТЛР, предлагаемых на современном рынке психологических услуг. Исследование проводилось на базе тренинговой компании «Терра».

Дизайн исследования обусловлен структурой исследуемых ТЛР – они состоят из трех модулей, первый из которых является основным. Модули взаимосвязаны между собой, допускается только последовательное их прохождение. Каждый модуль является отдельным завершаемым блоком.

Для исследования личностных изменений (психологических эффектов) использовался опросник К. Рифф «Шкалы психологического благополучия», его адаптированный русскоязычный вариант Л.А. Пергаменщикова и Н.Н. Лепешинского. Опросник был разработан на основе изучения проблемы позитивного психологического функционирования личности (теории А. Маслоу, К. Роджерса Г. Ол-

порта, К.-Г. Юнга, Э. Эриксона, Ш. Бюлер, Б. Ньюгартена, М. Яходы, Д. Биррена).

Данный опросник направлен на измерение выраженности 6 основных составляющих психологического благополучия. Выделены 7 шкал – принятие себя, позитивное отношение к другим, независимость, контроль над обстоятельствами, наличие цели в жизни, личностный рост, и общий балл (уровень субъективного благополучия). Методика включает 84 вопроса. В нашем исследовании участники тренинга заполняли опросник первый раз перед началом 1-й ступени тренинга и второй раз – не позже 2 дней после ее окончания. Было обследовано 32 участника двух аналогичных тренингов, проведенных одним тренером, из них 20 женщин и 12 мужчин. Возраст участников от 21 до 49 лет, средний возраст – 29 лет. Образование у 85 % участников законченное высшее. В качестве контрольных групп для исследования мы взяли данные исследований авторов адаптированного варианта опросника (Пергаменщиков и др.), где подтверждалась его ретестовая надежность. В первую выборку вошел 51 испытуемый (мужчины, средний возраст 20 лет), повторный опрос проводился спустя 7 недель после первого и не выявил значимых различий показателей. Вторая выборка включала 24 человека со средним возрастом 21 год, была уравнена по половому составу. Интервал между тестированиями – 4 недели, различий в показателях не выявлено.

По результатам первого тестирования, проведенного до тренинга, средние показатели по нашей выборке для всех шкал методики Рифф соответствуют психологическим нормам (нет значимых различий), выделенным Пергаменщиковым на описанной выше выборке, что дает возможность использования ее как контрольной.

По результатам второго тестирования были выявлены следующие гендерные различия в силе эффектов данного ТЛР: 1) у мужчин произошли значимые изменения в сторону увеличения показателей только по шкалам: личностный рост (значимость Т-критерия Вилкоксона = 0,01), принятие себя (знч. $T = 0,04$) и, соответственно, общий балл (знч. $T = 0,02$); по другим шкалам статистически значимых изменений не обнаружено; 2) у женщин произошли значимые изменения в сторону увеличения показателей по всем шкалам методики (знч. T от 0,001 и менее).

Полученные результаты исследования позволяют сделать следующие выводы и предположения:

1. Исследуемый вариант ТЛР на своей 1-й ступени показал наличие эффективности, т. е.

2. Существуют гендерные различия в структуре изменений (эффектов) у участников тренингов личностного роста.

3. Возможной причиной более выраженного эффекта тренинга у женщин является большая восприимчивость женщин к техникам и методикам, применяемым на данном тренинге, но это требует дальнейшего уточнения. В целом наличие положительной динамики изменений как у мужчин, так и у женщин, говорит о хорошей эффективности структурированных многоуровневых ТЛР.

Е.П. Ивутина, А.А. Кузьмина

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В настоящее время целью любой организации является максимально эффективное выполнение трудовых задач, а наибольшей продуктивности можно достичь в коллективе, где царят благоприятные межличностные отношения. Однако часто в жизни отношения складываются не всегда и не у всех. Подобные проблемы в коллективе можно корректировать с помощью метода социально-психологического тренинга, который на протяжении многих лет активно развивается и является одной из самых популярных психологических услуг.

Задачей данного исследования является выявление эффективности социально-психологического тренинга в оптимизации межличностных отношений в педагогическом коллективе. Разработка категории «отношение» в отечественной психологии связана, прежде всего, с именем В.Н. Мясищева. Изучая психологию отношений, он пришел к выводу, что психологические отношения человека представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Природа межличностных отношений лежит в сфере эмоций и чувств субъектов отношений. Г.М. Андреева указывает, что «эмоциональная основа межличностных отношений означает, что они возникают и складываются на основе определенных чувств, рождающихся у людей по отношению друг к другу».

В психологии принято разделять межличностные отношения на гармоничные и дисгармоничные. Гармоничные отношения характеризуются стабильностью, предполагают длительное сохранение взаимодействия в паре, вызывают положительные чувства, комфорт и удовлетворенность у обоих партнеров. Индикаторами дисгармонич-

ности межличностных отношений выступают их напряженность, конфликтность, агрессивность, а также отчужденность между субъектами отношений. Все эти явления дисгармонии являются следствием неумения субъектов устанавливать отношения, а также поддерживать их. Однако этим навыкам можно обучать, в частности – посредством тренинга. В самом широком смысле под социально-психологическим тренингом (СПТ) обычно понимают своеобразные формы обучения знаниям, отдельным умениям в сфере общения, а также формы соответствующей их коррекции. Более конкретно, с точки зрения содержания, круг задач, решаемых средствами тренинга, широк и разнообразен, и соответственно, разнообразны формы тренинга.

В ходе нашего исследования был составлен и проведен тренинг, направленный на коррекцию дисгармоничных отношений и включающий в себя четыре блока: коррекция напряженности, отчужденности, конфликтности и агрессивности. Экспериментальная работа состояла из следующих этапов: констатирующего (психологическая диагностика с применением опросника межличностных отношений Т. Лири и субъективной оценки межличностных отношений С.В. Духновского), экспериментального (проведение тренинга) и контрольного (повторная диагностика). По результатам диагностики были сформированы две группы: экспериментальная и контрольная, по 12 сотрудников образовательного учреждения в каждой группе. Далее был проведен статистический анализ при помощи программы SPSS, версия 10.

Результаты констатирующего эксперимента таковы. С применением критерия Wilcoxon Signed Ranks Test были выявлены следующие сдвиги: у экспериментальной группы в сторону увеличения вектора дружелюбия (по уровню значимости 0,02); существенные сдвиги в сторону увеличения сотрудничающе-конвенционального (по уровню значимости 0,02) и ответственно-великодушного октантов (по уровню значимости 0,07); значительные сдвиги в сторону уменьшения прямолинейно-агрессивного октанта (по уровню значимости 0,017). В контрольной группе сдвиги не существенны. Произошли сдвиги в экспериментальной группе в сторону уменьшения показателей напряженности (по уровню значимости 0,004), отчужденности (по уровню значимости 0,002), конфликтности (по уровню значимости 0,003), агрессивности (по уровню значимости 0,002) и итогового балла (по уровню значимости 0,001), соответственно.

Таким образом, мы пришли к выводу, что социально-психологический тренинг эффективен при решении проблем межличност-

ных отношений, дает возможность участникам отразить свои межличностные отношения, скорректировать в игровой форме поведение, препятствующее установлению гармоничных отношений, а также отработать навыки эффективного общения.

А.М. Муталимова

АТРИБУТИВНЫЙ ТРЕНИНГ В СТАРШИХ КЛАССАХ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ

Развитие благоприятной каузальной атрибуции достижений учащихся и изменение неблагоприятной при помощи консультативно-коррекционных и тренинговых программ, технологий и методик является одной из главных задач современного обучения в школе. Атрибутивная переориентация ставит своей задачей коррекцию и изменение интерпретации неудач – с внутренних и стабильных (атрибуция неуспеха к способности) на внутренние и контролируемые, т. е. атрибуция неуспеха к усилию. Нами осуществлялась работа по специально разработанной программе развития благоприятной атрибуции достижений.

Первый блок программы составила серия теоретических и практических семинаров для учителей. Во второй блок программы вошёл тренинг по атрибутивной переориентировке и развитию благоприятной атрибуции учащихся старших классов. Тренинговые занятия проводились в течение учебного года с учащимися старших классов, характеризующимися неблагоприятной каузальной атрибуцией достижений в ситуации неуспеха. Тренинг атрибутирования к усилиям является наиболее распространенной стратегией в современных программах коррекции атрибуции и атрибутивной переориентировки. В поддержку стратегии атрибутирования к усилиям следует указать, что усилие является единственным фактором, к которому можно апеллировать и при успехах, и при неудачах.

Процедура тренинга сводилась к нескольким задачам: объяснение поведения и переживаний лиц, ориентированных на неудачу, включая их атрибуцию; объяснение переживаний и поведения лиц, ориентированных на успех, с выделением различия в каузальной атрибуции; изучение сценариев действий, ориентированных на успех учащихся; закрепление действий, ориентированных на успех индивидов в ролевых играх и упражнениях. Участники тренинга осмысливают свои индивидуальные особенности, определяющие возможности

к обучению и успешность учебной деятельности, выражают к ним своё отношение. Развитие благоприятной атрибуции достигается за счёт изучения и овладения старшеклассниками приёмами когнитивных стратегий и причинного объяснения своих достижений, соответствующими их индивидуальным особенностям.

Нами предпринята попытка изменить неблагоприятную каузальную атрибуцию в ситуации неуспеха учащихся старших классов и способствовать формированию благоприятной каузальной атрибуции с целью снижения уровня школьной тревожности, развития положительной внутренней мотивации и повышения успешности учебной деятельности.

Диагностика показателей каузальной атрибуции достижений, мотивации учебной деятельности, школьной тревожности и успешности учебной деятельности проводилась до и после реализации тренинговой программы. До участия в тренинговой программе старшеклассники атрибутировали в объяснении собственных неудач в учебе прежде всего к способностям.

Результаты диагностики каузальных атрибуций в ситуации неуспеха после участия в программе атрибутивного тренинга показывают яркую выраженность у старшеклассников атрибуции к усилиям. Это позволяет говорить о том, что подавляющее большинство учащихся за период учебного года, в течение которого велась работа по вербальной и письменной атрибутивной переориентировке и моделированию ситуаций успеха, пересмотрели свои взгляды на собственные способности, считая, что прилагаемые усилия в некоторых случаях компенсируют их отсутствие. Неудачи стали чаще интерпретироваться учащимися как вызванные недостатком усилий и реже – недостаточными способностями.

Как показал анализ различий (использовался непараметрический критерий Манна–Уитни) в показателях испытуемых до и после реализации тренинговой программы, произошло изменение неблагоприятных каузальных причинных схем на благоприятные. Выявлено наличие значимых изменений, указывающих на повышение учебной мотивации и успешности учебной деятельности старшеклассников, а также на тенденцию к снижению уровня школьной тревожности, происходящих за счёт изменения каузальных атрибуций своих достижений.

М.А. Пащенко, Н.В. Козина

КОРРЕКЦИОННАЯ ПРОГРАММА ПО ФОРМИРОВАНИЮ И РАЗВИТИЮ НАВЫКОВ ПОЗИТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

В связи с необходимостью социально-психологической адаптации лиц с алкогольной зависимостью в виде проведения реабилитационных мер была разработана коррекционная программа по формированию и развитию навыков позитивного мышления для лиц с алкогольной зависимостью. Первый этап коррекционной программы заключается в проведении психодиагностического исследования. Для разработки и внедрения коррекционной программы была взята группа больных алкоголизмом людей, из них: 1-я группа – лица мужского пола в возрасте 30–46 лет, больные хроническим алкоголизмом 2 стадии (8 человек); 2-я группа – лица женского пола в возрасте 30–46 лет, больные хроническим алкоголизмом 2 стадии (8 человек).

1. Эмоционально-личностная сфера мужчин характеризуется преобладанием негативных эмоций. У женщин отмечается преобладание негативных и тревожно-депрессивных эмоций. Для обеих групп характерен тип личности – Пассивные Пессимисты или «Жертва».

2. Для мужчин с алкогольной зависимостью характерно неадаптивное совладающее поведение, которое проявляется в использовании копинг-механизмов бегство-избегание и принятие ответственности, а также психологических механизмов – отрицание, вытеснение и реактивное образование. Для женщин с алкогольной зависимостью – принятие ответственности, психологические защиты – отрицание, реактивное образование. Таким образом, исследование позволило выделить цель коррекционной программы: развитие самосознания с целью выработки более адаптивных форм поведения.

В соответствии с целью были сформированы следующие задачи: 1) коррекция негативного эмоционального состояния; 2) выявление и оптимизация личностных ресурсов и адаптационных возможностей; 3) работа с мышечными зажимами; 4) обучение навыкам позитивного мышления; 5) диагностическая проверка эффективности проведения коррекционной программы.

Коррекционная программа проводилась отдельно для лиц мужского и женского пола – 7 занятий по 3 часа. Этапы: 1. Лекция. 2. Диагностический этап. 3. Проведение тренинга. 4. Диагностический этап для определения эффективности тренинга (через месяц после его прохождения).

Определение эффективности тренинга осуществляется методом анкетирования два раза – до начала тренинга и через месяц после его прохождения.

1. Оценка состояния пациента проводилась специалистами (психотерапевт, нарколог и психолог), которые отметили, что у всех участников в результате прохождения коррекционной программы улучшилось эмоциональное состояние, повысилась активность и оптимистичность, а также установка на лечение. В группе мужчин после прохождения коррекционной программы психолог отмечает снижение оптимистичности и мотивации на выздоровление. Возможно, это связано с очень высоким уровнем оптимистичности и мотивации до прохождения тренинга, что может говорить о наличии неадекватной оценки ситуации и нестабильного эмоционального состояния. У женщин отсутствует явная динамика – в результате тренинга сформировалось адекватное отношение к болезни и лечению. У мужчин отсутствуют продуктивные копинг-механизмы, что составляет трудности в формировании позитивного мышления.

2. Исследование динамики эмоционального состояния (Шкала эмоций К. Изарда). В ходе прохождения коррекционной программы наблюдается общая динамика (как у мужчин, так и у женщин) снижения выраженности эмоций как позитивных, так и негативных, и тревожно-депрессивных. Это характеризует формирование более стабильного эмоционального состояния и реалистичного взгляда на ситуацию лечения.

Опыт использования коррекционной программы показал, что участники испытывали трудности в выполнении вербальных занятий, демонстрировали низкий уровень мотивации и быструю утомляемость, связанную с длительностью занятий. Опыт использования коррекционной программы показал необходимость внесения изменений: увеличение количества рабочих дней до семи при сокращении длительности занятий (по три часа); уменьшение количества участников тренинга до восьми; замена некоторых вербальных упражнений на проективные; увеличение количества невербальных заданий. После прохождения тренинга пациенты отмечали улучшение эмоционального состояния, ослабление мышечных зажимов. Данная программа позволяет повысить эффективность психотерапии для лиц с алкогольной зависимостью в результате становления положительного эмоционального состояния, выявления ресурсов и возможных адаптивных форм взаимодействия, что позволяет формировать у пациентов навыки позитивного мышления.

Л.А. Студеникина, В.С. Семенов

ОПТИМИЗАЦИИ РЕГУЛЯТОРНОГО СТИЛЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРЕНИНГА

Современное общество ждет от школы мыслящих, инициативных, творческих выпускников с широким кругозором и прочными знаниями. Исследованиям познавательных процессов и побудительных сил активного познания посвятили свои труды Б.Г. Ананьев, А.Р. Лурия и др. По их мнению, низкий уровень проявления познавательных потребностей учащихся, их познавательных способностей и волевых качеств, а также несогласованность между внешним стимулированием учения и внутренней мотивацией являются потенциальными причинами познавательной пассивности. Учебно-познавательная активность указывает на интенсивность учебного процесса и характер отношения школьника к учебе. В её структуре выделяют следующие составляющие: когнитивную (инициативность, любознательность), рефлексивную (ответственность, самостоятельность) и волевую (целеустремленность, настойчивость). Термин «индивидуальный стиль познавательной деятельности» обозначает индивидуально-устойчивую систему способов и приёмов оперирования орудием познавательной деятельности, т. е. знаком; представляет собой подструктуру личности, обеспечивающую динамичное согласование индивидуальных особенностей человека с наличными целями познавательной деятельности. Регуляторный стиль – это стиль, при котором доминируют характеристики направленного волевого поведения, хорошо развита система постановки цели и четко функционируют аналитические процессы по определению всех возможных вариантов ее достижения. Различные трудности, возникающие при решении поставленной перед субъектом задачи, в некоторых случаях становятся дополнительным стимулом к повышению и без того сильной мотивации, обуславливающей стремление к достижению успешного результата.

Для реализации тренинга, ориентированного на оптимизацию регуляторного стиля познавательной активности была сформирована добровольная группа из числа учащихся физико-математического отделения лицея г. Бийска. Специфика образовательного процесса в этой школе характеризуется значительным объемом самостоятельной деятельности учащихся, реализацией разнообразных научных проектов, активным участием ребят во всероссийских и международных

конференциях. Кроме того, старший школьный возраст – время структурных и функциональных изменений на личностном уровне, включающих формирование таких психических образований, как самоопределение и самоактуализация, поэтому учет индивидуально-типологических особенностей познавательной сферы и волевой организации ученика является тем ключом, который поможет соответственно оптимизировать дальнейшее становление и развитие личности.

В качестве формы занятий были выбраны группы встреч, которые в значительной степени подчеркивают ответственность членов группы за свое поведение. Основными установочными понятиями таких групп являются: самораскрытие, внимание к чувствам, сознание себя, ответственность и принцип «здесь и сейчас». Наличие значительного временного промежутка между встречами и обязательного домашнего задания выступали как значимый положительный фактор, обеспечивающий процесс рефлексивного анализа, включение новых знаний в собственную модель мира, применение на практике новых моделей деятельности, а также пролонгированный эффект тренинга уже после завершения занятий.

Вся программа состоит из десяти занятий, из которых первые два – вводные, а последнее – итоговое. Основной этап включает в себя семь занятий, последовательно направленных на создание условий (в качестве самостоятельной цели каждого выхода) для повышения уровня целеустремленности, самообладания, самостоятельности, решительности, настойчивости, энергичности, инициативности, исполнительности и воли. Объективные показатели эффективности тренинговой работы (опросник ВСК А.Г. Зверкова и Е.В. Эйдмана, тест «Стили познавательной активности» Т.А. Гусевой), а также отзывы участников и данные супервизии свидетельствуют о значительных преимуществах тренинга как условия развития волевой саморегуляции и регуляторного стиля познавательной активности в старшем школьном возрасте.

М.А. Ускова

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ЭФФЕКТИВНОЕ УСВОЕНИЕ НАВЫКОВ ТРЕНИНГА ПРОДАЖ

Современная жизнь постоянно требует улучшений и обновлений знаний сотрудников, необходимых для их эффективной работы. В

связи с этим в последнее время очень актуальным стало корпоративное обучение в форме бизнес-тренингов. Области применения данной формы обучения достаточно разнообразны. Они могут проводиться как на рядовых сотрудниках, так и на руководителях компаний. Стоит подчеркнуть, что в результате прохождения бизнес-тренингов участники развивают необходимые навыки на разных уровнях. Одной из причин этого может выступать наличие особых личностных особенностей, которые способствуют развитию навыков на более высоком уровне либо более низком. Это достаточно важный момент при оценке эффективности самого бизнес-тренинга. Поэтому целью нашей работы стало выявление личностных особенностей участников бизнес-тренинга, влияющих на эффективное развитие у них определенных навыков.

На сегодняшний день существует большое количество видов бизнес-тренингов, направленных на решение тех или иных задач компании. Тренинг учитывает в первую очередь главные задачи руководителя, от которых и будет в дальнейшем отталкиваться тренер, чтобы полностью удовлетворить потребности как руководителя, так и будущих участников бизнес-тренинга. Что же касается оценки эффективности бизнес-тренинга, то методы оценки эффективности обучения краткосрочного и долгосрочного периода различны. В первом случае оценивается степень удовлетворения от приобретаемых знаний и навыков и практической ценности бизнес-тренинга. В долгосрочной перспективе оценивается эффективность и результативность деятельности сотрудника, способность применять полученные знания на практике.

Поэтому нашими основными задачами стали: 1) теоретический обзор литературы по данной теме; 2) разработка и апробирование анкеты для диагностирования эффективности тренинга продаж; 3) оценка эффективности тренинга продаж; 4) выявление связи между личностными особенностями участников тренинга продаж и эффективно развитыми у них навыками.

С помощью методики УСК, а также анкеты диагностирования эффективности тренинга продаж (для руководителя и сотрудников) нам необходимо было исследовать личностные особенности сотрудников организации, связанные с эффективно усвоенными навыками, а также эффективность тренинга продаж на сотрудниках и руководителях организации, прошедших бизнес-тренинг.

Выделяются определенные показатели эффективности тренинга продаж: 1) количество привлеченных покупателей; 2) средняя цена в

чеке; 3) среднее количество позиций в чеке; 4) сумма среднего чека; 5) количество продаж / чеков (за месяц); 6) объем продаж (за месяц); 7) количество потенциальных фирм поставщиков; 8) количество текущих фирм поставщиков; 9) количество контактов с потенциальными партнерами; 10) соотношение количества контактов и заключенных сделок.

Результаты исследования: самое большое влияние тренинг продаж оказал на такие показатели эффективности, как количество привлеченных покупателей, количество продаж / чеков (за месяц), объем продаж (за месяц), а самое маленькое – на количество текущих фирм поставщиков и количество потенциальных фирм поставщиков. Эти результаты подтверждаются объективными данными, предоставленными нам руководителем организации.

Анализируя результаты методики УСК и анкеты диагностирования эффективности тренинга продаж, мы использовали метод корреляционного анализа. В результате были выявлены связи между экстернальным типом личности и эффективным усвоением таких навыков, как коммуникативные навыки, навыки установления контакта по телефону и навыки управления ходом переговоров. Важно отметить, что уровень достоверности очень высокий (0,001). Что касается сотрудников с интернальным типом личности, то они лучше усваивают навыки выявления потребности клиента, навык презентации товара и навык работы с отговорками и возражениями клиентов. Уровень достоверности также очень высокий.

Проведенное исследование показало наличие значимых связей между уровнем субъективного контроля и эффективно усвоенными навыками в результате тренинга продаж. Тренинг продаж является наиболее эффективным средством для повышения количества покупателей, количества продаж, а также для увеличения объема продаж, что подтверждается данными, предоставленными руководителем компании.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**(Симпозиум, посвященный 90-летию со дня рождения
Е.С. Кузьмина, основоположника Санкт-Петербургской
школы социальной психологии)**

С.А. Беличева

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Введение в России с начала 1990-х годов социальной работы и создание новой социальной инфраструктуры кардинальным образом изменили лицо отечественной психологии. Во-первых, резко возрос социальный запрос на психологическую помощь. Если раньше практическая психология находилась в зачаточном состоянии, то с созданием новой социальной инфраструктуры запрос на практическую психологию приобрел массовый характер.

Во-вторых, изменился сам характер запроса на психологическую помощь. Если раньше различные направления, делающие первые шаги практической психологии, как правило, выстраивались вокруг различных видов деятельности и обслуживали их, то теперь центром внимания стали человек и его ближайшее, прежде всего семейное, окружение. Клиент социальных служб, как правило, переживает трудную жизненную ситуацию, характеризуется социальной дезадаптацией, находится в разладе с собой и со своим окружением. Причиной социальной дезадаптации является клубок проблем внутреннего и внешнего порядка. И в данном случае недостаточно проводить коррекционно-реабилитационную работу с отдельной личностью, необходима психологическая помощь по оздоровлению его семейного окружения. Эта необходимость одновременной психологической работы как с отдельной дезадаптированной личностью, так и с ее окружением послужила стимулом развития нового направления в практической психологии – психосоциальной работы.

В-третьих, необходимость оказания клиентам социальных служб эффективной психосоциальной помощи потребовала интенсивной

технологизации психологической науки и практики, овладения психологами психосоциальными коррекционно-реабилитационными технологиями и психотерапевтическими техниками, чего не было в арсенале отечественной психологии того времени. В Национальных стандартах РФ по социальному обслуживанию населения отдельно прописаны социально-психологические услуги семье, детям, женщинам, инвалидам, людям пожилого возраста, в которых обозначены область применения, функции и основные технологии психосоциальной работы. Социальная психология как отрасль психологического знания, изучающая социальное взаимодействие людей, в значительной степени составляет научно-методологическое и методическое обеспечение психосоциальной работы. С одной стороны, психосоциальная работа базируется на социально-психологических теориях социального взаимодействия, общения, коммуникации, социально-ролевого поведения, психологии больших и мелких групп, а с другой стороны, использует социально-психологический диагностико-коррекционный инструментарий, включая методы диагностики, психологическое консультирование, тренинги. Однако, поскольку практика психосоциальной работы рассчитана на людей разного возраста с разными психосоматическими и индивидуально-психологическими проблемами, помимо социальной психологии требуется привлечение знаний других психологических дисциплин: возрастной, юридической, медицинской, превентивной психологии, патопсихологии, а также конфликтологии, геронтологии, гендерологии и пр. А кроме того, психосоциальная работа тесно взаимодействует с социальной работой и психотерапией.

Потребность в освоении практических психосоциальных технологий и психотерапевтических техник привела к интенсивному взаимодействию с западными психологическими школами, что позволило отечественной психологической науке и практике за последние 15 лет также весьма существенно продвинуться вперед. Защищено значительное число кандидатских и докторских диссертаций по этой проблематике, издано большое число практикумов, пособий и монографий. С 1994 г. издается периодический журнал «Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы». УМО вузов России в области подготовки специалистов социальной работы открыло профиль «Психосоциальная работа с населением». Очевидно, необходимо открытие профиля «Психолог социальных служб» на психологических факультетах.

ЛИДЕРСТВО В ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЕ

В современной России, как нам кажется, в семье идут сложные процессы, связанные с изменением роли женщин и мужчин, в переосмыслении традиционных семейных ценностей. И проблема лидерства в семье по-прежнему остается мало изученной. Однако, как показывают исследования, она имеет существенное значение как фактор, позволяющий понять процессы динамики и структуры семьи, ее стабильности и распада.

В нашем исследовании мы поставили цель изучить некоторые из этих процессов, а именно: гендерный, этнический и возрастные аспекты проявления супружеского лидерства. 360 испытуемых (поровну мужчин и женщин, по 120 представителей русского, татарского и башкирского этносов) являлись членами 180 супружеских пар (гетеросексуального брака, официально зарегистрированного): половина из них проживали в городах, другая половина – в сельской местности Башкирии; по 90 семей имели средний возраст супругов 20, 40 и 60 лет соответственно (молодая, зрелая и пожилая субвыборки).

Использование методик: «Лидерство в диаде» (Т.В. Бендас), опросников «Пословицы» (И.С. Клецина), «Распределение ролей в семье» (Ю.А. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская) и «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова и др.), методики СМИЛ и Ш. Шварца (изучение ценностей – адаптация В.Н. Карандашева), а также методов математической обработки (факторный анализ, ANOVA, U-критерий различий Манна–Уитни) позволило нам сформулировать следующие выводы.

1. На основании распределении лидерства между супругами было выявлено 4 типа семьи: традиционная, эгалитарная, амбивалентная и нетрадиционная. В первой (патриархальный брак) лидером выступал мужчина. Как правило, к такому типу отношений стремились мужчины башкирской и татарской этнической принадлежности, пожилого поколения и проживающие в сельской местности. Это наиболее консервативная часть нашей выборки, которых устраивает подчиненное положение женщины, они не мыслят хотя бы частично «поделиться лидерством» и оправдывают свою позицию стремлением к сохранению традиций как ценности. Характерно, что среди личностных черт лидеров-мужчин присутствовали доминантность и конфликтность, нетерпели-

вость, завышенные притязания. Вряд ли с таким набором следует ожидать полной гармонии в семейных отношениях.

2. Эгалитарную модель семьи (оба супруга являются лидерами, решения принимаются совместно, без ущемления прав друг друга) предпочитали русские испытуемые, зрелого возраста, городские жители. Судя по анализу литературы, это наиболее продуктивная модель современных лидерских отношений между супругами – как правило, именно к ней переходят те пары, которые долго проживают в браке. По нашим данным, лидеры в этих семьях обладали андрогинными чертами личности.

3. Амбивалентная модель (когда взгляды на распределение лидерских ролей не совпадали с их реальным проявлением) чаще всего встречалась у молодых супругов, проживающих в городе. Здесь, по-видимому, проявляется несформированность взглядов на семью, лидерство в ней, стремление быть одновременно современным и традиционным. Личностные качества лидеров (уверенность в себе, быстрота принятия решений, беспечность) также свидетельствуют об амбивалентности и, возможно, некоторой легковесности молодых супругов в вопросах построения супружеских отношений.

4. Нетрадиционная модель семьи (лидером является женщина) является, скорее, скрытой и проявлялась только там, где женщина имела возможность выразить свое мнение втайне от мужчины (такова была одна из разновидностей экспериментальной ситуации), когда же нужно было совместно выбрать лидера, женщина уступала эту роль мужчине. В этом проявляется фемининная модель лидерства (согласно концепции Т.В. Бендас), названная иначе «вакуумной», когда женщина соглашается на лидерство, только если мужчина отказывается от него. При этом женщины-лидеры обладали повышенным чувством ответственности, совестливости и тревогой за судьбу близких.

5. На наш взгляд, то, что у супругов существует несколько альтернатив при выборе модели распределения лидерства, факт, скорее, позитивный, чем негативный, причем этот выбор возможен не единожды, а зависит от ситуации.

Указанные модели (с их сильными и слабыми сторонами) могут использоваться психологами в семейном консультировании.

Б.А. Еремеев

ТЕМАТИКА ПУБЛИКАЦИЙ Е.С. КУЗЬМИНА И МАТЕРИАЛОВ «АНАНЬЕВСКИХ ЧТЕНИЙ – 2010»

Рассмотрен категориальный состав тематики основных публикаций Е.С. Кузьмина, с одной стороны, и использование тех же категорий при формулировании своих тем авторами материалов в «Ананьевских чтениях – 2010» (АЧ–2010), с другой стороны. Предполагалось, что категориальная общность тематики будет свидетельствовать о вкладе одного из наших учителей в научную работу современных исследователей. В частности, предполагалось выделить среди категорий, актуальных для Е.С. Кузьмина, категории, более и менее устойчивые среди участников АЧ–2010.

Тематика научных публикаций раскрывается, прежде всего, в их названиях, которые в данном случае взяты для анализа и последующего сравнения в качестве единиц наблюдения. Учтены 16 работ Е.С. Кузьмина. Восемь из них любезно предоставила для исследования вдова Евгения Сергеевича Нина Васильевна Кузьмина, за что я выражаю ей свою признательность. Ещё восемь публикаций я нашёл в электронных анналах библиотеки факультета психологии СПбГУ. Материалы конференции АЧ–2010, «Современные прикладные направления и проблемы психологии», в двух частях, содержат $N = 334 + 301 = 635$ публикаций.

В нашем случае в качестве единиц анализа берутся категории. Категоризация чего-либо является его обобщением как фрагмента действительности (как её компонента, элемента, единицы) и/или как её аспекта (как атрибута). В качестве единиц счёта берётся выражение категорий в словах, этих «живых клетках сознания» (Л.С. Выготский).

В данном случае учтена только знаменательная лексика названий, ибо именно она выражает тематику взятых публикаций. Словарь тематики взятых публикаций Е.С. Кузьмина содержит 32 элемента. Девять из них специфичны только для его работ; их нет в названиях 635 публикаций АЧ–2010. Вот эта лексика (в виде читабельных словоформ): *античность, век, воззрение, естествознание, малый, очерк, свет, словарь, эпоха*. Тематика соответствующих трудов конкретизирует историю и теорию науки и имеет явное метакогнитивное значение для психологии. Четыре слова (*коллектив, планирование, производство, промышленность*) использованы в названиях материалов

АЧ–2010 однократно, а два слова (*воспитание и теория*) – в трёх названиях каждое. Эта редкая лексика фиксирует базовые сферы человеческого бытия; для работ современных психологов она фактически случайна, что связано с экономикой и социальной политикой в России. Но перспективы прогрессивного развития таковы, что практическим психологам придётся-таки обращаться к исходным предметным установкам наших учителей, хотя, конечно, уже с другими ценностными ориентирами. Слова *актуальный* и *внутренний* ($f = 4$) и *управление* ($f = 5$) отличаются от использованных случайно (однократно) при $P \geq 0,90$; *понятие* ($f = 6$) – при $P \geq 0,95$; *руководство* ($f = 10$) – при $P \geq 0,99$ и остальные 12 слов (с $f \geq 11$) – при $P \geq 0,999$. В их числе: *вопрос* (11), *группа* и *общение* (12), *основа* (16), *отношение* (30), *проблема* и *социальность* (34), *методы* (40), *развитие* (45), *личность* (73), *особенности* (75) и *психология* (172). 14 слов из словаря Е.С. Кузьмина, наиболее устойчивых в АЧ–2010, входят в 397 названий из 635 (~62,5 %). При этом хотя бы одно из этих слов есть в 251 названии (~39,5 %); два слова – в 125 названиях (~19,7 %); три слова – в 16 (~2,5 %) и четыре слова – в 5 (~0,8 %).

Вот темы пяти работ, при формулировке которых использованы четыре категории (с указанием их порядковых номеров в последовательности публикации): [52] Исследование психологом особенностей межличностных отношений старшеклассников (Гапанович-Кайдалова Е.В., Бочок Т.Ф.); [97] Методические проблемы диагностики смыслового кризиса в развитии личности (Карпинский К.В.); [246] К вопросу социально-психологической предикции организационного развития (Флоровский С.Ю.); [269] Методологические основания диагностики социальной зрелости личности (Шумская Л.И., Финькевич А.В.); [430] Личностные особенности руководителя как фактор отношения к нему подчиненных (Э.Т. Фархутдинова).

Таким образом, при соотношении тематики публикаций Е.С. Кузьмина, с одной стороны, и тематики материалов «Ананьевских чтений – 2010», с другой стороны, становится очевидной определённая тематическая преемственность научных исследований наряду со специализацией и конкретизацией некоторых тем. В то же время стали очевидными существенные лакуны в тематике исследований современных практических психологов, обусловленные, прежде всего, состоянием отечественной экономики и внутренней социальной политикой.

Л.Г. Почебут, В.Е. Семенов

ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ КУЗЬМИН – ОСНОВАТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Социальная психология как наука возникла в 1908 г. Однако после революции 1917 г. она не успела оформиться в самостоятельную науку из-за марксистского догматизма. Второе рождение социальная психология обрела в 60-е годы, когда Е.С. Кузьмин начал борьбу за признание и институционализацию социально-психологической науки.

В психологию Е.С. Кузьмин пришёл в 1944 г., после тяжёлого фронтowego ранения. Он закончил ЛГУ, поступил в аспирантуру к Б.Г. Ананьеву, стал преподавателем, доцентом, профессором университета. Все, кто учился на отделении психологии философского факультета, а позднее на факультете психологии, помнят лекции Е.С. Кузьмина по истории психологии и по социальной психологии, его богатырский рост, богатый голос, которым он умело пользовался, его артистичность и вместе с тем удивительную строгость – получить у него отличную оценку, за редчайшим исключением, было просто невозможно. Для аргументации необходимости создания новой науки Евгений Сергеевич обращается к зарубежному и отечественному опыту. Он детально анализирует дискуссию о предмете социальной психологии, развернувшуюся в 20-е годы XX в. в СССР. Проанализировав взгляды и предложения представителей различных научных дисциплин, он почувствовал ощутимую поддержку предшественников, их глубокую заинтересованность в создании социальной психологии и ещё более укрепился в правоте своих взглядов.

Особое влияние на него оказали труды В.М. Бехтерева и, в первую очередь, «Коллективная рефлексология» (1921). В своих лекциях и публикациях Е.С. Кузьмин подчеркивал, что Бехтерев одним из первых в мире проводил социально-психологические эксперименты, доказывающие различие в психике и поведении изолированного человека и человека, находящегося в окружении других людей, что он является одним из основателей социальной психологии в мировой науке.

Судьбой Е.С. Кузьмина стало проложить магистральный путь развития отечественной социальной психологии, преодолеть пропасть между западной и отечественной социальной психологией. Наша наука рождалась в спорах, дискуссиях, столкновениях мнений, отста-

ивалась в кабинетах чиновников. Понадобилось всё мужество фронтовика, научная убежденность и смелость ученого, чтобы доказать тогдашнему руководству необходимость социально-психологической науки. Е.С. Кузьмин стал создателем отечественной социально-психологической науки именно как психологической дисциплины. Он организовал первые в России лабораторию (1962 г.) и кафедру (1968 г.) социальной психологии в Ленинградском университете. Лаборатория входила в состав НИИКСИ ЛГУ. После появления кафедры лаборатория стала фактически одним целым с ней. Как увлеченно мы работали, проводили исследования, писали статьи, спорили на семинарах, ездили на конференции, переживали на защитах диссертаций. И всё это направлялось и управлялось Евгением Сергеевичем. Он был непререкаемым авторитетом и лидером.

В 1967 г. Е.С. Кузьмин пишет книгу «Основы социальной психологии». В ней раскрываются вопросы истории данной науки, даётся определение предмета, представлен арсенал методов и приводятся результаты первых экспериментальных и эмпирических исследований, выполненных под руководством автора. Особое значение Кузьмин придавал процессу общения между людьми как основе и источнику всех социально-психологических явлений. Принцип общения был выдвинут им в качестве методологического принципа социальной психологии. Важным фактором развития социальной психологии Е.С. Кузьмин считал применение эксперимента и эмпирических исследований. Совместно с учениками Е.С. Кузьмин настойчиво развивал промышленную социальную психологию, инициировал создание коллективных монографий по методам социальной психологии (1977 г.) и социальной психологии в целом (1979 г.).

Его стараниями сформировалась Петербургская школа социальной психологии, органично соединяющая теорию и практику социально-психологической помощи людям. Всё это прослеживается по публикациям сотрудников кафедры и лаборатории. Евгений Сергеевич воспитал замечательную плеяду учёных. Он умел очень чётко ставить задачи перед сотрудниками, формулировать цели и строго требовать их выполнения. Своих сотрудников и учеников он всегда защищал, помогал дружеским советом и участием, был надёжной крепостью, за стенами которой каждый чувствовал себя в безопасности, имея возможность развиваться как учёный и личность. Мы помним и любим своего учителя!

Е.С. Синельникова

СТИЛИ СЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ОСНОВА ПОНИМАНИЯ И ДОВЕРИЯ В СЕМЬЕ

Понимание и доверие в семье – актуальная и малоразработанная проблема в современной социальной психологии. Актуальность темы подтверждается высокой значимостью понимания и доверия в семье для большинства жителей России. Согласно исследованиям В.Н. Куницыной, понимание и доверие в семье входят в число десяти наиболее значимых терминальных ценностей. Вместе с тем, понимание и доверие в семье практически никогда не становилось предметом конкретного исследования.

На первом этапе нашего исследования, проводимого под руководством В.Н. Куницыной, мы поставили своей целью выявить основные критерии понимания и доверия в семье. Е.С. Синельниковой под руководством В.Н. Куницыной была разработана анкета «Понимание и доверие в семье». В исследовании приняли участие 63 человека, студенты вузов Санкт-Петербурга. В исследовании были выявлены основные критерии понимания и доверия в семье, значимые сферы семейного взаимодействия, в которых реализуется доверие между супругами. Так как родительская семья является транслятором семейных ценностей и семейных сценариев (Э. Берн), в родительской семье формируется доверие ребенка к миру и близким людям (Э. Эриксон), мы приняли решение связать дальнейшее исследование проблемы понимания и доверия в семье с особенностями взаимоотношений детей и родителей в родительской семье.

Основная гипотеза нашего исследования: стили семейного взаимодействия, взаимодействие детей и родителей, являются важнейшими детерминантами понимания и доверия в молодой семье. В исследовании приняла участие 31 супружеская пара. В исследовании были использованы следующие методы: методика «АПЭД» В.Н. Куницыной; методика «ЛАДОГА» В.Н. Куницыной, опросник «Понимание и Доверие в семье» Е.С. Синельниковой, В.Н. Куницыной. Для обработки данных применялись корреляционный анализ и Т-критерий Стьюдента.

В исследовании по методикам «АПЭД» и «ЛАДОГА» выявлены отрицательные корреляционные связи понимания в семье с гиперопекающим стилем семейного взаимодействия ($r = -0,285$, $p < 0,05$) и равнодушно-дистанционным ($r = -0,35$, $p < 0,01$) стилем семейного

взаимодействия. Также выявлены положительные корреляционные связи доверия в семье и доверительно-уважительного ($r = 0,279$, $p < 0,05$) и либерально-поддерживающего ($r = 0,257$, $p < 0,05$) стилей семейного взаимодействия. Мы можем говорить о том, что гиперопекающий и равнодушно-дистанционный стили семейного взаимодействия в родительской семье отрицательно влияют на способность взрослых детей понимать своего супруга. Доверительно-уважительный стиль семейного взаимодействия и либерально-поддерживающий стиль в родительской семье положительно влияют на доверие в семьях взрослых детей.

По методике «ЛАДОГА» выявлены статистически достоверные различия по шкалам «доверительно-уважительный стиль» ($p = 0,04$) и «равнодушно-дистанционный стиль» ($p = 0,01$) между супругами, имеющими высокий и низкий уровень понимания в семье. Значение показателя «доверительно-уважительный стиль» выше у супругов, имеющих высокий уровень понимания в семье, значение показателя «равнодушно-дистанционный стиль» выше у супругов, имеющих низкий уровень понимания в семье. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что супруги, имеющие высокий уровень понимания в семье, чаще воспитывались в семьях с доверительно-уважительным стилем семейного взаимодействия и реже – в семьях с равнодушно-дистанционным стилем семейного взаимодействия. Также выявлены различия на уровне статистической тенденции ($p = 0,075$) по методике «ЛАДОГА» по шкале «либерально-поддерживающий стиль». Значение показателя выше у супругов, имеющих высокий уровень доверия в семье. Мы можем предположить, что супруги, доверяющие своему спутнику жизни, чаще воспитывались в семьях, где преобладал либерально-поддерживающий стиль семейного взаимодействия. Разработка данной проблематики имеет теоретическое и практическое значение.

Результаты исследования могут быть использованы: в семейно-брачном и детско-родительском консультировании, в подростковом консультировании. Также проведенное исследование позволяет определить понятия понимания и доверия в семье, преобразовав их в психологические термины, сформулировать основные критерии понимания и доверия в семье. Стили семейного взаимодействия следует рассматривать как важнейшие детерминанты понимания и доверия в семье. Данная проблема становится неотъемлемой составляющей психологии семейных отношений.

Т.Л. Смолина

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕРМИНОВ «АККУЛЬТУРАЦИЯ» И «КУЛЬТУРНЫЙ ШОК»

Начиная с 50-х гг. XX в. появилось значительное количество работ в области приспособления к новой культурной среде, в которых авторы пытались представить последовательную концепцию усвоения культуры, опираясь на многочисленные исследования временных поселенцев, туристов и мигрантов. Для описания этого феномена используют целый ряд терминов: «культурный шок», «приспособление», «кросскультурная (межкультурная) адаптация», «аккультурация», «аккультурационный стресс», или «стресс аккультурации». По-разному трактуются эти понятия в рамках теоретических и прикладных исследований, посвященных данной проблеме. В большинстве случаев упомянутые выше термины используются как слова-синонимы, а в некоторых случаях мы можем наблюдать попытки выделения специфических особенностей при описании того или иного феномена. Исторически сложилось так, что большинство исследований в области приспособления к новой культурной среде проводилось в рамках антропологии. Так, одним из первых возник термин «аккультурация», который понимался как «результат непосредственного, длительного контакта групп с разными культурами, выражающийся в изменении паттернов культуры одной или обеих групп» (Redfield, Linton, Herskovits, 1936).

Долгое время термин использовался в антропологии для изучения процесса приспособления и усвоения культуры на групповом уровне, но благодаря работам канадского психолога Дж. Берри аккультурацию стали рассматривать и на личностном уровне. На сегодняшний день в области кросскультурной психологии существует множество работ, посвященных аккультурации. С другой стороны, большую популярность получила концепция культурного шока, разработанная антропологом Калерво Обергом. В 1954 г. в своем докладе под названием «Культурный шок» он впервые дал определение данному феномену: «Культурный шок – следствие тревоги, которая появляется в результате потери всех привычных знаков и символов социального взаимодействия». В своей работе К. Оберг заложил основы направлений в изучении культурного шока: описал симптоматику и предложил теорию стадий адаптации к инокультурной среде. Концепция Оберга на долгие годы стала доминирующей в русле

кросскультурной психологии и породила большое количество работ, посвященных симптомам культурного шока, стратегиям их преодоления, стадиям адаптации (U-образная кривая). Противоречивость полученных данных в отношении симптоматики культурного шока и слабо выявленные закономерности в отношении прохождения последовательных стадий кросскультурной адаптации заставили некоторых ученых отказаться от гипотезы U-образной кривой (Ward, Kennedy, 1996).

В работах зарубежных и отечественных ученых все чаще звучит термин «аккультурация», хотя большинство ученых, занимающихся данной проблематикой, используют этот термин по отношению к мигрантам. Насколько правомерно использовать термин «аккультурация» по отношению к временным переселенцам? На этот вопрос нет однозначного ответа. Так, австралийский психолог С. Бочнер в своей статье «Культурный шок в результате контакта с неизвестными культурами» (2003) пишет о том, что термин «аккультурация» правомерно использовать по отношению к мигрантам, а термин «культурный шок» – к временным жителям / переселенцам.

Другие исследователи проблемы приспособления, изучая группы временно перемещающихся в другую культурную среду, применяют термин «кросскультурная адаптация» (см., например, Kim Y.Y., 2001). Кроме того, несмотря на популяризацию термина «стресс аккультурации» в последние годы, понятие культурного шока до сих пор используется в работах по кросскультурной психологии и не только в историческом контексте. В 2001 г. появилось дополненное издание книги Ward C., Bochner S., Furnham A. под названием «Психология культурного шока». В то же время Колин Уорд – известный исследователь в области приспособления к новой культуре – употребляет термин «аккультурация» по отношению и к мигрантам, и к временным переселенцам. Следует отметить, что в области кросскультурной психологии нет четких границ в применении терминов «аккультурация» и «культурный шок». Тем не менее, используя термин «культурный шок», современные исследователи концентрируют свое внимание на симптомах данного явления и этапах прохождения адаптации. На наш взгляд, применение термина «аккультурация» в контексте изучения такой группы, как временные переселенцы, возможно в случае исследования изменений социальных установок визитеров, а также изучения опыта пребывания в инокультурной среде с точки зрения стресса и его преодоления.

Н.В. Антонова

БРЕНД КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

В настоящее время все большую актуальность приобретает проблематика бренда. Однако социально-психологическая проблематика, связанная с данной областью исследований, только начинает прорабатываться. В социальной психологии бренд рассматривается как разновидность социальной коммуникации и объект социального познания. Изучение бренда как социально-психологического феномена основывается на исследованиях теории социальной коммуникации, в том числе массовой коммуникации и рекламной коммуникации, психологии общения, психологии социального познания, психологии потребительского поведения. Так, Ю.Ю. Бровкина определяет бренд как «образ социального объекта, который возникает как реакция на стимул – имя бренда – в результате социального коммуникативного взаимодействия и направлен на мотивацию индивида» (Бровкина, 2009).

Социально-психологическая модель бренда строится на основе модели аттитюда и включает соответствующие компоненты: когнитивный, аффективный и поведенческий. Поведенческий компонент определяет степень лояльности потребителя к бренду. Дженнифер Аакер (J. Aaker, 1997) предложила понятие «индивидуальность бренда» (brand personality) для описания специфики восприятия бренда реципиентом (аудиторией). Под индивидуальностью бренда Дж. Аакер подразумевает набор личностных черт, ассоциируемых с брендом (J. Aaker, 1997). Как считает Е.Б. Перелыгина (Перелыгина, 2002), основным механизмом формирования предметного имиджа является персонификация – приписывание неодушевленному объекту свойств одушевленного субъекта, т. е. человека. Мы полагаем, что восприятие бренда также основано на действии данного механизма. Таким образом, мы понимаем бренд как образ социального объекта, формируемый у аудитории с целью воздействия на аттитюды по отношению к данному объекту. При восприятии бренда действует механизм персонификации, т. е. индивид приписывает бренду опреде-

ленные свойства субъекта. Предпочтение бренда возникает в случае идентификации индивида с индивидуальностью бренда. Мы провели сравнительное исследование индивидуальности брендов Nike и Adidas.

Целью данного исследования было выявление различий в восприятии выбранных брендов спортивной одежды юношами и девушками. Мы предположили, что гендерные особенности могут определять различия в восприятии индивидуальности бренда. Методы исследования: 1) опрос; 2) методика направленных ассоциаций; 3) методика персонификации; 4) семантический дифференциал. В результате проведенного факторного анализа были выявлены следующие факторы восприятия брендов: 1) привлекательность, в который входят такие шкалы, как «красивый», «оригинальный», «привлекательный»; 2) информативность: «умный», «понятный», «информативный», «правдивый»; 3) активность: «быстрый», «интересный»; 4) спокойствие: «неагрессивный», «скромный», «расслабленный».

При анализе результатов методики персонификации были выявлены специфические особенности индивидуальности анализируемых брендов: Адидас описывался преимущественно как молодой парень, красивый, спортивный, активный; Найк – как девушка, изящная, спокойная, сдержанная. Юноши при описании брендов отдавали предпочтение когнитивным характеристикам бренда, девушки – эстетическим (привлекательность). Можно предположить, что для девушек бренды – не просто набор удобных вещей на разные случаи жизни, а скорее средство привлечения внимания, и, безусловно, это продолжение их «я», а также способ самопрезентации.

Основываясь на результатах исследования, мы можем заключить, что девушки более склонны к персонификации и самовыражению посредством использования брендовых товаров. Для потребителя бренд является прообразом личности человека, пользующегося данным брендом. Вероятно, при выборе бренда человек соотносит черты индивидуальности бренда с собственными качествами и это является основным механизмом принятия решения при выборе бренда.

В.А. Баранова

ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКИЙ СОЦИУМЫ КАК ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Социальные группы, существующие в современном обществе,

могут быть дифференцированы по различным критериям, соответственно которым объектами исследования в социальной психологии становятся этнические группы, социальные классы и слои, политические партии и социальные движения, группы людей различных вероисповеданий, группы мужчин и женщин, группы людей различных возрастов, профессиональные группы, группы людей по месту проживания.

Анализ исследовательского интереса к группам, выделенным по территориально-поселенческому критерию, на сегодняшний день позволяет отнести их к «аутсайдерам» проблематики устойчивых больших социальных групп. Между тем именно этот вид больших устойчивых социальных групп предоставляет первый опыт группового осмысления реальности, являясь одним из важнейших первичных факторов формирования ценностей, потребностей, установок, норм личности. Основой всех видов групп по критерию проживания являются город и село, которые образуют городской и сельский социумы, городскую и сельскую социальные общности, а население позволяет категоризировать по поселенческому признаку как горожан и селян.

Городской и сельский социумы отличаются по разнообразным экономическим, социальным, демографическим показателям, что фиксируется представителями соответствующих наук. Однако горожане и селяне как социальные группы представляют собой совокупности людей, которых характеризуют не только условия жизнедеятельности, но и психологические факторы: принадлежность к территориям, а также осознание социальной группы как общности. Именно поэтому социально-психологический подход должен быть обязательно представлен в исследовании города и села в изучении вопросов социально-психологического климата, психического состояния, настроения, интересов, традиций, особенностей оценки и восприятия социальных перемен и их влияния на жизнь конкретного социума, жизненных планов, образа жизни и т. д. Актуальным является также исследование межпоселенческих отношений как межгрупповых, анализ стереотипов, степени адекватности межгруппового восприятия.

В эмпирическом исследовании респондентов (студенты первого и второго курса факультетов психологии и философии МГУ, 41 человек, жители разных социумов) просили охарактеризовать, написав 5–7 характеристик, две группы: горожан (жителей городов) и селян (жителей поселков, сел, деревень). В исследовании мы ставили целью зафиксировать факт существования различий при восприятии жителей городского и сельского социума. Рейтинг наиболее часто припи-

сываемых жителям города и жителям села характеристик был составлен через частотный анализ. В результате был получен обобщенный «портрет» жителей городского и сельского социума.

Группа «жители города» представляет образованных (эрудированных, интересующихся культурой, искусством, использующих современные технологии) людей, постоянно спешащих (мобильные, динамичные, суматошные, опаздывающие, жующие на ходу и т. д.), занятых и суетливых. По материальному показателю эту группу составляют богатые или обеспеченные люди. Жители города – замкнутые, закрытые, малообщительные неразговорчивые, недоверчивые, равнодушные индивидуалисты. Они самостоятельные и очень целеустремленные. Отличаются слабым здоровьем, так как находятся в постоянном стрессе: нервные, неуравновешенные, устающие. Внешние особенности – модные, ухоженные, хорошо одетые.

Группа «жители села» характеризуется простотой, низким образовательным уровнем. Характерная черта – трудолюбие. Для этой группы характерна размеренность жизни, неторопливость, спокойствие. Они – открытые общительные, дружелюбные (добродушные, добрые и приветливые) люди, доверчивые. По материальному положению – бедные. У многих отмечается алкогольная зависимость, но при этом они все равно более здоровы, чем горожане.

Результаты свидетельствуют о проявлении коллективистской или индивидуалистической культуры. Для сельчан характерны общность ценностей, зависимость от общественного мнения внутри своего села (коллектив сильнее личности), изолированность от других групп общества и меньшая зависимость от них. Для горожан характерен минимум контактов с другими людьми, превалирование индивидуальных ценностей, незначительная зависимость человека от близкого окружения, но большая зависимость от социума в целом. Горожанам ценности навязываются искусственно, для сельчан – это естественный процесс формирования общего для всех ценностно-нормативного пространства.

О.В. Белавина

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Коммуникативная компетентность как способность к межличностному взаимодействию является фактором, который во многом

определяет не только самочувствие и эмоциональное благополучие человека, но и его личностное развитие и даже его судьбу. Ученые считают, что особое внимание необходимо уделять проблеме диагностики и формирования коммуникативной компетентности в детстве: с дошкольного и до младшего подросткового возраста. Доказано, что опыт позитивных отношений со сверстниками в детстве – необходимое условие успешной социализации в будущем, и что отсутствие такого опыта может приводить к дезадаптации и делинквентному поведению во взрослой жизни. В нашей стране изучение коммуникативной компетентности началось сравнительно недавно, и потому российский опыт в этой области научного знания пока уступает мировому.

Одной из проблем исследователей, изучающих способности к межличностному взаимодействию в детском возрасте, является нехватка диагностического инструментария. Поэтому значительный интерес представляет изучение разработанных за рубежом методов диагностики коммуникативной компетентности детей младшего школьного возраста и адаптация этих методик для работы в российских условиях. Установлено, что выбор ребенком целей и способов реагирования в различных ситуациях межличностного взаимодействия во многом определяется его социальными установками. Так, агрессивные дети зачастую убеждены в том, что только такое поведение позволит им завоевать уважение сверстников, и что во многих ситуациях агрессия – это единственный способ решения проблемы. Напротив, правильные социальные установки свидетельствуют о становлении коммуникативной компетентности ребенка и позволяют составить благоприятный прогноз его социальной адаптации.

Коммуникативные установки детей измеряет методика, предложенная К. Беланд и ее коллегами (Beland и др., 2002). Это опросник-самоотчет, предназначенный для диагностики сформированности у ребенка таких позитивных установок, как понимание недопустимости и неэффективности агрессивного поведения, уверенность в наличии альтернативных агрессивному способов реагирования в конфликте, отрицательное отношение к сплетням, неодобрение полной социальной изоляции некоторых членов коллектива. Детям нужно указать степень своего согласия («не согласен», «частично согласен», «в основном согласен», «полностью согласен») с 14 утверждениями, каждое из которых является установкой, препятствующей или способствующей социально одобряемому поведению. Примеры таких утверждений: «Чтобы тебя уважали, приходится драться» или «Все-

гда есть возможность решить спор мирно, без взаимных оскорблений». С помощью процедуры факторного анализа авторы выделили 3 шкалы: отношение к физической агрессии, вербальному унижению и социальной изоляции. Эта методика была переведена нами на русский язык и адаптирована для использования как в начальной школе, так и для работы с учащимися 5–6-х классов (оригинальная методика предназначалась только для работы с младшими подростками). Для этого были скорректированы формулировки ряда утверждений, а количество ответов было сокращено до трех: «да, согласен», «не уверен» и «нет, не согласен». Апробация методики проводилась в январе–апреле 2011 г. в двух школах г. Санкт-Петербурга. Было обследовано 264 учащихся (54 чел. во 2-х классах, 72 чел. в 4-х классах, 69 чел. в 5-х классах и 69 чел. в 6-х классах). Исследование показало, что предлагаемая нами методика обладает ретестовой надежностью (при повторном обследовании через 8–10 недель) и валидностью. Последняя оценивалась путем проверки согласованности результатов диагностики с экспертными суждениями о коммуникативной компетентности детей.

Анализ данных исследования показал, что распределение результатов учащихся по всему тесту в целом и по каждой шкале в отдельности близко к нормальному закону, но имеет некоторый сдвиг в сторону социально одобряемых установок. Были составлены таблицы для перевода «сырых» баллов в стандартизованные показатели, а также разработаны нормативы для интерпретации.

Таким образом, предлагаемая методика позволяет выявить, насколько в целом сформирована коммуникативная компетентность ребенка и достигает ли она уровня, необходимого для успешного взаимодействия со сверстниками. С ее помощью можно оценить ряд установок младшего школьника в сфере межличностного взаимодействия и составить представление об особенностях его общения с окружающими.

Работа проведена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-06-00402а).

Т.В. Бескова

ВНУТРЕННИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЗАВИСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Внешние детерминанты зависти имеют давнюю традицию изучения, детально прорабатываются, дополняются и уточняются в со-

временных исследованиях. Что же касается внутренних детерминант исследуемого феномена, то здесь ситуация несколько иная – работ по их выявлению явно недостаточно, чтобы создать полное и системное знание о психологических качествах завистливого человека. К. Муздыбаев отмечает, «хотя эмпирических исследований по этой теме явно недостаточно, утверждается, однако, что возникновению зависти в немалой степени способствуют некоторые черты характера личности». На данный момент подобные исследования были проведены лишь К. Муздыбаевым и В.А. Лабунской. Продолжая изучение внутренних детерминант зависти, отметим и то, что гендерный аспект, затронут нами не случайно – как показывают многочисленные исследования, этико-психологические феномены социального поведения во многом зависят от гендерной принадлежности субъекта. Проведенные нами исследования выявляют гендерную специфику внутренних детерминант зависти.

Зависть и самооотношение. У мужчин самооотношение не имеет статистически значимых связей с уровнем их зависти; у женщин, напротив, наблюдается отрицательная взаимосвязь уровня зависти с когнитивной составляющей позитивного самооотношения (положительным результатом сопоставления себя с другими), а также прямая связь с эмоциональной составляющей негативного самооотношения (отрицательным результатом сравнения себя «реального» с теми требованиями, которые человек предъявляет самому себе).

Зависть и ценностные ориентации. Интенсивность зависти у мужчин связана с высоким уровнем значимости ценностей «интересная работа», «материально обеспеченная жизнь», «свобода»; с низким уровнем значимости ценности «счастье других» и с высоким уровнем доступности ценности «общественное признание»; у женщин таких взаимосвязей меньше (с высоким уровнем значимости ценности «материально обеспеченная жизнь» и высоким уровнем доступности ценности «свобода»). Если у мужчин зависть возникает при рассогласовании ценностей, при фрустрации потребностей в определенных сферах («хочу, но не имею»), то у женщин это условие никак не влияет на уровень их зависти.

Зависть и межличностные отношения. Завистливым мужчинам в отношениях с другими свойствен агрессивно-подозрительный стиль; завистливые женщины в межличностных отношениях проявляют подозрительно-подчиняемый стиль. Кроме того, если у женщин их склонность к зависти отрицательно коррелирует с инте-

гративным показателем «доминирование», то у мужчин подобная связь не обнаруживается.

Зависть и механизмы психологической защиты. Общими механизмами защиты, независимо от гендерной принадлежности субъекта зависти, являются вытеснение, регрессия, компенсация и проекция. Гендерные особенности проявляются в следующем: мужчины, склонные к зависти, используют интеллектуализацию, женщины – замещение. Наибольшее количество психологических защитных механизмов и у мужчин, и у женщин приходят в действие при их зависти к успеху у противоположного пола и социальному статусу. Однако существуют и гендерные различия в предметных областях, превосходящих других в которых детерминирует защиту своего самооотношения и приводит в действие несколько защитных механизмов: у мужчин – возможность путешествовать, у женщин – карьерный рост, дорогие (модные) вещи и наличие преданных друзей.

Зависть и нравственность. Если у женщин нравственность отрицательно коррелирует как с завистливостью (личностным качеством), так и с завистью к отдельным предметным сферам, то у мужчин – лишь с завистливостью. Возможно, у мужчины зависть к значимым для него сферам носит ситуативный характер, так называемые «уколы зависти» находят свое отражение в недолгих переживаниях при виде чужого успеха. У женщин же зависть к социальному и материальному превосходству другого, вероятно, не ограничивается мимолетными переживаниями, а имеет более «затяжной» характер, что приводит к «застреванию» на зависти.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-06-00091а.

А.В. Бузмакова

ВОСПРИЯТИЕ КОНФЛИКТА И ВЫБОР СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

Во время прохождения воинской службы военнослужащие по призыву сталкиваются с рядом трудностей, которые связаны с изменением привычного образа жизни, характера трудовой деятельности, стереотипов поведения; с несоответствием индивидуальных, этнокультурных, возрастных, социально-психологических особенностей военнослужащих; со сложностью и динамичностью воинской деятельности. Все это является стрессовыми факторами, вызывающими

изменения в психическом самочувствии военнослужащих, которые могут приводить, в том числе, к рассогласованию в системе «личность – военно-социальная среда». Такое рассогласование может приводить к повышению уровня конфликтности личности, к появлению деструктивных способов взаимодействия и к другим негативным последствиям, которые могут вызвать отклонения от нормального протекания воинской службы. Недостаточные знания офицеров и военных психологов в области природы конфликтов приводят к деструктивному пути развития возникающих конфликтов военнослужащих по призыву, из-за чего конфликты утрачивают потенциальные положительные функции, нанося ущерб личности военнослужащих и сплоченности воинских коллективов.

А.М. Ватолкиной было проведено исследование, направленное на изучение искажения образа конфликтной ситуации. В результате проведенного исследования автором был сделан вывод о том, что наиболее негативные образы, как оппонента, так и конфликтной ситуации в целом, связаны с ориентацией восприятия участников конфликта на сферу внутригрупповых отношений, борьбу за статус и социальное влияние. Нами было проведено исследование (Ю.В. Пошехонова, А.В. Бузмакова), в котором изучалось влияние восприятия конфликтной ситуации на выбор стратегии поведения в конфликте военнослужащими по призыву. Для изучения образа конфликтной ситуации была разработана методика, основанная на методике семантического дифференциала. После математической обработки были выделены факторы восприятия конфликтных ситуаций военнослужащими по призыву. Также использовалась методика «Диагностика типа реагирования в конфликте» (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева) и методика «Стратегии поведения в конфликте» (К. Томас, Н.В. Гришина). Выборку составили 58 военнослужащих по призыву в возрасте от 18 лет до 21 года.

По результатам исследования выявлено, что на стратегию избегания в конфликте влияет фактор частоты встречаемости вертикального конфликта, спровоцированного офицером ($r = 0,412$, $p < 0,01$). Если военнослужащий по призыву считает, что вертикальный конфликт, спровоцированный офицером, часто встречается, то для него характерно избегание конфликта. Мы можем предположить, что если военнослужащий по призыву уже встречался с такой ситуацией, то он может прогнозировать ее развитие и ее последствия, оценив которые, он будет предпочитать избегать подобные ситуации. На стратегию ухода от конфликта влияет фактор силы пострадавшего военно-

служащего по призыву в ситуации горизонтального конфликта ($r = -0,398$, $p < 0,01$). Если в горизонтальном конфликте военнослужащий по призыву оценивает свое поведение как слабое, то для него будет характерна стратегия «уход от конфликта», т. е., влияя на самооценку военнослужащего по призыву, можно повлиять на его выбор стратегии поведения в конфликте. Стратегия поведения в конфликте «приспособление» влияет на фактор дистанционности ситуации горизонтального конфликта ($r = -0,385$, $p < 0,05$). Чем более близкой, менее официальной ситуацией горизонтального конфликта оценивает военнослужащий по призыву, тем более для него характерна стратегия приспособления в конфликте, т. е. чем более близкой будет восприниматься ситуация, тем больше вероятность, что военнослужащий по призыву в конфликте будет ориентироваться на интересы других людей. Продолжение научного исследования будет направлено на изучение связи когнитивной сферы военнослужащих с особенностями их социализации и уровнем конфликтостойчивости.

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект МК-4399.2010.6), а также при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-06-00738а).

В.М. Бызова, Е.В. Зиновьева

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ В ЧИТАТЕЛЬСКИХ И ЗРИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

Научно-практическая актуальность поиска психологических смыслов в читательских и зрительских предпочтениях обусловлена, прежде всего, выявлением роли литературы и кинематографа для понимания мотивации поведения и нахождения ресурсов по преодолению трудных жизненных ситуаций. Согласно О.И. Даниленко, «важная теоретическая задача состоит в том, чтобы разработать концепцию психологической регуляции чтения, в которой будут определены цели, мотивы, установки» (2010).

Предметом нашего исследования стали психологические смыслы, которые выделяют читатели и зрители в процессе чтения художественной литературы и просмотра кинофильмов. Объектом исследования были тексты-эссе, в которых представлены психологические смыслы произведений для читателя и зрителя. В качестве респондентов выступили студенты естественно-научного направления в коли-

честве 77 человек, из них 20 юношей и 57 девушек 18–19 лет. Исследование проводилось в марте–апреле 2011 г.

Процедура исследования: респондентам предлагалось сформулировать основные субъективные психологические смыслы прочитанных ими художественных книг и просмотренных кинофильмов за последние 2–3 года в форме эссе, затем проводилось полуструктурированное интервью. Методы исследования: интент-анализ текстов, полуструктурированное интервью. Всего было проанализировано 136 текстов. Анализ результатов показал ряд различий в выделяемых психологических смыслах в зависимости от пола, поэтому полученные результаты анализа нами представлены в виде иерархии смыслов в выборках девушек и юношей.

Для юношей на первом месте оказались экзистенциальные проблемы, связанные с выбором целей жизненного пути, пониманием смысла жизни и поисками опоры для реализации жизненного плана. Примером данных смыслов может служить следующая выдержка из эссе: «... постоянное чувство гнетущего одиночества в условиях недостатка общения обычно заменяют суррогаты – ТВ и интернет... главная функция фантастики – не дать мне сойти с ума в четырех стенах моего дома...». На втором месте вопросы, связанные с психологией характера, – жизнестойкостью, силой «Я», самопознанием. На третьем месте – психология мотивации, т. е. стремление понять мотивы поведения, глубинную суть поступков. На четвертом месте – вопросы психологии любви, проблемы измены, межличностных взаимоотношений.

Для девушек на первом месте, в отличие от юношей, оказались вопросы психологии любви и одиночества, в частности вопросы эмоциональных переживаний и в том числе по поводу гомосексуальных взаимоотношений. На втором месте, как и у юношей, вопросы психологии характера, однако, помимо этого, добавилась тема взросления. Третье место заняли страхи и возможные пути их преодоления, в основном это страх будущего и одиночества. В качестве примера указанных смыслов можно привести выдержки из текста девушек «...для преодоления жизненных препятствий я обращалась к книгам в период глубоких потрясений, любовных неудач, одиночества, сомнений... книга залечивала раны и возвращала веру в себя». Четвертое место заняла «вера в чудо», в том числе вера в возможности человека.

В целом исследование показало существование различий в психологических смыслах, которые находят для себя юноши и девушки. Обращает на себя внимание тот факт, что и для современных юношей

и девушек по-прежнему актуальны вопросы самовоспитания, самоанализа и самосовершенствования. Интервью показало, что многие девушки и юноши глубоко восприимчивы, импульсивны, ранимы и для них очень важны вопросы саморегуляции, в частности эмоционального контроля и самоорганизации.

М.В. Жижина

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ В МЕДИАПОВЕДЕНИИ ЛИЧНОСТИ

В медиapsихологическом контексте заметное место занимают исследования влияния виртуальной среды на эмоциональную, поведенческую, когнитивную сферы личности. В нашей работе речь пойдет о медиамире как о социально-психологическом феномене, репрезентирующем репертуар копинг-стратегий – образцов социального поведения в сложных жизненных ситуациях и в преодолении рядовых житейских трудностей. Разнообразие мотивации социального поведения и множественность функций медиа делают актуальной проблему дифференциации медиаповедения индивидов в пространстве медиамира, и одним из критериев этой дифференциации может являться выбор копинг-стратегий.

Целью нашего исследования явилось изучение взаимосвязи между предпочитаемыми копинг-стратегиями и особенностями медиаповедения личности: изучение медиа как копинг-ресурса, инструмента совладания (и в этой связи анализируются социальные представления студентов о функциях медиа, о репрезентируемых копинг-стратегиях, а также отношение респондентов к транслируемым образцам совладания, их оценка); изучение обращения к медиа как собственно копинг-стратегии, т. е. изучение факторов, влияющих на выбор личности медиа в качестве копинга. Для реализации поставленной цели были использованы: разработанный нами вопросник, включающий в себя 35 открытых вопросов, направленных на определение отношения к медиа; тест на интернет-зависимость (К. Янг); методика «Копинг-механизмы» (тест Э. Хайма); личностный опросник МСИА «Мотивационная структура информационной активности», опросник «Индивидуальный стиль медиапотребления» (Г.Н. Малюченко, А.С. Коповой). Изучались мотивы и цели обращения к различным видам медиа, медиапредпочтения, содержательная направленность, разнообразие, широта интересов; смысловые диспозиции в отношении медиапродукции; привычки к интернет- или теле-бродяжничеству и т. д. В

исследовании приняли участие 258 студентов 1–4 курсов Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Анализ полученных данных показал, что медиаповедение выступает привычной формой социального поведения и что медиасреда используется респондентами не только в качестве информационного, познавательного, коммуникационного ресурса, но и в качестве психологического ресурса преодоления трудных жизненных ситуаций. Кроме того, уход в виртуальный мир представляет собой один из видов самопомощи для снятия нервно-психического напряжения и преодоления различных эмоциональных трудностей, средством саморегуляции и отвлечения от своих проблем. По результатам эмпирического исследования удалось выделить пять типов респондентов: медиазависимые, медианезависимые, – по наличию медиазависимости (сетевая, компьютерная, телевизионная зависимости); активные, пассивные и сбалансированные – по типу медиаактивности в поведении.

Данные обследований позволяют утверждать, что обращение к медиа является наиболее предпочитаемым способом копинга и средством решения проблемы для медиаактивных респондентов, и в то же время – средством ухода от разрешения проблемы у медиазависимых лиц. Наиболее предпочитаемыми стратегиями копинга в группе медиазависимых являются неадаптивные варианты копинг-стратегий, ориентированные на эмоции и поведение (активное избегание, игнорирование, агрессивность), и чем выше показатели неадаптивных вариантов копинг-поведения, тем выше показатели интернет-зависимости и телевизионной зависимости. Индивиды со сбалансированным типом медиаактивности чаще используют копинг, ориентированный на решение проблемы, при этом сфера решения этих проблем находится как в реальном мире, так и в виртуальной реальности, в зависимости от контекста ситуации.

Обнаруженная связь медиазависимости и предпочитаемых копинг-стратегий, по нашему предположению, лежит в основе формирования типов совладающего поведения индивидов: адаптивного, относительно адаптивного и неадаптивного. Адаптивный тип респондентов характеризуется высоким уровнем саморегуляции медиаповедения, отсутствием медиазависимости; у неадаптивного типа отсутствует проблемный анализ, сохранение самообладания, оптимизм, у них высок уровень активного избегания, игнорирования, агрессивности.

В целом обобщение полученных данных позволяет говорить о доминировании у обследованной группы респондентов коммуника-

тивной и компенсаторной типов мотивации, об иерархии типов медиаповедения: активного (46 %), медиазависимого (34 %), затем сбалансированного (13 %) и пассивного (7 %).

И.В. Михайлова

СУБЪЕКТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОСПРИЯТИЯ СЛОЖНОСТИ СИТУАЦИИ

В связи с возросшим интересом к исследованию субъективности восприятия одной из центральных областей социальной психологии является изучение социального познания, в контексте которого выделяются процессы каузальной атрибуции и самоатрибуции. На протяжении ряда лет нами были проанализированы научные работы по проблеме особенностей жизненной ситуации и атрибутивных процессов, был проведен ряд эмпирических исследований, в том числе и экспериментальных, в рамках социального познания по выявлению и определению факторов, которые могут определять фокус восприятия субъекта. В нашей работе мы исходили из предположения, что атрибутивные процессы при актуализации в различных жизненных ситуациях отличаются по ряду характеристик в зависимости от объективной и субъективной сложности жизненной ситуации, а также в зависимости от определенного типа атрибутивного процесса.

Методы исследования: 1) теоретический анализ научных источников и литературы по теме исследования; 2) методы психодиагностики: модифицированный вариант теста репертуарных решеток Дж. Келли, шкала субъективного благополучия, методика изучения фрустрационных реакций С. Розенцвейга, методика диагностики межличностных отношений Т. Лири, методика многофакторного исследования личности Р.Б. Кеттелла; 3) полевое экспериментальное исследование; 4) статистическая обработка результатов исследования проводилась при помощи факторного анализа методом главных компонент с поворотом факторных осей методом варимакс, критерия χ^2 Пирсона, метода ϕ^* – углового преобразования Фишера.

Эмпирическая база: в нашем исследовании приняли участие 753 человека, 350 из которых участвовали в сплошном массовом опросе; 77 человек – пациенты токсикологического отделения Ульяновской больницы скорой медицинской помощи, которые находились на стационарном лечении после совершения суицидальной попытки, а также клиенты Ульяновского областного центра психологической помощи семье и детям, куда обращались женщины за профессиональ-

ной психологической помощью. Другая половина (77 испытуемых) была отобрана методом случайного отбора на предприятиях, школах и в различных организациях г. Ульяновска. В экспериментальном исследовании приняли участие в общей сложности 249 человек.

Основные результаты, полученные на данный момент:

1. Структурный анализ семантических пространств показал, что у испытуемых, воспринимающих объективно простые жизненные ситуации как сложные, система личных конструктов слабоинтегрирована и достаточно бедна первичными конструктами. У субъектов, адекватно воспринимающих жизненные ситуации, наблюдается снижение размерности семантического пространства при увеличении ее интегрированности. Анализ результатов исследования каузальной атрибуции и самоатрибуции выявил, что оптимальное сочетание дифференцированности и интегрированности при приписывании жизненной ситуации степени сложности было выявлено у испытуемых, адекватно воспринимающих объективно простые ситуации.

2. Анализ содержания семантических пространств группы испытуемых, воспринимающих объективно простые и объективно сложные ситуации как сложные, выявил, что каузальное приписывание при восприятии объективно простой ситуации характеризуется факторами (привычность, непредвиденность, кратковременность), определяющими и объективно сложную ситуацию. Также нами были выявлены каузальные факторы, обуславливающие субъективную простоту восприятия ситуации (безопасность, нейтральность, важность и завершенность). Установлено различие в типах каузального приписывания у испытуемых, воспринимающих объективно простые и объективно сложные ситуации как сложные, и испытуемых, адекватно оценивающих ситуации.

3. Содержательный анализ самоатрибутивных процессов семантического пространства выявил различия у индивидов двух групп в приписывании себе определенных характеристик. В частности, испытуемые, неадекватно воспринимающие ситуации, при восприятии объективно простой ситуации приписывают себе такие признаки (отрицательные эмоции, ухудшение физического здоровья), которые приписываются субъектами второй группы при восприятии объективно сложных жизненных ситуаций. Определены самоатрибутивные факторы, обуславливающие субъективную простоту восприятия ситуации (эмоциональный подъем, внимательность к себе, спокойствие, безразличие).

4. У испытуемых, находящихся в сложной ситуации, возникает спонтанный самоатрибутивный процесс, направленный на защиту своего «Я».

Работа печатается при поддержке гранта РГНФ № 11-36-00376а2.

Т.Г. Стефаненко, Н.Г. Малышева, О.А. Тихомандрицкая

ОБРАЗ РОССИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Базовым элементом мировоззренческой позиции современного человека является представление о мировой политике, что обусловлено процессами глобализации, формированием многополярного мира. Именно последняя тенденция привлекла наше исследовательское внимание. Наша цель заключалась в изучении того, как люди из разных стран понимают происходящие в мире процессы, к каким представлениям они апеллируют, предпринимая попытки объяснить современное мироустройство и место России в мире. Мы попытались выяснить, какие государства воспринимаются как центры влияния молодежью России, США, Китая, Украины и Узбекистана, а также проанализировать образ России, складывающийся внутри страны и за её пределами.

Основным методом стала разработанная авторским коллективом анкета «Образ России в многополярном мире», которая предъявлялась россиянам и представителям бывших республик СССР на русском языке, американцам – на английском, и китайцам – на их родном языке. Всего в исследовании приняли участие 343 студента из пяти стран в возрасте от 17 до 28 лет. Учитывая небольшой объем выборки, выводы были сделаны нами на уровне тенденций.

На первом этапе были проанализированы представления российских студентов о своей стране. Выяснилось, что: 1) Россия воспринимается ими как один из центров влияния в современном мире; само мироустройство выглядит скорее как биполярное, основывающееся на противостоянии нашей страны и США; 2) представления о влиятельных в современном мире странах конструируются вокруг элементов, имеющих отношение к экономике, политике, территории и природным ресурсам, а элементы, связанные с культурой и историей, встречаются лишь при описании стран – потенциальных центров влияния (Китай, Япония, Германия, Франция).

Проведенный на втором этапе кросскультурный анализ представлений о полярности мира и месте России в нем позволил прийти к следующим выводам:

- в представлениях американских студентов картина мира однополярная (центр влияния – США);
- у молодежи Китая, Украины и Узбекистана наблюдается ярко выраженная тенденция к рассмотрению нескольких (как минимум трех) «полюсов», однако Россия упоминается лишь частью респондентов и не в первую очередь;
- темы, вокруг которых сформировано представление о России у студентов всех изученных нами стран, имеют геополитические коннотации, а также указание на особенности русского человека (т. е. его стереотип) и содержательно мало отличаются от представлений самих россиян;
- наибольшие межкультурные различия были обнаружены при анализе представлений о России как участнице международных конфликтов. Незначительное количество китайских студентов смогли назвать подобные ситуации и охарактеризовать действия российской стороны в них. Американские, украинские и узбекские респонденты чаще всего называли те же конфликты, что и россияне. Однако, если представители постсоветских государств характеризовали Россию как благородную и помогающую, то американцы чаще описывали ее как агрессивную, вторгающуюся на чужую территорию или недостаточно активную в борьбе со злом.

Результаты исследования продемонстрировали, что такое широко используемое в политологической литературе понятие как «многополярность» практически отсутствует на уровне обыденных представлений у молодежи изученных нами стран. С уверенностью можно сделать вывод, что в настоящее время формирование социальных представлений о многополярности находится на начальном этапе.

Обнаруженные закономерности указывают на актуальность выделенного нами социально-психологического ракурса рассмотрения проблемы многополярности и перспективность обращения к теории социальных представлений и социального конструкционизма для анализа представлений о месте России в современном мире.

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках гранта РГНФ (№ 09-06-01082 а/р).

М.А. Тихомирова

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУТБОЛЬНОГО ФАНАТА

С древних времен спортивные мероприятия имеют социальную значимость и привлекают многочисленную аудиторию болельщиков. Разные причины заставляют молодых людей снова и снова приходить на трибуну стадиона, и можно предположить, что у них формируются определенные, схожие черты характера или акцентуации. В России недостаточно изучена проблема футбольного фанатизма и лишь по немногочисленным исследованиям делаются некоторые выводы о личности футбольного фаната.

Цель работы – выявление акцентуаций личности у лиц мужского пола – фанатов футбольного клуба «Зенит» в возрасте от 19 до 30 лет (средний возраст – 22,5 года). Численность выборки составила 35 человек. Методы исследования: характерологический опросник Леонгарда–Шмишека, наблюдение и беседа. Длительное наблюдение за жизнью фанатов и непосредственное общение с ними показало, что фанаты весьма коммуникабельны, стараются находиться в центре компании, стремятся к лидерству, поэтому основной задачей явилось построение психологического портрета фаната.

Результаты исследования показали, что подавляющее большинство респондентов (80 %) имеет акцентуированные гипертимические черты. Также следует заметить, что тип акцентуации у фанатов не зависит ни от возраста, ни от уровня образования, ни от так называемого «фанатского стажа». Кроме того, у них оказались выраженными черты аффективно-экзальтированного и застревающего типов личности.

На основании всех полученных нами данных можно дать описание психологического портрета фаната. Как правило, приподнятое настроение футбольных фанатов сочетается с жадной деятельностью, что и помогает им совершать множество поездок за один футбольный сезон, а затем сразу выходить на работу или учебу и при этом не чувствовать усталости и поддерживать коммуникативный потенциал. Оптимистический взгляд на жизнь помогает фанатам переносить жизненные трудности. Они не склонны поддаваться депрессивным настроениям по незначительным поводам. Так, например, даже проигрыш любимой команды часто не сильно омрачает их настроение. Постоянная жажда деятельности стимулирует у фанатов инициативу, постоянно толкает на поиск нового, помогает им достичь деловых и творческих успехов не только на футбольном стадионе, но и в личной

жизни. В период важных матчей можно наблюдать, как рождающиеся у фанатов идеи воплощаются в жизнь и украшают собой футбольный праздник, во время которого растягиваются огромные баннеры, осуществляются красочные шоу с использованием модулей и фаеров и многое другое. Опыт общения с разными людьми в ходе поездок выработал у фанатов умение очень хорошо разбираться в людях и не попадать в казусные ситуации из-за неосмотрительности, так как риск и стремление к новым ощущениям присущи фанатам в разумной мере. Для многих фанатов характерно стремление вести здоровый образ жизни, что активно пропагандируется в последние годы в фанатской среде.

Таким образом, исследование показало, что фанаты готовы бороться за свои интересы несмотря на встречающиеся на пути трудности. Обращает на себя внимание, что они восприимчивы к обидам, которые затрагивают их личные интересы и интересы любимого клуба. Фанаты стремятся быть добросовестными в работе, отличаются прямой суждений в высказываниях своего мнения. Так, например, фанат склонен вступить за человека, с которым поступили несправедливо, по его мнению. Зачастую фанаты под влиянием внешних событий и внутренних переживаний способны проявить черты экзальтированности, причем не всегда могут сдерживать свои эмоциональные порывы, что порой приводит к грубости, дракам и другим печальным для них и окружающих последствиям. Но впечатлительность фанатов ещё раз подтверждает искренность их эмоций, выплескиваемых на стадионах, их неутолимую жажду переживания чувства радости и единства.

Т.В. Шершнёва

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В настоящее время все больше вызывает к себе интерес проблема связи эмоционального и рационального, их взаимодействия. Для того чтобы быть успешным во всех делах, необходимо уметь быть не только обходительным с людьми, но и уметь расположить к себе окружающих, вызвать симпатию, доверие, т. е. речь идет о человеке, обладающем высоким уровнем эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект – это явление, объединяющее в себе умение различать и понимать эмоции, управлять собственными эмоциональ-

ными состояниями и эмоциями своих партнеров по общению. Эмоциональный интеллект повышается по мере приобретения жизненного опыта, значительно возрастая в период юности, когда формируется эмоциональная культура человека.

Термин «эмоциональный интеллект» достаточно новый. Первые публикации по этой проблеме принадлежат Дж. Мейеру и П. Сэловею. Именно они разработали понятие эмоционального интеллекта, включив в него способности распознавать собственные эмоции, владеть эмоциями, понимать других людей и самомотивацию. В модели Д. Гоулмана эмоциональный интеллект трактуется как сочетание когнитивных способностей и личностных характеристик. Р. Бар-Он определяет эмоциональный интеллект еще шире – это все некогнитивные способности, знания и компетентность, дающие человеку возможность успешно справляться с различными жизненными ситуациями. Он выделяет пять сфер компетентности: познание себя, навыки межличностного общения (эмпатия, межличностные взаимоотношения, социальная ответственность), способность к адаптации, управление стрессовыми ситуациями, преобладающее настроение (счастье, оптимизм). Развитие эмоционального интеллекта современных юношей и девушек представляется весьма актуальным, поскольку он способствует повышению адаптивных способностей личности и ее гармоничному взаимодействию с социумом, а люди с алекситимией больше подвержены психосоматическим заболеваниям.

Нами было проведено исследование эмоционального интеллекта студентов вузов г. Минска с помощью методик Н. Холла, The Facial Meaning Sensitive Test, «Диагностика уровня эмпатии» В.В. Бойко, Торонтской Алекситимической Шкалы. Под эмоциональным интеллектом понималась группа ментальных способностей, способствующих осознанию и пониманию собственных эмоций и эмоций окружающих.

Анализ результатов исследования выявил низкий уровень развития эмоционального интеллекта у большинства юношей и девушек: плохо развиты умения осознавать свои эмоции и эмоции другого, управлять своими эмоциями и эмоциями другого и умение на этой основе строить межличностное взаимодействие. Более развит компонент эмоциональной осведомленности. Уровень развития самомотивации и эмпатии, умения распознавать эмоции других людей у большинства низкий, однако представленные визуально эмоции других людей студенты распознавали несколько лучше.

Более 70 % юношей и девушек плохо понимают и чувствуют чужие эмоции, психические состояния, не умеют сопереживать людям. В структуре эмпатических способностей у более чем трети респондентов не было выявлено ни одного значимого канала, что указывает на то, что у них понимание эмоционального состояния другого человека посредством сопереживания, проникновения в его субъективный мир протекает довольно хаотично. Более значимым для остальных испытуемых явился интуитивный канал и установки, способствующие или препятствующие эмпатии. 40 % испытуемых проявляют склонность к алекситимии, а более чем у 15 % студентов была выявлена алекситимия, именно эти респонденты могут испытывать трудности в определении и описании своих и чужих чувств, установлении различий между чувствами и телесными ощущениями, эти юноши и девушки могут обладать бедной фантазией, воображением, им легче фокусироваться на внешних, а не на внутренних переживаниях.

Основным направлением психокоррекционной работы является организация специальных упражнений для снятия психоэмоционального напряжения и саморегуляции состояния, а также направленных на развитие эмпатических способностей, познание эмоциональных состояний, расширение их диапазона, развитие навыков рефлексии, средств экспрессии, на вербализацию эмоций и чувств, на развитие самоконтроля и умения распознавать эмоции других людей. Эти упражнения студенты могут выполнять в ходе групповых занятий, а в дальнейшем и самостоятельно.

Т.Б. Юшачкова

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ ЛЮДЬМИ ДРУГ ДРУГА

Вопрос об успешности понимания мужчинами и женщинами других людей до сих пор остается открытым. В многочисленных исследованиях, проводимых у нас в стране и за рубежом, были получены факты, свидетельствующие о наличии половой дифференциации в понимании людьми друг друга (А.А. Бодалев, Л.С. Базилевская, Ю.В. Гранская, С.В. Кондратьева, В.Н. Куницына, В.А. Лабунская, Л.Д. Ершова, G. Allport, R. Buch, D. Busby, E. Jorgensen, R. Miller, W. Saul, V. Savin и др.). Однако на основе анализа проведенных до настоящего времени исследований однозначно сказать, у кого способность к пониманию других людей развита лучше – у мужчин или у женщин – пока не удается. Способность к пониманию других людей –

это сложное, многокомпонентное психологическое образование, и если одни параметры лучше развиты у женщин, то другие оказываются в большей степени сформированными у мужчин. Например, установлено, что женщины глубже понимают волевые качества и черты характера, выражающие отношение человека к другим людям (например, отзывчивость, доброта) и к себе (эгоизм, альтруизм). Мужчины же лучше понимают черты характера, связанные с отношением к труду: целеустремленность, добросовестность, дисциплинированность. Среди факторов, способствующих лучшему развитию способности к пониманию других людей у женщин, можно отметить особенности эмоционально-мотивационной сферы: склонность к эмпатии, направленность на сферу межличностных отношений, большой опыт общения, у мужчин таковыми являются стремление к социальному признанию, авторитетности.

В рамках данной проблемы нами было проведено исследование, в котором изучение способности проводилось на основе анализа трех параметров: точности прогнозирования субъектом развития ситуации межличностного взаимодействия, способности к пониманию состояния другого человека по его невербальному поведению, самооценки способности к пониманию других людей. Выбор данных параметров был сделан не случайно, поскольку каждый из них является одним из составляющих изучаемой способности. В качестве испытуемых выступили студенты Магнитогорского государственного университета – 125 человек. Были использованы разработанные в отечественной и зарубежной психологии методики и опросники.

На основании полученных результатов можно сделать выводы о том, что женщины достаточно низко оценивают собственную способность к пониманию людей (46 %), только 15 % женщин удовлетворены уровнем развития у себя данной способности. У мужчин число обладающих высоким и низким уровнем понимания людей меньше, чем у женщин. Большинство мужчин имеют средний уровень понимания (54 %). Количество людей с высоким уровнем понимания экспрессии у мужчин больше, чем у женщин, а тех, кто не умеет анализировать экспрессию, напротив, меньше. У мужчин и женщин в одинаковой степени самыми многочисленными являются группы с низким уровнем развития способности к точному прогнозированию ситуации межличностного взаимодействия (83 % и 82 % соответственно). Намного меньше среди них лиц со средним уровнем развития данной способности.

Были выявлены половые различия в характере взаимосвязи отдельных составляющих способности к пониманию других людей. У мужчин успешность в прогнозировании развития ситуации межличностного взаимодействия, включающая понимание мотивов поведения ее участников, часто сочетается с низким уровнем понимания невербального поведения другого человека. У женщин наблюдается тенденция к сочетанию уровня сформированности способностей к пониманию невербального поведения и к прогнозированию развития ситуации межличностного взаимодействия.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были установлены половые различия в уровне развития и характере взаимосвязи отдельных составляющих способности к пониманию других людей. Выявленные данные могут быть использованы в работе психолога при оказании помощи людям, испытывающим трудности в межличностном взаимодействии.

Л.А. Ясюкова

ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Самочувствие ребенка, его адаптированность и развитие в целом во многом зависят от того, какие отношения складываются у него с окружающими людьми. Возможность влиять на эти отношения, конструктивно их выстраивать зависит от уровня развития социального интеллекта ребенка.

В наших исследованиях методом поперечных срезов (с использованием теста Розенцвейга в комплексе с интеллектуальными и личностными методиками) была выявлена определенная позитивная динамика в становлении социального интеллекта учащихся с 1-го по 4-й класс при неравномерности развития различных его компонентов. Оказалось, что оптимизация взаимодействия младших школьников с окружающими людьми происходит, в основном, за счет снижения чувствительности к неприятностям. На многие мелочи дети просто перестают обращать внимание, и, как следствие, снижается защитно-агрессивное реагирование, конфликтные ситуации возникают реже. Взрослея, они также приобретают некоторый опыт самостоятельного решения проблем, возникающих в процессе общения. Однако коммуникативные установки с 1-го по 5-й класс не изменяются и остаются неоптимальными: дети не умеют и не готовы сотрудничать и про-

щать. Отсутствует также самокритичность, дети не видят, как собственные их поступки приводят к конфликтам и неприятностям. Противоречивость становления социального интеллекта проявилась еще и в том, что у учащихся 5-х классов было обнаружено достоверное снижение большинства его показателей, по сравнению с результатами учащихся 3–4-х классов.

Для изучения реальной динамики социального интеллекта младших школьников было проведено лонгитюдное его исследование. В марте 2010 г. (3-й класс) и в апреле 2011 г. (4-й класс) были обследованы одни и те же школьники с использованием теста структуры интеллекта Амтхауэра (адаптированный для учащихся 3–6 классов Ясюковой), личностного опросника Кеттелла, методики Розенцвейга (всего 43 чел.). Сравнение полученных данных выявило незначительные изменения социального интеллекта младших школьников. Большинство показателей остались на прежнем уровне, т. е. характер взаимодействия детей с окружающими людьми изменился мало. На прежнем уровне остались показатели общего отношения к неприятностям (O-D), экстрапунитивного (E) и импунитивного (M) реагирования, т. е. у четвероклассников сохранилось общая толерантность, невосприимчивость к мелким неприятностям при незначительной внешней агрессии в конфликтных ситуациях. Зафиксирован некоторый рост показателей, характеризующих конструктивное поведение в конфликтах (N-P, e, i). Дети за год немного лучше научились самостоятельно разрешать возникающие проблемы и использовать помощь окружающих. В качестве негативной тенденции выявлено снижение самокритичности (I), поэтому общее снижение чувствительности к стрессу нельзя рассматривать как позитивное изменение (E-D).

Полученные результаты свидетельствуют о приостановке в становлении социального интеллекта с намечающимися позитивными и негативными тенденциями в развитии. Позитивные тенденции связаны с развитием собственно познавательных компонентов социального интеллекта – умением анализировать и адекватно разрешать возникающие в общении проблемы. Мы склонны связывать эту тенденцию с общим развитием академического интеллекта и понятийного мышления, в частности.

Выявлена положительная динамика по всем показателям теста Амтхауэра (кроме 4 субтеста) и особо значимый скачок в развитии такой операции понятийного мышления, как способность видеть объективные причинно-следственные связи (3 субтест). Негативные тенденции в динамике социального интеллекта можно связать с лич-

ностными изменениями, которые произошли за данный период. По данным опросника Кеттелла видно, что за год у младших школьников явно выросли показатели независимости, упрямства, эмоциональной реактивности и импульсивной активности (факторы E, C, D), несколько снизилась исполнительность (фактор G).

Можно заключить о наличии двух факторов, которые активно влияют на становление социального интеллекта в младшем школьном возрасте. Развитие академического интеллекта, и особенно понятийного мышления, позитивно сказывается на познавательных компонентах социального интеллекта, формируя его устойчивое ядро. Установочные и поведенческие компоненты в большей степени оказываются связанными с эмоционально-личностной сферой, а также с самооценкой ребенка, поэтому не являются устойчивыми образованиями на всем протяжении формирования личности.

Работа проведена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-06-00402а).

О.Ю. Аверьянова, Е.И. Петанова

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТУДЕНТОВ

Интенсивность современной жизни, нестабильность настоящего, неуверенность в будущем негативно сказывается на состоянии физического и психического здоровья молодежи. Стрессовые факторы образовательной среды, изучением которых занимаются психологи, нарушают психологическую безопасность что, в свою очередь, приводит к «пограничным состояниям» и росту психических и психосоматических заболеваний среди студентов. Кроме этого, период обучения в вузе часто совпадает с возрастными кризисами перехода от юности к зрелости, кризисом зрелости. Разрушительное воздействие стресс-факторов, неумение преодолевать препятствия, низкая жизнестойкость может привести к неадекватным реакциям, к формированию разрушительных установок. В теоретическом плане проблема жизнестойкости студенчества и ее взаимосвязи с личностными особенностями и ресурсными компонентами разработана недостаточно. До сих пор нет единства во мнениях относительно того, что такое жизнестойкость. Этот феномен в научной литературе зачастую заменяется различными терминами, такими как жизнеспособность, жизнетворчество, зрелость и др., поэтому особого внимания требует уточнение самого понятия.

По своему содержанию наиболее полно с понятием жизнестойкости в концепции С. Мадди соотносится понятие стрессоустойчивости личности. Выраженность компонентов жизнестойкости (вовлеченности, контроля и принятия риска) препятствует возникновению напряжения в стрессовых ситуациях за счет преобладания определенных личностных качеств и трансформационного совладания, главными составляющими которого являются открытость новому и готовность действовать в неопределенной ситуации. Таким образом, оба эти понятия по своему содержанию раскрывают приблизительно одну и ту же проблематику – рассматриваются как интегральные личност-

ные характеристики, с помощью которых личность не только может противостоять стрессовому воздействию, но и продолжить свое личностное развитие, успешно самореализуясь.

Целью данной работы стало раскрытие содержания понятия жизнестойкости как одной из интегральных характеристик личности и определение индивидуально-психологических особенностей, взаимосвязанных с жизнестойкостью. В исследовании принимали участие студенты Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы 2-го и 3-го курсов дневной и заочной формы обучения в количестве 114 человек (из них 57 человек – заочной формы обучения и 57 человек – дневной формы обучения). Для выполнения поставленной цели использовались следующие методики: тест жизнестойкости С. Мадди, шкала личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина, опросник экстравертированности и нейротизма Г. Айзенка, опросник локуса субъективного контроля экстерналности–интерналности, методика исследования самооотношения С.Р. Пантелеева, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, методика «Прогноз», методика на эмпатию, присоединение и сензитивность к отвержению А. Мехрабиана.

По результатам выполненного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Жизнестойкость представляет собой сложное структурированное психологическое образование, определяемое как развивающаяся система убеждений, способствующих развитию готовности управлять ситуацией повышенной сложности.

2. Содержание жизнестойкости у студентов разных форм обучения имеет различия, которые проявляются в соотношении компонентов жизнестойкости. У студентов заочной формы обучения самой выраженной шкалой является шкала вовлеченности. На втором месте по выраженности – шкала контроля, причем отличия по этой шкале являются достоверно значимыми. На третьем – шкала принятия риска. Можно заключить, что такой структурный компонент жизнестойкости как «вовлеченность», с возрастом повышается при одновременном снижении другого структурного компонента – «принятие риска». В целом суммарный показатель жизнестойкости у студентов заочного отделения значительно превышает суммарный показатель у студентов дневного отделения ($M = 80,69$ у студентов дневного отделения и $M = 87,35$ у студентов заочного отделения).

3. Существует взаимосвязь между компонентами жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) и личностными ресурсами (экстраверсией, нейротизмом, тревожностью, эмпатией, сензитивностью к отвержению, характеристиками ценностно-смысловой сферы и Я-концепции личности и стратегиями копинг-поведения). Существует взаимосвязь между показателем жизнестойкости и возрастом.

Н.А. Александрова

РОЛЬ РОДИТЕЛЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕСТВА

На процесс профессионального самоопределения оказывает влияние большое количество внешних факторов. Можно предположить, что эффективность воздействия семьи, школы и т. д. на профессиональное самоопределение зависит от степени уважения и доверия, которое испытывает индивид к источнику информации. И семья, по результатам исследований, как транслятор ценностных представлений (в том числе и о мире профессий) занимает ведущее место.

В связи с этим мы поставили задачу изучить влияние таких семейных факторов, как образование и профессия родителей, их отношения к выбираемой профессии, характер влияния внутрисемейных отношений и стилей воспитания родителей на профессиональное самоопределение молодых людей.

В качестве методов мы использовали специально разработанную анкету для родителей, методику выявления стилей родительского воспитания И.М. Марковской. Было опрошено 125 родителей учащихся 9–11-х классов в возрасте от 32 до 55 лет. Доля родителей со средним специальным образованием совпадает среди отцов и матерей – 47 %, высшее образование имеют 43 % матерей и 36 % отцов. Анализ ответов родителей на вопросы анкеты относительно уровня предполагаемого образования показал, что 91 % из них рекомендуют своим детям после окончания школы продолжить свое образование в вузе, а 13 % – поступать в колледж. Интересно, что треть опрошенных родителей выбрали свою профессию или учебное заведение под влиянием различных факторов (по совету родителей, за компанию с друзьями, кто-то из знакомых учился в УЗ или по этой профессии).

При сравнении с группой родителей, указавших на самостоятельность своего профессионального выбора, значимые различия бы-

ли обнаружены в отношении к профессиональному выбору их детей. Родители, самостоятельно выбравшие свою профессию, оказывают поддержку своим детям в выборе профессии ($p < 0,01$) и больше доверяют детям в их самостоятельности ($p < 0,01$).

Для разделения семей на группы относительно семейных факторов использовался метод кластерного анализа. В сплоченных семьях, где родители отмечают свое сотрудничество с детьми, значимо выше удовлетворенность родителей профессиональным выбором детей ($p < 0,01$), по оценкам родителей, мнение о профессии полностью совпадает с мнением молодых людей ($p < 0,01$) и выше сформированность профессионального плана учащихся ($p < 0,05$). Родители из условно сплоченных семей значимо чаще обсуждают с детьми их профессиональное будущее и место учебы ($p < 0,01$). Только половина из опрошенных родителей указали наличие традиций в семье (совместные праздники и т. п.). В таких семьях родители значимо чаще отмечают профессии, которые они могли бы рекомендовать ($p < 0,05$) или не рекомендовать ($p < 0,01$) своим детям. По данным некоторых исследований родители, участвуя в профессиональном самоопределении, способствуют формированию у подростка его собственных представлений о том, какую профессию ему лучше выбирать.

По результатам нашего исследования родители с высшим образованием отмечают большее влияние семьи и семейных традиций на профессиональный выбор детей ($p < 0,01$). Эта же тенденция наблюдается и в группе родителей с позитивным отношением к профессиональному выбору детей. Матери в таких семьях значимо чаще довольны сделанным выбором ($p < 0,01$), поддерживают своих детей ($p < 0,01$), рассчитывают на поступление ребенка в вуз ($p < 0,05$), отмечают высокий уровень сформированности профплана учащихся ($p < 0,01$) и полное совпадение с мнением детей в выборе дальнейшего профессионального будущего ($p < 0,01$).

Влияние семьи распространяется и на выбор конкретной профессиональной области, зачастую совпадающей с уже имеющейся в семье. Однако продолжение детьми профессии родителей, т. е. наличие традиций, не всегда говорит об удачном выборе, только при условии интереса, любви к выбранной профессии семейные трудовые традиции могут стать фактором устойчивого выбора профессии. Около 15 % взрослых не знают, как и чем они могут помочь своим детям определиться в их профессиональном будущем. Очевидно, что родители не меньше, чем подростки и юношество, нуждаются в профориентационном консультировании для лучшего понимания мира про-

фессий, его особенностей и возможностей выбора сферы деятельности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-06-00490а.

О.М. Анисимова, Н.А. Кадомцева

Я-КОНЦЕПЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ВРЕМЕНИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Формирование самосознания в подростково-юношеском периоде оказывает большое влияние на дальнейшее развитие личности и жизненный путь человека в целом. Мы посвятили наше исследование таким аспектам Я-концепции, как самоотношение и представление о себе, предположив, что субъективное переживание времени тесно связано с этими аспектами, являясь одновременно и фактором становления Я-концепции, и индикатором, отражающим состояние эго-процессов. Объектом исследования выступили старшеклассники и выпускники школ в возрасте 15–17 лет, стоящие на пороге взрослой самостоятельной жизни, для которых проблема личностного самоопределения является наиважнейшей.

Были получены следующие результаты. Компоненты самоотношения продемонстрировали многочисленные сильные и значимые связи с параметрами восприятия времени, в частности: уверенность в себе высокозначимо связана с переживанием времени как насыщенного и разнообразного, организованного и цельного, плавного и приятного; самоценность сочетается с восприятием времени как разнообразного и беспредельного; принятие себя связано с восприятием времени как насыщенного.

Напротив, в сознании испытуемых, для которых характерна высокая внутренняя конфликтность, время скачкообразное, пустое, однообразное, неорганизованное и раздробленное. Системообразующими временными характеристиками, связанными с самоотношением, в подростковом периоде выступают параметры (событийной) насыщенности и разнообразия – по 6 связей (из 9 возможных с параметрами самоотношения), а также цельности – 5 из 9 возможных связей. Именно насыщенность и разнообразие субъективно переживаемого времени жизни оказываются связанными с такими характеристиками самоотношения, как самоуверенность, принятие себя и самоценность.

Заслуживает внимания также факт связи переживания самооценки и беспредельности времени жизни подростком. Самоуверенность и самооценочность (наряду с такими характеристиками, как отраженное отношение и самообвинение с минусом) выявили также отрицательные взаимосвязи ($p < 0,01$) с временной децентрацией в прошлое. Этот факт отражает особенность отношения ко времени в подростково-юношеский период, прошлое пока не оценивается как источник жизненного опыта. Результаты методики «Кто Я» показали, что отмеченные подростками аспекты Я в среднем распределились следующим образом: 1) рефлексивное Я = 3,1; 2) деятельное и социальное Я = 2,1; 3) коммуникативное Я = 1,1; 4) остальные аспекты Я указывались в среднем менее 1 раза. Таким образом, по средним значениям видно, что рефлексивное и деятельное Я не только много раз описываются, но и многими испытуемыми. Социальное и коммуникативное Я описывается хоть и немного, но стабильно. Испытуемые указывали до 7 разнообразных аспектов Я в одном ответе (M – 3,4 аспекта Я).

Мы ставили задачу проверить, какие характеристики субъективного переживания времени сопровождаются представлением в самоописаниях подростков именно психологических качеств (рефлексивное Я). Подобное исследование проводилось нами и ранее (О.М. Анисимова, Н.А. Кадомцева, 2009). Была обнаружена значимая связь с фактором растянутости времени (в противоположность сжатости) ($p < 0,05$). Следует отметить, что показатель сжатости входит во вторичный фактор напряженности времени. Напряжённое время – это время сжатое, организованное, насыщенное, достаточно быстрое. Этот фактор, по данным некоторых исследований, аналогичен «фактору потребности в достижении» (Головаха Е.И., Кроник А.А., 2008).

Можно заключить, что более глубокое самоисследование требует и определенных условий, время переживается как растянутое. В то же время осознание таких аспектов Я, как социальное и коммуникативное, сопровождаются переживаниями времени как быстрого, ограниченного и насыщенного.

Таким образом, исследование взаимосвязи таких особенностей Я-концепции подростков, как представление о себе и отношение к себе с характеристиками субъективного переживания времени, показало их взаимосвязь. Время учебы в старших классах должно сочетать периоды насыщенной, разнообразной деятельной жизни и периоды ничем не регламентированного времени, нацеленного на размышления о самом себе, что создаст оптимальные условия личностного

самоопределения и самореализации. Такое качество, как самоанализ, должно целенаправленно развиваться.

И.И. Вартанова

РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТЕЙ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Ценностные ориентации рассматриваются как один из механизмов целеполагания, определяющих жизненную перспективу и «вектор» развития личности. Основным процессом нравственного развития в подростково-юношеском возрасте является построение и переоценка системы ценностей (Г. Крайг). Б.Г. Ананьев рассматривал ценности как базальные свойства личности, определяющие мотивы поведения.

Цель настоящей работы заключалась в выявлении системы общечеловеческих ценностей и ценностей учебной деятельности учащихся 2008–2011 гг., а также их изменений при переходе от 9 к 11 классу. Исследование было проведено в Центре образования № 1497 г. Москвы, всего получено 196 отчетов (из них 54 отчета дали мальчики 9 класса и 23 отчета – мальчики 11 классов; 81 отчет дали девочки 9 класса и 38 отчетов – девочки 11 класса). Опрос 61 школьника проводился дважды по одним и тем же заданиям – сначала в 9 классе, а затем спустя 2 года – в 11 классе. При каждом опросе учащийся первоначально осуществлял ранжирование 22 ценностей путем их попарного сопоставления с точки зрения их значимости для него (параметр «ценность»), в соответствии с методикой Е.Б. Фанталовой, а затем ранжировал те же ценности, осуществляя выбор в паре той ценности, которая, по его мнению, может быть легче достигнута в будущем (параметр «доступность»). Использовался набор из 22 ценностей: 10 ценностей школьной жизни и 12 общечеловеческих ценностей (частично в набор вошли терминальные ценности методики М. Рокич).

В результате для всей выборки получено, что достоверно более высокую значимость имеют сферы «счастливая семейная жизнь», «здоровье», «любовь», «друзья». Эти ценности, однако, содержат внутренний психологический конфликт разной степени, что свидетельствует о внутренней неудовлетворенности и в то же время о побудительной силе этих ценностей. Ценность «счастливая семейная жизнь» занимает первое место в рейтинге ценностей для всех обследованных учащихся, но при этом доступность ее – только на среднем

уровне, поэтому она характеризуется достоверно самым высоким конфликтом. Сфера «здоровье» устойчиво занимает высокое место в рейтинге ценностей и также оценивается современными учащимися как не очень доступная, они не уверены в своих возможностях укрепить свое здоровье. Любовь, также являясь одной из важных сфер жизни в этом возрасте, оценивается как не очень доступная. Такие ценности, как «свобода», «уверенность в себе», «успешная учеба», «самосовершенствование в учебе», «глубокие и прочные знания», «преодоление препятствий», «признание в коллективе» занимают средние позиции и по значимости, и по доступности, т. е. они хорошо согласованы, в большинстве случаев наблюдается отсутствие конфликтов между смыслообразующими мотивами и механизмом целеполагания. Такие ценности, как «красота природы и искусства», «творчество», «интересный разговор», «активная деятельная жизнь» являются наименее значимыми, но легко доступными.

В целом структура ценностей мальчиков и девочек хорошо совпадает, по большинству ценностей половые различия не выражены. Однако для девочек более привлекательными оказались ценности «успешная учеба» и «творчество», а мальчики отдают предпочтение больше статусным и конкурентным ценностям «быть лучше других», «признание в коллективе» и «мой авторитет». Для девочек менее доступна только ценность «мой авторитет», а также на уровне тенденции оцениваются менее доступными ценности «здоровье» и «быть лучше других». Небольшое, но достоверное увеличение в значимости при взрослении учащихся (к 11 классу) наблюдается в ценности «здоровье», а также на уровне тенденции повышается значимость ценностей «счастливая семейная жизнь» и «уверенность в себе». При этом не очень сильно теряет свою привлекательность ценность «получение удовольствия». При взрослении воспринимаются менее доступными «интересная работа» и «преодоление препятствий», при этом ценность «уверенность в себе» становится в сознании школьников более доступной и более значимой. Более детальный анализ полученных данных в отдельности и по полу и классу подтверждает вышеописанные закономерности.

Таким образом, полученные результаты показали высокую устойчивость исследованных ценностных ориентаций для всех учащихся, независимо от пола и класса обучения (краткосрочная перспектива). Описанный паттерн значимости и доступности ценностей может характеризовать всю выборку учащихся 9–11-х классов в период 2008–2011 гг. в данном образовательном учреждении г. Москвы.

Е.Ф. Власова, А.А. Котов

УСВОЕНИЕ ДЕТЬМИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ, СОДЕРЖАЩИХ НЕПЕРЦЕПТИВНУЮ ИНФОРМАЦИЮ

В данном исследовании мы проверяли гипотезу об одновременной работе механизмов разного уровня при включении в процесс формирования нового значения информации разного типа. Мы предполагаем, что для обработки перцептивной информации достаточно работы внимания и образования ассоциаций (Sloutsky, 2003; Smith, 2000), тогда как неперцептивная информация включается в значение как часть социального контекста, что требует механизмов более высокого порядка (Markman, 1989; Tomasello, 2008).

Экспериментальная проверка наших гипотез представляла собой такое задание, в ходе выполнения которого ребенок получал информацию разного типа об одном объекте. Критерием оценки включения этой информации в сформированное значение была успешность ее запоминания. Испытуемые: 16 детей 4–5 лет и 19 детей 3–4 лет. В качестве стимульного материала мы использовали искусственные объекты. Целевой объект носил искусственное название «коба» и мог быть либо желтого, либо зеленого цвета.

Процедура: все объекты предъявлялись испытуемому как элементы игры, целью которой было провести 3 объекта по игровому полю, оглябая препятствия, с помощью «кобы». Целевой объект, таким образом, был средством для решения стоящей перед испытуемым задачи. До выполнения задания ребенку сообщалось название нового объекта, его внешний цвет и внутренний цвет, невидимый для ребенка. Через неделю мы проводили тестовую серию, проверяя, какую информацию об объекте ребенок запомнил. Дополнительно мы оценивали знание ребенком названий основных цветов.

Результаты и обсуждение. Дети старшего возраста (4 года) оказались одинаково успешны в запоминании информации обоих типов – почти все они помнили как внешний, так и внутренний цвет, из чего мы делаем предположение о наличии у них механизмов обоютопорядка и возможности их одновременной работы. Однако в группе трехлетних детей были получены различия в успешности запоминания информации разного типа: если внешний цвет они воспроизводили с той же успешностью, что и дети старшей группы, то успешность запоминания внутреннего цвета оказалась гораздо хуже и значимо зависела от знания детьми названий цветов. Те дети, которые не зна-

ли эти названия, с большой вероятностью не могли вспомнить внутренний цвет, но среди тех, кто знал названия цветов, не было такой однородности в ответах – успешно вспоминали внутренний цвет только половина из них.

Причину таких результатов мы полагаем в некоторых особенностях материала. Целевой объект представлял собой монолитную форму, и детям, возможно, было тяжело представить себе этот объект как нечто, обладающее каким-нибудь внутренним свойством. Таким образом, во второй серии эксперимента мы изменили стимульный материал, чтобы он больше соответствовал требованиям задачи. Теперь испытуемым (20 детей 3–4 лет) в качестве целевого объекта предъявлялась коробка, представляемая в игровой ситуации как «домик для насекомых». Эта функция объекта теперь оправдывала существование у него внутренних свойств.

Основным результатом данной серии является значимое улучшение успешности запоминания детьми внутреннего цвета объекта. Основной причиной такого улучшения мы считаем включение более широкого контекста, которое помогло сформировать значение, содержащее внутреннюю информацию там, где раньше оно не формировалось. Предъявляя испытуемым «домик» и объясняя его функциональное назначение, мы как бы подталкивали их к актуализации имеющейся у них информации о соответствующей объекту категории (а именно о том, что дома имеют некое внутреннее пространство, которое может обладать внутренним цветом, отличным от внешнего).

Различия в успешности запоминания внешнего и внутреннего цветов у детей 3 лет в первой серии позволяют нам говорить о существовании различных механизмов усвоения значений, содержащих информацию разного типа. Для запоминания внешней информации достаточно механизмов более низкого уровня (ассоциативное связывание перцептивных признаков), которые уже в полной мере доступны детям 3 лет. Внутренняя информация недоступна простому восприятию, для ее усвоения нужен уже имеющийся опыт и контекстное знание (дети, не знавшие названий цветов, не могли запомнить внутренний цвет, поскольку не могли его себе представить – информация о нем терялась еще на этапе кодирования). Если мы усиливаем внимание к внутренним свойствам объекта и включаем сам объект в более широкий контекст, позволяющий актуализировать наличное знание в этой области, мы тем самым улучшаем усвоение таких знаний.

М.В. Данилова

ЛИЧНОСТЬ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ЮНОШЕЙ НА ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Этап профессионального самоопределения у подростков, включающий выбор профессионального образования, поиск своего места в профессиональной деятельности, проходит на фоне возрастного, личностного и профессионального кризиса (Л.С. Выготский, Э.Ф. Зеер, И.В. Дубровина и др.). Как показывают наши исследования, в старшем подростковом возрасте кризис по-разному проходит у юношей и девушек. Личностные и профессиональные характеристики девушек более устойчивы и, видимо, формируются раньше, чем у юношей, для которых период 14–16 лет отличается особой остротой и противоречивостью.

В данном исследовании мы сосредоточили внимание на изучении профессионально-личностных характеристик и стратегиях совладающего поведения именно у юношей. В исследовании приняли участие 200 юношей 14–16 лет. Были использованы методы: анкета, подростковый вариант личностного теста Р. Кеттелла, тест определения профессионального типа личности Д. Холланда, копинг-тест Р. Лазаруса. Успешность профессиональной деятельности во многом зависит от соответствия профессионального типа личности типу профессиональной среды (по Дж. Холланду). У юношей от 14 к 16 годам меняется соотношение параметров профессионального типа. В 14–15 лет лидирующую позицию занимает «предпринимательский» тип личности, который к 16 годам сменяется «артистическим», на третьем месте, наряду с конвенциональным, оказывается исследовательский профессиональный тип.

Изучение личностных особенностей подростков также выявило специфику их проявления в разных возрастных группах. С 14 до 16 лет юноши становятся менее общительными ($A, p = 0,05$), жизнерадостными ($F, p = 0,02$), социально смелыми ($H, p = 0,01$), у них повышается уровень самодостаточности ($Q2, p < 0,01$). Они склонны рационализировать свои переживания, не активны в установлении социальных контактов, им свойственны озабоченность, стремление к независимости от окружающих. Таким образом, исследование профессионально-личностных характеристик юношей выявило возрастную перестройку профессионального типа личности, а также противоречия между чертами личности и показателями профессионального ти-

па от 14 к 16 годам. Низкая социальная активность, с одной стороны, и выраженность «предпринимательского» профессионального типа, с другой, могут стать причиной внутриличностных конфликтов и неадекватных профессиональных выборов. В процессе профессионального самоопределения значимое место занимает сфера общения (И.Ю. Кулагина, В.Н. Колоцкий).

Анализ составленной нами анкеты показал, что с возрастом у юношей повышается уровень конфликтности в отношениях с учителями и сверстниками. 16-летние чаще ($p < 0,05$), чем 14-летние, отмечают непонимание и низкую оценку окружающих. 15-летний возраст характеризуется повышением конфликтности с родителями, что сопровождается недовольством юношей повышением требований к их школьной успеваемости. Чувство взрослости поднимает юношу на новый уровень притязаний, на положение взрослого, которого он фактически еще занимать не может, его социальный статус практически не отличается от детского, он по-прежнему зависит от родителей и является учащимся школы. Стремление к самоутверждению ведет в 16-летнем возрасте и к конфликтам с учителями, которые не готовы принять новый облик и поведение юноши, привычно считая его ребенком, обязанным слушаться, а также к столкновениям со сверстниками.

Важное значение в ситуациях выбора и принятия решений имеют копинг-стратегии. Для юношей основной стратегией является «планирование решения проблемы», которая относится к когнитивному направлению и предполагает выработку плана действий. Однако при слабом представлении о собственных возможностях, характерных для юношей, она оказывается неэффективной. Второе место в 15 лет занимает стратегия дистанцирования (откладывание решения проблемы), что, возможно, отражает кризисность момента, в 16 лет – стратегия поиска социальной поддержки (обращение за помощью), что вступает в противоречие с социальной отстраненностью и конфликтностью юношей и может существенно затруднять эффективность выбранной стратегии.

Таким образом, можно говорить, что противоречия между личностными характеристиками и нестабильным профессиональным типом личности, неэффективность применяемых копинг-стратегий свидетельствуют о проявлении кризиса и предполагают необходимость психологического сопровождения процессов развития и самоопределения юношей.

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-06-00490а.

Т.А. Дворникова

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И САМОРЕГУЛЯЦИИ СТУДЕНТА

Мотив достижения успеха / избегания неудач является важным параметром в учебной деятельности, реализация которой невозможна без опоры на самоорганизационные процессы (самоконтроль, самооценивание, самостоятельность, планирование и т. д.). В работах А. Маслоу, К. Роджерса, А. Адлера и В.И. Моросановой соотношение самоорганизации и мотивации расценивается как условие развития личности (С.Н. Костромина, 2010). Учебная ситуация содержит много возможностей для достижений. Можно предположить, что студенты с высокой потребностью в достижениях должны испытывать большее удовлетворение от учения, вкладывать больше усилий в учебный процесс, что приведет и к более высоким результатам. Изучение и знание специфики психологических факторов, влияющих на эффективность самоорганизации в учебной деятельности студентов, может содействовать более успешному решению задач повышения качества образования в вузе и развития самостоятельности как важнейшего свойства личности в ходе профессионально-личностного роста.

В исследовании ставилась задача выявить взаимосвязь между мотивацией достижения успеха / избегания неудачи и характеристиками, отражающими способность студентов к самоорганизации своей деятельности. Были исследованы ($N = 162$) взаимосвязи параметра «мотивация успеха / боязнь неудачи» с такими параметрами самоорганизации как: «программирование» ($r = 0,291$; $p \leq 0,015$), «моделирование» ($r = 0,405$; $p \leq 0,001$), «гибкость» ($r = 0,397$; $p \leq 0,001$), «планирование» ($r = 0,289$; $p \leq 0,016$) «оценка результатов» ($r = 0,291$; $p \leq 0,015$). По всем перечисленным параметрам получены достоверные отличия между студентами с ориентацией на избегание неудач и студентами, ориентированными на успех. У студентов, ориентированных на успех, эти характеристики сформированы на более высоком уровне. Студенты с выраженной мотивацией на достижение успеха способны выделять значимые условия на достижение целей, как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем. При смене обстоятельств такие студенты способны гибко перестраивать планы, программу действий, поведения, способны быстро оценить изменение значимых условий, вносить коррекцию в регуляцию, а также адекват-

но реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы. Мотивация достижения успеха взаимосвязана с самоорганизацией учебной деятельности студентов. У студентов, мотивированных на избегание неудачи, личностные особенности, отражающие способности к самоорганизации, развиты в меньшей степени. Мотивация достижения успеха взаимообусловлена личностными особенностями, отражающими способность студентов к самоорганизации.

М.Ю. Дербенева

СООТНОШЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Изучение внутренних предпосылок формирования профессионального самоопределения в старшем школьном возрасте является актуальной проблемой. Вопрос о механизмах становления готовности к профессиональному самоопределению до сих пор является открытым. Согласно теоретическим положениям Б.И. Додонова (1978), эмоции или потребности, переживаемые в виде эмоций, возникая в деятельности, являются также побуждением к подобной деятельности в дальнейшем. Особенности эмоциональной направленности изучались на выборках взрослых разной профессионализации (Доценко О.Н., 2008; Шамионов Р.М., 2005; Труфанов Д.О., 2005). Результаты этих работ позволяют делать вывод о соотношении доминирующих эмоциональных предпочтений и профессиональной деятельности. Однако этап выбора профессии оставался за рамками эмпирических исследований. В нашей предыдущей работе (Дербенева М.Ю., 2011) показано, что по мере взросления от 14 к 17 годам происходит становление системы эмоциональной направленности. Поскольку данный возраст является сенситивным в отношении задач профессионального самоопределения, важно выявить соотношение этих двух складывающихся подсистем личности.

Для решения поставленных задач было обследовано 230 учащихся 9–11 классов в возрасте от 14 до 17 лет. Для диагностики эмоциональных предпочтений применялась тест-анкета Б.И. Додонова в нашей модификации; для изучения показателей профессионального самоопределения применялись «Анкета опантанта», опросник Дж. Холланда, опросник «Карта интересов» (модификация Л.А. Головей),

методика изучения статусов профессиональной идентичности А.А. Азбель. Структура профессионального самоопределения представлена двумя группами показателей: содержательными и процессуальными (уровневыми). Мы полагаем, что система эмоциональных предпочтений связана как с теми, так и с другими.

С помощью корреляционного анализа выявлена связь эмоциональных предпочтений с системой познавательных интересов и профессиональной направленности. Для разных эмоциональных предпочтений выявляются специфические соответствия, указывающие на эмоциональное сходство разной предметной или познавательной деятельности.

Далее мы проследили соотношение эмоциональных предпочтений с уровневыми показателями профессионального самоопределения: наличие выбора, статус профессиональной идентичности (ПИ), знания о профессии, внеучебная активность. Так, выраженность альтруистических и коммуникативных эмоциональных предпочтений оказалась положительно связана с уровнем знаний о профессии и статусом моратория ПИ (при котором активно решаются задачи профессионального самоопределения). Отрицательная взаимосвязь данных эмоций обнаружена с неопределенным статусом ПИ. Предпочтение глорических эмоций имеет отрицательную взаимосвязь с возрастом выбора профессии, т. е. старшеклассники с предпочтением эмоций самоутверждения и славы делают свой профессиональный выбор раньше. Предпочтение пугнических эмоций (преодоления) положительно коррелирует с устойчивостью профессионального выбора. Предпочтение практических эмоций, ориентированных на процесс деятельности, положительно связано с количеством дополнительных занятий, а также с длительностью увлечений, т. е. показателями внеучебной активности. При этом наблюдается отрицательная связь с неопределенным статусом ПИ. Предпочтение гностических эмоций положительно связано с количеством увлечений и сфер желаемых будущих занятий, т. е. отражает широту внеучебной активности. Отрицательная связь обнаруживается с навязанным статусом ПИ, т. е. выбор профессии такие школьники делают независимо и самостоятельно. Предпочтение эстетических эмоций положительно связано со статусом моратория и отрицательно – с навязанным и неопределенным статусами ПИ, что говорит о самостоятельности решения задач профессионального самоопределения. Предпочтение лирических эмоций положительно коррелирует с количеством увлечений, знаниями о профессии и статусом моратория ПИ. Предпочтение акизитив-

ных эмоций (накопления) связано только с внешними мотивами выбора профессии, тогда как для остальных эмоциональных предпочтений выявляется связь и с внешними, и с внутренними мотивами.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что система эмоциональных предпочтений может являться одним из факторов профессионального самоопределения старшеклассников, а разные эмоциональные предпочтения по-разному определяют его процессуальные особенности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-06-00490а.

И.Б. Дерманова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Традиционно период ранней взрослости (18–25 лет) исследуется на студенческих выборках. Значительно меньше работ посвящено анализу выраженности тех или иных психологических характеристик в разных социальных группах испытуемых, относящихся к данному возрасту. Период ранней взрослости – это период формирования любовных и семейных отношений, включения в профессиональную деятельность, для значительной части молодых людей – это, действительно, период студенчества, продолжение образования (получение высшего образования), для других – уже период профессионализации, а для третьих – службы в армии. В связи с чем нами была поставлена задача соотнести особенности выраженности психологических защитных механизмов в зависимости от социальной ситуации.

Исследование проводилось в серии работ под нашим руководством. Данные были распределены по группам: 1) студенты (80 человек); 2) работающие испытуемые с разным уровнем образования (112 человек); 3) призывники (207 человек, мужчины). Во всех трех исследуемых группах (см. таблицу) наиболее выраженными оказались: отрицание, проекция и интеллектуализация. При этом практически все эти показатели в подгруппах студентов и работающих с разным уровнем образования не превышают среднешкальных значений, т. е. не являются чрезмерно завышенными. В большей степени представлена проекция в группе работающих испытуемых с разным уровнем образования, но и там ее величина не выходит за уровень среднешкальной (менее 60 %). И только в подгруппе призывников эти показате-

тели превышают среднешкальные значения, как собственно, и общий индекс напряженности защитных механизмов (более 60 %).

Общие данные (средние и стандартные отклонения)
по группам испытуемых

Переменные	Студенты		Работающие		Призывники	
	М, %	σ	М, %	σ	М, %	σ
Отрицание	45,3	19,6	45,4	17,8	61,7	15,6
Замещение	22,4	15,5	30,7	16,9	33,4	15,4
Регрессия	23,4	19,2	40,2	18,5	22,3	16,4
Компенсация	32,5	18,7	40,3	19,7	39,8	17,5
Проекция	42,7	21,9	59,0	20,4	64,7	16,4
Вытеснение	16,9	15,4	31,8	18,6	21,0	15,4
Интеллектуализация	48,3	18,0	46,1	13,2	58,7	14,5
Реактивные образования	21,8	15,5	29,4	18,2	31,3	16,4
Общий показатель	31,6		43,3		60,7	13,6

Остальные механизмы психологической защиты во всех подгруппах выражены значительно слабее (от 16 до 32,5 % в выборке студентов; от 29 до 40 % в выборке работающих и от 21 до 39,8 % в выборке призывников).

При сравнении первых двух подгрупп обращает на себя внимание более высокий (в среднем) уровень напряженности защитных механизмов в группе работающих испытуемых у них связана с большей напряженностью процесса адаптации к жизненным ситуациям. Можно предположить, что интенсификация защитных механизмов этой ситуации по сравнению со студентами. Однако в целом можно охарактеризовать обе исследуемые группы как хорошо адаптированные, поскольку общий показатель по использованию защит имеет значение ниже среднего. Наиболее выраженными оказались защитные механизмы у призывников, что, видимо, можно объяснить как резко изменившейся жизненной ситуацией (начальный период адаптации к службе в армии), так и, возможно, изначально менее развитой системой совладания с жизненными трудностями у испытуемых этой социальной группы, использованием его более архаических и незрелых форм. В то же время очень высокие показатели стандартного отклонения практически по всем защитным механизмам в группе студентов свидетельствуют о большой разнородности данной группы по исследуемым показателям (особенно по механизмам «вытеснение» и «реактивные образования»). В группе же призывников в среднем величины стандартного отклонения свидетельствуют о большей схожести испытуемых. Таким образом, во всех подгруппах обнаруживается сходство в выраженности основных форм защитного поведения, которые можно, видимо, считать ведущими для ранней

взрослости. Группы студентов и работающих испытуемых характеризуются хорошей адаптацией, в то время как призывники отличаются более высокой адаптационной напряженностью. Общий уровень интенсивности защитных механизмов у работающих выше, чем у студентов, а у призывников выше, чем у работающих. Наиболее выраженными оказались все защитные механизмы у призывников, что, видимо, можно объяснить как резко изменившейся жизненной ситуацией (начальный период адаптации к службе в армии), так и изначально менее развитой системой совладания с жизненными трудностями у испытуемых этой социальной группы.

Н.А. Довгая

ДИНАМИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В СЕМЬЯХ РАЗНОГО ТИПА

Несмотря на давнюю историю и интерес различных дисциплин (философии, психологии, педагогики, физиологии и т. д.), долгое время исследование эмоций не выходило на первый план для психологической науки. Их изучение ограничивалось отдельными аспектами эмоциональности, связанными преимущественно с насущными педагогическими проблемами (агрессивность, тревожность, страхи и пр.). Начиная с конца XX в. наблюдается увеличение интереса ученых к проблеме эмоций. Большое внимание уделяется изучению развития представлений детей об эмоциях, включая понимание их причин и возможности сосуществования амбивалентных эмоций (Былкина Н.Д., Люсин Д.В., 2000; Кузьмищева М.А., 2002). Исследуется проблема усвоения и использования языка эмоций (Гордеева О.В., 1995; Соловьева Н.В., 1999). Большое число работ посвящено изучению способности понимать эмоциональное состояние человека по его экспрессии (Гранская Ю.В., 1998, Лабунская В.А., 1999, Щетинина А.М., 2003). Разработаны диагностические средства (Изотова Е.И., Никифорова Е.В., 2004, Орехова О.А., 2007) и развивающие программы (Кряжева Н.Л., 1996; Крюкова С.В., Слободяник Н.П., 1999; Данилина Т.А. и др., 2006).

Тем не менее сфера эмоций пока еще не получила должного признания. Родители и педагоги в гораздо большей степени уделяют внимание развитию интеллекта и когнитивных процессов детей, будучи уверенными, что это и есть гарантия их будущей успешности в жизни. При этом игнорируется факт того, что эмоции опосредуют

общение, регулируют деятельность, а значит, в равной мере обеспечивают адаптивность ребенка в социуме. Развитие ребенка дошкольного возраста тесно связано с его семейной системой. Множество факторов семейной ситуации, таких как состав семьи, психологический климат, стиль воспитания оказывают непосредственное влияние на развитие личности ребенка. В связи с этим изучать генезис эмоциональной сферы ребенка целесообразно в контексте его семейной ситуации. Однако, эмпирических исследований, рассматривающих эту проблему, крайне мало.

Данная работа представляет результаты трехлетнего лонгитюдного исследования, целью которого было изучение динамики эмоционального развития у детей дошкольного возраста и влияние на этот процесс факторов семейной ситуации. В исследовании принимали участие 102 ребенка (50 мальчиков и 52 девочки), которым на момент начала исследования было 4 года. Для изучения эмоционального развития детей были использованы следующие методики: 1. «Эмоциональная идентификация» Е.И. Изотовой; 2. «Диагностическая беседа» Т.А. Данилиной. Для изучения семейной ситуации применялись следующие методики: – анкетирование (Анализ семейных взаимоотношений Эйдемиллера и Юстицкиса; Анкета исследования особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия Е.В. Захаровой; Горонтская алекситимическая шкала); – методика самооценки тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина; – методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко.

Было обнаружено, что дети, воспитывающиеся в неполных семьях, имеют более высокий уровень развития перцептивного, когнитивного и вербального компонентов в возрасте 4 и 5 лет, но в 6 лет уступают своим сверстникам из полных семей в развитии перцептивного компонента. Дети, имеющие сиблингов, в возрасте 4 лет лучше понимают причины возникновения разнообразных эмоций, но в 5 лет уступают сверстникам из однодетных семей в осознании признаков, на которые можно опираться при идентификации эмоций, а также в способности вербализовать эмоциональные состояния людей и рефлексировать свой эмоциональный опыт. Дети из расширенных семей обладают преимуществом в отношении развития перцептивного компонента (в 4 года) и вербального компонента (в 4 и 5 лет), но уступают своим сверстникам из нуклеарных семей по показателям рефлексивного компонента (в 4 и 5 лет).

Было установлено, что на эмоциональное развитие дошкольников оказывают влияние особенности семейного воспитания в сочета-

нии с индивидуально-психологическими особенностями. Наибольшему влиянию этих факторов подвержен рефлексивный компонент эмоционального развития. Тревожность матери и непоследовательность воспитания, эмоциональная отстраненность и доминирующая гиперпротекция замедляют его развитие, но способствуют развитию когнитивного и перцептивного компонентов.

Таким образом, исследование показало, что влияние особенностей семьи на становление эмоционального развития детей является значимым в дошкольном возрасте и имеет возрастную специфику.

О.А. Жученко

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТАМИ МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Одной из составляющих модернизации системы образования является введение новых форм контроля знаний (Федеральный Интернет-экзамен в сфере профессионального образования, тестирование, балльно-рейтинговая система и другие), направленных на повышение оценки качества подготовки специалистов, управление познавательной деятельностью студентов, систематизацию работы субъектов учебного процесса. С их внедрением становится все более актуальной оптимальная презентация своих компетенций студентами на разных формах проверки знаний. Участие образовательных учреждений в Федеральном Интернет-экзамене в сфере профессионального образования (ФЭПО) может способствовать созданию системы обеспечения качества подготовки студентов на основе независимой внешней оценки в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов. ФЭПО проводится в виде компьютерного тестирования с ограничением времени. При этом преподаватель не имеет права консультировать учащихся.

Как показывает наше исследование, студенты в процессе экзамена активно использовали вспомогательные средства: учебники, конспекты, мобильные телефоны (звонили или писали знающим друзьям, пользовались информацией из интернета). Результаты экзамена показывают уровень подготовки группы студентов, обучающихся в вузе, а не каждого отдельного студента, никак не влияя на их академическую успеваемость, и отражая, в том числе, качество работы преподавателей. В силу указанных причин у большинства учащихся выявлен пониженный уровень психической напряженности на ФЭПО в сравне-

нии с другими формами экзамена, низкий уровень мотивации вследствие отсутствия личностной заинтересованности в высоких результатах. В эмпирической части нашего исследования сравнивались прогнозируемые студентами перед началом экзамена оценки с реально полученными. В анкете учащийся определял желаемую оценку, ожидаемую, оценку себе, исходя из уровня знаний. Замеры производились как на ФЭПО, так и на устном и письменном экзаменах по социально-экономическим, естественнонаучным, общепрофессиональным дисциплинам. Выборку составили студенты вторых–четвертых курсов вузов в количестве 691 человек.

Статистический анализ данных показал наибольшую расогласованность антиципируемых и реальных оценок на Интернет-экзамене в сравнении с другими формами проверки знаний, что свидетельствует о недостаточной презентации студентами своих компетенций. Это происходит, возможно, вследствие разных критериев подготовленности учащихся и специфики тестирования. Педагогический тест выявляет усвоение ключевых понятий, тем, элементов учебной программы, а не конкретной совокупности знаний, поэтому вопросы более определенные, требуют конкретных ответов. С одной стороны, для результативного выполнения тестов нужны навыки так называемой «тестовой культуры»: личностная готовность к тестовой форме оценки знаний; умение организовать и предъявить собственные знания; понимание значимости всех элементов теста и тестовых заданий. Именно поэтому для успешной сдачи теста необходимо тренироваться. С другой стороны, успешное прохождение тестовых испытаний в большей мере отражает ситуативную способность и умение сдавать тесты.

Нами отмечено, что адекватность всех прогнозируемых обучающимися оценок реальности или только ожидаемой и оценки себе (при завышении желаемой) чаще наблюдается на внутривузовских семестровых экзаменах, проводимых в форме тестирования, когда субъекты осознают значимость для них итоговой отметки, и, соответственно, растет степень мотивации, чего не происходит на ФЭПО. При этом у учащихся повышается уровень психической напряженности. Обращает на себя внимание то, что случаи с занижением антиципируемых оценок на интернет-экзамене редки и статистически не репрезентативны.

Таким образом, можно выделить особенности восприятия студентами мониторинга качества образования: это, как правило, пониженный уровень психической напряженности и завышение антиципируемых оценок по отношению к реальности.

М.В. Иванова

ФОРМИРОВАНИЕ Я-КОНЦЕПЦИИ СТУДЕНТОВ СПОРТИВНОГО ВУЗА (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Глобальные трансформационные процессы в современном обществе характеризуются изменением традиционной гендерной культуры. Массовый приход женщин в мужские профессии и виды спорта – характерное для нашего времени явление, которое ставит перед исследователями задачу изучения связи между особенностями личности, определенными психологическим полом (гендером), и профессиональным становлением специалиста. В ряде исследований было показано, что с преобладанием фемининных качеств связан выбор гуманитарных профессий (А.Ф. Иорданов, З.Ш. Мухтарова), а с преобладанием маскулинных качеств – профессий, связанных с риском (И.В. Черныш, А.И. Мруг), физическим напряжением и направленностью на руководство (Т.В. Бендас, Ж.Н. Чернова, Н.Н. Лупенко). В процессе освоения профессиональной роли в юношеском возрасте уточняется и принимает четко очерченные формы диапазон проявлений гендерных черт личности (М.Р. Плотницкая, С.С. Родоманова).

Нами было предпринято исследование, целью которого ставилось изучение влияния выбора физкультурно-спортивной профессии на формирование гендерной идентичности личности (538 студентов г. Иркутска). Среди студентов спортивных вузов выявляется меньшее, по сравнению с остальными респондентами, число лиц, описывающих себя с позиций нетрадиционного гетерогенного типа гендерной идентичности (юношей фемининного типа личности и девушек маскулинного типа). Вместе с тем среди них выявлено большее процентное соотношение самоописаний андрогинного типа (в среднем на 20–25 % выше, чем у остальных студентов), что можно объяснить особенностями учебно-тренировочного процесса. Настойчивость, волевые качества, решительность, традиционно приписываемые маскулинному типу, должны гармонично сочетаться с такими традиционно фемининными качествами, как подчиняемость, сопереживание, общительность. Такое сочетание обеспечивает процесс освоения профессиональных знаний, умений и навыков, адаптацию к тренировочной и соревновательной деятельности, овладение тонкостями профессии тренера.

У студентов спортивных вузов по сравнению с остальными испытуемыми выявлены достоверно более высокие показатели само-

принятия, самоинтереса, самоуважения, действенного самоинтереса (связанного с готовностью изменяться), общей самооценки. Это свидетельствует о внутренней согласованности и сбалансированности представлений о себе, позитивном характере Я-концепции. У будущих специалистов в области физической культуры и спорта выявлены более высокие, чем у остальных респондентов, показатели регулятивных характеристик деятельности (планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость и общий уровень регуляции деятельности), обнаружены статистически достоверные положительные корреляции показателей гендерной идентичности с предметной эргичностью, эмоциональностью, темпом предметной деятельности.

Отрицательные корреляционные связи выявлены между показателями гендерной идентичности и пластичностью, социальной эмоциональностью. Другими словами, тенденция к андрогинии связана с некоторым снижением гибкости мышления, трудностями в переключении с одного вида деятельности на другой, зависимостью от чужого мнения и от социальной оценки собственной деятельности. Указанные особенности характерны для людей, посвятивших жизнь спорту. Вместе с тем, чем выше уровень проявления маскулинных и одновременно фемининных свойств (т. е. андрогинности) у студентов физкультурно-спортивного вуза, тем ярче у них проявляется жажда деятельности, потребность в физическом и умственном напряжении, высокая работоспособность и темп поведения, чувствительность к расхождениям между планируемым действием и реально получаемым результатом, чувствительность к неудачам. Это показывает, что требования, предъявляемые к формированию личности в спорте, необходимость ценить время и распределять усилия, оценивать сложность предстоящих соревнований и качество собственной подготовки оказывают существенное влияние на формирование профессионально-значимых компонентов Я-концепции, включая ее гендерные аспекты.

Очевидно, что гармоничное сочетание высокого уровня проявления маскулинных и фемининных качеств, характеризующее явление андрогинии, обеспечивает адаптивный характер самореализации будущего специалиста в области физической культуры и спорта, выступает в качестве основы формирования спортивного характера, является одним из факторов, определяющих выбор профессии и создающих основу для формирования профессиональной Я-концепции.

А.В. Ипатов

ТИПЫ АУТОДЕСТРУКЦИИ БЕЗНАДЗОРНЫХ ПОДРОСТКОВ

Проблема деструктивности, одна из важнейших в психологической науке. Психологическая практика, экспериментальные данные говорят об увеличении аутодеструкции в молодежной среде (Гурвич И.Н., 1999). В сложной анатомии аутодеструкции ее психологической основой является личностное измерение. С помощью комплексного психологического исследования мы попытались выявить особенности личности аутодеструктивных подростков. Испытуемыми стали безнадзорные подростки в возрасте 13–14 лет, всего 100 человек. Представим полученные результаты. Подростки характеризуются склонностью к девиантному поведению в форме аутоагрессии, суицидальным действиям и нарушению социальных норм. Подавляющее большинство из них регулярно потребляют табак, алкоголь, ПАВ, прогуливают школу. Подростки демонстрируют недостаточный уровень вербальной культуры. Обладают низким адаптационным потенциалом. С показателями социальной дезадаптированности согласуется низкое самоуважение. Такие подростки характеризуются плохо направляемой активностью, импульсивностью, обидчивостью. Характер взаимодействия с другими людьми у данных подростков отличается противоречивостью. С одной стороны, испытуемые считают, что их личность, деятельность не способны вызывать уважение. С другой стороны, противоречивый характер межличностного общения проявляется в высокой приверженности групповым нормам. Вместе с тем эмпирические данные показывают внутреннюю неоднородность экспериментальной группы.

Нами выделено 5 подгрупп, чьи аутодеструктивные проявления наряду с общими признаками, описанными выше, имеют некоторые качественные особенности. Мы назвали их типами аутодеструкции.

1 тип – «самоутверждающийся» – характеризуется умеренным уровнем аутоагрессии, эгоистичной направленностью в межличностном взаимодействии, гипертимной акцентуацией характера. Внешние проявления аутодеструкции связаны с табакокурением, употреблением алкогольных напитков, прогулами школьных занятий. Аутодеструкция для подростков данного типа есть способ самоутверждения, поиска независимости от взрослых («реакция эмансипации» и «чувство взрослости»). Такие реакции, как правило, вызывают у педагогов чувства гнева.

2 тип – «защищающийся» – характеризуется умеренной аутоагрессивностью, эгоистичной направленностью, психастенической акцентуацией характера. Низкий уровень моральной нормативности сочетается с волевыми чертами личности, склонностью к конформизму и тесному сотрудничеству с референтной группой. Воспринимает стиль родительского отношения как непоследовательный со стороны матери и враждебный со стороны отца. Внешние проявления аутодеструкции связаны с употреблением ПАВ. Аутодеструкция для таких подростков – способ обрести психологическую безопасность, комфорт. Данное поведение вызывает у взрослых чувство растерянности, тщетности своих педагогических усилий.

3 тип – «демонстративный» – характеризуется выраженным уровнем аутоагрессии, большей беспечностью по сравнению с другими типами. Низкая моральная нормативность сочетается с проявлением недружелюбия в контактах. Истероидная акцентуация характера. Менее остальных склонен к формированию зависимостей. Воспринимает стиль родительского отношения как непоследовательный со стороны матери и враждебный со стороны отца. Аутодеструкция этих подростков – способ самовыражения, поиска внимания, пусть негативного, со стороны значимых людей. У взрослых такие проявления вызывают чувства раздражения.

4 тип – «подражательный» – характеризуется более выраженными конформностью, коммуникативным потенциалом по сравнению с другими типами. Лабильная акцентуация характера. Аутоагрессивность несколько ниже, чем у представителей других групп, менее выражена склонность к аддикциям. Однако суицидальный риск выше. Внешние проявления аутодеструкции разнообразны, хотя и нерегулярны и связаны с импульсивным подражанием группе. Аутодеструкция таких подростков трудно прогнозируема, часто неожиданна для взрослых.

5 тип – «протестный» – характеризуется высокой аутоагрессией, низким коммуникативным потенциалом, эгоистической направленностью в контактах. По сравнению с другими типами обладает более высоким самоуважением. Считает, что мать и отец не проявляют позитивного интереса, при этом мать оценивается как не директивная. Эпилептоидная акцентуация характера. Возможны попытки суицида. Аутодеструкция таких подростков – способ «мщения» за реальные и мнимые обиды. У взрослых их поведение вызывает страх.

Д.А. Исаева

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ

Согласно существующим концепциям, понятие «профессиональная идентичность» (ПИ) рассматривается как аспект специфической интеграции личностной и социальной идентичности в профессиональной реальности, как объективное и субъективное единство с профессиональной группой, делом, которое обуславливает преемственность профессиональных характеристик личности» (Шнейдер Л.Б., 2007). Достижение ПИ является важным показателем успешности профессионализации. Цель исследования состояла в изучении статусов ПИ в связи с наличием и обоснованностью профессионального плана, эмоциональным отношением к профессиональному будущему, мотивами выбора карьеры, значимыми сферами «Я-концепции», а также личностной зрелостью и личностными особенностями студентов.

В исследовании, проведенном на факультете экономики и менеджмента СПбГЭТУ «ЛЭТИ» весной 2010 г., приняли участие 117 человек. Из них 51 – студенты 1 курса, 49 человек – студенты 3 курса и 17 человек – слушатели магистратуры.

Исследование показало, что большинство студентов пребывают в неадекватных статусах ПИ. Лишь 8 % студентов достигли ПИ, при этом к третьему курсу количество молодых людей, достигших ПИ, значительно снижается ($p = 0,009$) с 12 % до 6 %. Среди студентов наиболее распространен статус диффузной ПИ (42 %), уровень которой положительно коррелирует с обоснованностью профессионального плана ($p < 0,05$) и с выраженностью социальной направленности в профессиональном типе личности будущих менеджеров ($p < 0,05$).

У студентов, находящихся в статусе диффузной ПИ, наблюдается преобладание в структуре Я-концепции учебной составляющей и гораздо меньшая доля профессиональной ($p < 0,05$). В будущей работе их привлекает отсутствие жестких рамок и ограничений ($p < 0,05$), возможность служить во имя высоких идеалов, приносить своей работой пользу ($p < 0,05$). Обратная связь диффузной ПИ с достижением личностной идентичности ($p < 0,01$) указывает на то, что отсутствие профессиональных планов и ценностей связано с личностной незрелостью студентов. Таким образом, пребывание в статусе диффузной ПИ характерно для недостаточно личностно зрелых студен-

тов, ориентированных в первую очередь на учебу. Несмотря на то, что они совершили обоснованный выбор профессии, мотивы выбора у них поверхностны. 25 % студентов находятся в статусе моратория ПИ, они изучают альтернативные варианты профессионального развития. Наиболее распространен данный статус у магистров, которые в процессе обучения чаще сталкиваются с практической деятельностью. В работе студенты стремятся реализовать лидерские качества ($p < 0,05$), они оптимистично относятся к профессиональному будущему ($p < 0,05$). Важное место в их представлениях о себе играют поло-ролевые отношения ($p < 0,05$). Значимая связь данного параметра с «достижением личностной идентичности» ($p < 0,01$) и эмоциональной устойчивостью личностного опросника «Большая пятерка» ($p < 0,05$) указывает на личностную и эмоциональную зрелость молодых людей, переживающих кризис ПИ, находящихся в поиске путей профессионализации.

Достаточно распространен статус преждевременной ПИ (14 %). По результатам корреляционного анализа, в профессиональном типе таких студентов не выражена предпринимательская составляющая ($p < 0,01$). Эти студенты мало интересуются своим профессиональным будущим ($p < 0,01$), скорее испытывая безразличие к нему ($p < 0,05$). Планов на будущее не имеют ($p < 0,05$), считая, что их интересы лежат в другой области ($p < 0,05$). Обратная связь данного параметра с фактором самоконтроля ($p < 0,05$) указывает на низкий уровень саморегуляции этих студентов.

Псевдоидентичность характерна для 11 % студентов. Эти молодые люди не имеют сформированной профессиональной «Я-концепции». Более того, связь псевдоидентичности с параметрами «преждевременная личностная идентичность» ($p < 0,01$) и «псевдоличностная идентичность» ($p < 0,05$) свидетельствует об их личностной незрелости. Для них характерна неадекватная профессиональная направленность ($p < 0,05$), необоснованность профессионального выбора ($p < 0,01$). Профессиональное будущее их не беспокоит ($p < 0,05$).

В целом, проведенное исследование выявило трудности достижения ПИ студентами и показало необходимость разработки системы психологического сопровождения профессионального развития студентов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект № 10-06-00490а.

ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Диагностика формирования компетентностей в целом и креативной компетентности в частности представляет определенные трудности в связи с недостаточной теоретической обоснованностью и операционализацией конструкта «компетентность». Тем не менее, без оценки результативности процесса формирования компетентностей нельзя будет говорить ни о корректирующих действиях, ни об экстраполяции на всю выборку. Предлагаемый психодиагностический инструментальный является авторской разработкой, направленной на теоретическое осмысление компетентностного подхода и его применение в практике психодиагностики. Оценка эффективности формирования компетенций, а также разработка психодиагностического инструментария представляются важными как в теоретическом, так и в практическом плане.

Анализ литературы по проблеме показал, что применение существующих методик часто оказывается затруднительным, вследствие этого возникла необходимость разработки специальных методик. Мы полагаем, что оценка компетенций в целом и креативной компетенции в частности требует применения батареи методик, включающей самооценочные шкалы, методику экспертных оценок и методику стандартизированного наблюдения проявления компетентности. При использовании самооценочной шкалы компетентность оценивается в соответствии с компонентами, предложенными И.А. Зимней, а именно: когнитивный, поведенческий, ценностно-смысловой, мотивационный и эмоционально-волевой аспекты.

По результатам диагностики выявляется процент педагогических работников, обладающих уверенными знаниями в компетентностном подходе, имеющих опыт формирования компетенций, обладающих высоким уровнем мотивации и положительным эмоционально-волевым настроем. Сравнение данных целесообразно проводить по каждому вопросу отдельно. В зависимости от решаемых задач анкетирование может быть анонимным или персонифицированным. Экспертная компонентная оценка ключевых компетенций предназначена для оценки уровня сформированности ключевых компетенций учащихся (по А.В. Хуторскому). В этом случае педагоги выступают в роли экспертов. Число экспертов для достижения более объективной

оценки должно быть не менее трех. Каждую компетенцию предложено оценить по пяти аспектам в соответствии с компонентами компетентности, предложенными И.А. Зимней. Это – готовность к проявлению компетенции (мотивационный компонент), владение знанием содержания компетенции (когнитивный компонент), опыт проявления компетенции в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях (поведенческий компонент), отношение к содержанию компетенции и объекту ее приложения (ценностно-смысловой компонент), эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления компетенции. Экспертам надо оценить компетентность каждого, используя пятибалльную шкалу: 0 – нет; 1 – скорее нет, чем да; 2 – не знаю; 3 – скорее да, чем нет; 4 – да. Таким образом, каждый оценивается по тридцати пяти позициям (семь компетенций по пяти компонентам). Для итоговой экспертной оценки в качестве меры центральной тенденции целесообразно выбрать медиану. С помощью медианы исключаются «выбросы», единичные «большие» и «малые» оценки. Именно медиана позволяет «отсечь» проявления крайней неприязни или восторженного отношения. Чтобы сохранить пятибалльную шкалу уровней компетентности, целесообразно выполнить строго монотонное преобразование, при котором «половинные оценки» будут округлены.

На основании сводной карты можно оценивать не только общий уровень сформированности ключевых компетенций, но и каждый компонент компетенции: когнитивный, мотивационный, поведенческий, ценностно-смысловой и эмоционально-волевой; а также уровень каждой компетенции отдельно. В качестве меры связи согласно типу шкалы целесообразно выбрать критерий однородности χ^2 .

Результаты, полученные по экспертной компонентной оценке, можно считать достаточно надежными: во-первых, высчитывается статистически корректный средний показатель (медиана), во-вторых, уровень каждой компетенции определяется на основании 15 экспертных оценок, а уровень сформированности ключевых компетенций в целом – на основании 105 оценок. По аналогии с экспертной компонентной оценкой нами была разработана методика стандартизированного наблюдения проявления компетентности, включающей анализ различных компонентов, в том числе и креативности. Математическая обработка результатов наблюдения проводится аналогичным способом, описанным выше.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-06-00739а.

Е.В. Кожина

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ МУЖЧИНАМИ ОТЦОВСКОГО ОТНОШЕНИЯ К РЕБЕНКУ

Как свидетельствуют зарубежные и отечественные исследования, в современном обществе начинает получать распространение так называемый эгалитарный тип внутрисемейных отношений, когда резкая дифференциация труда между полами в семейной и общественной жизни постепенно уступает место интеграции супружеских ролей и высокой степени их взаимозаменяемости. Во многом это связано с ростом профессиональной занятости и образования женщин, вследствие чего мужчины выходят из роли единственного кормильца, освобождаясь от давления профессиональной сферы и поворачиваясь лицом к семье, детям. Иными словами, для мужчин становится возможна иная заинтересованность и в профессии, и в семье. Однако в целом подобные перемены относительно поведения отцов пока еще наблюдаются редко. Как подчеркивают некоторые специалисты, изменения сегодня, как правило, связаны с тем, что именно женщины вторгаются в сферу деловой активности быстрее и охотнее, чем мужчины в область домашнего хозяйства (Горлач М.Г., 2002).

Эти выводы, в частности, подтверждает исследование ценностных ориентаций родителей детей-дошкольников (Собкин В.С., Марич Е.М., 2002), согласно результатам которого такая ценность, как «воспитание ребенка», существенно более значима для матерей, тогда как отцы чаще отмечают «успех в профессиональной деятельности» и «достижение материального благосостояния». Иначе говоря, подобные различия жизненных ценностей фиксируют сохранение традиционных гендерных ориентаций среди современных родителей детей дошкольного возраста.

Имеются в современной психологии и отдельные сведения, касающиеся гендерной специфики характера взаимодействия родителей с детьми. Так, к примеру, в работе А.В. Мухиной было установлено, что отцы гораздо меньше, чем матери, сотрудничают с дочерьми и тревожатся за них, в то время как по отношению к сыновьям они не только проявляют низкую тревожность, но и большую требовательность, строгость и контроль. Кроме того, была констатирована высокая эмоциональная дистанция между отцами и детьми-дошкольниками (Мухина А.В., 2004). В плане отношения мужчин к своей отцовской роли любопытные данные были получены Д. Валеевой, а

именно: если мужчины, не имеющие детей, воспринимают отцовство как большую ответственность, вызывающую у них беспокойство и тревожность, то мужчины, имеющие детей, как правило, демонстрируют удовлетворенность своей семейной жизнью, ролью мужа и отца, и к тому же их обычно интересует развитие своего ребенка, общение с которым доставляет им удовольствие (Валеева Д., 2004). Заметим, что во многом аналогичные результаты представлены и в работе Ю.В. Евсеенковой, где был констатирован факт взаимосвязи наличия у мужчины ребенка с осмысленностью жизни, а также выявлены некоторые факторы оптимизации личностного развития мужчины-отца, среди которых его включенность в жизнь ребенка и принятие отцовской роли (Евсеенкова Ю.В., 2006).

В свою очередь в рамках проведенного нами пилотного исследования, посвященного изучению специфики восприятия мужчинами (общее количество испытуемых 45 человек) образа отца с позиций его родительского отношения к ребенку, нам удалось установить, что в подавляющем большинстве случаев допустимым стилем отцовского отношения считается эмоциональное принятие дочери / сына (68,9 % испытуемых) и значительно реже – авторитарная гиперсоциализация, для которой характерны требования послушания и жесткой дисциплины, контролирующее поведение всех сфер жизни ребенка, его мыслей, чувств и поступков (24,4 % испытуемых). Также всего несколько испытуемых (6,7 %) отдают предпочтение стилю «маленький неудачник» – отношениям, инфантилизирующим ребенка, которые, как и жесткий контроль, по оценкам специалистов, оказывают неблагоприятное влияние на психическое развитие взрослеющей личности.

Таким образом, как показало наше исследование, многие современные мужчины ориентированы на выстраивание позитивных отношений со своими детьми и придерживаются установки на принятие отцом дочери / сына.

Е.В. Козлова, Н.Н. Куреева

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Психологические факторы формирования гражданской позиции в настоящее время недостаточно изучены. Их изучение является актуальной и новой проблемой для психологии. В современных исследованиях гражданскую позицию рассматривают как интегративную си-

стему отношений личности к государству, праву, гражданскому обществу, к самому себе как к гражданину, определяющую ориентацию на общественное благо и реализующуюся в деятельности. Время становления гражданина, которое предполагает и необходимость выработки определённой гражданской позиции, – это ранний юношеский возраст. Достижение молодым человеком определённого уровня личностной зрелости в процессе социализации и социальной адаптации предполагает осознание и стремление к пониманию многих событий и сторон жизни общества, в том числе политических, социальных, социокультурных её аспектов, которые детерминируют формирование гражданской позиции, являющейся одной из составляющих активной позиции личности.

Б.Г. Ананьев определяет позицию как интегральное отношение человека к окружающей действительности и самому себе, наличие установок и мотивов поведения, целей и ценностей, на которые направлена деятельность. К.А. Абульханова-Славская считает, что позиция – устойчивая система отношений человека к определённым сторонам действительности, проявляющаяся в соответствующем поведении, избранный личностью в соответствии с её ценностями способ осуществления жизни. В этих определениях авторитетов подчёркивается, что в основе позиции лежит система ценностей личности, в ней выражаются отношения и смысловые предпочтения субъекта в окружающем мире, обществе, придающие направление общественной позиции личности, определяющие её поведение и поступки.

В содержании гражданской позиции выделяются две стороны: политико-правовая и нравственная. Гражданская позиция личности в политико-правовом аспекте представляет собой осознание личностью своей позиции в качестве субъекта и активного участника политической деятельности, в соответствии с правовым статусом гражданина. Нравственная сторона гражданской позиции представляет собой интериоризацию моральных норм, традиций, установок и системы ценностей. Ранний юношеский возраст – время становления самосознания, интенсивного поиска личностной и социальной идентичности, систематизации картины мира, выработки собственной системы ценностей. Именно система ценностей, принимаемая молодым человеком, в большой мере определяет его гражданскую позицию, её структуру и содержание. Вопрос о соотношении ценностей и гражданской позиции старшеклассников представляет интерес как для науки, так и для современного общества.

Целью нашего исследования явилось изучение особенностей

гражданской позиции и мотивационно-ценностной сферы старшеклассников (участвовали 42 учащихся 9 и 10-х классов). Проведённое исследование позволило сделать некоторые выводы:

- молодые люди имеют определённое, но нечётко выраженное представление о гражданской позиции, отражающее их отношение к государству, обществу, происходящим событиям. Их представления о гражданской позиции активно формируются и в них отражено влияние окружающей среды, общества;

- понимание школьниками гражданской позиции можно охарактеризовать как мало дифференцированное, высоко обобщённое, глобальное, недостаточно систематизированное;

- многие категории и ценности, составляющие сущность гражданской позиции, ещё не входят в круг реальных проблем их жизни. Следует отметить, что гражданская позиция старшеклассников может проявляться на уровне представления и воображения и находить своё выражение в словесных формулировках, не реализуясь в конкретных поступках и действиях. Это – уровень развития когнитивного компонента гражданской позиции;

- не проявлен поведенческий компонент гражданской позиции, так как старшеклассники ещё недостаточно уверены в себе и в своих возможностях управлять событиями своей жизни, а тем более жизни общества;

- уровень развития социального интереса свидетельствует об ориентации старшеклассников на благополучие общества. Гражданскую позицию молодого человека в большой степени определяет достижение определённого уровня личностной зрелости, предполагающей готовность и способность молодых людей не только профессионально и лично самоопределиваться, но и самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, уметь прогнозировать возможные последствия, нести ответственность как за собственное благополучие, так и за благополучие общества.

Т.В. Корнева, Е.Р. Воропошина

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ПОДРОСТКОВ

Концепция «эмоционального интеллекта» Дж. Мейера и П. Сэловей может быть принята в качестве теоретической основы конкретных эмпирических исследований различных аспектов эмоци-

ональной сферы подростков, поскольку предполагает акцентирование моментов эффективности. Способности адекватно понимать эмоции других людей, осознавать собственные чувства, находить средства их вербализации и внешнего выражения являются основой эмоционального интеллекта. Среди феноменов, которые можно отнести к сфере эмоционального интеллекта, активно изучается феномен алекситимии. Считается, что алекситимия является существенным механизмом развития психосоматических заболеваний и формирования аддикций. Подростковый возраст является периодом повышенного риска как в плане развития психосоматических расстройств, так и формирования различных аддикций.

Целью данной работы было изучение феномена алекситимии в структуре эмоционального интеллекта в подростковом возрасте. Задачей исследования являлся анализ связи между уровнем алекситимии и характеристиками эмоциональной сферы подростков (уровень эмпатии, общее психоэмоциональное состояние, самооценка экспрессивных творческих способностей). Также была изучена связь между уровнем алекситимии, личностными особенностями испытуемых и эффективностью социального функционирования.

В исследовании участвовали 90 подростков обоих полов в возрасте от 13 до 15 лет. Методическое оснащение работы: «Торонтская алекситимическая шкала», «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна, методика САН для оценки самочувствия; социометрический тест, «Патохарактерологический диагностический опросник для подростков А.Е. Личко», авторская анкета самооценки творческих способностей. Для обработки данных была использована SPSS 13.0 for Windows.

Результаты корреляционного анализа показали, что существует сильная взаимосвязь ($r = -0,618$) между уровнем алекситимии и социометрическим статусом на высоком уровне статистической значимости ($p < 0,01$), что может свидетельствовать о том, что наличие алекситимии является существенным ограничителем для установления социальных контактов. Также была обнаружена корреляционная связь ($r = -0,5$) между уровнем алекситимии и самочувствием ($p < 0,01$). Чем выше алекситимия, тем хуже самочувствие. Чем выше уровень алекситимии, тем ниже активность ($r = -0,36$) и настроение ($r = -0,33$). Вероятно, что высокий уровень алекситимии связан со здоровьем, настроением и активностью. Самооценка творческих способностей коррелировала с уровнем эмпатии. Все рассмотренные корреляции имеют высокую степень статистической значимости

($p < 0,01$). Данные применения опросника А.Е. Личко позволили установить связь между уровнем алекситимии и наличием эпилептоидной акцентуации ($r = 0,32$). Дополнительное статистическое исследование – сравнение двух групп испытуемых с высоким и низким уровнем алекситимии с помощью критерия Стьюдента, позволило подтвердить основные выводы исследования. 1. Уровень Самочувствия в группе «алекситимиков» ниже на высоком уровне статистической значимости ($p < 0,01$). 2. Самооценка творческих способностей в группе у подростков алекситимического типа ниже на уровне статистической значимости ($p < 0,05$). 3. По шкале Гипертимности, измененной ПДО Личко, наблюдается обратная зависимость, в группе с алекситимией значение Гипертимности статистически значимо ниже ($p < 0,05$). 4. По Эпилептоидной шкале наблюдается прямая зависимость – в группе алекситимиков уровень эпилептоидности статистически значимо выше ($p < 0,05$). 5. В группе подростков алекситимического типа делинквентность выше на высоком уровне статистической значимости ($p < 0,01$), а маскулинность ниже на уровне статистической значимости ($p < 0,05$).

Проведенное исследование позволило утверждать, что определение уровня алекситимии в подростковом возрасте с помощью Торонтской алекситимической шкалы может быть существенным показателем развития эмоционально-коммуникативной сферы. Были установлены корреляционные связи между уровнем алекситимии и оценками самочувствия, настроения, активности, творческих способностей. Наиболее наглядно значение алекситимии как важного фактора эмоционального интеллекта проявилось при изучении социометрических показателей. Высокий уровень алекситимии, как правило, связан с низким социометрическим статусом подростка.

На основе исследования была разработана и апробирована специальная коррекционно-развивающая программа для помощи подросткам, имеющим проблемы в общении (на базе ППМС центра Петродворцового района г. Санкт-Петербурга).

Н.А. Королёва, В.К. Солондаев

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ОБЫДЕННОГО МЫШЛЕНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

Обыденное мышление детей и знания, которые в нем формируются, служат основой для дальнейшего становления систематической

научной картины мира. Чтобы понять закономерности формирования научного знания, необходимо изучить особенности организации житейского мифологического знания.

Цель работы: выявить мифологические компоненты в обыденном мышлении. Объект исследования: суждения детей. Предмет исследования: отдельные компоненты мышления (мифологические / логические). Гипотезы: 1) мифологические и логические компоненты в обыденном мышлении детей находятся в тесной взаимосвязи и трудно делимы; 2) в обыденном мышлении дошкольников самостоятельно построенные мифологические компоненты преобладают над усвоенными из взаимодействия со взрослыми.

Выборка: в исследовании приняли участие 18 детей, 12 детей в возрасте 5 лет и 6 детей в возрасте 6,5 лет. Для сбора материала был использован метод клинической беседы.

Процедура исследования: с детьми проводилась беседа на предмет понятия времени, далее просматривался мультфильм «Завтра будет завтра», сюжет которого основывается на споре героев о возможности «контроля времени». После просмотра мультфильма проводилась повторная беседа. Каждому участнику нужно было занять позицию того героя, точку зрения которого он разделяет, и попытаться ее обосновать. Все высказывания фиксировались в порядке их появления (протоколы получались на группу в целом, суждения каждого ребенка в отдельности нами не анализировались).

Мифологические компоненты рассматривались нами с точки зрения Л. Леви-Брюля и Р. Барта, применительно к полученному нами материалу, эти подходы оказались эквивалентны. Полученные ответы анализировались нами по следующим параметрам. 1. Суждения, полученные на обоих этапах исследования, были проклассифицированы по основанию: миф /логика. 2. Суждения, которые имели форму мифа, были разделены: миф, усвоенный от родителей; миф, построенный самостоятельно.

Результаты исследования: нами было получено около 200 высказываний детей о понятии «время»; более 60 % из них носили мифологическую форму. Также имели место высказывания, которые содержат в себе как мифологические, так и логические компоненты и не могут быть отнесены ни к одной из групп. Из высказываний, относящихся по форме к мифологическим, только 25 % представляют собственные рассуждения ребенка, большая часть усвоена благодаря взаимодействию со взрослыми. Ниже приведены примеры высказываний детей.

Высказывания в форме самостоятельно построенного мифа.

(1) «Нельзя отпраздновать Новый Год сегодня, потому что не будет настоящего Деда Мороза и Снегурочки. Они же живут на Северном Полюсе, где только один холод». Построение собственного мифа происходит за счет присоединения рассуждения к уже имеющейся информации (вторая часть высказывания). (2) «Если перевести часы, завтра не получится. Время звезд никак не остановится. Если только взлететь на ракете и передвинуть звезды». Миф, построенный мальчиком 6,5 лет на основе информации, полученной из мультфильма, где он узнал, что по звездам можно определять время.

Высказывания в форме усвоенного мифа. (3) «Я знаю, мне папа говорил, если сегодня пойти в садик, то будет вчера». Здесь девочка 5 лет прямо сообщает нам о том, что она запомнила со слов родителей. Она говорит о том, что нужно сделать, чтобы настало вчера, но не объясняет, почему одно следует из другого. Можно предположить, что ребенок неправильно понял, неправильно услышал то, что ему сообщалось, но это высказывание является для него некоторым правилом, которое не нужно объяснять. Точно такие же типы высказываний можно увидеть в следующих двух примерах. (4) «Завтра наступит, когда время пройдет, после 24 часов»; (5) «Если стрелка уже прошла, значит, ты опоздал в садик».

Полученные результаты подтвердили нашу гипотезу о тесной взаимосвязи мифологических и логических компонентов в обыденном мышлении дошкольников. Также нами было выявлено преобладание усвоенного мифа над самостоятельно построенным. Основные выводы: 1) мифологические компоненты обыденного мышления у дошкольников тесно связаны с логическими; 2) миф строится как с помощью собственных рассуждений, так и за счет усвоения информации, полученной от взрослых.

Н.В. Корсак

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Не вызывает сомнения утверждение о том, что понимание составляет важнейший компонент человеческого общения. В самом деле, успешность конкретных актов языковой коммуникации непосредственно определяется тем, в какой мере ее участники способны установить желания, цели, намерения, мысли друг друга. Наиболее

остро проблема понимания стоит в преподавательской деятельности, где одна из основных задач состоит в том, чтобы студенты понимали материал, понимали его объяснение. Между тем непонимание – весьма нередкое явление в образовательном процессе, хотя преподаватель все свое поведение направляет на достижение этой цели. В ходе объяснения может возникнуть также «непонимание в квадрате», когда студенты не понимают, а преподаватель также не понимает, почему и что именно они не понимают. Отсюда следует, что существующая в настоящее время система образования игнорирует, оставляет вне поля зрения самую суть учебного процесса, а именно соотношение объяснения и понимания в реальном взаимодействии преподавателя и студента.

Характеризуя соотношение объяснения и понимания, Поль Рикер считает, что понимание «предваряет, сопутствует и завершает объяснение, а объяснение, в свою очередь, развивает понимание». Отсюда следует его известное заключение, согласно которому «чтобы лучше понимать», необходимо «больше объяснять». Соотнося утверждение Рикера с образовательным взаимодействием, можно утверждать, что чем выше профессиональный уровень преподавателя, тем ближе его собственное понимание текста к его же объяснению, в котором, естественно, должны учитываться ситуации множественности интерпретаций. И не ясно – строить объяснения таким образом, чтобы минимизировать интерпретации, или же предоставить возможность слушателю самому найти нужный вариант интерпретации среди многочисленных.

С другой стороны, в обсуждаемом утверждении особый интерес представляет его ориентация на обучаемого. Вероятность понимания, безусловно, возрастает при многократном объяснении, причем под этим процессом следует подразумевать многократное знакомство, постижение текста как совокупности знаков, представленного в различных формах дискурса, в том числе в лекциях, книгах, учебных пособиях, научных статьях и других материалах, касающихся конкретного семантического направления.

Психологическим механизмом речевой деятельности преподавателя является путь для производящего высказывания субъекта от смысла к тексту, для воспринимающего – от текста к смыслу. В случае традиционного изложения усвоение учебного материала в виде лекции для воспринимающего информацию этот путь усложняется, вследствие чего снижается эффективность всей деятельности. Происходит это, главным образом, из-за необходимости фиксации слушате-

лем воспринимаемого материала в виде текста. Вынужденный записывать поступающий от лектора учебный материал продлевает путь не от текста к смыслу, а от текста к тексту же. Будет ли у него возможность и желание обратиться к своему тексту (по сути – дубликату учебного, а фактически – его деформированному варианту) с целью извлечения из него смысла? Если – нет, что чаще всего и происходит (если только фиксируемый материал не служит предметом экзаменационного испытания), то и речевую, и учебную деятельности нельзя считать плодотворными, достигшими поставленной цели.

В рамках учебной ситуации возможны следующие варианты моделирования текстов: фиксация самим преподавателем содержания передаваемой информации по ходу изложения материала в виде структурно-логической схемы, в которой фиксируется смысл сообщения – главные смысловые звенья, связи и отношения между элементами сообщаемого материала. Второй формой может служить использование готовой модели учебного сообщения до или в заключение лекции. Однако наиболее результативным является самостоятельное моделирование обучающимися научной информации. Это подтверждается и научными исследованиями. Для того чтобы учесть особенности понимания и возможности студента, преподаватель должен их изучить, опираясь на общие положения и закономерности.

Нужно сделать все, чтобы разобраться, какова та модель, в которую адресат, понимая, будет укладывать сообщаемые сведения. Очень важно в ходе объяснения иметь возможность следить за успешностью понимания и перестраивать в соответствии с этим свою речь. Понимание не возникает само собой, его должны добиваться обе общающиеся стороны. Вероятно, исходным и самым важным на пути организации понимания является разумное построение сообщения.

А.А. Котов, В.С. Гудкова

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА НА УСВОЕНИЕ РЕБЁНОМ ЗНАЧЕНИЙ НОВЫХ СЛОВ

В исследовании проверялась гипотеза о том, используют ли дети 3 и 4 лет информацию о социальном контексте, создаваемом взрослым для научения значениям новых слов. Мы предполагаем, что ребенок в младенческом и раннем возрасте располагает возможностью создавать базу совместных со взрослым значений. Такая база строит-

ся на основе совместных действий ребенка со взрослым и постоянно опосредует внимание ребенка к новым действиям и словам взрослого. Это опосредование работает таким образом, что внимание привлекается и усиливается к такой новой информации, которая появляется при сохранении контекста совместной деятельности (например, сохранение сюжета игры и присутствие только тех людей, которые были при ее создании).

В нашем исследовании приняли участие 40 детей из двух муниципальных детских садов от 2,7 до 4,4 лет ($M = 3,6$). Для исследования мы сделали лабиринт, представляющий собой деревянную площадку с бортиками, внутри которой параллельно друг другу были расположены тонкие деревянные планки с отверстиями в разных местах, образующие коридоры. Мы выбрали набор объектов приблизительно одинакового размера, но разной формы. Детям произносили инструкцию: «Представь, что перед тобой зоопарк. Вот коридоры, вот звери, вот клетки. Тебе нужно помочь ему (показывается целевой объект) добраться от этой клетки до своей, где его ждет еда. У тебя есть палочка, с помощью которой тебе нужно ему помочь пройти. Руками его трогать нельзя». Объектом, который было нужно провести через лабиринт, была беруша оранжевого цвета.

После того, как ребенок начинал выполнять задание и проходил приблизительно половину лабиринта, экспериментатор произносил инструкцию снова, однако уже с названием для целевого объекта, который нужно было переместить по полю: «Представь, что перед тобой зоопарк. Вот коридоры, вот звери, вот клетки. Тебе нужно помочь добраться от этой клетки до своей ему, его зовут “моди”, где его ждет еда. У тебя есть палочка, с помощью которой тебе нужно помочь пройти “моди”. Руками “моди” трогать нельзя». В первом условии, со сменой социального контекста, ребенок начинал выполнять задание наедине с экспериментатором. Перед повторным произнесением инструкции заходил помощник экспериментатора и садился рядом с ребенком. Во втором условии, с сохранением социального контекста, помощник экспериментатора присутствовал с самого начала и не уходил до конца выполнения задания.

Таким образом, согласно нашему предположению, повторное произнесение инструкции имело различный смысл для детей в двух условиях. В первом условии, со сменой контекста, повторение инструкции могло быть интерпретировано как произнесение ее для другого взрослого, который не был знаком с действиями играющих. В этом случае внимание к информации, содержащейся в инструкции

при повторном произнесении, должно быть снижено, и новое слово, которым назывался объект, должно быть пропущено. Во втором условии повторение инструкции уже не могло быть интерпретировано как произнесение ее для другого взрослого, поскольку он присутствовал с самого начала. В этом случае внимание к информации, содержащейся в инструкции при повторном произнесении, должно быть усилено, поскольку на основе механизма предикативности произнесение информации должно интерпретироваться как важное дополнение – например, привлечение внимания к неправильным действиям ребенка. Тогда ребенок должен запомнить новое слово, которым назывался объект. В тесте перед ребенком на белом фоне выкладывались объекты: все старые, включая «моди», и новые – другой формы и цвета, а также объект с такой же формой, но другого цвета – зеленая беруша. Ребенка просили дать экспериментатору «моди».

Результаты и обсуждение. В тесте каждый ребенок, который проходил одно из двух условий, мог ответить или правильно, или неправильно, т. е. запомнить значение нового слова или нет. Распределение количества ответов оценивалось с помощью критерия χ^2 . Зависимость продуктивности понимания значений новых слов от экспериментального условия статистически значима, $\chi^2(1) = 19,80$, $p < 0,001$. Большинство детей в условиях с сохранением социального контекста запоминали новое слово (80 %), а большинство детей в условиях со сменой контекста – нет (90 %).

Таким образом, наша гипотеза о чувствительности детей к социальному контексту при усвоении значений новых слов подтвердилась. О том, каковы механизмы этой чувствительности, и каково ее возможное последующее развитие в онтогенезе, мы расскажем в докладе.

Е.Е. Котова

МЕТОД ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Вопросы разработки оценочных средств результатов обучения и компетенций в соответствии с новыми образовательными стандартами в настоящее время являются достаточно актуальными. Компетентность, характеризующаяся определенным набором компетенций, которые принято рассматривать как сумму знаний, умений и поведенческих навыков, необходимых для выполнения определенных задач, является показателем качества подготовки выпускника в процес-

се обучения к будущей профессиональной деятельности, поэтому необходимо искать способы количественных оценок качества подготовки. Многие исследователи (например, Лайл М. Спенсер, Сайн М. Спенсер (2005), А. Уолш, Дж. Равен (2002) предлагают словари профессиональных компетенций, модели компетенций, классификации, базы данных компетенций, методы оценки компетенций, численные критерии компетенций с целью различий «превосходного и среднего исполнения» в определенных видах деятельности и должностей, но отмечают отсутствие способов выявления компетентностей высокого уровня, измерительных моделей, систем оценивания. Отмечается рост числа вопросов, нуждающихся в разъяснении и осмыслении, и отсутствие «развернутой диагностики реальных компетенций» в существующих работах (Андреев А., 2005). Например, предлагается использовать структурные матрицы оценки компетенций выпускников и отмечается, что «проектирование комплексных оценочных средств для контроля качества подготовки выпускников при реализации многоуровневых программ ВПО, основанных на компетентностном подходе, является сложной, многокомпонентной задачей» (В. Богословский, Е. Караваева, А. Шехонин, 2007). Оценочные средства для контроля качества освоенных студентами знаний в терминах компетенций принципиально отличаются от оценочных средств, предназначенных ранее для контроля знаний, умений, навыков (ЗУН). Несмотря на наличие публикаций по данной теме, в настоящее время отсутствуют механизмы оценки результатов освоения образовательных программ в соответствии с предъявляемыми современными требованиями в терминах компетенций. Необходимо разрабатывать способы оценивания степени сформированности компетентности студента в процессе его обучения с целью выработки дальнейших стратегий управления учебным процессом.

Задача нашей работы – нахождение стандартных процедур оценки уровня формирования компетенций с целью построения индивидуального профиля обучения студента в динамике его развития в процессе обучения. Предлагается построение формальной обобщенной модели в виде следующего кортежа $K = \langle \text{Комп}, \text{Сп}, \text{Кач} \rangle$, где Комп – компетенции, относящиеся к конкретной специальности и направлению подготовки, Сп – способности, Кач – личные качества конкретного студента. В качестве входных параметров модели необходимо задать число предметов, преподаваемых студенту, вектор успеваемости, число формируемых компетенций, веса (значимости) компетенций по мнению i -го эксперта, которым может быть, напри-

мер, работодатель. На следующем шаге необходимо задать степень важности (вкладов, нормированных по сумме) учебных дисциплин (предметов) в формировании компетенций в виде матрицы. На основании вектора оценок по предметам и важности (вкладов) предметов в компетенции можно получить оценки по компетенциям студента (обучаемого). Далее предлагается оценить так называемую «привлекательность» студента (выпускника) для заказчика (например, работодателя) при помощи введения обобщенного показателя по методике, основанной на мнениях конкретных экспертов. По каждому предмету от экспертов необходимо получить информацию о «вкладах» конкретной дисциплины учебного плана во все компетенции. Для последующего комплексирования мнений экспертов будем учитывать значимость эксперта p -го предмета по каждой оцениваемой им компетентности, сформировав вектор компетентности. Таким образом, можно построить вектор обобщенных мнений экспертов с учетом их значимости. При помощи определенных векторных преобразований получим показатель уровня сформированности профессиональных компетенций в виде профиля в динамике его формирования на каждой стадии обучения студента.

В результате разработан метод оценки компетенций и «привлекательности» студента – будущего специалиста для работодателя, а также методика получения важности вкладов учебных дисциплин (предметов) в компетенции на основании мнений экспертов с учетом их значимости.

С.Ю. Лавренчук

ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ: ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Быстрые и динамичные изменения социокультурной реальности дают уникальную возможность изучения их влияния на личность. По мнению современных исследователей (Захаров С.В., 2007, Андреева Г.М., 2009 и др.), в наибольшей степени отвечающим задачам исследования переходных процессов в обществе является метод сопоставления показателей, характеризующих различные поколения или когорты, группы, представители которых родились примерно в одно время и имеют одинаковый культурный, исторический опыт в сходные периоды жизни (когортный метод). Теоретико-методологической

основой исследования является подход российской психологической школы (Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский и др.) к пониманию и описанию влияния исторических и социокультурных изменений на развитие личности.

Нами было проведено эмпирическое исследование по изучению системы отношений личности, наиболее полно отражающей отношение человека к себе, другим и окружающему миру, оказывающей влияние на его поведение и в силу этого являющейся значимой для понимания человека, взрослых женщин трех поколений в составе одной семьи: «бабушек» 1920–1945 гг. рождения, «матерей» 1948–1964 гг. рождения и «дочерей» 1975–1988 гг. рождения в количестве 90 человек. Изучение нескольких поколений прямых родственников одного пола дает возможность при сравнении разных поколений максимально устранить или нивелировать различия в культурном контексте, социально-экономическом статусе, национальности и религиозных убеждениях. В качестве психодиагностических методик нами были использованы: методика Шварца для изучения ценностных ориентаций личности, Тест смысложизненных ориентаций Леонтьева, методика диагностики межличностных отношений Лири, Q-сортировка для диагностики показателя самооценки, авторский опросник для выявления представлений об успешности и идеальном партнере.

В результате проведенного эмпирического исследования выявлено: 1) различия в ведущих ценностных (безопасность и доброта для старшего и среднего поколений, достижения и гедонизм – для младшего) и смысложизненных ориентациях (на будущее – для старшего и среднего поколений, на настоящее – для младшего), стилях поведения в межличностных отношениях (более альтруистический для старшего и среднего поколений, более критический («скептический», «подозрительный») – для младшего) определяются принадлежностью к поколению, время жизни которого связано с определенными социокультурными и историческими изменениями в обществе; 2) степень выраженности ряда динамических характеристик, описывающих способ отношения с миром, не одинакова для женщин разных поколений и имеет статистически значимые различия: отмечен рост значимости ценностей самовозвышения и открытости изменениям при убывании значимости ценностей самотрансцендентности и консерватизма; уменьшение выраженности факторов доминирования и дружелюбия в межличностном взаимодействии; рост значимости жизни в настоящем; уменьшение значимости внешней оценки собственной жизни при росте значимости собственных оценок от старшего к младшему

поколению; 3) принадлежность женщины к конкретному поколению определяет, насколько определенные ценности выступают в качестве детерминантов ее поведения и насколько ее смысложизненные ориентации связаны с настоящим; 4) связи в системе отношений женщин каждого из поколений неодинаковы (наибольшая связанность ценностей на уровне представлений и поведения; уровня самооценки и всех показателей смысложизненных ориентаций женщин среднего поколения по сравнению с младшим и старшим; связь выраженности ориентации на безопасность и доминирование в поведении среднего поколения, безопасность и дружелюбие – старшего) и могут служить дополнительной характеристикой «социального характера» поколения.

Полученные результаты дают возможность для выявления потенциальных конфликтных моментов во взаимодействии представителей разных поколений как в составе одной семьи, так и в составе других социальных групп в обществе в целом, могут быть использованы в работе с семьей, молодежью, при построении воспитательных программ, индивидуальном и групповом психологическом консультировании.

Н.В. Ланина

ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК СПОСОБ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Современная социальная ситуация в нашей стране большинством исследователей рассматривается как кризисная, характеризующаяся неопределенностью в связи с быстрыми темпами социально-культурных, экономических, политических и других изменений в обществе. То, как личность чувствует себя психологически в подобной ситуации, – во многом показатель личностного и психологического здоровья. С одной стороны, известно, что ситуация неопределенности повышает психическое напряжение и в случае ее хронического присутствия может усугублять здоровье и эмоциональное состояние личности. С другой стороны, сегодня декларируется, что зрелая и творческая личность должна воспринимать неопределенность как нормальную ситуацию, мобилизующую на поиск успешного решения, активизирующую творческий потенциал. В ситуации образования на повестку дня ставится проблема развития творческой личности, несущей в себе целый ряд компетентностей, расширяющих диапазон воз-

возможностей человека в разных ситуациях, включая кризисные. Актуальность приобретают новые образовательные и психологические технологии, активное использование которых облегчило бы становление «новой» личности, способной жить в изменяющемся мире не только на уровне адаптации и применения психологических защит, но путем активного совладающего поведения.

Для определения степени активности развивающейся личности и конструктивности ее поведения в трудных ситуациях нами изучались стратегии и модели преодолевающего поведения среди студентов 5-го курса факультета иностранных языков ВГПУ. В основу исследования был положен опросник SACS – «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Хобфолл С., 1994). С. Хобфолл стратегическое направление преодолевающего поведения в содержательном плане описывает посредством трех координат: ось «просоциальная – асоциальная стратегия», ось «активность – пассивность», ось «прямое – не прямое поведение». В зависимости от степени конструктивности стратегии и модели поведения могут способствовать или препятствовать успешному преодолению стрессов, оказывать определенное влияние на здоровье субъектов общения и деятельности. «Здоровое» преодоление является активным, просоциальным и гибким. Активное преодоление в сочетании с положительным использованием социальных контактов повышает стрессоустойчивость человека.

Результаты исследования с опорой на среднегрупповые значения показали, что удельный вес просоциального поведения студентов (вступление в контакт и поиск социальной поддержки) среди других моделей составляет 24 % с незначительным преобладанием над асоциальным поведением в виде агрессивных действий и асоциальных действий (21 %). Оси активности и пассивности поведения составили соответственно 11 % и 22 %, причем высокий уровень пассивного поведения в виде избегания показали 43 % студентов, в виде осторожности действий – 29 % студентов. Оси «прямое – не прямое поведение» в репертуаре всех моделей поведения составили соответственно 10 % и 11 %. Высокую импульсивность в поведении показали 43 % студентов.

Таким образом, для большинства студентов более характерными оказались стратегии пассивности (осторожные действия, уход от решения), а просоциальная линия поведения в виде вступления в социальный контакт, поиска социальной поддержки зачастую сопровождается агрессией и асоциальными действиями. К сожалению, не отмечается заметного преобладания показателей ассертивности (уве-

ренности) поведения (11 %) над показателями агрессивности и асоциальных действий (10 % и 11 %).

Выявленные недостаточная социальная смелость, пассивность в виде ухода от проблем свидетельствуют о неготовности студентов спокойно и уверенно рассматривать новые ситуации в меняющемся мире. Очевидно, что повышенная асоциальность и агрессивность поведения являются компенсаторным механизмом преодоления внутреннего психологического дискомфорта, неуверенности в себе и негативизма к окружающему. Неопределенность ситуации, темп изменений в нашей стране и в мире в целом явно опережают личностную готовность молодежи к успешной социализации и самореализации, к здоровому способу жизни в современном мире. Выработка стратегий поведения во многом зависит от характера восприятия личностью ситуации неопределенности и себя в данной ситуации. В связи с этим можно говорить о интенсификации интерактивных методов обучения в учебных заведениях, построенных на принципах психотерапии, способствующих личностному росту и успешно корректирующих выявленные тенденции развития личности современной молодежи.

Р. Лекавичене (R. Lekaviciene), Д. Антинене (D. Antiniene)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ЛИТВЫ

Кардинальные социальные изменения последнего десятилетия в Литве, а также постоянно возрастающий темп жизни ставят перед личностью высокие требования. Профессиональная и академическая компетенция сама по себе не может гарантировать высокую социальную адаптивность личности. В стремительно развивающемся обществе в рядах удачливых чаще оказываются люди, способные соответствующим образом сориентироваться в социальных ситуациях и эффективно участвовать в социальных взаимосвязях.

Социальная компетентность личности – один из важнейших факторов, влияющих на ее психосоциальную адаптацию. Правда, само понятие социальной компетентности в научной литературе определяется по-разному. Разные авторы детализируют понятия социально-компетентного поведения, раскрывая многослойность конструкта социальной компетентности: акцентируется когнитивное, эмоциональное и моторное управление видами поведения, в определенных

ситуациях ведущее к долговременному благоприятному отношению между положительными и отрицательными последствиями; указывается готовность индивида найти и осуществить приемлемый компромисс между социальным приспособлением, с одной стороны, и индивидуальными потребностями – с другой; также признается, что социальная компетентность не имеет ничего общего с агрессивностью и подразумевает уважение к правам и долгу других людей и т. д. Обобщая, можно утверждать, что с преобладающей в психологии точки зрения, конструкт социальной компетентности соотносится с контекстом, ориентированным на действие, активность, и связан со специфическими целями и транзакциями личности. Социальная компетентность определяет уровень эффективности социального поведения. Как уже говорилось, за последние годы в Литве произошли огромные социальные, экономические изменения, а также изменения в мышлении людей, поэтому целью исследования было оценить динамику социальной компетентности литовских студентов за последнее десятилетие и установить социально-демографические факторы, влияющие на социальную компетентность личности.

Первое исследование было проведено в 1998–1999 гг., в нем приняли участие 623 студента из шести высших школ; второе – в 2010–2011 гг., исследовано 590 студентов из семи университетов. В исследованиях использовался Тест социальной компетентности (адаптированный Р. Лекавичене, 1999), анализирующий поведение по семи факторам: F1 – Общая уверенность в себе (эта субшкала предоставляет информацию об уверенности в себе испытуемого в неконкретных, неопределенных ситуациях, о его решительности), F2 – Устойчивость к неудачам и критике (оценивается способность принимать отрицательные оценки окружающих и неодобрение), F3 – Способность выражать чувства (оценивается способность показать свои положительные и отрицательные чувства), F4 – Способность попросить об услуге (способность контактировать со знакомыми и незнакомыми людьми), F5 – Неуступчивость (оценивает поведение испытуемого по отношению к требованиям других людей), F6 – Способность потребовать (оценивается способность выразить претензии в общественном месте в конкретных ситуациях), F7 – Неощущение вины (оценивается чувство вины, которое может возникать при не удовлетворении просьбы и требования других людей). Установленная внутренняя консистентность этих факторов является достаточной (Cronbach alpha варьирует от 0,60 до 0,80; в раннем исследовании – от 0,61 до 0,79).

Результаты показывают, что в настоящее время, в отличие от предыдущего периода десять лет назад, общая уверенность в себе студентов связана с финансовым положением семьи, однако теперь на социальную компетентность не влияет полнота семьи. Усилились связи социальной компетентности с местом происхождения (городом, селом): появились новые связи с общей уверенностью в себе и способностью потребовать; как и ранее, обнаруживаются связи со способностью выражать чувства, неощущением вины; однако фактор неуступчивости уже не является статистически значимым. Некоторые сдвиги произошли и в поведении полов: нет разницы в общей уверенности в себе, неощущении вины, однако остается разница в способности выражать чувства. Как и десятилетие назад, не найдено связи с фактором числа членов семьи (по количеству детей).

Анализ описательной статистики данных показал, что в поведении современных студентов проявляются новые тенденции: больше неуступчивости, неощущения вины, легче выражаются чувства, однако ухудшилась устойчивость к неудачам, критике. Разница уровней социальной компетентности студентов разных университетов статистически незначительна.

В.В. Леммиш

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ПОСЛЕ ВЫХОДА НА ПЕНСИЮ

Человек является субъектом жизнедеятельности, выстраивающим собственное бытие. Он существует в неразрывной связи с жизненной ситуацией, в которой находится и которая определяет его жизненный путь в целом. Конечно, человек далеко не всегда сам может выбирать ситуации, но в его силах повести себя в них тем или иным образом, воспринимая, оценивая их по-своему. Каждый человек обладает определенным потенциалом субъектности, который проявляется в субъект-объектных ориентациях. Они характеризуют степень зависимости внутреннего мира человека от мира внешнего, заключающуюся в «выстраивании» собственного бытия, т. е. субъектной включенности в жизненную ситуацию.

Особенности субъект-объектных ориентаций определяют иерархизацию жизненных целей человека, его потребность в самосовершенствовании и, в конечном итоге, поведение. Одной из проблемных, кризисных жизненных ситуаций, в которой ярко проявляются субъ-

ект-объектные ориентации, является выход на пенсию. Первые годы после выхода на пенсию – это, прежде всего, период освоения новой социальной роли, нового статуса. Он предполагает значительное изменение жизненной ситуации, которая связана как с внешними факторами (официальное прекращение трудовой деятельности, появление свободного времени, ранее занятого работой, изменение социального статуса и др.), так и с внутренними (осознание возрастного снижения физической и психической силы, пассивно-зависимое положение от общества и семьи). Эти изменения требуют от человека переосмысления ценностей, отношения к действительности, к себе, т. е. перестройки своего сознания, поиска новых возможностей и путей реализации своей активности. У пожилых людей процесс перестройки сознания, связанный с выходом на пенсию, происходит по-разному: у одних быстрее и легче, у других – длительное время и со значительными «потерями». При этом успешная адаптация определяется не только их физическим состоянием и экономическим положением, большое значение имеют их субъект-объектные ориентации.

В исследовании приняли участие 92 человека: 48 не работающих пенсионеров, из них 18 мужчин и 30 женщин, и 44 работающих пенсионера, из них 9 мужчин и 35 женщин. Возраст испытуемых: 55–58 лет (женщины) и 60–63 года (мужчины). Для определения способа взаимодействия с жизненной ситуацией использовался опросник жизненных ориентаций Е.Ю. Коржовой (Коржова Е.Ю., 2002). Полученные результаты свидетельствуют о том, что в исследуемых выборках присутствует как некоторое сходство, так и существенные различия. В частности, было выявлено, что статистически значимых различий по частоте встречаемости типов «гармонизатор жизненной ситуации» и «пользователь жизненной ситуации» нет. Однако особо следует отметить, что в обеих выборках доминирует тип «пользователь жизненной ситуации», для которого характерен внутренний трансситуационный локус контроля и трансситуационное приспособление. В исследовании Е.Ю. Коржовой, где респондентами были студенты, данный тип был самым немногочисленным: 8,2 % (в нашем случае 38 % среди не работающих и 50 % среди работающих пенсионеров). Достоверные различия обнаружены по типам «преобразователь жизненной ситуации» ($p \leq 0,05$) и «потребитель жизненной ситуации» ($p \leq 0,01$). Среди работающих пенсионеров значительно больше доля людей с субъектной ориентацией, а среди не работающих – с объектной.

Таким образом, проведенное пилотное исследование позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Переход в статус пенсионера, безусловно, является проблемной ситуацией, поскольку требует существенной перестройки жизненной стратегии. Отсутствие в обществе устоявшихся позитивных образов старости блокирует проявление субъектности. Имея ресурс в виде трансситуационной интернальности, значительная часть людей, вышедших на пенсию, предпочитают активному взаимодействию с новой жизненной ситуацией пассивное приспособление. Причем реальное прекращение трудовой деятельности, по-видимому, усугубляет данный процесс и способствует формированию потребительской позиции. Подтверждением тому является тот факт, что среди работающих пенсионеров значительно больше доля людей с субъектной ориентацией, а среди не работающих – с объектной. На наш взгляд, ситуация может существенно измениться, если в обществе будет сформирована геронтокультура и период старения будет восприниматься как полноценный период жизни, приносящий радость, связанную с возможностью дальнейшей самореализации.

Е.В. Леонова

СОПРОВОЖДЕНИЕ АДАПТАЦИИ ПЯТИКЛАССНИКОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Проблема адаптации учащихся в новой образовательной среде при переходе к очередному уровню (ступени) образования, от дошкольного до высшего профессионального, в последнее время является одной из актуальных проблем современного российского образования. В течение всего периода обучения на допрофессиональном и начальном профессиональном этапах непрерывного образования каждый обучающийся не один раз оказывается в ситуации адаптационного стресса. Разработанная нами модель адаптации обучающихся в новой образовательной среде включает в себя совокупность технологий психолого-педагогического сопровождения дошкольников, школьников и студентов в течение подготовительного и адаптационного периодов. Психолого-педагогическое сопровождение адаптации в новой образовательной среде направлено на помощь в развитии личностных компетенций, обуславливающих успешность учебной деятельности на новом этапе; снятие эмоционального напряжения и повышенной тревожности; развитие коммуникативных способностей

и формирование коллектива обучающихся; развитие творческих способностей.

В настоящей статье представлены результаты экспериментальной проверки психолого-педагогического сопровождения адаптации пятиклассников к обучению в основной школе. Экспериментальное изучение эффективности разработанной нами модели психолого-педагогического сопровождения пятиклассников проводилось нами на базе муниципального образовательного учреждения «Гимназия г. Обнинска». Экспериментальную группу (ЭГ) составили учащиеся 5Б класса в количестве 23 человек. Контрольную группу (КГ) составили учащиеся 5А и 5В классов в количестве 43 человек. Основной целью психолого-педагогического сопровождения адаптации пятиклассников являлось создание эмоционально благоприятного психологического микроклимата в классе и повышение школьной мотивации посредством развития навыков межличностного общения школьников, снятия эмоционального напряжения и тревожности, формирования коллектива класса. Занятия проводились в форме социально-психологического тренинга и включали упражнения на знакомство, сближение, образование команды, а также на творческую командную деятельность. На каждом занятии применялись методы активизации творческого мышления, направленные на запуск механизмов саморазвития у подростков. Всего было проведено 18 занятий.

Анализ индивидуально-психологических показателей адаптации показал, что в ЭГ произошли статистически значимые позитивные изменения в уровне школьной тревожности (по методике Филлипса, $T = 2$, $p < 0,05$) и повысилась эмоциональная стабильность (фактор С CPQ Кеттелла; $T = 78,5$, $p < 0,05$). В КГ тревожность повысилась у пятиклассников с изначально низким уровнем тревожности ($T = 10,5$, $p < 0,01$), а у пятиклассников с изначально повышенным уровнем тревожности значимых изменений не отмечено. По показателям организованности (Q3) и ответственности (G) значимых изменений ни в КГ, ни в ЭГ зафиксировано не было. По экспертным оценкам учителей, такие показатели дезадаптации, как «усталый внешний вид» и «частые пропуски занятий» на общем невысоком фоне в ЭГ ниже, чем в КГ, различия статистически значимы ($U = 253$, $p < 0,01$; $U = 339,5$, $p < 0,05$ соответственно).

Оценка направленности личности показала, что в ЭГ в целом более высокие показатели по школьной мотивации, при этом различия между ЭГ и КГ статистически значимы по коммуникативному мотиву ($U = 55$, $p = 0,00$), а также по мотивам поощрения ($U = 264$, $p = 0,002$)

и саморазвития ($U = 30$, $p = 0,00$). Деятельностный компонент адаптации пятиклассников экспериментальной и контрольной групп оценивался с помощью экспертных оценок учителей по показателям «соблюдает принятые нормы поведения», «успешно справляется с заданиями в школе и дома», по которым были установлены статистически значимые различия ($U = 240,5$, $p < 0,01$; $U = 197,5$, $p < 0,01$ соответственно) между ЭГ и КГ. Сравнительный анализ показателей личностного компонента адаптации (открытость для общения с учителем и одноклассниками, социальная смелость) показал, что пятиклассники ЭГ по сравнению с КГ в большей степени открыты для общения с учителем ($U = 120$, $p < 0,01$) и одноклассниками ($U = 151$, $p < 0,01$), более активно участвуют в общественной работе и жизни коллектива ($U = 132,5$, $p < 0,01$). Также мы установили, что в ЭГ произошли статистически значимые изменения по фактору Н социальной смелости ($T = 23,5$, $p = 0,038$).

Таким образом, доказана эффективность психолого-педагогического сопровождения адаптации пятиклассников в форме социально-психологического тренинга с применением методов творческого развития.

А.Л. Мазалецкая

МОТИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

На современном этапе развития общества достаточно остро стоит вопрос о сохранении кадрового потенциала российской науки. Особое внимание уделяется разработке системы нематериальной мотивации молодых ученых с учетом специфики их мотивационно-ценностной сферы. В подавляющем большинстве исследований, посвященных изучению «человека науки», делается предположение, что ученые обладают некоторыми сходными психологическими особенностями. Соответственно, можно предположить, что если определить эти особенности, появляется возможность уделить особое внимание их формированию на самых ранних этапах становления личности ученого, еще во время обучения в вузе.

Можно выделить две основные категории студентов, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность: студенты, включенные в научную деятельность в силу объективной необходимости (написание и защита курсовых и дипломных работ), и студенты, ак-

тивно участвующие в научной жизни. В процессе исследования данной проблемы мы обратили внимание на относительную легкость перехода студентов из одной категории в другую под влиянием ряда мотивационных факторов.

В рамках нашего исследования подробно изучались особенности мотивации научно-исследовательской деятельности студентов с разной степенью вовлеченности в процесс научно-исследовательской деятельности. Для того чтобы дифференцировать выборку студентов, была разработана специальная анкета. Вопросы анкеты были подвергнуты экспертному оцениванию, в соответствии с которым ранжировались ответы студентов. Таким образом, были набраны две группы студентов, и далее сравнивались потребности, дифференцирующие эти группы. В качестве диагностического инструментария использовалась методика «Мотивационный профиль личности» (П. Мартин, Ш. Ричи).

На основе результатов анализа различий между двумя группами студентов выявлено, что для каждой из групп существует свое специфическое сочетание наиболее и наименее актуальных (значимых) потребностей, свой мотивационный профиль, что дает возможность количественно оценить относительную значимость этих потребностей. Установлено, что потребность в пытливости, креативности сильнее выражена у студентов, активно включенных в научную деятельность ($p < 0,01$). Этот показатель свидетельствует о наличии в данной группе студентов тенденции к проявлению пытливости, любознательности и нетривиального мышления. Таким образом, через развитие креативных способностей и творческого мышления студентов мы можем стимулировать их стремление к научному творчеству в частности и к научно-исследовательской деятельности в целом. Также у студентов, активно включенных в научную деятельность, сильнее выражена потребность быть примером для сокурсников ($p < 0,05$) и потребность достичь уважения преподавателей ($p < 0,01$). Полученные данные позволяют сделать вывод о необходимости разработки эффективной системы поощрения студентов, принимающих участие в научно-исследовательской деятельности. Выявлено, что у студентов, формально включенных в научную деятельность, сильнее выражена потребность в карьере, чем у студентов, активно включенных в данный вид деятельности ($p < 0,05$), что свидетельствует о недостаточной привлекательности научной деятельности как способа профессиональной самореализации.

Полученные результаты подтверждают мнение, что мотивация научной деятельности является производной от потребностей индивида. Таким образом, необходимость учета потребностей сферы студентов и своевременной ее коррекции на этапе обучения требуют от преподавателей высшей школы высокой поисковой творческой активности, энергии и, безусловно, новых подходов к организации учебной и научно-исследовательской деятельности. Таким образом, представляется возможным на основе исследования мотивационных особенностей студентов с различной степенью вовлеченности в процесс научно-исследовательской деятельности реализовать дифференциальный подход к студентам.

В.Р. Манукян

КРИЗИСНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТУДЕНТОВ-ТРЕТЬЕКУРСНИКОВ

Кризисы, возникающие на этапе обучения в вузе, рассматриваются и как части общего адаптационного процесса «вхождения во взрослость» (Хухлаева О.В., 2008), и как кризисы профессионального развития (Зеер Э.Ф., Пряжников Н.С.). Первичная профессионализация является важной задачей ранней взрослости, успешное решение которой позволяет осуществить переход во взрослость менее болезненно. Поэтому студенческие кризисы мы рассматриваем в русле возрастного развития. Выделяются три кризисных этапа студенческой поры: этап адаптации, кризис профессиональной идентичности третьекурсников и кризис профессиональной адаптации выпускников (Белокрылова Г.М., 1997; Кочнева Л.В., 2009; Родыгина У.С., 2007). Кризис третьего курса связывается с трудностями формирования профессиональной идентичности. К середине обучения многие студенты возвращаются к вопросу о правильности выбора вуза, специализации, профессии. Часто возникает когнитивный конфликт, связанный с несовпадением еще абитуриентских представлений и обретенного в процессе обучения видения профессии. Вопросы самоопределения вновь становятся актуальными и переосмысливаются на новом уровне. Успешным разрешением «кризиса третьего курса» становится более ответственное отношение к профессиональному обучению, формируется направленность на личностное и профессиональное саморазвитие.

Было проведено пилотное исследование с участием 53 студентов 3-го курса дневного отделения факультета психологии СПбГУ в воз-

расте 19–23 лет (поддержано грантом РГНФ, проект № 10-06-00490а) с целью уточнения психологического содержания «кризиса 3-го курса». Методический комплекс включал методики: «Изучение привлекательности профессионального будущего» М.Р. Гинзбурга, «Анкета кризисных событий и переживаний для студентов» В.Р. Манукян, шкалы удовлетворенности жизнью опросника «Ваше самочувствие» О.С. Копиной, анкета изучения характеристик профессионального выбора и обучения студентов. К наиболее актуальным для студентов-третьекурсников переживаниям относятся: трудности в распределении времени и сил между различными сферами жизни (учебой, общением, отдыхом, работой), ситуация конфликта одинаково важных потребностей, целей; ощущение сильной усталости и отсутствие энергии для активной деятельности, а также переживание неопределенности и непредсказуемости будущего.

Данный набор переживаний отражает высокую насыщенность жизни студентов, высокую значимость различных ее сфер, связанную с этим проблему распределения сил и времени, а также ситуацию внутреннего конфликта, связанную с необходимостью выбора приоритетных направлений развития. В переживаниях студентов отражается наличие проблемы самоопределения, причем не только профессионального, но и жизненного. У третьекурсников уже проступают черты кризиса «молодого специалиста» – переживание неопределенности и непредсказуемости будущего и переживание собственной компетентности. Тем не менее, психологическое содержание и выраженность кризисных переживаний у студентов имеет высокую индивидуальную вариативность.

На данной выборке были выделены 2 группы студентов: относительно благополучная (с низкой выраженностью кризисных переживаний – 38 %) и «кризисная» (с высокой выраженностью кризисных переживаний – 62 %). Помимо интенсивности переживаний, студенты в этих группах различаются также и по характеру ведущих переживаний. В благополучной группе переживания связаны с полнотой жизни и стремлением к самореализации, в кризисной – они комбинируются с интенсивными переживаниями неопределенности и непредсказуемости будущего, с переживаниями страха и индифферентности по отношению к своему профессиональному будущему и переживанием собственной некомпетентности. Уровень удовлетворенности также значительно различается в выделенных группах ($p = 0,03$). Обнаружено также, что в благополучной группе профессиональный выбор был совершен более серьезно и обдуманно ($p = 0,05$). В этой группе зна-

чимо более выражено намерение продолжить образование после обучения в вузе ($p = 0,004$).

Эти факты, подтвержденные результатами корреляционного анализа, позволяют говорить о том, что обдуманый выбор профессии и наличие профессиональных планов нивелируют кризисные переживания студентов. Подтверждается идея о преемственности в переживании кризисов: обдуманый выбор профессии, являющийся одним из маркеров конструктивного разрешения юношеского кризиса самоопределения, способствует более конструктивному протеканию процесса профессионализации у студентов ($p \leq 0,01$).

Т.В. Огородова

МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА

В настоящее время в связи с проблемами совершенствования организации педагогического труда, повышения качества работы учителя, адаптации в школе молодых специалистов особую актуальность приобретает задача изучения мотивационно-потребностной сферы личности педагога. В исследовании мы обратились к личности педагога начальной школы, учителя, который играет особую роль в жизни каждого человека. Педагогическая профессия – профессия личностная. Л.М. Митина подчеркивает, что педагог оказывает влияние на личность ребенка, «создает его личность» прежде всего своей личностью, своей индивидуальностью. Б.Ф. Ломов отмечал, что мотивационно-потребностная сфера личности составляет своеобразный фундамент, на котором формируются жизненные цели человека.

Целью нашей работы было исследование мотивационно-потребностной сферы личности педагога начальной школы. В исследовании приняли участие: учителя начальных классов школ г. Ярославля и Ярославской области, педагоги-предметники, студенты 2 и 5-го курсов педагогического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, всего 126 человек. В ходе исследования установлено, что стремление к интересной и полезной работе у педагогов начальной школы является значимой потребностью ($M = 42$). Таким образом, учителя младшей школы в наибольшей степени мотивированы именно ощущением пользы от своей работы или интересом к ней. Наименее выраженной является потребность во власти ($M = 18$). Это может быть связано с высоким авторитетом учителя для младших школьников, который

позволяет оказывать большое влияние на воспитанников. Таким образом, реализация потребности снижает ее актуальность. Выявлено, что между группами педагогов начальной школы и педагогами-предметниками большее количество достоверных различий, чем между педагогами начальной школы и студентами педагогической специальности. Можно сделать предположение, что мотивационно-потребностная сфера формируется на этапе профессионального самоопределения и профессионального становления личности. А различия в мотивационно-потребностной сфере педагогов начальной школы и педагогов-предметников связаны с особенностями профессиональной деятельности.

Сравнительный анализ структур мотивационно-потребностных сфер педагогов с ситуативным и надситуативным уровнем мышления выявил большее количество корреляционных связей в структурограмме педагогов с надситуативным уровнем мышления. Можно предположить, что структура мотивационно-потребностной сферы педагога с надситуативным уровнем мышления более подвержена влиянию и менее устойчива, а также отличается большими адаптивными возможностями, по сравнению со структурой ситуативно мыслящих педагогов. Чем более развита структура мотивационно-потребностной сферы, тем выше возможности компенсаторных отношений между потребностями. Недостаточная сила одних потребностей может быть компенсирована или уравновешена другими. Потребность в креативности является ведущей в структуре мотивационно-потребностной сферы педагогов с надситуативным уровнем мышления.

На основании анализа мотивационно-потребностных сфер студентов педагогического вуза и педагогов нами были получены следующие результаты: во-первых, студенты пятого курса испытывают большую потребность в структурировании своей работы, что снижает неопределенность и сопутствующее ей беспокойство, которое характерно для выпускников вуза. Во-вторых, потребность в длительных взаимоотношениях более выражена у студентов, в отличие от педагогов, что обусловлено возрастными особенностями. В-третьих, потребность в высокой заработной плате менее значима для студентов второго курса. Таким образом, потребность в материальном достатке более актуальна для педагогов и студентов пятого курса, чем для второкурсников, имеющих материальную поддержку своих родителей. На основании всей совокупности полученных результатов можно сделать вывод, что мотивационно-потребностная структура имеет

свое качественное своеобразие на каждом этапе профессионализации, которые мы рассматривали (второй, пятый курсы, а также специальности-практики).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №11-06-00739а.

М.В. Осорина, А.Ю. Жукова

КОГНИТИВНЫЕ ПРИВЫЧКИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ СТУДЕНТОВ

Взрослые, интеллектуально успешные люди достаточно часто допускают «детские» ошибки при решении интеллектуальных задач. С точки зрения генетической эпистемологии Жана Пиаже, это может показаться странным и недопустимым. Действительная причина этих ошибок связана не со слабостью интеллектуальных способностей, а с недостатками развития метакогнитивных навыков. Студент может обладать хорошим интеллектуальным потенциалом, но демонстрировать низкую успешность умственной деятельности (Осорина М.В., Щербакова О.В., Аванесян М.О., 2011).

Одной из форм проявления навыков метакогнитивной регуляции являются когнитивные привычки. В нашей работе они рассматриваются как устойчивые способы интеллектуальной работы личности, выполняющие регуляторные функции и формирующиеся в процессе социального взаимодействия в онтогенезе. Мы полагаем, что у каждого человека сформирована целая система когнитивных привычек, обеспечивающих регуляцию умственной работы. Некоторые из этих привычек могут значительно тормозить получение успешного результата, быть причиной больших затрат времени и энергии, а также ухудшения эмоционального состояния. Другие привычки, наоборот, успешно способствуют достижению интеллектуальных целей. Хочется подчеркнуть социальную природу этого феномена. Личность, формирующаяся в процессе социализации, является «хозяйкой» интеллекта, что и обуславливает преобладание у человека того или иного вида привычек. Благодаря тому, что когнитивные привычки являются продуктом, приобретенным в результате жизненного опыта, существует возможность их изменить к лучшему. Первым шагом на этом пути является диагностика системы когнитивных привычек, которые обычно управляют ходом умственной работы данного человека.

Исследование заключалось в проведении серии интервью с 15 успешными студентами, в ходе которых диагностировалась система когнитивных привычек личности, история их формирования и содержательная структура, а также в электронном опросе 114 студентов 1–5 курсов, ответивших на 70 вопросов специального опросника. Выяснилось, что когнитивную привычку можно рассматривать как устойчивую программу действий, которая была выработана в ходе многократного повторения данной формы поведения или является результатом однократного, но эмоционально значимого события.

Обнаружилось, что можно выделить возрастные периоды наиболее активного формирования когнитивных привычек студентов:

1) возраст 5–7 лет – период подготовки к школьному обучению, когда формируются базовые когнитивные привычки; 2) возраст 6–8 лет – первый год обучения в школе и появление первой учительницы в качестве авторитетной фигуры определяют формирование привычек, обеспечивающих самостоятельную интеллектуальную работу; 3) подростковый возраст (13–14 лет) – начало осознанного и целенаправленного формирования когнитивных привычек; 4) первый год обучения в вузе становится «взрывом» в организации системы когнитивных привычек, когда переформируются старые и создаются принципиально новые привычки.

В структуре когнитивной привычки можно выделить три основных компонента: ценностную основу, на базе которой сформировалась привычка, алгоритм действий, а также внешние условия, которые «запускают» развертывание соответствующей программы. Когнитивные привычки имеют регуляторные функции и управляют поведением человека, разворачивающегося на разных уровнях организации. Когнитивные привычки определяют:

– создание психофизиологического состояния, привычного для осуществления когнитивной деятельности (отметим, что, с точки зрения объективного наблюдателя, это состояние может показаться неадекватным и дискомфортным);

– форму протекания мыслительной деятельности (границы, темп, этапы интеллектуальной работы, критерии оценки правильности результата и завершенности мыслительного акта);

– обеспечение взаимосвязи когнитивной деятельности и внешне-го поведения;

– поддержание привычного самоотношения и сложившихся отношений с внешним миром (например, нежелание доделывать работу

до конца является способом подтверждения отрицательной самооценки);

– создание внешне-ситуативных условий, необходимых для протекания интеллектуальной деятельности.

Когнитивные привычки можно рассматривать в качестве показателя уровня метакогнитивной саморегуляции и важного индикатора отношения личности к интеллектуальной деятельности как таковой, к себе как субъекту познавательной деятельности, а также отношения к конкретной задаче, решаемой человеком.

М.А. Пахмутова, С.И. Розум

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА САМООРГАНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

На современном этапе развития отечественной психологии все большее распространение получает системный подход применительно к изучению различных сторон психической жизни человека. Сам человек, в рамках этого подхода, представляет собой некую систему, состоящую из подсистем и, в свою очередь, включенную в макросистему (общество). Б.Г. Ананьев, рассматривая человека как открытую систему, в то же время отмечал наличие в ней закрытой системы, к которой он относил тенденции и потенции человека. Замкнутой системой он назвал индивидуальность, как менее динамичную и более устойчивую структуру. Личность, наоборот, он рассматривал как открытую систему, взаимосвязанную с индивидуальностью через деятельность (посредством субъекта деятельности). Чтобы иметь некоторое представление о том, какую систему представляет собой личность, необходимо обратиться собственно к понятию «система».

В.Н. Костюк отмечает, что «нечто может не быть системой относительно отношения R, но быть системой относительно другого отношения Q». Когда мы говорим о системе, состоящей из неких элементов, то эти элементы должны: а) обладать неким единым свойством; б) находиться в неких отношениях между собой. Некими элементами личности как системы, можно предположить, являются смыслы, ценности и цели. Общим свойством для всех этих элементов является их влияние на функционирование личности в обществе. Связи и отношения между этими элементами выстраиваются по иерархии: смыслы – ценности – цели.

Личность является социальным качеством человека, поэтому личность открыта новой информации. Обмен информацией и энергией повышают неустойчивость открытой системы, что, тем не менее, является условием для развития системы. Развитие системы – есть изменение способа поведения системы, которое связано со сменой состояний. Самоорганизация системы характеризуется тем, что менее устойчивое состояние заменяется более организованной структурой и более устойчивым состоянием. Для психологии личности важно определить те показатели, которые будут определять пространство состояния личности как системы. В механике состояния системы задается координатами и импульсами. В психологии возможно использовать с этой целью шкалы личностных опросников в зависимости от предмета исследования (например многофакторные опросники). Процесс самоорганизации характеризуется образованием новых структур в системе.

Здесь следует отметить, что новые структуры не появляются сами по себе, а заложены имплицитно в системе как потенциальные. Самоорганизация происходит при условии превышения уровня внешнего воздействия на систему некоторого критического значения. Как отмечает В.Н. Костюк, «именно при критическом уровне внешних воздействий флуктуации в условиях неравновесности становятся настолько большими, что вызывают актуализацию соответствующего фрагмента потенциальной структуры». Если принять условие, что элементами системы являются смыслы, ценности и цели, то феномен самоорганизации личности возможно зафиксировать через внешние показатели (организация собственной деятельности, организация поведения т. д.) и в то же время соотнести эти показатели с характеристикой связей между элементами.

Таким образом, модель феномена самоорганизации личности можно построить на основе внешних показателей организации деятельности человека, соотнесенных с результатами опросников, способных раскрыть особенности связей между смыслами, ценностями и целями.

И.Н. Погожина

ДЕЦЕНТРАЦИЯ И КОНКРЕТНО-ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ МЫШЛЕНИЯ: ПРИРОДА ВЗАИМОСВЯЗИ

Согласно Пиаже, главной особенностью детского мышления является эгоцентризм. Развитие идет от эгоцентричности к интеллектуальной децентрации, что обуславливает появление конкретно-операциональных структур (логических операций классификации, сериации, понимание принципа сохранения). Результаты наших исследований показали, что существует статистически значимая корреляционная связь между умением децентрироваться и уровнями сформированности логических операций: чем выше показатели умения децентрироваться, тем выше уровни сформированности логических операций классификации, сериации и понимания принципа сохранения. Вопрос о причинной взаимосвязи между ними остается открытым. Децентрация, по Пиаже, не достигается путем приобретения нового знания в обучении. Изменение исходной позиции и формирование логических операций у ребенка может произойти только в ходе его самостоятельного взаимодействия с предметами. Однако в рамках деятельностного подхода утверждается, что одной из детерминант развития является передача и усвоение знаний об объектах и их свойствах, действиях с ними, логических отношениях и операциях путем сообщения этих знаний в общении и обучении.

Одной из проблем, связанных с изучением взаимосвязи между децентрацией и развитием логических операций у детей, является проблема последовательности их появления. Изменение показателей децентрации в процессе формирования с последующей диагностикой показателей развития логических операций после обучения – один из путей анализа природы данной взаимосвязи.

Гипотеза: существует причинная взаимосвязь между умением децентрироваться и уровнями развития конкретно-операциональных структур у детей-дошкольников.

Исследование включало 3 этапа: 1) диагностический – диагностика сформированности логических операций классификации, сериации, понимания принципа сохранения, умения децентрироваться; 2) формирующий – формирование умения децентрироваться с помощью методики формирования, разработанной на основе деятельностного подхода под руководством автора; 3) контрольный – аналогичен диагностическому. Испытуемые: 89 детей (5,1 – 7,1).

По результатам диагностики были отобраны 79 детей, у которых умение децентрироваться полностью или частично отсутствует, и разделены на две группы (44 ребенка – основная группа, проводились все три этапа исследования, 35 детей – контрольная, формирующий этап не проводился). С каждым ребенком основной группы индиви-

дуально было проведено диагностическое, семь формирующих, контрольное занятие. У детей, прошедших полный цикл обучения (39 человек), умение децентрироваться сформировалось в полном объеме (III стадия – полная децентрация). У детей, которые нарушили схему формирующего этапа эксперимента, умение децентрироваться сформировалось частично (повысилось: с I стадии – отсутствие децентрации до II стадии – частичная децентрация (3 ребенка)) или осталось на прежнем уровне (II стадия – частичная децентрация (2 ребенка)). Следовательно, возможно сформировать умение децентрироваться путем формирования его состава и структуры в процессе специального организованного обучения у старших дошкольников. После формирования умения децентрироваться у детей основной группы повысился уровень развития конкретно-операциональных структур.

Оценка статистической достоверности экспериментальных данных с использованием критерия знаков G показала, что сдвиг к более высоким уровням развития логических операций после формирования умения децентрироваться является неслучайным ($p \leq 0,01$ во всех случаях). У испытуемых контрольной группы результаты решения задач Пиаже по сравнению с диагностическим этапом не изменились. Это свидетельствует о том, что именно формирование умения децентрироваться (а не какие-либо другие факторы – время, стихийное формирование) является причиной повышения показателей развития конкретно-операциональных структур.

Таким образом, гипотезу о существовании причинной взаимосвязи между умением децентрироваться и уровнями развития конкретно-операциональных структур у детей-дошкольников можно считать экспериментально доказанной. Благодаря использованию деятельностного подхода получены новые данные о взаимосвязи когнитивных подсистем в ходе познавательного развития детей-дошкольников и о возможностях успешного целенаправленного развивающего влияния на одни подсистемы (конкретно-операциональные структуры) через формирование других (повышение показателей децентрации).

А.В. Поляков

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ВУЗОВ КОММУНИКАТИВНЫХ ИННОВАЦИЙ

В настоящее время деятельность любого вуза сопряжена с введением различного рода инноваций. Так или иначе с инновациями стал-

квиваются преподаватели вузов, перестраивая свою деятельность, включая в нее новые компоненты. Нововведения с точки зрения социальной психологии изучали Г.М. Андреева, В.И. Антонюк, А.Л. Свенцицкий и др. В рамках этого направления рассматриваются социально-психологические факторы, оказывающие влияние на успешность внедрения нововведений в трудовых коллективах. А.Л. Свенцицкий отмечал наличие психологического барьера как психического состояния личности, с которым неразрывно связаны ее внешне наблюдаемое поведение и субъективные реакции по отношению к нововведениям. Н.А. Ильина выделила три аспекта отношения к нововведению: когнитивный (знания о «плюсах» и «минусах» инновации, источниках идей и т. д.), эмоциональный и поведенческий (разные уровни практического отношения – от широкой поддержки до явного сопротивления). Также рассматривались различные объективные и субъективные факторы, оказывающие влияние на отношение к нововведениям: тип и этап инновационного процесса, ожидание позитивных и негативных последствий от внедрения новшества, особенности состава работников и особенности взаимоотношений в коллективах до и в процессе нововведения.

При достаточно благоприятном отношении к технико-технологическим нововведениям у специалистов организации может отмечаться негативное отношение к организационно-управленческому, и особенно социально-экономическим инновационным аспектам, причем отношение к ним улучшается по мере внедрения, в то время как к технико-технологическим по мере внедрения ухудшается. Чем сложнее инновация, тем хуже эмоциональное к ней отношение и показатели участников ее реализации. Чем более всесторонним является нововведение, тем хуже отношение к нему.

В период 2010–2011 гг. нами была проведена экспертная оценка факторов, которые можно было бы отнести к инновациям в образовательном процессе вуза. Эти факторы соотносились с взаимодействиями преподавателей с теми или иными субъектами при осуществлении новой деятельности. Перестройка деятельности преподавателей требует поиска новых способов коммуникации, соответственно можно говорить о коммуникативных инновациях в пространстве вуза. Эксперты (ректоры и деканы факультетов нескольких вузов Санкт-Петербурга) выделили ряд коммуникативных инноваций, которые мы сгруппировали в блоки, соответствующие направлению коммуникативной активности. Так, были выделены инновационные аспекты во взаимодействии преподавателей со студентами, во взаимодействии

преподавателей в системе вуза (с сотрудниками, администрацией и др.), коммуникации преподавателей вне структуры вуза, дистантные формы коммуникаций, маркетинговая деятельность.

На следующем этапе нами было проведено анкетирование преподавателей с целью выявления приемлемости для них тех или иных коммуникативных инноваций, неизбежно включающихся в их профессиональную деятельность. Как оказалось, большинство педагогов считает коммуникативные инновации в своей профессиональной деятельности необходимым явлением. Но гораздо меньшее число их действительно использует. У специалистов с большим стажем работы возникают трудности при реализации дистантных форм взаимодействия, таких как участие в интернет-конференциях, он-лайн общении с коллегами и студентами. Не всегда оказывается успешной коллективная деятельность педагогов по созданию, например, совместных учебных пособий, проведению совместной исследовательской деятельности с коллегами и студентами. Возникшая конкуренция учебных программ подразумевает поиск оптимальных способов презентации авторских дисциплин, требует, помимо содержания предмета, еще и ориентации педагога в виртуальном пространстве, определенных навыков общения со специалистами своего вуза и других.

В настоящее время преподаватели часто оказываются вынужденными предлагать свои услуги в нескольких учебных заведениях, что требует определенной коммуникативной гибкости, которую они не всегда отмечают среди своих личностных свойств. Следующий этап исследования нацелен на сопоставление степени успешности в реализации коммуникативных инноваций педагогами вуза с характеристиками их социально-психологической адаптации, адаптации в вузе, параметрами эмоционального выгорания и др.

Т.В. Разина

ПРОФИЛЬ МОТИВАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Помимо формирования необходимых общекультурных и профессиональных компетенций, вуз должен также формировать и научную картину мира, и мотивацию научной деятельности. В основе выделяемых автором типов мотивации лежат два положения о мотивации научной деятельности, выдвинутых М.Г. Ярошевским: 1) мотивация научной деятельности может быть понята только на пересече-

нии личностной, социальной и логической «осей координат»; 2) можно выделить два типа мотивации – внешнюю и внутреннюю. Внешняя и внутренняя мотивация – две группы мотивов максимально высокой степени обобщения. Они, в свою очередь, дают шесть типов мотивации более низкого, частного уровня. В разработке данных типов мы опирались на положения Г.Г. Дилigentского о типах социально-политической вовлеченности.

Ситуативный мотив (внешний). Студент вовлечен в научную деятельность случайными факторами, например, популярностью избранного научного направления, вниманием к нему СМИ, желанием попробовать себя в новой сфере. Мотив, как правило, не осознается и быстро иссякает. Внутренней личностной ценности научная деятельность не имеет.

Формально-символический мотив (внешний). Студенты включаются в научную деятельность, отдавая должное традициям вузовского образования, считая это необходимым компонентом обучения, не всегда приятным и легким, но подлежащим исполнению. Данный мотив в слабых вариантах скорее неосознаваем, а в сильных вполне осознан. Научная деятельность представляет ценность как средство достижения других целей.

Мотив славы (внешний). Представляет порождение и гипертрофированное развитие формально-символического мотива. У студентов с данным типом четко выделяется желание прославиться, причем именно как личность – сделать грандиозное открытие, внести свое имя в анналы науки, стать известным. Как правило, этот мотив осознан, но в силу своей низкой социальной приемлемости он часто вытесняется и подменяется другими.

Службистский мотив (внешний). Не предполагает заинтересованности в научной деятельности как таковой. Выполнение научных заданий – только средство для достижения других целей – красного диплома, а как следствие – более престижной работы, именных и президентских стипендий и т. п.

Ценностный мотив (внутренний). Научная деятельность выбирается студентом осознанно, в первую очередь из-за познавательного интереса, желания разрешить сложные научные проблемы, поскольку они интересны сами по себе. Научная деятельность для таких студентов – самостоятельная внутренняя ценность.

Идентификационный мотив (внутренний). Ученые и наука идеализируются, основная цель – сделать людей счастливыми, сделать жизнь лучше, студент разделяет гуманистические ценности. При этом

научная деятельность интересна сама по себе, студент постоянно занят исследованиями, чтением литературы, часто в ущерб остальным занятиям.

В исследовании приняли участие 562 студента Сыктывкарского государственного университета 1–5-х курсов в возрасте от 17 до 25 лет. Из них 339 девушек, 223 юноши. На основе авторской теории мотивации была разработана авторская диагностическая методика в форме личностного опросника. Методика прошла процедуру айтем-анализа (трудность и дискриминативность) и проверку на валидность и надежность.

Получены следующие результаты. Наиболее ярко выраженным оказался идентификационный мотив (среднее значение 8,9, std. откл. = 2,7), второй по значимости ценностный мотив (среднее = 8,8, std. откл. = 2,5), третий – ситуативный (среднее = 8,7, std. откл. = 2,1). Далее идут: службистский (среднее = 7,4, std. откл. = 2,2), славы (среднее = 7,1, std. откл. = 2,7), формально-символический (среднее = 7,0, std. откл. = 2,5). Мы видим, что у студентов наиболее ярко выраженными оказались именно внутренние мотивы, что позволяет предположить, что научная деятельность входит в число их ценностей, обладающих побудительной силой. Также высок ситуативный мотив, вероятно в силу высокой степени корпоративности поведения и деятельности в юношеский период. Используя t-критерий Стьюдента, мы установили, что эти мотивы значимо отличаются от трех других, представленных в меньшей степени, внешних мотивов (службистского, славы, формально-символического). Возможно, это объясняется определенным юношеским идеализмом, а также отсутствием опыта серьезной научной деятельности, нереалистичным представлением об ученых и научной деятельности. Тем не менее, доминирование внутренних типов мотивов дает основание в дальнейшем надеяться на выбор многими студентами научной деятельности в качестве профессиональной.

Л.В. Рыкман, Е.Б. Дроздовская

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ПРОФЕССИИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ

В подростковом возрасте начинается планирование своего будущего, выработка морально-ценностных ориентиров и интересов, формирование относительно устойчивого представления о себе и о

других, соотнесение требования будущих профессий и своих особенностей и возможностей. Исследования демонстрируют, что на формирование профессионального самоопределения подростков влияет большое количество внешних факторов: семья и значимые авторитетные люди, образовательная среда, сверстники, СМИ и др. Однако для многих подростков внешние условия не оказывают существенного влияния на выбор профессии в будущем. Значимую роль в формировании профессионально-личностного самоопределения играют психологические характеристики, позволяющие личности конструктивно, зрело подходить к важному жизненному решению.

Целью нашего исследования было выявить взаимосвязь профессионально-личностного самоопределения и социально-психологической адаптации на примере подростков, обучающихся в общеобразовательной школе, и подростков из детского дома. В пилотном исследовании приняли участие 58 подростков 13 и 14 лет. 28 человек – школьники, проживающие в семье. 30 человек – воспитываются и проживают в детском доме. Соответственно задачам исследования был подобран следующий методический инструментарий: определение профессионального типа личности Дж. Холланда, методика «Изучения статусов профессиональной идентичности» А.А. Азбель, методика «Исследование эмоционального отношения к профессиональному будущему» М.Р. Гинзбург, опросник социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда.

Исследование СПА показало, что принятие себя ($p < 0,05$) и эмоциональный комфорт ($p < 0,01$) выше в группе подростков из семей, чем из детского дома. В группе школьников преобладает предпринимательский тип личности, в то время как у воспитанников детского дома сформирован артистический тип личности. Для мальчиков обеих групп характерен реалистический тип, у девочек выражен социальный и артистический типы личности. В обеих группах отмечается заинтересованность, оптимизм и уверенность. Негативные и индифферентные эмоции: страх, индифферентное отношение и тревога ($p < 0,05$) у подростков выражены слабее, чем положительные эмоции. При этом чувство страха ($p < 0,05$), тревоги ($p < 0,01$) выражены значительно сильнее у подростков из детского дома.

Большинство школьников из семей находятся в статусе моратория. Эти юноши и девушки размышляют о возможных вариантах профессионального развития, примеряют на себя различные профессиональные роли, стремятся больше узнать о разных специальностях и путях их получения, исследуют варианты профессионального раз-

вития и активно пытаются выйти из этого состояния, приняв осмысленное решение в отношении своего будущего.

Большинство подростков из детского дома находятся в статусе неопределенной и навязанной идентичности. Это означает, что те из них, которые выбрали профессию, сделали это не путем самостоятельных размышлений, а прислушавшись к мнению авторитетов. Другие учащиеся также не имеют прочных профессиональных целей и планов и не пытаются их сформировать, выстроить варианты своего профессионального развития. У подростков из детского дома системообразующими являются: принятие себя и других. При высоких значениях данных показателей у подростков из детского дома наблюдается сформированный статус ПИ, выражена заинтересованность ($p < 0,05$), снижается безразличие ($p < 0,05$) по отношению к профессиональному будущему. У подростков из детского дома с высокими показателями эскапизма сформирован статус навязанной ПИ. У школьников из семей взаимосвязей больше: при высоких показателях адаптации наблюдается сформированный статус ПИ, повышается оптимизм ($p < 0,05$), снижается безразличие ($p < 0,05$). Принятие других и эмоциональный комфорт прямо связаны с повышением заинтересованности ($p < 0,01$), снижением безразличия ($p < 0,05$). Избегание реальности (эскапизм) повышает индифферентное отношение к профессиональному будущему ($p < 0,05$).

Таким образом, социально-психологическая адаптация является важнейшим фактором профессионального самоопределения. Для подростков из детского дома наиболее важными являются области самопринятия и принятия других, проработка которых может гарантировать успешное прохождение этапа профессионального выбора. Психологическая помощь в профессиональном самоопределении школьников из семей должна быть направлена на улучшение всех показателей социально-психологической адаптации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-06-00490а.

Р.З. Сабанчиева

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Необходимым условием, способствующим успешной самореализации преподавателя высшей школы в профессиональной деятельно-

сти, является наличие профессионального здоровья. Максимальная профессиональная и личностная самореализации при сохранении здоровья и жизненного потенциала возможны при наличии такого важного качества личности, как жизнестойкость. Понятие «жизнестойкость» характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешности деятельности. Жизнестойкость предполагает готовность «действовать вопреки». Наиболее полно исследовал проблему жизнестойкости американский психолог С. Мадди. В модели жизнестойкости Мадди три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. С. Мадди подчеркивает важность выраженности всех трех компонентов для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности и активности в стрессогенных условиях. Жизнестойкие убеждения, с одной стороны, влияют на оценку ситуации – благодаря готовности активно действовать и уверенности в возможности влиять на ситуацию, она воспринимается как менее травматичная. С другой стороны, жизнестойкость способствует активному преодолению трудностей. Она стимулирует заботу о собственном здоровье, благополучии, за счет чего напряжение и стресс, испытываемые человеком, не перерастают в хронические и не приводят к психосоматическим заболеваниям.

Для измерения уровня жизнестойкости нами в исследовании использовался тест жизнестойкости С. Мадди. Русскоязычная версия теста создана Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой. Выборочная совокупность испытуемых составила 125 преподавателей и студентов. В первую выборку вошли 60 преподавателей разных факультетов КБГУ, во вторую – 65 студентов, получающих дополнительную квалификацию «Преподаватель высшей школы».

Результаты оказались следующими: общие показатели жизнестойкости и показатели по всем шкалам жизнестойкости (средние значения в баллах) у преподавателей выше нормы, но в пределах стандартных отклонений. Преподаватели обладают высокой жизнестойкостью, у студентов показатели жизнестойкости значительно ниже по всем шкалам, что можно объяснить особенностями возраста, отсутствием жизненного опыта, социальным статусом. С помощью метода рейтинга, в роли экспертов выступали заведующие кафедрами, деканы, а также с помощью опроса студентов, на основе заранее сформулированных критериев, нами были выявлены преподаватели-Мастера (высший уровень деятельности и самореализации в профессии). В данной выборке их оказалось 5 человек, что составило 8 %.

Проследив показатели жизнестойкости у группы преподавателей-Мастеров, мы обнаружили значения в пределах нормы. Сравнив результаты по показателям жизнестойкости у Мастеров с результатами преподавателей достаточно высокого (25 человек) и среднего уровня мастерства (30 человек), мы обнаружили различия в показателях, они значительно ниже.

При изучении системы деятельности преподавателей-Мастеров оказалось, что они удовлетворены своей профессией (общий индекс удовлетворенности профессией равен 1), считают, что они самореализовались в профессии и также удовлетворены результатами самореализации в профессиональной деятельности. Преподаватели отмечали, что им приходилось сталкиваться с трудностями, непониманием, отсутствием условий, но благодаря выдержке, оптимизму, открытости новому, силе духа и твердой вере в себя они преодолели все трудности, т. е. благодаря жизнестойкости. Среди стимулирующих факторов был назван оппонентский круг, т. е. жизнестойких людей оппоненты только стимулируют.

С.С. Савеньшева

ОТНОШЕНИЕ К СЕМЬЕ И РЕБЕНКУ У МУЖЧИН

Анализ современных публикаций в области психологии отцовства показал, что в настоящее время тема «психология отцовства» находится на этапе скорее теоретического осмысления, чем эмпирического исследования, в противовес психологии материнства, которая последние десятилетия активно разрабатывается как теоретически, так и экспериментально. При этом проблема отцовства изучается чаще всего как один из элементов других феноменов, не являясь по существу предметом изучения. Самостоятельно феномен отцовства предметом изучения ни в рамках детской, ни в рамках семейной психологии не выступает (Ю.В. Борисенко).

Изучение феномена отцовства идет в двух направлениях, первое – отношение к родительству, отцовской роли через призму личности мужчины, и второе направление – изучение влияния отца на развитие различных сторон личности ребенка на разных этапах его развития. Первое направление только в последнее время начинает разрабатываться теоретически и экспериментально. Анализ проблемы отцовства с культурно-исторической точки зрения поднимался в работах М. Мид., И.С. Кона, Т.А. Гурко. Теоретический анализ современ-

ных подходов к изучению феномена отцовства приводится в работе И.В. Павлова. Не только теоретический анализ, но и экспериментальные исследования приводятся в работах Р.В. Овчаровой и Ю.В. Борисенко. Так, в работах Р.В. Овчаровой анализируется психологическая готовность к отцовству, исследуется представление об отцовстве в период ранней взрослости в зависимости от различных факторов. В исследованиях Ю.В. Борисенко феномен отцовства изучается как структурно, так и функционально. Автор рассматривает феномен отцовства с точки зрения зрелости личности, как фактор, влияющий на эффективное развитие личности.

Также встречаются исследования, посвященные отдельным аспектам отцовства, например: мотивационные аспекты отцовства (Т.В. Архиреева), стереотипы современного отцовства (Т.Б. Беляева, О.В. Сокол), вопросы и факторы психологической готовности к отцовству (Е.С. Неумоина, Н.А. Демчук).

Второе направление, связанное с влиянием отца на психическое развитие ребенка, в большей степени, чем первое, представлено эмпирически – изучается влияние отца на интеллектуальное, морально-нравственное развитие ребенка, половую идентификацию, самооценку, волевую сферу, сферу семейных отношений, наиболее часто такие исследования проводятся методом сравнения детей из полных и неполных семей (Р.В. Овчарова, Н.А. Коркина, Е.В. Куфтяк, Н.Н. Авдеева, О.А. Карабанова, И.М. Николаева, О.Г. Калина, М.В. Носкова, W.E. Fthenakis, S. Varth и др.). Таким образом, мы можем говорить о том, что отношение к отцовству, к семье и ребенку у мужчин на разных этапах развития является малоизученным явлением в психологии.

К настоящему времени под нашим руководством проведены различные исследования (в том числе лонгитюдные) отношения к семье и ребенку у мужчин в период беременности супруги и после рождения ребенка. Исследование отношения к родительству в период ожидания рождения ребенка (55 супружеских пар) показало, что в этот важный для формирования сферы родительства период у мужчин в системе отношений наиболее значимыми являются супруга и ребенок. Анализ отношения к ребенку с помощью рисуночных методов в период беременности супруги показывает, что эмоциональная близость с ребенком и четкость образа ребенка более высокая у женщин, что объясняется более тесным контактом и включенностью в отношения с ним у женщин. При этом лонгитюдное исследование отношения к ребенку у родителей в период беременности и после рожде-

ния ребенка (25 супружеских пар) показало, что с рождением ребенка система отношений мужчин претерпевает значительные изменения – более значимыми становятся ребенок и семья, по сравнению с периодом беременности супруги; отношение к ситуации отцовства становится более положительным, образ ребенка становится более четким, хотя и после рождения ребенка это наблюдается не у всех мужчин (А.В. Ломакина). Анализ взаимосвязей параметров отношения к супруге и ребенку выявил важный факт, что при большей эмоциональной близости с супругом(ой), наблюдается и более тесный контакт с ребенком, что еще раз доказывает большое значение гармоничных супружеских отношений для формирования адекватного отношения к ребенку. В настоящее время мы продолжаем изучение данной темы и проводим широкое исследование представления и отношения к отцовству у мужчин на разных этапах: в период беременности супруги, в период раннего и дошкольного возраста ребенка.

А.Г. Самохвалова

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ И МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Проблема затрудненного общения личности широко представлена в современной социальной психологии (Б.Ф. Ломов, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн, В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.А. Лабунская, Ю.А. Менджерицкая и др.), однако ребенок как субъект затрудненного общения в науке не исследован, не изучены специфические коммуникативные трудности детей различных возрастных групп. Эти проблемы и стали предметом нашего научного интереса. Мы выявляем четыре группы коммуникативных трудностей детей: базовые (связанные с личностными детерминантами коммуникативной деятельности), содержательные (связанные с построением коммуникативных программ), операциональные (связанные с невозможностью практической реализации коммуникативных планов) и рефлексивные (связанные с низким уровнем самоанализа и самооценки в общении). Результаты многолетнего исследования коммуникативной деятельности детей позволили выявить специфические коммуникативные трудности старших дошкольников и младших школьников.

В старшем дошкольном возрасте преобладают трудности вступления в контакт (застенчивость, страх несоответствия своих желаний

требованиям коммуникативной ситуации, боязнь казаться нелепым, смешным, неумелым, тревожность в присутствии малознакомых людей). Фрустрация потребностей в принятии и уважении часто приводит к демонстративности, что проявляется в капризах, негативизме, попытках привлечь к себе внимание неадекватным коммуникативным поведением, манерничанием. В других же случаях нереализованная потребность в признании ведет к трудностям, связанным с повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнеров по общению (желание подчиняться более популярному партнеру, копировать коммуникативное поведение детей-звезд).

Коммуникации дошкольников характеризуются яркой эмоциональностью, импульсивностью. Это приводит к формированию трудностей планирования коммуникативных действий, трудностям прогнозирования. Наиболее выражены операциональные трудности: дети не находят адекватные слова для выражения своих мыслей и эмоциональных состояний, наблюдается явное преобладание контекстной речи над связной, логика коммуникативных планов не соотносится с реальными коммуникативными действиями, часто возникают фонетические, семантические и логические барьеры общения. На невербальном уровне проявляются трудности, связанные с чрезмерностью эмоциональных реакций, с неспособностью «считывать» информацию с невербального поведения партнера, с такими характеристиками детского голоса, как монотонность, сбивчивость, изменчивая темпоритмичность. К рефлексивным трудностям дошкольников можно отнести трудности самоанализа и самоизменения.

В младшем школьном возрасте ярко проявляется избирательность контактов, боязнь публичных выступлений, конформизм и пассивность, что приводит к трудностям базового уровня (неадекватная самооценка, повышенная эмоционально-личностная зависимость от партнера по общению, агрессивность) и операционального уровня (неспособность занять ведущую позицию в общении, трудности «пристройки» к собеседнику, боязнь высказать и отстаивать свою позицию). Коммуникативные трудности тесно связаны с системой личных отношений в классе. Дети-«звезды» испытывают трудности в эмпатии, трудности, связанные с эгоцентризмом и отсутствием положительной установки на другого человека. Многие ребята ради поддержания имиджа «идеального ученика» проявляют демонстративность, индивидуализм, косвенную и вербальную агрессию. «Непопулярные» дети часто имеют трудности в установлении контакта, несдержанности в вербальных и эмоциональных выражениях, грубы или замкнуты.

Большинство ребят имеют повышенный уровень тревожности, что значительно затрудняет их коммуникации: они не способны предугадать возможное развитие коммуникативной ситуации, адекватно актуализировать свои потенциалы, перестроить коммуникативные программы. Проявляются просодические трудности (монотонная, тихая, медленная речь), экстралингвистические (длинные паузы в речи, неуместные вздохи), трудности построения диалога. В младшем школьном возрасте характерны такие рефлексивные трудности, как сложность самонаблюдения и коммуникативная неадекватность.

Своевременная диагностика и коррекция коммуникативных трудностей детей позволит не упустить сензитивный период в развитии коммуникативной культуры личности и гармонизировать общение ребенка.

И.В. Серафимович

ОСОБЕННОСТИ КРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Внедрение новых ФГОС требует качественно нового подхода педагога к деятельности. Повышение качества любых услуг способствует, с одной стороны, мобилизации интеллектуального и творческого потенциала, а с другой – ведет к эмоциональным затратам, стрессу. В сходных психологических условиях находятся представители многих современных профессий. В связи с этим встает разумный вопрос, что не столь важно, какая именно профессия будет выбрана будущим выпускником школы, есть общие основания в современных профессиях, которые пригодятся выпускнику любого профиля. На наш взгляд, одной из основ, которые могут объединять все вышесказанное является креативная компетентность (Я.А. Пономарев, Д.Б. Богоявленская).

Цель исследования: изучить взаимосвязь творческих проявлений в учебной и профессиональных видах деятельности (сравнительный анализ старшеклассников, изучающих разные предметы, и взрослых различных профессий). Выборка: в исследовании участвовало 110 человек: из них 70 взрослых (учителя; менеджеры строительной компании; менеджеры сотовой компании, продавцы) и 40 школьников (из классов с углубленным изучением английского языка и с углубленным изучением точных предметов). Были использованы следующие методы: 1) методика «Многозначные слова» Т.В. Огородовой; 2) пси-

хологический анализ особенностей почерка (выделение критериев, отвечающих за творческие проявления личности, А.С. Полетаева, И.В. Серафимович); 3) методика диагностики невербальной креативности (краткий вариант теста Торренса, адаптация А.Н. Воронина); 4) методика диагностики вербальной креативности (С. Медник, адаптирована А.Н. Ворониным).

Выводы: проведенный анализ творческих проявлений у школьников разных профильных классов позволил установить, что 1) вербальная гибкость и вербальная уникальность выше у школьников с технической направленностью, а невербальная гибкость и беглость – у гуманитариев; коэффициенты уникальности выше у гуманитариев, а гибкости – у «технарей»; 2) наиболее частые проблемные ситуации гуманитариев – это взаимоотношения с друзьями, проблемы в себе, а у технического класса – это проблемы с учебой, нехватка сил и времени, взаимоотношения с друзьями. Достоверные отличия по Т-критерию существуют по критериям анализа ситуации: полнота анализа, оперативность анализа и обоснованность, т. е. эти показатели значимо выше в гуманитарном классе; 3) анализ различий между взрослыми и школьниками показал, что по критерию уникальности (Торренс) школьники значимо выше отличаются от взрослых. Оригинальность и уникальность (Т.В. Огородова) у взрослых значимо выше.

На выборке взрослых наблюдается больше связей между вербальной и невербальной креативностью и более тесная связь с творческими проявлениями в почерке. Из показателей творческих проявлений почерка беглость и гибкость имеют значимые корреляционные связи с показателями вербального и невербального творчества. Анализ между взрослыми различных специальностей дал следующие результаты: 1) учителя более других групп уникальны в вербальном творчестве, менеджеры строительной компании более уникальны невербально, менеджеры сотовой компании и продавцы больше проявляют творческие способности в вербальной оригинальности; 2) менеджеры сотовой компании и продавцы на первое место ставят проблемные ситуации взаимодействия с клиентами, учителя – проблемные ситуации хронической усталости, на второе – семейные проблемы, менеджеры строительной компании – семейные проблемы, проблемы профессиональной деятельности; 3) выявлены следующие достоверные отличия по Т-критерию по качествам мышления, анализа проблемных ситуаций: • менеджеры строительной компании более глубоко, чем учителя, анализируют проблемные ситуации и лучше

обосновывают собственный вариант решения, но хуже, чем менеджеры сотовой компании, обосновывают решение; • продавцы более полно, чем учителя, анализируют ситуацию, а учителя лучше обосновывают собственное поведение.

О.И. Суховеева

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ГОССЛУЖАЩИХ

Современная психологическая наука уделяет достаточно большое внимание вопросам развития и образования в современном обществе. В условиях модернизации образования активно изучаются проблемы повышения эффективности на самых разных этапах обучения. В соответствии с требованиями современности в значительных преобразованиях нуждается и дополнительное профессиональное образование, как одно из важнейших направлений развития и обучения специалистов. Особое значение приобретает потребность в изменении подходов к дополнительному профессиональному образованию государственных и муниципальных служащих. Отношение современного общества к чиновникам можно определить как неоднозначное. Государственные гражданские и муниципальные служащие достаточно критично оцениваются представителями различных социальных групп населения, а также высшим руководством страны. Сами служащие испытывают дискомфорт от того, что к ним относятся критично, обращают большее внимание на коррупционные проявления, нарушение требований к служебному поведению, ошибки в деятельности, нежели на ответственное отношение к работе, направленность на служение, решение значимых для населения задач.

Исходя из анализа существующих социально-политических условий, контент-анализа нормативно-правовой базы, определяющей требования к служебному поведению государственных гражданских и муниципальных служащих, а также теоретического анализа источников по проблеме профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих, нами были сделаны следующие выводы: 1) государственная гражданская и муниципальная служба как профессиональная деятельность предъявляет специфические требования к личности профессионала; 2) существует потребность государственных и муниципальных служащих в психологическом просвещении, психологической помощи и поддержке, психологическом

сопровождении их деятельности; 3) необходимы особые психолого-педагогические условия обучения государственных и муниципальных служащих в рамках дополнительного профессионального образования.

С целью оптимального профессионально-личностного развития государственных и муниципальных служащих нами была разработана и апробирована специальная программа психолого-педагогического сопровождения государственных и муниципальных служащих в процессе получения дополнительного профессионального образования. Разработанная нами программа включала в себя следующие блоки:

1. Мотивационный блок (введение в программу обучения специальных мероприятий, направленных на формирование у слушателей позитивных установок, способствующих мотивации на обучение).

2. Когнитивный блок (введение в программы обучения специальных курсов, направленных на развитие личностного потенциала слушателей; информирование и консультирование слушателей, повышение компетентности и профессионализма профессорско-преподавательского состава).

3. Интерактивный блок (проведение психолого-педагогического мониторинга, обеспечивающего получение своевременной и объективной информации о динамике развития личностно-профессиональных качеств; организация постоянной и эффективной обратной связи между слушателем и преподавателем, создание условий для взаимодействия).

Данная программа явилась основой формирующего эксперимента в ходе проведенного нами исследования, целью которого было изучение психологических условий профессионально-личностного развития государственных и муниципальных служащих. В исследовании принимали участие слушатели программ повышения квалификации института повышения квалификации ВВАГС. В результате проведенного нами эксперимента была зафиксирована положительная динамика в изменении ряда важных профессионально-личностных качеств, таких как коммуникативная компетентность и толерантность, самопринятие и самооценка, направленность на служение. Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение в процессе дополнительного профессионального образования может рассматриваться как одно из условий повышения эффективности обучения взрослых, важной и актуальной проблемой для изучения, разработки программ, методических рекомендаций.

Статья подготовлена в ходе проведения НИР по проблеме «Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России» в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

Ю.С. Турова

ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ, ВЛИЯЮЩИХ НА АКАДЕМИЧЕСКУЮ НЕУСПЕВАЕМОСТЬ СТУДЕНТОВ

В начале 2011 г. было проведено исследование, направленное на изучение атрибутивного стиля, уровня волевых механизмов у студентов, имеющих академические задолжности, по сравнению с успевающими студентами, а также других факторов, оказывающих влияние на успеваемость. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности обучения в высшей школе. В работе использовались методики: русскоязычная версия опросника атрибутивного стиля «Опросник стиля объяснения успехов и неудач для взрослых (СТОУН-В)» (Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин, В.Ю. Шевякова); русская версия опросника Ю. Куля «Шкала контроля за действием» (НАКЕМР-90). Разработана анкета, состоящая из 10 вопросов, которые направлены на выявление дополнительной информации о студентах.

В исследовании приняли участие 57 студентов. Среди них по информации деканатов были определены студенты, имеющие академическую задолжность после зимней сессии. Первоначальная выборка была разделена на две группы – контрольную (студенты, не имеющие академической неуспеваемости), и экспериментальную (неуспевающие студенты).

Полученные результаты указывают на более пессимистический атрибутивный стиль неуспевающих студентов, худшее развитие волевых процессов. Также выявлено, что неуспевающие студенты чаще отмечают семейные проблемы в качестве причин неуспеваемости. Фрустрация благополучия в семейной жизни приводит таких студентов к чрезмерной фиксации на ценности семьи в будущем (в ущерб другим целям и ценностям). Их цели в будущем более размыты, чем у успевающих студентов, которые продумывают пути достижения более конкретных целей. Выявлено также, что успевающие студенты

более готовы к сотрудничеству с преподавателями, обращению за помощью, чем неуспевающие.

Основные выводы нашей работы следующие.

1. Успевающие студенты имеют большую меру управляемости воспринимаемой причины успехов и неудач, контроля своего поведения, чем неуспевающие студенты.

2. Успевающие студенты ситуации успеха воспринимают как глобальные (затрагивающие все области их жизни), а неуспевающие студенты не имеют постоянства и неизменности причины успехов и неудач, ситуация успеха ими воспринимается как случайная, конкретная, не затрагивающая все сферы их жизни.

3. Успевающие студенты имеют большую направленность на ситуацию успеха, достижения.

4. Неуспевающие студенты менее всего ожидают ситуацию успеха как исхода какого-либо события во всех сферах жизни, в отличие от успевающих студентов, а также менее всего рассчитывают на ситуацию достижения, по сравнению с успевающими студентами.

5. Успевающие студенты являются более оптимистичными, т. е. предпочитают оптимистический атрибутивный стиль, при котором успехи воспринимаются как стабильные, глобальные и контролируемые, а неудачи – как временные, локальные и изменяемые.

6. Студенты, не имеющие академической задолженности, не обнаруживают на уровне субъективных переживаний каких-либо мыслей и эмоций, которые могли бы помешать реализации намерения, можно предположить, что когда неуспевающие студенты ориентированы на состояние, у них существуют повторяющиеся мысли о каких-либо незавершенных намерениях, они зациклены на прежних неудачах.

7. Студенты, не имеющие академической задолженности, чаще неуспевающих обращаются за помощью к преподавателям.

8. У неуспевающих студентов в большей степени фрустрированы потребности в сфере семейных отношений.

9. Успевающие студенты более ориентированы на карьерный рост, профессиональное становление, самореализацию, данная группа более ориентирована на достижение успеха в жизни, чем экспериментальная. Неуспевающие же студенты больше направлены на достижение материального благополучия, счастья, формирование семьи.

Мы рекомендуем усилить внимание к работе кураторов, которые могут выступать наставниками студентов и компенсировать дефицит помощи неуспевающим студентам. Также существует возможность для студентов получать психологическую помощь (в том числе по

семейным проблемам) посредством психологической службы. Изучение психологических условий, влияющих на академическую неуспеваемость студентов, позволит принимать меры, повышающие эффективность обучения.

Н.М. Ушакова

К ВОПРОСУ О ПРАВИЛАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В научных трудах Б.Г. Ананьева представлен структурный подход к процессам развития личности и обучения, их взаимодействию. Методология структурного подхода является фундаментальной для проектирования технологий обучения. Главное отличие проектирования технологий обучения от методической системы обучения составляет разработка психолого-педагогических правил взаимодействия компонентов содержания образования и компонентов деятельности в реальном учебном процессе. В настоящем виде описание взаимодействия этих компонентов, развиваемое в нашем исследовании, может быть представлено следующими тезисами.

1. В множестве структур содержания образования и деятельности выделяются наиболее активные структуры, на которых и формируются правила взаимодействия. Назовем главные из них: взаимодействие структур компонентов содержания образования и компонентов учебной деятельности; взаимодействие структур умственной деятельности и познавательной деятельности; взаимодействие структур познавательной и речемыслительной деятельности; взаимодействие структур речемыслительной деятельности и коммуникативной деятельности. Например, если активной структурой в процессе обучения являются знания в форме понятий, то активной структурной умственной деятельности служат структуры семантической памяти в виде кластерных моделей. Репрезентация информации в семантической памяти моделируется с помощью четырех подгрупп правил усвоения понятий: правила усвоения признаков понятий; правила классифицирования понятий; правила определения связей и отношений между понятиями; правила моделирования этапов обучения – в кластерных технологиях обучения языку.

2. В зависимости от природы взаимодействующих компонентов различаются два класса правил: правила взаимодействия между структурами одного компонента и правила взаимодействия между структурами разных компонентов. Например, между тремя компо-

нентами содержания образования (знания, умения и способы деятельности) существуют правила взаимодействия, описанные в дидактической теории проблемного обучения. Для разработки технологии процесса обучения представляют интерес правила второй группы, которые описывают условия взаимодействия между содержанием образования и компонентами учебной деятельности, имеющей внутреннюю и внешнюю стороны. Так, учитывая соотношение между умственной деятельностью и познавательной деятельностью в процессе усвоения знаний, можно сформулировать правило согласования между действиями поэтапного перехода от внешних практических действий в познавательной деятельности к процессам мышления. Например, формирование относительной грамотности по русскому языку осуществляется в соответствии с данным правилом.

3. В зависимости от типа взаимодействия все правила делятся на три класса: правила согласования; правила модификации; правила нетривиальной области действия. Правила согласования между компонентами содержания образования и компонентами деятельности выражают такое отношение между ними, при котором они приводятся в надлежащее соответствие по одинаковым параметрам. Они распространяются на первые три компонента содержания образования и все компоненты деятельности. Правила модификации показывают такое взаимодействие между компонентами содержания образования и компонентами деятельности, при котором происходит видоизменение одного из компонентов, определенное параметрами другого компонента. В результате чего появляются новые признаки у первого объекта. Они распространяются на второй и третий компоненты содержания образования и все компоненты деятельности. Например, параметры развития продуктивной деятельности определяют отбор методов обучения и развития личности обучаемого. Правила нетривиальной области действия между компонентами содержания образования и компонентами деятельности показывают такое взаимодействие, при котором устанавливаются нежесткие отношения между компонентами. Они описывают взаимодействие между четвертым компонентом содержания образования и коммуникативной деятельностью, например, психолого-лингвистические правила организации коммуникативного процесса.

Таким образом, в нашем исследовании выделены два основания классифицирования правил, которые регулируют реальный учебный процесс: природа взаимодействующих компонентов; тип взаимодействия между компонентами, что позволило в дальнейшем описать

сорок три правила, которые применяются в реальном процессе обучения русскому языку.

О.В. Ходаковская

ДОСТИЖЕНИЕ САМОТОЖДЕСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ МИРЕ В ЮНОСТИ

В период юности в процессе ролевого экспериментирования идентичность расширяется до новых социальных ролей, часто несовместимых (Э. Эриксон, Л. И. Божович). В этих условиях на первый план выходит стремление к самоидентификации, к достижению «конгруэнтности бесчисленных Я-образов и сегментов своего поведения» (Ю.Н. Емельянов). В качестве основных социально-психологических ракурсов самоидентификации можно выделить: согласование различных сегментов Я, соотнесения множественности социальных принадлежностей человека с субъективным «настоящим Я», конгруэнтность Я и социального поведения. Социально-психологические концепции, описывающие возможности согласования множественных элементов Я, часто имеют противоположные теоретические основы. В работах Макадамса и других идентичность рассматривается как целостное образование, а в концепциях П. Маркуса, Т. Хиггинса и других изучается дискретность элементов Я. Одним из основных ракурсов рассмотрения проблемы социальной самоидентификации является изучение соотнесения множественности социальных принадлежностей человека, отраженных в ролевом репертуаре личности, с субъективным «настоящим Я».

Анализ работ, посвященных данному вопросу, также демонстрирует его нерешенность и многогранность. Представители гуманистической и экзистенциальной психологии утверждают необходимость гармонизации фасадных самопрезентаций и «глубинной самости», указывая на религиозные и философские истоки проблемы (Сёрен Кьеркегор). Относительность понятия истинности в применении к «Я» теоретически обосновывается И.С. Коном. В работах Н.К. Гаврюшина, Ю.Н. Емельянова и др. теоретически и эмпирически доказывается необходимость для развития личности бинарных составляющих Я. Существует несколько конкурирующих подходов при рассмотрении самоидентификации с точки зрения саморегуляции, конгруэнтности Я и социального поведения. И. Гофман, Р. Фогельсон полагают, что для сохранения целостности внутри идентичности, человек в социальном взаимодействии манипулирует предьявляемой идентичностью. В противовес им разрабатываются представления об аутентичности, самораскрытии в общении (Дж. Бьюдженталь,

Р. Кочюнас, К. Рудестам, С. Джулард, С. Мадди), понимаемые в гуманистической, экзистенциальной психологии как признак сильной и здоровой личности.

Для исследования особенностей социальной самоидентичности юношей и девушек до и после окончания школы нами была использована модификация теста «двадцати высказываний» М. Куна и Т. Макпартлэнда. Проводилось сравнение ответов испытуемых на вопросы «Кто я дома?», «Кто я в школе (университете)?», «Кто я на дискотеке?» и вопрос «Кто я настоящий?».

Результаты исследования демонстрируют, что в ранней юности основным полигоном построения самоидентичности в социальном мире для юношей является учебная среда, для девушек – семья. В поздней юности у юношей сохраняется тот же вклад социальных ситуаций в общую самоидентичность, что и в ранней юности, а у девушек он изменяется, базируясь на учебной среде.

При переходе от ранней юности к поздней возрастает гибкость и усложняется структура социальной самоидентичности: если в ранней юности самоидентичность строится с опорой на одни и те же аспекты Я во всех социальных сферах, то в поздней юности характерно принятие многообразного «Я в социальном мире». При этом в процессе достижения самоидентичности в социальном мире девушки проявляют большую, чем юноши, гибкость, опираясь на соответствующие ситуации ролевые и психологические аспекты Я.

При переходе от ранней юности к поздней у юношей наблюдается резкий скачок от высокого уровня достижения самоидентичности в социальном мире к его снижению, тогда, как у девушек уровень самоидентичности в социальном мире стабилен. Данный вывод подтверждают результаты исследования конгруэнтности Я и социального поведения (с помощью картиночного теста (КТ) В.С. Чудновского). В поздней юности у девушек выше согласованность самооценок и прогнозируемого поведения в ситуациях общения, чем у юношей.

Таким образом, по результатам исследования можно говорить о том, что на протяжении юности изменяется полигон построения, возрастает гибкость и усложняется структура самоидентичности личности в социальном мире. При этом проявления кризиса самоидентичности в конце юности более характерны для юношей, чем для девушек.

О.А. Шляпкинова

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ КАЧЕСТВА ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Анализ состояния проблемы профессиональной подготовки педагогов с учетом современных требований к профессиональной компетентности, изучение опыта работы в данном направлении позволяют констатировать успешное решение многих из поставленных задач. В то же время для успешного осуществления профессиональной деятельности педагогам дошкольного образования необходим целый спектр профессионально значимых качеств, причем особую роль играют личностные качества. Проблема выделения данных качеств, исследования закономерностей их развития является недостаточно изученной.

С целью выявления личностных качеств, необходимых педагогу-профессионалу, нами было проведена процедура экспертной оценки личностных качеств, влияющих на успешность профессиональной деятельности педагогов. В процессе анкетирования были выявлены личностные качества, которые необходимы для осуществления эффективной профессиональной педагогической деятельности в сфере дошкольного образования. В ходе анализа результатов эмпирического исследования были установлено, что у педагогов на этапе профессиональной адаптации, который характеризуется преобладанием репродуктивной деятельности, усвоением нормативно-одобренных форм выполнения профессиональной деятельности, недостаточно средств и возможностей для актуализации и реализации своего творческого потенциала. Уровень креативных способностей повышается в процессе профессионализации. На уровне развития профессионализма в структуре деятельности начинает проявляться иерархия, но она носит еще нечеткий характер. На уровне реализации профессионала происходит переход к принципиально новому пониманию строения профессиональной деятельности как целостного образования.

Выявлены достоверные различия по уровню развития эмпатических способностей между педагогами, находящимися на стадии профессиональной адаптации, и педагогами, находящимися на стадиях развития и реализации профессионализма. Существует тенденция к раскрытию эмпатических способностей личности в процессе профессионализации. У педагогов, находящихся на стадии профессиональной адаптации, преобладает такой компонент саморегуляции, как

планирование деятельности, что характеризует формирование индивидуальных особенностей выдвижения и удержания целей, а также осознанного планирования деятельности. У педагогов, находящихся на стадии профессионального развития, преобладает компонент программирования действий, что диагностирует индивидуальную развитость осознанного программирования действий. Высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о потребности продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, о детализированности и развернутости разрабатываемых программ.

Педагоги, находящиеся на стадии профессиональной реализации, показывают высокие значения по шкалам «Гибкость» и «Самостоятельность». «Гибкость» как компонент саморегуляции предполагает наличие возможности адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска. «Самостоятельность» характеризует развитость регуляторной автономности.

Данные корреляционного анализа позволили выявить обратную связь между тревожностью и уровнем выделенных личностных качеств (по коэффициенту корреляции Спирмена): отрицательная связь тревожности и уровня креативных способностей ($r = -0,41$; $p < 0,001$); отрицательная связь тревожности и уровня эмпатии ($r = -0,17$; $p < 0,01$); отрицательная связь тревожности и уровня саморегуляции ($r = -0,14$; $p < 0,01$). Полученные данные свидетельствуют о том, что педагоги с высоким уровнем тревожности менее склонны к проявлению творчества в профессиональной деятельности, меньше внимания уделяют установлению контакта с другими субъектами образовательного процесса, имеют сложности в управлении собственной профессиональной деятельностью, следовательно, тревожность выступает как основной дезорганизующий фактор, препятствующий профессиональному становлению педагога.

На следующем этапе исследования рассматривались взаимосвязи, причинно-следственные зависимости, что позволило учесть эффект структурного воздействия и раскрыть важные закономерности.

Таким образом, с учетом специфики профессиональной деятельности педагогов дошкольного образования были выявлены основные профессионально значимые личностные качества: уровень креативных способностей; саморегуляция деятельности; эмпатические способности.

М.С. Юркина

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К УНИВЕРСИТЕТУ

Проблема адаптации первокурсников к вузу является на современном этапе развития системы образования одной из наиболее интересных и значимых. От успешности этого процесса зависит профессиональное и личностное развитие студентов. Для того, чтобы своевременно определить возможную группу риска студентов, необходим инструментарий, позволяющий с минимальными временными затратами провести замер показателей, характеризующих параметры вузовской адаптации первокурсников. К этим показателям мы относим социальную, дидактическую и профессиональную адаптацию.

В настоящее время нет инструментария, позволяющего диагностировать эти три показателя. Существуют методики, которые направлены на диагностику различных аспектов этих показателей, но нужно использовать батарею методик. Поэтому целью нашей работы является разработка и проведение процедуры психометрической проверки инструментария для определения уровня адаптированности студентов к вузу по трем показателям.

Первым этапом нашей работы было создание списка вопросов по трем шкалам – показателям вузовской адаптации. По каждой шкале было создано по 70 вопросов прямых и обратных. Мы использовали многоступенчатую шкалу ответов, пять вариантов. На следующем этапе работы был проведен анализ пунктов по шкалам. Вычислялся индекс трудности и дискриминативность. Выборку составили те же студенты, что и на первом этапе. Также наша методика прошла проверку по параметру надежности по однородности. Третьим этапом работы было проведение ретестовой надежности. Временной интервал между вторым этапом и текущим составил шесть недель. Выборку составили 30 студентов из числа первоначальной группы обследуемых. По результатам обработки все шкалы имеют высокие коэффициенты корреляции. Дальнейшим этапом нашей работы была проверка критериальной валидности. Использовался объективный критерий – социально-демографическая характеристика (пол).

В исследовании приняли участие 80 студентов (40 мужского и 40 женского пола) из числа первоначальной выборки. Студенты были разделены на две равновесные группы, использовался метод определения достоверности и значимости различий полученных результатов

по Т-критерию Стьюдента. Различия полагали достоверными при уровне значимости 5 %, 1 %, 0,1 %. Тест прошел проверку по параметру критериальной валидности.

Также мы проверяли конструктивную валидность, использовался метод сопоставления исследуемого теста с другой методикой, конструктивное содержание которой известно. В исследовании приняли участие 40 студентов из первоначальной выборки. Нами использовалась методика «Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ)», разработанная И.Г. Сениным на базе центра психодиагностики ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Для сопоставления мы взяли три шкалы из опросника: 1. «Сфера общественной жизни». Эта шкала сопоставлялась со шкалой «социальная адаптация». 2. «Сфера обучения» – «дидактическая адаптация». 3. «Сфера профессиональной жизни» – «профессиональная адаптация». Нами были получены высокие положительные коэффициенты линейной корреляции по трем шкалам. Следовательно, все шкалы прошли проверку по параметру конструктивной валидности. Последним этапом нашей работы было проведение нормирования. Использовалась шкала стенов Р. Кеттелла. Группу обследуемых составила первоначальная выборка.

Таким образом, нами была разработана методика для более быстрого диагностирования уровня адаптированности студентов к вузу. Испытуемым предлагается заполнить тест из 33 утверждений. Заполненные бланки обрабатываются в соответствии с ключом, затем сырые баллы переводятся в шкалу стенов. Исходя из показателей шкалы стенов, проводится интерпретация полученных данных. Результаты методики, равные или больше, чем 7 стенов, свидетельствуют о высоком уровне адаптированности по данной шкале, в диапазоне от 4 до 7 стенов – показатели среднего уровня адаптированности, меньше 4 стенов – свидетельство низкого уровня адаптированности.

Данная методика позволяет провести экспресс-диагностику студентов, является легкой и не затратной по времени в обработке, что, несомненно, является ее плюсом в современной ситуации обучения. Однако эта методика лишь диагностирует уровень того или иного компонента адаптации студентов, для полного исследования параметров адаптации студентов к вузу нужен проработанный и расширенный инструментарий, что является целью нашей дальнейшей работы.

Работа подготовлена при поддержке НИР ЗН-1013 (тематический план ЯрГУ).

Н.А. Антонова, Р.Г. Дубровский

УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ УЧАЩИМИСЯ В ВОЗРАСТЕ 15–16 ЛЕТ г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета в период с августа 2009 г. по май 2010 г. при технической поддержке регионального представительства Управления ООН по наркотикам и преступности в РФ и при финансовой поддержке Правительства Финляндии и Правительства Швеции провел исследование потребления психоактивных веществ (ПАВ) среди учащихся в возрасте 15–16 лет в Северо-западном федеральном округе Российской Федерации (СЗФО РФ).

Основная задача исследования – изучение распространенности проб психоактивных веществ: табака, алкоголя, а также проб наркотиков и других веществ среди учащихся 15–16 лет. Достоверность и соответствие признанным международным стандартам обеспечены использованием методологии международного проекта ESPAD©. Исследования с применением методологии ESPAD уже проводились в России в 1999, 2003 и 2007 гг. при координации Национального научного центра наркологии Росздрава (Кошкина Е.А., 2009). Данное исследование было реализовано в 8 областных центрах субъектов СЗФО: городах Архангельске, Великом Новгороде, Вологде, Калининграде, Мурманске, Петрозаводске, Пскове и Санкт-Петербурге, а также в трех городах Ленинградской области (Всеволожске, Гатчине и Тосно).

Выборка строилась на основании случайно отобранных классов или учебных групп, которые в совокупности были репрезентативны для конкретного областного центра СЗФО, за исключением случаев, когда имелась возможность провести сплошной опрос учащихся исследуемой возрастной группы. Анонимное анкетирование проводилось среди учащихся 10 или 11 классов общеобразовательных школ и учебных групп колледжей и училищ на базе общего образования; в дальнейшем из собранного массива были отобраны только анкеты

учащихся 1993 г. рождения. Сбор данных был осуществлен с ноября 2009 г. по январь 2010 г.

Приведем данные, характеризующие употребление алкоголя подростками Санкт-Петербурга. Объем выборки составил 923 учащихся. Уровень распространенности опыта алкоголизации в исследуемой группе в целом соответствует широкой распространенности использования алкоголя в российской популяции: подавляющее большинство учащихся (93,8 %) имеют опыт употребления алкогольных напитков к 15–16 годам. В целом по СЗФО РФ эта цифра составила 91,7 % ($p \leq 0,001$). Значимый опыт алкоголизации (40 и более раз в жизни) имеют 30,5 % учащихся Санкт-Петербурга, что сопоставимо с данными по СЗФО РФ. За предшествовавшие опросу 30 дней употребляли алкоголь 50 % подростков. Причем у девочек этот показатель значимо выше (54,5 %), чем у мальчиков (43,7 %) за счет более широкой распространенности эпизодического употребления ($p \leq 0,001$).

С точки зрения планирования профилактических мероприятий, интерес представляют характеристики проблемного употребления алкоголя. За последние 30 дней употребляли алкоголь 10 раз и чаще 3,8 % учащихся Санкт-Петербурга (4,7 % мальчиков и 3,3 % девочек). В целом по округу данный показатель составил 6,1 %. Испытывали опьянение чаще 3 раз за 30 дней, предшествующих опросу, 2,1 % подростков (3,5 % по СЗФО). В структуре употребления алкогольных напитков подростками Санкт-Петербурга преобладают шампанское (37,2 %), вино (31,0 %) и пиво (30,5 %), хотя пиво является более популярным спиртным напитком среди мальчиков, а шампанское и вино – среди девочек ($p \leq 0,001$). Крепкий алкоголь за 30 дней, предшествующих опросу, употребляли 26,3 % учащихся, а алкогольные коктейли – 17,8 % учащихся. Мальчикам в большей степени, чем девочкам, свойственны aberrантные виды поведения, ассоциированные с алкоголизацией, – драки (17 % против 6 % соответственно), проблемы с милицией (10 % против 4 %), рискованные формы сексуального поведения – половая связь без презерватива (11 % против 4 %) на высоком статистически значимом уровне ($p \leq 0,001$).

Полученные данные будут использованы для продолжения мониторинга ситуации с употреблением психоактивных веществ и разработки рекомендаций по профилактике употребления ПАВ среди молодежи с учетом региональных особенностей.

Ю.В. Батлук, А.В. Шаболтас

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЛИЧНЫХ ПОДРОСТКОВ

В начале XXI в. по разным оценкам в России насчитывалось от одного до пяти миллионов беспризорных и безнадзорных детей. Описательная и статистическая информация, представленная ниже, была получена в ходе исследования, проведенного в Санкт-Петербурге российским Представительством международной организации «Врачи мира – США» совместно с американскими Центрами по контролю и профилактике заболеваний (CDC). Исследование проводилось в виде опроса среди уличных детей Санкт-Петербурга 15–19 лет. Общее количество опрошенных детей составило 313 человек.

Среди беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних 15–19 лет в Санкт-Петербурге 63,3 % составляют юноши и 36,7 % – девушки. Возрастной состав уличной молодежи в изучаемой группе распределился следующим образом: 15 лет – 13,4 %, 16–17 лет – 33,3 %, 18–19 лет – 53,3 %. Большинство представителей уличной молодежи не посещают школу на протяжении периода от 1 до 5 лет (69,1 %), из них 44,5 % не посещают ее уже более 3 лет; 1 подросток из 313, участвовавших в исследовании, вообще никогда не посещал школу. 15,6 % заявили о том, что посещают школу регулярно, и чуть более 15 % сообщили, что не посещают ее уже несколько месяцев, но не более года. Лишь 15,0 % опрошенных подростков являются сиротами, т. е. совсем не имеют родителей.

В большом количестве случаев беспризорные и безнадзорные – это дети из алкоголезависимых и наркозависимых семей. 35,5 % детей признались, что их мать страдает алкоголизмом, 32,0 % детей признали ту же проблему в отношении отца. У более чем 15 % детей в семье кто-то страдает наркотической зависимостью, 36,3 % уличных подростков подвергались дома физическому насилию и 5,3 % – сексуальному. Только 6,1 % несовершеннолетних назвали физическое насилие основной причиной ухода из семьи на улицу. По оценкам детей, среди всех причин ухода из дома на первом месте находится склонность к бродяжничеству (45,1 %), далее за ней следует психологический конфликт в семье (25,9 %). Алкоголизм матери или отца в качестве основной причины ухода из дома указали только 19,2 % подростков.

Рискованное поведение: 100 % уличных подростков когда-либо в своей жизни употребляли алкоголь. Крепкие спиртные напитки регулярно, т. е. каждый или почти каждый день, употребляют 12,4 % подростков. В основном уличная молодежь употребляет пиво и различные слабоалкогольные коктейли – об их регулярном употреблении сообщили 71,8 % опрошенных.

Употребление наркотиков – распространенная практика в среде уличной молодежи. У 65,3 % уличных детей первая проба наркотических веществ приходится на возраст 14–17 лет, в то же время 10,8 % первый раз попробовали наркотики, когда им не было еще и двенадцати. В последнее время наблюдается тенденция к увеличению употребления инъекционных наркотиков, в частности героина. Из 313 опрошенных уличных подростков 84,7 % употребляли в своей жизни какие-либо наркотики, 50,6 % употребляли инъекционные наркотики.

Однако «первенство» по-прежнему принадлежит ингалянтам, об их употреблении сообщают 35,3 % уличных подростков. Среди тех, кто употребляет ингалянты, 75,7 % употребляют их каждый или почти каждый день, что говорит о достаточно жесткой химической зависимости. 24,8 % уличных подростков имеют зависимость от стадола, т. е. употребляют его практически ежедневно, а 15,4 % подростков систематически употребляют героин. Среди тех, кто употребляет инъекционные наркотики, 65,6 % использовали когда-либо общие шприцы; 25,0 % пользовались общими шприцами более 30 раз. Такая распространенность опасных инъекционных практик дает основание для пессимистичных прогнозов относительно распространения ВИЧ в этой целевой группе.

Сравнительный анализ данных ($p > 0,95$) позволяет говорить о том, что факт употребления наркотиков вообще и инъекционных наркотиков, в частности, значимо связан с наличием алкоголизма у родителей и физическим насилием в семье, а также статусом сироты и опытом проживания подростка в приюте или интернате. Совместное использование шприцев чаще всего встречается у детей и юношей, чьи родители злоупотребляли алкоголем, а также у тех, у кого отсутствуют один или оба родителя. Частота использования общих шприцев зависит также от количества и частоты употребляемого подростком алкоголя, особенно слабоалкогольных напитков, таких как пиво и баночные коктейли.

Е.Б. Березина

ПРИЧИНЫ СОМАТИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

Социально-психологические знания являются необходимыми для решения вопросов, связанных с пропагандой здорового образа жизни и профилактикой болезней, так как это комплексные процессы, в которых играют роль и социальные, и психологические факторы. Не менее значимым является сопоставление научного знания и знания обыденного, потому что нередко оказывается, что объективная медицинская информация искажается в процессе усвоения и обсуждения ее индивидами, и формируются ошибочные представления о том, что является опасным для здоровья и как можно повлиять на факторы риска. Поэтому интересной научной проблемой стало изучение обыденных представлений о причинах болезней, так как подтверждается, что между субъективными представлениями о причинах болезней и случаями выздоровления или приспособления к инвалидности существует связь.

В последнее время в России увеличивается число людей, страдающих артериальной гипертонией, раком и диабетом. Согласно оценкам, в большинстве стран до 30 % населения страдают от высокого артериального давления, что приводит к развитию сердечно-сосудистых заболеваний, а еще 50–60 % населения могли бы иметь лучшее здоровье, если бы повысили двигательную активность, поддерживали оптимальную массу тела, бросили курить, употребляли больше фруктов и овощей. Подобные меры могли бы способствовать также предотвращению развития сахарного диабета и рака. Что важно, профилактику артериальной гипертонии, рака и диабета можно начинать уже в молодом возрасте, особенно при наличии такого фактора риска, как наследственность. Однако индивиды часто не видят необходимости поддерживать здоровое поведение регулярно, кроме того, возможно, существует представление о том, что такие болезни как рак, гипертония и диабет предотвратить невозможно.

В этой связи было проведено исследование, целью которого являлось изучение представлений о причинах рака, гипертонии и диабете в молодежной среде. Объектом исследования стала молодежь в возрасте от 17 до 27 лет, всего 311 респондентов. Предметом исследования стали воспринимаемые причины возникновения рака, гипертонии и диабета. При анализе причин болезней, которые указали ре-

спонденты, было выделено две группы: физические и психологические. Под физическими (биологическими) понимаются все причины, которые связаны с физиологией человека (например наследственность), под психологическими (личностными) – когнитивные, аффективные и поведенческие. Мы исходили из предположения, что в представлениях респондентов будут преобладать физические причины в возникновении рака, диабета и гипертонии. В результате были получены следующие данные.

Воспринимаемые причины рака. Из физических причин (61,6 %) заболевания раком чаще всего называли наследственность – 34,2 %, затем облучение – 17,5 % и плохую экологию – 16,7 %. Реже указывали клеточные новообразования – 7,9 %. К психологическим причинам рака отнесли: курение – 39,4 %, образ жизни – 22,5 %, алкоголизм – 11,3 %, негативные эмоциональные переживания – 9,9 %.

Воспринимаемые причины гипертонии. Среди физических причин (61,3 %) заболевания гипертонией наиболее часто называли наследственность – 27,9 %, далее больные внутренние органы – 11,7 %, возраст и избыточный вес – по 9,9 %, нарушенное кровообращение и врожденное по 8,1 %. К психологическим причинам возникновения гипертонии относятся: нездоровый образ жизни – 21,4 %, стресс – 17,1 %, употребление алкоголя – 11,4 %, тяжелая работа и курение по 10 %, неправильное питание – 8,6 %.

Воспринимаемые причины диабета. Физические причины (60,3 %) заболевания диабетом следующие: высокий сахар крови – 37 %, наследственность – 34,2 %, нарушение обмена веществ – 20,5 %, затем заболевание поджелудочной железы – 8,2 %. Психологические причины возникновения диабета: употребление большого количества сладкого – 40,4 %, неправильное питание и стрессы по 23,4 %, неправильный образ жизни – 8,5 %.

Таким образом, наше предположение подтвердилось – в представлениях респондентов преобладают физические причины в возникновении изучаемых болезней. Общими предикторами заболеваний для рака, гипертонии и диабета в представлении респондентов выступала преимущественно наследственность. Однако необходимо отметить, что причиной болезни указывался и образ жизни, куда включается неправильное питание, малая подвижность, вредные привычки – факторы, которые находятся под контролем самого индивида, что позволяет нам говорить о том, что существует потенциал для внедрения превентивных мероприятий по изменению поведения на более здоровое.

И.Б. Бовина, Е.Б. Березина

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ

Одной из важных задач, стоящих перед социальной психологией здоровья, является продвижение здорового образа жизни, разработка превентивных и профилактических программ, ибо только медицинское знание едва ли позволит объяснить феномены и механизмы, связанные с практикой здорового поведения, изменениями проблемного поведения и адаптацией к болезни.

Целью нашей работы является формулирование основных принципов построения профилактических и превентивных программ в области здоровья и болезни. Очевидно, что «разработка эффективных профилактических программ не может иметь под собой никакого другого сколько-нибудь прочного основания, кроме результатов эмпирических социально-психологических исследований здоровья» (Гурвич, 1999). Причем эти эмпирические исследования основываются на социально-психологической теории (Гурвич, 1999). Анализ ряда профилактических и превентивных программ (Durif-Bruckert, 2006, Kitzinger, 1996, Paicheler, 1999, Paicheler, Laurindo da Silva, Sitbon, 2000) позволяет говорить о том, что информирование о здоровье, о болезни, о способах ее распространения, безусловно, важно и необходимо. Однако только обладание точной информацией, например, о правилах безопасного поведения не гарантирует их соблюдение. Достаточно ярко это было продемонстрировано на примере исследований, касающихся ВИЧ-инфекции (Kalampalakis, 2006): даже будучи полностью информированными о путях передачи ВИЧ и последствиях заражения, индивиды продолжают практиковать рискованное поведение. Отсюда следует, что только информирование не является достаточной мерой, ибо конкретное знание, которое поддается точному измерению, не научит людей здоровому образу жизни, не приведет их к смене проблемного поведения на здоровое.

Понимание этого факта является ключевым для разработки превентивных и профилактических программ, когда требуется, чтобы те, кому они адресованы, были не сторонними наблюдателями, но участниками. Другой преградой на пути разработки превентивных программ является отсроченность результата проблемного поведения. Наконец, индивид надежно защищен от необходимости изменить проблемное поведение на здоровое благодаря использованию различ-

ных перцептивных защит («нереалистичский оптимизм»), пристрастностей, стратегий обесценивания информации и символических способов защиты. Говоря о распространении знания в области здоровья и болезни, следует учитывать, что научное знание (в данном случае – медицинское) не просто передается от экспертов к не-экспертам, но трансформируется определенным образом в процессе «присвоения его» не-экспертами. Отсюда и расхождение между желаемыми результатами и теми, что получаются в результате реализации превентивных и профилактических программ (Durif-Bruckert, 2006).

Указанные здесь препятствия, возникающие на пути изменения поведения, связанного со здоровьем и болезнью, конечно, не исчерпывают того многообразия возможностей, которыми располагает индивид, но демонстрируют необходимость учета различных факторов, влияющих на эффективность программ. Обобщая социально-психологическое знание о механизмах социального поведения, можно выделить несколько континуумов, анализ которых должен лежать в основе разработки профилактических и превентивных программ в области здоровья и болезни: 1) индивидуальные убеждения – коллективные убеждения, 2) рациональные убеждения – иррациональные убеждения; 3) кратковременное изменение поведения – долговременное изменение поведения; 4) одномоментное изменение поведения – постепенное изменение поведения; 5) симметричные отношения источника и объекта влияния – асимметричные отношения источника и объекта влияния; 6) активная позиция объекта влияния – пассивная позиция объекта влияния.

С.В. Горбатов, М.В. Иванова

СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ, ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ, УХОДЯЩИХ ИЗ ДОМА

Неоспоримым является факт, что на формирование личности ребенка, его взглядов, установок, на отношение к себе и другим большое влияние оказывают окружающие его люди и в первую очередь родители. Роль семьи сложно переоценить. Гармоничность, благополучие внутрисемейных отношений способствуют целостному развитию ребенка, его успешной социализации. При определенных условиях нарушения отношений с близкими и, прежде всего, с родителями, воспитание в конфликтных, дисфункциональных, деформированных

и т. п. семьях может стать источником психологического неблагополучия ребенка, приводить к саморазрушению. Систематические уходы из дома, сопровождающиеся бродяжничеством, попрошайничеством, мелкими кражами и другими правонарушениями в полной мере можно отнести, согласно классификации Ю.В. Попова (1991), к форме саморазрушающего поведения, наносящего ущерб будущему социальному статусу.

Наше исследование было направлено на сравнительное изучение совладающего поведения и детско-родительских отношений подростков, систематически уходящих из дома, занимающихся бродяжничеством, и подростков с просоциальным поведением и успешной социально-психологической адаптацией. В основную группу, численностью 31 человек, вошли подростки мужского пола в возрасте 12–14 лет, пребывающие в Центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей. Контрольная группа – 30 подростков мужского пола в возрасте 12–14 лет, учащиеся общеобразовательных школ Санкт-Петербурга.

Для исследования были выбраны следующие диагностические средства: методика «Индекс жизненного стиля» (в адаптации Л.И. Вассермана), копинг-опросник «COPE» Карвера (в адаптации С.В. Горбатова и В.В. Шукайло, 2005), проективная методика «Нарисуй свою семью», методика «Подростки о родителях» (в адаптации Л.И. Вассермана, И.А. Горьковской, Е.Е. Ромициной).

Были получены следующие результаты: у подростков, уходящих из дома, наблюдаются значимо более высокие показатели по таким механизмам психологической защиты, как вытеснение, регрессия, отрицание ($p < 0,01$); при преодолении стрессогенных ситуаций такие подростки используют стратегии совладания избегания во всех вариантах: «избегание на уровне сознания», «избегание на уровне поведения», «избегание, связанное с употреблением алкоголя и наркотиков» ($p < 0,01$). Интересно, что подростки, уходящие из дома, в меньшей степени, чем подростки контрольной группы, склонны использовать эмоционально-ориентированную стратегию «концентрация на эмоциях и эмоциональный выход», в то время как эмоциональный уровень реагирования на влияние стресса считается возрастной нормой (Никольская И.М., Грановская Р.М., 2000).

По методике «Подростки о родителях» подростки, уходящие из дома, значимо чаще воспринимают автономность и непоследовательность своей матери, директивность, враждебность, автономность и непоследовательность своего отца. Их рисунок семьи отражает не-

благополучие, чувство неполноценности и тревожность в семейной ситуации ($p < 0,01$), в то время как подростки контрольной группы чаще отмечают благополучие семейной ситуации ($p < 0,05$). При изучении структуры взаимосвязей у подростков, уходящих из дома, были обнаружены значимые взаимосвязи: положительная – стратегии «уход на поведенческом уровне» с враждебностью отца (0,53), и обратная взаимосвязь стратегии «концентрация на проблеме» (или «подавление отвлекающей деятельности») с автономностью матери (-0,61). У подростков же контрольной группы была выявлена положительная взаимосвязь стратегии активного преодоления стресса (0,47) и планирования (0,53) с позитивным интересом матери.

Таким образом, можно сделать вывод, что подростки, совершающие уходы из дома и занимающиеся бродяжничеством, используют малоэффективные стратегии для решения жизненных проблем, сопряженных с переживанием стресса, их внутренние конфликты сопровождаются появлением примитивных защит, а ситуация в семье и взаимоотношения с родителями являются почвой формирования саморазрушающего поведения.

И.Н. Гурвич

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ЗДОРОВЬЯ

В ситуации значительного ухудшения здоровья населения, вплоть до снижения ожидаемого возраста дожития, особенно мужской части популяции, наблюдаемой сегодня в России, особое значение приобретает знание о причинах такого катастрофического положения. На наш взгляд, существующие и популярные сегодня в научном сознании объяснения, скорее, являются попыткой ухода от действительно научного анализа проблемы. На сегодняшний день сформировалось три основные точки зрения на проблему.

1. «Вредные привычки». Эта точка зрения, получившая широкое признание в англоязычных странах, основывается на широком распространении употребления алкоголя и табака среди россиян. Не отрицая важности данного фактора, отметим, что подобный исторический тренд наблюдается довольно давно; при сходном распространении алкоголизации и курения в странах Запада там отнюдь не наблюдалось столь катастрофических последствий; результаты патолого-анатомических исследований отнюдь не показывают доминирования

патологии, непосредственно связанных с алкоголизацией и табакокурением, и, наконец, столь высокий уровень распространенности «вредных привычек» сам по себе нуждается в объяснении.

2. Распад «буферных» или «поддерживающих» социальных механизмов, функционирование которых обеспечивается социальной системой. Здесь обычно называется самый широкий круг причин и обстоятельств, сопровождающих социальные изменения – от ухудшений условий труда до снижения уровня денежных доходов населения. Однако и здесь, рассматривая все эти явления в историческом ракурсе, не удается проследить их столь тяжелого повреждающего влияния на популяцию.

3. Так называемый «стресс социальных изменений». Его характерной особенностью является деморализация больших групп населения, связанная с потерей статуса, престижа, а главное, привычной и устойчивой системой значений символов окружающей реальности. Это чувство, присущее людям, живущим в стабильном социальном окружении, А. Антоновски предложил называть «чувством когерентности». Утрата этого чувства большими группами людей, главным образом, молодых и имеющих соответствующую «почву», привела в российском обществе к росту потребления алкоголя и наркотиков в молодежной среде, распространению коммерческих сексуальных контактов и, в конечном итоге, к эпидемическому росту заболеваемости ВИЧ / СПИД и ИППП. Не удивительно, что в условиях социальных изменений процессы деморализации затронули прежде всего молодежь. Отсюда берут свои истоки проблемы молодежного наркопотребления, алкоголизации, неупорядоченных сексуальных контактов. Наиболее угрожающим следствием этого выглядит взрывообразный рост численности девиантных групп населения с присущим им «поведением риска».

Однако, на наш взгляд, было бы ошибочным и опасным сводить проблемы физического и психического здоровья молодого поколения к факторам относительно «новых» угроз. И здесь здоровье молодежных групп населения следует признать ведущей составляющей будущего здоровья нации. Отсюда значение традиционных особенностей норм поведения, связанного со здоровьем, присущих российской культуральной среде в сферах аддиктивного поведения, питания, реакций на социальный стресс, режима труда и отдыха, предотвращения травм и т. п. также должно находиться в круге интересов социальной психологии здоровья.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Растущий интерес ученых и практиков к проблемам жизнестойкости обусловлен тем, что условия жизни в современном обществе все чаще провоцируют у его граждан переживание состояния стресса. Жизнестойкость рассматривается в качестве ресурса для предотвращения этого состояния и его успешного преодоления. Наиболее разработанной к настоящему времени является концепция жизнестойкости С. Мадди и его сотрудников. Именно она была положена в основу нашей работы. В соответствии с ней жизнестойкость (“hardiness”) рассматривается как система убеждений, способствующих позитивному преодолению стрессогенных жизненных событий. Эта модель жизнестойкости включает три относительно самостоятельных компонента: вовлеченность, контроль и принятие риска. С. Мадди и его сотрудниками была создана методика, позволяющая измерять степень выраженности этих убеждений, – Опросник жизнестойкости. Благодаря этой методике была подтверждена трехфакторная модель жизнестойкости (Kobasa, 1979; Maddi, 1998, 2002; Мадди, 2005; Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., 2006 и др.).

В качестве предпосылок формирования жизнестойкости называют детский и подростковый опыт. Очевидно, что этот опыт зависит от условий социализации ребенка, в том числе от особенностей культуры, носителями которой являются родители ребенка и его ближайшее окружение. Между тем влияние культуры на характеристики жизнестойкости исследовано недостаточно. В частности, недостаточно изучено то, как особенности культуры сказываются на гендерных различиях в установках, способствующих жизнестойкости личности. В отечественной литературе представлены данные об отсутствии значимых различий в показателях жизнестойкости у мужчин и женщин, проживающих в РФ (Леонтьев, Рассказова, 2006; Даниленко, Алексеева, 2011). Между тем, можно предполагать, что в странах с иными культурными традициями эти различия будут обнаружены.

Предметом нашего исследования стало сравнение показателей жизнестойкости у юношей и девушек, обучающихся у себя на родине – в РФ или КНР. Цель – исследовать специфику показателей жизнестойкости у юношей и девушек, формирование личности кото-

рых происходило под влиянием разных культур – китайской и русской.

В исследовании приняли участие 40 китайских студентов (20 юношей и 20 девушек) и 39 русских студентов (19 юношей и 20 девушек), всего 79 человек в возрасте от 21 до 25 лет, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга и крупных городов Китая. Гипотеза исследования: существуют различия в показателях жизнестойкости у китайских юношей и девушек, при отсутствии таких различий у русских студентов.

На первом этапе исследования был осуществлен перевод Опросника жизнестойкости на китайский язык с соблюдением требований обеспечения эквивалентности перевода. На втором этапе был проведен опрос и осуществлена обработка результатов в группах китайских и русских студентов. Для того чтобы выяснить, существуют ли значимые различия отдельных показателей и общего уровня жизнестойкости между группами юношей и девушек, был использован непараметрический U-критерий Манна–Уитни.

Результаты исследования: у китайских юношей выше, чем у девушек, показатели по шкалам вовлеченности ($p = 0,039$), контроля ($p = 0,020$) и принятия риска ($p = 0,033$), а также по общему показателю жизнестойкости ($p = 0,004$). Все выявленные различия являются статистически значимыми. При сравнении всех показателей по тем же шкалам и общему показателю жизнестойкости у русских юношей и девушек значимых различий не обнаружено.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась. Выявленные различия между показателями жизнестойкости у китайских юношей и девушек свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что в современном Китае на сознание молодежи продолжают оказывать влияние традиционные представления о нормах поведения мужчин и женщин. В соответствии с ними женщинам предписывается проявлять большую уступчивость и ответственность, а мужчинам – стремление добиваться цели, уверенность в своих силах и независимость (Bagg, 1959). Представляется, что модель жизнестойкости, предложенная С. Мадди и коллегами, является специфической для современного эгалитарного общества. В традиционных обществах и там, где традиции продолжают сохранять свою регулирующую силу, способность справляться со стрессом может быть обеспечена за счет другой системы убеждений, в том числе предполагающей гендерные различия.

Е.В. Дворцова, И.А. Чувашова

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ЭМПАТИИ

Возможность достижения наиболее полного развития своих способностей, реализации личностного потенциала у человека появляется именно в профессиональной деятельности, начальным этапом которой является студенчество (стадия адепта по Е.А. Климову). Однако препятствующим этому фактором в профессии психолога может являться эмоциональное выгорание. В силу необходимости организации эффективного взаимодействия с людьми профессии типа «Человек-человек» предъявляют повышенные требования к эмпатии специалиста.

В исследованиях взаимосвязи эмпатии и эмоционального выгорания имеют место противоречивые данные. Взаимосвязь эмпатии и эмоционального выгорания может быть различной у юношей и девушек, поскольку как манера общения, установления контактов с людьми, так и реагирование в эмоционально сложных ситуациях имеют свои особенности у представителей разного пола.

Цель исследования: выявить особенности взаимосвязи эмпатии и эмоционального выгорания у юношей и девушек – студентов-психологов. Гипотеза: существуют отличия во взаимосвязи эмпатии и выгорания у юношей и девушек – студентов-психологов. Выборка: 72 студента-психолога 5 курса НФИ КемГУ, из них 12 юношей и 50 девушек. Методики: «Профессиональное выгорание» Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой; диагностики эмоционального выгорания В.В. Бойко; «Определение психического “выгорания”» А.А. Рукавишникова; опросник А. Меграбяна по изучению эмпатии; диагностики эмпатических способностей В.В. Бойко. Математико-статистическая обработка данных: корреляционный анализ (критерий Пирсона).

В группе юношей были выявлены положительные корреляции на уровне значимости $p \leq 0,01$ между: эмоциональным истощением и эмоциональным каналом эмпатии ($r = 0,85$), неудовлетворенностью собой, а также между тревогой, депрессией и присоединением ($r = 0,79$; $r = 0,83$), сформированностью фазы резистенции и интуитивным каналом эмпатии ($r = 0,85$). Отрицательно связаны: редукция персональных достижений с чувствительностью к отвержению ($r = -0,84$, $p \leq 0,01$), неудовлетворенность собой, а также тревога и депрессия – со способствующими эмпатии установками ($r = -0,83$, $p \leq 0,01$;

$r = -0,79$, $p \leq 0,01$) и проникающей способностью в эмпатии ($r = -0,8$, $p \leq 0,01$; $r = -0,78$, $p \leq 0,01$).

В группе девушек положительно связаны: тревога и депрессия, редукция профессиональных обязанностей, истощение – с чувствительностью к отвержению ($r = 0,56$, $p \leq 0,01$; $r = 0,6$, $p \leq 0,01$; $r = 0,66$, $p \leq 0,01$); редукция персональных достижений – с присоединением ($r = 0,6$, $p \leq 0,01$) и рациональным каналом эмпатии ($r = 0,36$, $p \leq 0,05$); деперсонализация, эмоциональная отстраненность, профессиональное истощение и личностное отдаление – с идентификацией в эмпатии ($r = 0,34$, $p \leq 0,05$; $r = 0,36$, $p \leq 0,05$; $r = 0,29$, $p \leq 0,05$; $r = 0,31$, $p \leq 0,05$). Отрицательно связаны на уровне значимости $p \leq 0,05$: тревога и депрессия, неадекватное эмоциональное реагирование – с эмпатией ($r = -0,34$; $r = -0,45$); сформированность фазы тревожного напряжения и фазы резистенции, общий уровень выгорания по методикам В.В. Бойко и А.А. Рукавишникова – с присоединением ($r = -0,35$; $r = -0,32$; $r = -0,3$; $r = -0,33$); сформированность фазы резистенции, «отсутствие профессиональной мотивации», общий результат эмпатии по методикам В.В. Бойко и А.А. Рукавишникова – с проникающей способностью в эмпатии ($r = -0,35$; $r = -0,35$; $r = -0,35$; $r = -0,34$).

Таким образом, проведенное исследование показало, что девушки, получающие профессию психолога, более подвержены возникновению эмоционального выгорания, чем юноши. Интересен тот факт, что у юношей яркое проявление эмпатии, сочувствия, вхождение в глубокий эмоциональный резонанс с окружающими способствует развитию выгорания, а у девушек – предотвращает его возникновение. И наоборот – гибкая переключаемость, быстрая постановка себя на место другого и абстрагирование от него, открытое, непринужденное общение с людьми предотвращает выгорание у юношей, однако способствует его возникновению у девушек. При разработке системы психологического сопровождения начальной стадии профессионального пути – студенчества – следует учитывать гендерные особенности взаимосвязи эмпатии и эмоционального выгорания.

М.В. Никитенко, А.В. Шаболтас

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РИСК ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТАБАКОКУРЕНИЯ

В современной России распространенность табакокурения среди подростков и лиц юношеского возраста неуклонно растет год от года. По данным исследований, среди студентов регулярно курят 50 % юношей и 30 % девушек. Средний возраст, в котором дети пробуют курить, составляет 13 лет. Существует острая необходимость в разработке и внедрении превентивных программ, направленных на социальные и психологические факторы риска возникновения курения и развития табакозависимости у детей.

Целью данного исследования было выявление социальных и психологических факторов, связанных с развитием табакозависимости у лиц юношеского возраста. Особое внимание уделялось идентификации поведенческих и личностных характеристик табакокурльщиков и специфике их отношений с родителями.

Методы исследования: 60 юношей и девушек, регулярно курящих, в возрасте от 21 до 31 года были отобраны случайным образом и после подписания информированного согласия включены в кросс-секционное исследование. 50 юношей и девушек без зависимости от табака со схожими социальными и демографическими характеристиками были включены в контрольную группу. Исходя из цели и задач исследования, в качестве методов были использованы следующие инструменты: модифицированная версия опросника для оценки поведенческих рисков в области здоровья, предложенная Всемирной Организацией Здравоохранения, опросник Шмишека для выявления личностных акцентуаций, опросник ADOR для выявления специфики детско-родительских отношений, проективный тест «Рисунок семьи».

Исследование осуществлялось в виде индивидуального однократного интервью, которое проводилось подготовленным консультантом и длилось примерно 1,5 часа. Для сравнительного анализа данных экспериментальной и контрольной групп использовался t-критерий Стьюдента (SAS, версия 8). Для выявления взаимосвязей между социальными, поведенческими и психологическими характеристиками использовались корреляционный и факторный анализ (SPSS, версия 10).

Получены следующие результаты. Участники с зависимостью от табака демонстрировали значимо более высокие уровни различных видов рискованных поведенческих практик в области здоровья: употребление алкоголя, наркотиков, незащищенный секс, большее количество половых партнеров, использование насилия в отношениях с другими людьми ($p \leq 0,05$). Среди табакокурльщиков, по сравнению с некурящими участниками, оказалось значимо больше лиц, имею-

щих аффективно-экзальтированную и циклотимическую акцентуации характера ($p \leq 0,01$). Наблюдение в детстве за рискованными видами поведения в области здоровья, которые практиковали родители, является значимым фактором риска для развития подобного поведения у детей. Участники с зависимостью от табака значимо чаще имели родителей, которые также курили регулярно ($p \leq 0,01$). По собственному мнению курильщиков, курение родителей играло главную роль в том, что они рано попробовали курить. Детско-родительские отношения у участников из экспериментальной группы по сравнению с контрольной характеризовались значимо более низкими уровнями близости, внимания, заботы и общения ($p \leq 0,01$).

Таким образом, разработка превентивных программ в отношении курения и зависимости от табака для детей и подростков должна основываться на комплексном подходе и включать вмешательства, направленные на разные виды рискованного поведения в области здоровья. Также очень важно, чтобы превентивные вмешательства включали мероприятия, ориентированные как на детей и родителей, так и на семью как социальную систему. Дальнейшие лонгитюдные исследования для оценки эффективности семейных программ профилактики курения и табакозависимости являются актуальной задачей для психологии здоровья в России.

Е.С. Новикова

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МАЛОДЕТНЫХ И МНОГОДЕТНЫХ МАТЕРЕЙ

Репродуктивное поведение – система социально и психологически обусловленных действий и отношений, направленных на рождение детей или на ограничение их числа, включая полный отказ от них (В.В. Бойко). Репродуктивное поведение современных россиян характеризует массовая ориентация на малодетную семью, рост притязаний к уровню жизни и вследствие этого оценка любых условий жизни как неблагоприятных для рождения детей. Снижение рождаемости объясняется снижением потребности в детях, которую можно определить как социально-психологическое свойство индивида, проявляющееся в том, что без наличия детей индивид испытывает затруднения как личность (А.И. Антонов). Однако вопрос о том, что определяет саму потребность в детях, которая может изменяться в течение жизни, до сих пор исследован мало.

Большинство исследователей признают главенствующую роль ценностно-мотивационного фактора в детерминации репродуктивного поведения. Ценностно-смысловой блок материнской сферы связан с общей структурой ценностных ориентаций матери, а ценность ребенка наиболее подвержена влиянию «внедряющихся» ценностей из других сфер (Г.Г. Филиппова). Выход из демографического кризиса невозможен без изменения системы ценностных ориентаций населения, прежде всего молодежи, без повышения потребности в детях, без устранения «разрухи в головах».

В нашем исследовании сравниваются психологические особенности малодетных и многодетных матерей. Здесь будут рассмотрены результаты, полученные по методике Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» (УСЦД). Выборку составили 72 жительницы Санкт-Петербурга, в возрасте от 21 до 43 лет, средний возраст 34 года, замужние, имеющие детей, проживающие в социально благополучных семьях, имеющие образование не ниже среднего профессионального. В выборке 41 малодетная мать (имеющие 1–2 детей) и 31 многодетная мать (имеющие 3–7 детей). Сравнивались ценностные ориентации малодетных и многодетных матерей, работающих и неработающих матерей. Для сравнения выборки использовался U-критерий Манна–Уитни.

Для многодетных матерей характерны большая значимость таких ценностей, как «творчество» ($p \leq 0,01$), «красота природы и искусства» ($p \leq 0,05$) и меньшая значимость «материального благополучия» ($p \leq 0,01$). В оценке доступности ценностей значимых различий между малодетными и многодетными матерями не выявлено, однако общий индекс УСЦД у последних значимо ниже (37,5 и 30,8 соответственно, $p \leq 0,05$), что говорит о большей удовлетворенности текущей жизненной ситуацией, меньшей степени рассогласования между «хочу» и «имею» у многодетных матерей. Причем данная тенденция разделяет именно малодетных и многодетных матерей (сравнение групп однодетных и двухдетных матерей, трехдетных и имеющих четверых и более детей значимых различий не выявило).

Среди малодетных матерей больше доля работающих (75,6 % малодетных против 41,9 % многодетных), поэтому логично предположение, что фактор занятости влияет не менее сильно, чем количество детей. При сравнении работающих и неработающих матерей оказалось, что для работающих более значимы «здоровье» ($p \leq 0,05$) и «материальное благополучие» ($p \leq 0,05$), и менее значимо «творчество» ($p \leq 0,001$). У неработающих женщин выше доступность

«счастливой семейной жизни» ($p \leq 0,05$) и «творчества» ($p \leq 0,01$) и ниже показатель УСЦД, т.е. выше общая удовлетворенность ($p \leq 0,05$). Однако сравнение занятых и незанятых матерей внутри малодетной и многодетной выборок не выявило различий в значимости ценностей.

По-видимому, взаимосвязь ценностного фактора с уровнем детности оказывается более сильной, чем с фактором занятости. Меньшая ценность денег – результат ожидаемый и соответствующий давно обнаруженному «парадоксу обратной связи между рождаемостью и благосостоянием». Большая ценность творчества может быть интерпретирована как то, что рождение и воспитание детей воспринимается многодетными мамами как творческий, буквально созидательный (с учетом физического вклада матери) процесс. При этом четкая расстановка приоритетов способствует меньшей выраженности внутренних конфликтов, большей удовлетворенности жизнью. Безусловно, сказывается влияние стабильности брака и общей оценки семейного благополучия многодетными матерями, но воздействие этих факторов требует отдельного рассмотрения.

П.С. Привалова

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН, СТРАДАЮЩИХ НИКОТИНОВОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

По данным ВОЗ, около 25 млн женщин страдают никотиновой зависимостью. В России число женщин детородного возраста составляет 39 млн, при этом около 40 % из них курит. Таким образом, число курящих женщин составляет порядка 15 млн 600 тыс. И только около 20 % женщин бросает курить, узнав о беременности. Осложнения, возникающие во время беременности у курящих женщин, разделяют на осложнения в организме матери, осложнения в организме плода, осложнения новорожденных детей и детей старшего возраста. Токсические вещества, содержащиеся в сигарете, влияют на возникновение преждевременных родов и спонтанных аборт у курящей женщины. Курение матери во время беременности является фактором повышенного риска для таких нарушений как: возникновение физических недостатков, врожденных нарушений, а также психических отклонений у детей. Курение матери увеличивает риск перинатальной смертности, а также влияет на развитие ребенка после родов.

Целью проведенного исследования являлось изучение особенностей индивидуально-психологических и межличностных взаимоотношений, а также особенности формирования образа материнства у курящих женщин. Задачи исследования: 1) изучить эмоционально-личностные особенности беременных женщин, страдающих никотиновой зависимостью; 2) исследовать особенности реагирования на стрессовые ситуации курящих беременных женщин; 3) исследовать уровень тревоги и агрессии курящих женщин в период беременности; 4) выявить особенности межличностных и социальных взаимоотношений курящих женщин в период беременности; 5) изучить особенности формирования образа материнства курящих женщин в период беременности.

В качестве «исследуемой группы» было выбрано 18 женщин в возрасте от 21 года до 35 лет, курящих во время беременности. В соответствии с тестом на определение никотиновой зависимости Фагерстрема, 35 % опрошенных женщин этой группы имеют средний уровень зависимости, 65 % женщин – высокий уровень зависимости. «Контрольную группу» составили 18 некурящих женщин в возрасте от 23 лет до 36 лет. В ходе проведения исследования использовались методики: 1) сокращенный многофакторный опросник для исследования личности Mini-Mult; 2) опросник «Способы совладания со стрессом» Лазаруса; 3) тест-опросник механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х.Р. Конте, адаптация Е.С. Романова, Л.Р. Гребенников); 4) опросник травматического стресса Котенева; 5) тест Спилбергера под редакцией Ханина для оценки уровня тревожности; 6) опросник Басса–Дарки на исследование уровня агрессии и враждебности; 7) тест межличностных отношений Лири; 8) проективная методика – рисунок «Я и мой ребенок» для диагностики образа материнства; 9) тест Фагерстрема на определение степени никотиновой зависимости.

В результате проведенного исследования было достоверно выявлено ($p < 0,05$): курящие во время беременности женщины характеризуются высоким уровнем личностной тревожности, высоким уровнем агрессии, высокой активностью, потребностью в контроле ситуации и недоверием к окружающим. Достоверно установлено, что ведущими стилями взаимоотношений курящих женщин являются: авторитарный и эгоистический стиль. Агрессия и потребность в достижении успеха среди курящих беременных женщин взаимосвязаны с использованием таких стратегий совладания со стрессом, как конфронтация и принятие ответственности. Вместе с этим курящие женщины используют

разнообразные психологические защиты: компенсация, вытеснение, регрессия, замещение. Достоверно установлено ($p < 0,05$), что для курящих женщин во время стресса характерны: агрессивность, депрессия, общая тревога, злоупотребление наркотическими и лекарственными веществами. Высокий уровень агрессии ($p < 0,05$), враждебности ($p < 0,05$) и личностной тревожности ($p < 0,05$) курящих беременных женщин способствуют формированию конфликтного образа материнства.

Таким образом, беременные женщины с никотиновой зависимостью имеют ряд эмоционально-личностных особенностей, которые влияют на формирование образа материнства. В результате исследования получены достоверные данные о характерных особенностях межличностного общения курящих женщин, а также выявлены характерные реакции на стресс и ведущие механизмы защиты.

А.В. Селин, Т.Д. Василенко

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИТУАЦИИ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

В психологии проблема человека, находящегося в ситуации заболевания, в том числе и онкологического, рассматривается не как сугубо медицинская, а как проблема социальная и психологическая, ввиду того, что «болезнь изменяет отношение к больному со стороны общества» (Гнездилов А.В., 2007; Тхостов А.Ш., 2002). В ситуации тяжелого, смертельно опасного заболевания это приобретает особую актуальность, так как происходит разрушение привычной деятельности, установок и отношений личности, что в наибольшей степени проявляется на ранних этапах болезни, сразу после сообщения диагноза, когда личность еще не выработала новых, адаптивных стратегий поведения.

В нашем исследовании мы ставим цель проследить особенности изменения социального взаимодействия у людей, страдающих онкологической патологией. Для реализации исследования нами было сформировано три группы: 1-я – пациенты онкологического диспансера, с длительностью заболевания до 6 месяцев и гинекологической сферой поражения ($N = 25$); 2-я – пациенты гинекологического отделения ($N = 30$); 3-я – женщины, не находящиеся в каких-либо особых жизненных ситуациях и не предъявляющие жалоб на состояние здоровья ($N = 30$).

Исследование проводилось в 2009–2010 гг. в ЛПУ г. Курска. В качестве измерительного инструментария мы использовали тест «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири и методику «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартлэнда. Расчеты проводились с использованием статистического пакета STATISTICA 8.0, по критерию ϕ^* – угловое преобразование Фишера.

В ходе проведенного исследования нами были получены результаты, отражающие изменения социального взаимодействия в ситуации онкологического заболевания гинекологического профиля. Проводя анализ самоидентификаций (методика «Кто Я?»), мы можем отметить наличие значительно большей относительной частоты встречаемости у онкологических больных самоописаний, связанных с увлечениями и интересами настоящего момента (0,46 – онкологические больные, 0,14 гинекологические больные и 0,15 – здоровые испытуемые), а также с личностными качествами, направленными на взаимодействие с другими людьми (0,45 – онкологические больные, 0,07 – гинекологические больные и 0,31 – здоровые испытуемые).

Интерпретируя полученные результаты, необходимо отметить, что люди в ситуации онкологического заболевания, принявшие участие в нашем исследовании, совсем недавно узнали о своем заболевании. Это дает нам основание утверждать, что в данной группе людей процессы адаптации к новой социальной ситуации только начинаются. Происходит центрация онкологических больных на настоящем моменте и желании компенсировать его негативную окраску посредством обращения к ресурсным составляющим их жизненного опыта. При этом онкобольные сознательно сокращают количество социальных связей, так как предполагают, что, в первую очередь, их будут рассматривать с позиции их болезни и высокой вероятности летального исхода. Это приводит к обращению человека к анализу своего внутреннего мира, что влечет трансформацию социального взаимодействия вследствие динамики смыслового содержания жизненной стратегии.

Анализ изменения стилей межличностных отношений в ситуации онкологического заболевания (методика Т. Лири) выявил преобладание покорно-застенчивого стиля общения по сравнению с группой здоровых ($p = 0,002$) и гинекологических больных ($p = 0,045$), что позволяет говорить о снижении активности в социальном взаимодействии и появлении пассивной подчиняемости в общении. Женщина с онкологической патологией, находящаяся на лечении, исключается из социального взаимодействия; она не проявляет активности в межлич-

ностных отношениях, пассивно принимая существующую ситуацию, так как фокус ее внимания направлен на внутреннее страдание. Кроме того, в группе онкологических больных наблюдается статистически значимое различие в выраженности сотрудничающе-конвенционального стиля общения, по сравнению с группой здоровых ($p = 0,007$) и гинекологических больных ($p = 0,035$), что в сочетании с покорно-застенчивым стилем свидетельствует о преобладании у онкологических больных компромиссного стиля взаимодействия, отражающего низкий уровень индивидуальной активности в социальной среде.

Полученные в исследовании данные свидетельствуют о специфике социального взаимодействия женщин в ситуации онкологического заболевания, которые должны быть учтены при оказании психологической помощи данной категории больных.

Л.А. Цветкова, Н.А. Антонова

РИСК РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВИЧ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

На современном этапе развития общественного здравоохранения в Российской Федерации, как и во многих других странах мира, наибольший практический интерес среди социально-опасных заболеваний представляют ВИЧ, ИППП, вирусные гепатиты В и С, туберкулез. По данным Федерального Центра СПИД (2010) на сегодняшний день в России официально зарегистрировано более 530 тысяч ВИЧ-инфицированных. В реальности эта цифра, по мнению специалистов, может оказаться выше в 3–5 раз в связи с анонимностью обследования на ВИЧ / СПИД и / или незнания своего ВИЧ-статуса респондентами при опросах. В последние годы растет доля ВИЧ-позитивных лиц, заражение которых происходит половым путем. Молодые люди находятся в центре эпидемии ВИЧ / СПИД. Их поведение и информированность об угрозе инфицирования влияют на ход эпидемии. Рассмотрим характеристики поведения студентов, связанного с риском инфицирования ВИЧ, по материалам исследования, выполненного среди студентов Санкт-Петербургского государственного университета весной 2010 г.

В исследовании принимали участие студенты СПбГУ с 1 по 3 курсы обучения. Объем выборки составил 627 человек. Сообщили, что когда-либо пробовали наркотики и/или другие, похожие на них опьяняющие вещества не по назначению врача, 30 % студентов. В

структуре употребления наркотиков первое место устойчиво занимают препараты конопли (план, марихуана, конопля, гашиш) – их употребляли около 90 % студентов. На втором месте находятся стимуляторы (эфедрон, экстази, амфетамины и др.) – опыт их употребления имеет каждый четвертый студент. Доля актуальных наркопотребителей, или тех студентов, которые употребляли наркотики за предшествовавшие опросу 30 дней, составила 4,8 %. Однако мы не можем говорить о наркотической зависимости у данной части студентов, так как в исследовании не идентифицировались ежедневные потребители ПАВ.

Живут половой жизнью 65 % студентов. Средний возраст на момент первого вступления в половую связь составил 16,5 лет ($\delta = 1,6$). Большинство студентов (93 %) оценивают свою сексуальную ориентацию как гетеросексуальную, около 6 % – как бисексуальную, и около 1 % – как гомосексуальную. За предшествовавший исследованию год более чем у половины сексуально активных студентов (54 %) был только один половой партнер, у 19 % – 2 половых партнера, у 11 % – 3 половых партнера. Сексуальные контакты с 5 половыми партнерами и более отметили 12 % сексуально активных студентов. Максимальное количество половых партнеров, упомянутое студентами, – 15 человек. Таким образом, значительная часть студентов практикует множественные половые контакты.

Из числа сексуально активных студентов каждый четвертый (26 %) сообщил, что за последний год вступал в половые отношения со случайными партнерами. Пользовались презервативом при последнем половом контакте с постоянным половым партнером 65 % студентов, и лишь 58 % – со случайным половым партнером. Знают лично людей, заразившихся ВИЧ или умерших от СПИДа, около 4 % студентов. Тестирование на ВИЧ в течение жизни проходили около трети студентов (30 %), и каждый седьмой студент (14 %) – в течение последнего года. Тестирование на ВИЧ чаще проходили студенты, имеющие опыт половых контактов ($p \leq 0,001$). Следует отметить, что 8 % студентов не узнавали результаты тестирования на ВИЧ. Низкий уровень тестирования на ВИЧ отчасти можно объяснить низким уровнем знакомства с проблемой ВИЧ. Кроме того, в студенческой среде существуют искаженные представления о путях передачи ВИЧ. Так, 15 % студентов считают, что можно заразиться ВИЧ через укус комара, а 10 % – если принимать совместно с ВИЧ-инфицированным человеком пищу. Около 7 % студентов не считают, что постоянное использование презерватива снижает риск передачи ВИЧ.

Результаты исследования демонстрируют повышенный риск распространения ВИЧ среди студентов, связанный с передачей этой инфекции половым путем. Актуальность проблемы ВИЧ в студенческой среде воспринимается самими студентами как невысокая, поскольку охват тестированием незначителен. Необходимо повысить внимание к профилактике распространения ВИЧ в студенческой среде в направлениях повышения их информированности, повышения частоты использования презервативов при половых контактах, охвата тестированием. Изучение данной проблематики среди студенческой молодежи высоко актуально с точки зрения противодействия развитию эпидемии ВИЧ-инфекции в РФ.

О.И. Юрвич

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ САООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Особенности современной жизни влекут за собой увеличение стрессовых ситуаций. Это делает актуальными исследования психологических предпосылок конструктивного преодоления «стрессогенных» жизненных событий. В последние годы интерес исследователей и практиков привлекает концепция жизнестойкости (hardiness), представленная в работах С. Мадди и его коллег. Эта личностная характеристика позволяет выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешности деятельности.

Жизнестойкость представляет собой диспозицию, включающую три компонента: вовлеченность, контроль и принятие риска. В основе этих компонентов лежит особая система убеждений и установок личности, которые и обеспечивают способность быть эффективным вне зависимости от сложности ситуации. Для понимания сущности жизнестойкости и практической работы по ее формированию требуется выявить, какие личностные характеристики с ней связаны. Нам представляется, что значимым коррелятом жизнестойкости является отношение человека к самому себе.

Предметом нашего исследования являются взаимосвязи между уровнем жизнестойкости и уровнем развития компонентов самоотношения. Объект исследования – показатели уровня жизнестойкости (вовлеченность, контроль и принятие риска) и компоненты самоотношения (шкалы: закрытость, самоуверенность, саморуководство,

отраженное самоотношение, самооценność, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение и факторы: самоуважение, аутосимпатия, принятие риска). В исследовании приняли участие студенты вузов различных профилей в возрасте от 17 до 27 лет. Выборка состояла из 55 человек, из которых 49 человек – девушки и 6 человек – юноши.

Цель исследования: выявление наличия связей, их направленности и величины, между показателями жизнестойкости и самоотношения индивида. Основная гипотеза: существуют взаимосвязи между жизнестойкостью и самоотношением человека, которые проявляются в наличии положительной корреляции компонентов жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) со шкалами и факторами самоотношения конструктивной направленности (факторы «самоуважение» и «аутосимпатия», шкалы: самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение, самооценność, самопринятие, самопривязанность) и отрицательной взаимосвязи со шкалами деструктивной направленности самоотношения (шкалы: внутренняя конфликтность, самообвинение, которые составляют фактор «внутренняя неустроенность»). Применялись следующие методики: «Тест жизнестойкости» (Леонтьев, Рассказова, 2006); «Методика исследования самоотношения» (МИС) (Пантелеев, 2003).

В результате анализа выборки на наличие взаимосвязей с помощью коэффициента корреляции r -Пирсона, было выявлено, что с факторами жизнестойкости коррелируют практически все компоненты самоотношения ($p < 0,05$). Если рассматривать взаимосвязи только с обобщенными показателями самоотношения (факторы: самоуважение, аутосимпатия, внутренняя неустроенность), то можно выделить следующие наиболее значимые корреляции: положительные – вовлеченность с самоуважением ($r = 0,66$), контроль с самоуважением ($r = 0,55$), принятие риска с аутосимпатией ($r = 0,42$); отрицательные – вовлеченность с внутренней неустроенностью ($r = -0,56$), контроль с внутренней неустроенностью ($r = -0,55$), принятие риска с внутренней неустроенностью ($r = -0,53$). Полученные взаимосвязи полностью согласуются с нашим представлением о наличии и направленности взаимосвязей между жизнестойкостью и самоотношением.

В результате построения корреляционной плеяды выявилось, что вовлеченность (фактор жизнестойкости) – главный системообразующий показатель, который даже при уровне значимости $p < 0,001-0,0001$ коррелирует со всеми остальными показателями. Второй системообразующий показатель – самообвинение (шкала самоотноше-

ния). Кроме того, по уровню жизнестойкости выборка делилась на 3 группы (низкий, средний, высокий уровень) и сопоставлялась с показателями самоотношения (метод однофакторного дисперсионного анализа). Уровень жизнестойкости оказался практически линейно положительно связан со шкалами самоотношения: самоуверенность, саморуководство, самооценność, самопривязанность и отрицательно со шкалами: внутренняя конфликтность, самообвинение.

Также выявилось, что общий показатель жизнестойкости коррелирует ($p < 0,01-0,05$; $r > 0,3$) со всеми шкалами самоотношения, что еще раз подтверждает нашу основную гипотезу о наличии статистически значимых связей между показателями жизнестойкости и самоотношения.

М.О. Аванесян

РИСОВАННЫЕ МЕТАФОРЫ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Метафора (м.) – это описание одного объекта в терминах другого. Например, транзактный анализ описывает психику в терминах взаимодействия трех субъектов: Родителя, Взрослого и Ребенка, а бихевиоризм игнорирует возможность познания тайны психического, называя психику черным ящиком. Считается, что понимание метафоры требует актуализации нашего опыта и системы знаний о вспомогательном объекте и их дальнейшее проецирование (mapping) на основной объект метафоры (Лакофф Д., Джонсон М., 2006). В приведенном примере знания о черном ящике проецируются на область психического. Тема образности как одного из существенных компонентов понимания в последнее время довольно актуальна (Sadoski M., Paivio A., 2001, Гостев А., 2007). В отношении метафор образность чаще всего изучается как влияние предъявляемых конкретных изображений, связанных с содержанием метафоры, на скорость ее понимания (Hutchins E., 2005; Richardson D., Matlock T., 2007). Однако образный компонент метафоры может изучаться на примере рисованных метафор, в которых взаимодействие объектов передано графически, что существенно отличает их от словесных метафор.

Тема рисованных метафор (pictorial metaphors) не освещена в русскоязычной литературе, а в англоязычной разрабатывается, в основном, в прикладном аспекте использования метафоры в рекламе (Forceville C., 1996). Анализируя рекламные изображения, Forceville заметил, что компоненты основного и вспомогательного объектов могут по-разному сочетаться друг с другом. Оба объекта могут входить в единый гештальт по типу коллажа (комбинированные м.); основной объект помещается в типичный ситуационный контекст вспомогательного, как бы замещая его (контекстуальные м.); изображенный основной объект может быть внешне подобен отсутствующему вспомогательному объекту и при этом оставаться самим собой

(интегрированные м.); оба объекта могут быть изображены рядом (рисованные сравнения).

Анализ большого массива рисованных метафор позволил нам выделить пятый тип рисованных метафор – символические метафоры. Данный тип метафор содержит изображение только вспомогательного объекта (ситуации), но за счет нахождения его символического значения респондент сам выстраивает значение основного объекта метафоры и постигает ее смысл. Пилотное исследование (41 чел., 19–28 лет) показало, что понимание графических метафор (на примере комбинированных метафор) требует не только рассмотрения рисунка, выделения связей и отношений между его элементами, но и актуализацию сети словесных ассоциаций метафорических объектов.

Во всех случаях пониманию рисованной метафоры предшествовал поиск вербального метафорического аналога. Словесная метафора оказывалась первичной, а рисованная – вторичной, производной (несмотря на то, что образный язык является базовым языком психики (Веккер Л., 1998)). «Перевод» образного языка рисованных метафор на собственный словесный язык предоставляет респонденту большую степень свободы как в определении, так и назывании основного и вспомогательного объектов метафоры (в словесной метафоре они заданы изначально). Это может изменить изначальный смысл метафоры, меняя направление и удаленность ассоциативных мысленных ходов.

Понимание рисованных метафор, как и словесных, требует привлечения большого объема внетекстовой информации (изображение мы также рассматриваем как текст). Отметим, что рисованная метафора содержит изображения конкретных объектов и поэтому предоставляет респонденту дополнительные возможности: фантазирование с опорой на объект (про фантазирование см. Осорина М.В., 2008) и более тщательную разработку области вспомогательного объекта, что помогает обнаружить сходство, не замечаемое в случае аналогичной вербальной метафоры. Например, словесная метафора «нырнуть в книгу» и ее рисованный аналог – изображение человека, ныряющего в книгу, вызывали не только повторяющиеся сходные, но и повторяющиеся особенные для каждого из обоих случаев смыслы. Это позволяет говорить о том, что в случае понимания словесных метафор необязательным является конкретно-чувственное представление ее объектов респондентом, и понимание идет скорее путем актуализации словесных ассоциаций. Несмотря на то что рисованные метафоры позволяют исследователю контролировать образную составляющую

предъявляемого стимульного материала, это не избавляет его от изучения внутренних репрезентаций респондентов, которые определяют полноту понимания как вербальных, так и рисованных метафор.

Н.А. Адамян, Е.С. Басова

ВЛИЯНИЕ ИНСТРУКЦИИ НА ИГНОРИРОВАНИЕ ПРИ ГЕНЕРАЦИИ СЛЕПОТЫ ПО НЕВНИМАНИЮ

Слепота по невниманию (СН) – неспособность наблюдателя воспринять ясно различимый зрительный объект в центральной части поля зрения, если его внимание занято анализом какого-либо иного целевого объекта, предъявленного одновременно с данным или незадолго до него (Фаликман, 2006). При генерации СН в динамической парадигме (Simons, Chabris, 1999) испытуемым предъявляются хаотично движущиеся стимулы двух разновидностей и дается задание следить за стимулами определенного типа. Во время предъявления этих стимулов в зоне видимости появляется объект-дистрактор, не имеющий отношения к задаче. Этот объект в значительном количестве случаев не замечается испытуемыми, что является показателем подверженности СН. Одним из возможных объяснений этого феномена является то, что, выделяя в соответствии с инструкцией целевые объекты, испытуемые игнорируют все остальное содержимое перцептивного поля, в том числе и неожиданно появившийся дистрактор (Кувалдина, 2010). Можно отметить, что влияние игнорирования на целевых (фоновых) стимулов на уровень генерации СН не изучено.

Наше исследование является попыткой выяснить, каким образом воспринимаются фоновые стимулы и является ли их игнорирование необходимым для возникновения СН. Для ответа на этот вопрос мы изменяли формулировку инструкции, даваемой испытуемому. Мы предположили, что введение в инструкцию логических кванторов, задающих различные операции для выделения целевой группы стимулов, приведет к снижению либо повышению уровня СН в зависимости от того, задает ли инструкция игнорирование части стимулов и слежение за оставшимися (квантор «кроме») или, наоборот, – концентрацию на стимулах определенного вида и необращение внимания на остальные (квантор «только»).

Всего в эксперименте приняло участие 30 человек (студенты СПбГУ). Для генерации СН был использован flash-ролик длительностью 15 секунд, предъявлявшийся на мониторе компьютера. Flash-

ролик представлял собой движущиеся на сером фоне и сталкивающиеся с краями окна программы объекты: 8 букв L и T (черного и белого цветов). На второй секунде предъявления появлялся новый стимул: крест серого цвета, такого же размера, как и буквы. Он проходил по горизонтали справа налево и не взаимодействовал с другими объектами видео. Одной группе испытуемых давалась инструкция подсчитать количество столкновений с краями окна программы «всех букв, кроме тех, которые не относятся к кириллическому алфавиту», а другой группе – «только тех букв, которые относятся к кириллическому алфавиту».

Предположительно, в первом варианте инструкции игнорирование фоновых объектов (букв не кириллического алфавита) является более сильным, нежели при втором варианте инструкции, которая не подразумевает изначального жесткого разделения на целевые и фоновые объекты. Выполнение первой инструкции (зрительный поиск в соответствии с квантором «кроме») требует дополнительных контрольных операций. Если испытуемый действительно выполняет дополнительные операции активного игнорирования фоновых стимулов, мы должны были зафиксировать разницу в уровне СН в двух группах.

Результаты исследования. Статистическая обработка данных показала, что уровень слепоты в группах с разными инструкциями значимо не отличается (критерий хи-квадрат = 0,536, $p > 0,1$). Различия между двумя выборками по ошибке выполнения основного задания нельзя также считать значимыми (U-критерий Манна-Уитни = 87, $p > 0,1$). Это означает, что различие в инструкции не влияло на качество выполнения основного задания. Тем не менее в обеих группах наблюдается тенденция недооценки при выполнении основного задания (ошибка отклонения от правильного ответа в 1 группе = -1,9; во 2 группе = -1,4).

Были получены результаты, не соответствующие изначальной гипотезе. Различия в инструкции, заключающиеся во введении кванторов «кроме» и «только», не приводят к различиям в уровне генерации СН. Можно предположить, что обе инструкции (в том числе в силу переформулировки инструкции испытуемым) не разделяют стимулы на соответствующие и не соответствующие задаче слежения, как это предполагается в классическом варианте генерации СН, что повышает уровень перцептивной загрузки и вызывает стабильную ошибку недооценки. Однако, несмотря на это, СН возникает на достаточно высоком уровне (53 % в 1 группе и 43 % во 2 группе), т. е.

мы не можем сказать, что наличие игнорируемых стимулов является обязательным условием для генерации СН.

Исследование выполнено при поддержке гранта молодых ученых факультета психологии СПбГУ № 8.23.454.2011.

Е.М. Алексеева, Т.К. Иванова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИМПЛИЦИТНЫХ МЕТОДИК В ИССЛЕДОВАНИИ УСТАНОВОК

В настоящее время отмечается повышенная заинтересованность исследователей в эмпирическом и экспериментальном изучении осознаваемых и неосознаваемых установок. Однако исследования в данной области затруднены из-за ограниченности методического аппарата. Начало изучения установок (прежде всего социальных) знаменуется использованием прямых методов: методов опроса и психосемантических методов. Данные методы опираются на использование осознаваемой информации о себе и о других людях и основываются либо на самооценке, либо на экспертных оценках. Такие методы получили название «эксплицитные», и их примерами могут быть классической семантический дифференциал Ч. Осгуда и его модификации (например, В.Ф. Петренко) с использованием разного рода биполярных шкал, методика оценки степени выраженности качеств (свойств), методика приписывания качеств из заданного набора, диагностический коэффициент К. Макколи и К. Ститта, процентная методика Дж. Брайема.

В последние годы при проведении психологических исследований установок значительно вырос интерес к использованию особой подгруппы не прямых, а косвенных методов измерения – так называемых «имплицитных» методов (A.G. Greenwald, D.E. McGhee, J.L.K. Schwarz, 1998; B.A. Nosek, M.R. Banaji, 2001; J. De Hower, 2003; R.H. Fazio, M.A. Olson, 2003). К ним относятся, например, имплицитный ассоциативный тест (ИАТ) А. Гринвальда, «Go/No-Go» ассоциативный тест (ГНАТ) Б. Носека, аффективный тест (ЕАСТ) Де Хоувер.

Данные методы стали активно применяться в зарубежной психологии в последние два десятилетия. Это было обусловлено, во-первых, критикой по отношению к традиционно применяемым прямым (эксплицитным) методам для выявления характеристик и особенностей установок. Прямые методы зачастую выявляют социально-желаемые, а не истинные ответы опрашиваемых. Преимущество им-

плицитных методик заключается в том, что при их выполнении гораздо меньше вероятность влияния стремления испытуемых в создании положительного личного образа. Во-вторых, в психологических исследованиях стали усиленно изучаться «автоматизированные» (т. е. не требующие прямого сознательного контроля и сознательной регуляции) процессы переработки информации (Greenwald A.G., Banaji M.R., 1995). При этом особое внимание в зарубежных работах уделяется изучению таких имплицитных образований, как имплицитные (неосознаваемые, автоматические) установки и отношения (англ. attitudes, нем. Einstellungen), стереотипы (англ. stereotypes, нем. Stereotype), аффекты, имплицитные стереотипы, предубеждения (англ. prejudice, нем. Vorurteile). Имплицитные установки и отношения рассматриваются как действия или суждения, которые поддаются автоматической (неосознаваемой) оценке, и определяются как «внутренние (интроспективно) неопределенные (или неточно определенные) следы прошлого опыта, которые вызывают приятное (положительное) или неприятное (отрицательное) чувство, мысль, или действие по отношению к объектам» (Greenwald A.G., Ghee D.E., Schwarz J.L.K., 1998).

В работе (Fazio R.H., Olson M.A., 2003) делается обзор исследований установок, проведенных с использованием имплицитных методов. В зарубежных исследованиях было обнаружено, что результаты, полученные при помощи имплицитных методов, часто не совпадают с результатами, полученными при помощи эксплицитных методов (Dovidio J.F., Kawakami K., Beach K.R., 2001; Asendorpf J.B., Banse R., Mücke D., 2002). Это стало основанием для представлений о том, что эксплицитные и имплицитные установки могут существовать одновременно и не совпадать друг с другом. Как отмечают Г.С. Шляхтин и С.В. Давыдов, разделение установок на эксплицитные и имплицитные во многом совпадает с разделением установок на осознаваемые и неосознаваемые, проводимого Д.Н. Узнадзе (1961, 1977). Однако однозначного соответствия между понятием «имплицитный» и «неосознаваемый» нет. Под «имплицитным» понимается, прежде всего, «автоматический».

В российской психологической науке постепенно отмечаются возрастающий интерес и тенденция к использованию в эмпирических и экспериментальных исследованиях имплицитных методов. Проведенный анализ литературы (публикации Шляхтина Г.С., Давыдова С.В., 2006; Борисовой И.А., 2007; Бочарова А.В., Князева Г.Г., Слободской Е.Р., Рябиченко Т.И., 2007; Алексеевой Е.М., 2010) поз-

воляет сделать вывод о целесообразности применения имплицитных методик наряду с эксплицитными, так как такое сочетание дает возможность осветить изучаемое явление с разных сторон.

В.М. Аллахвердов

КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОГО

Когнитивный подход предполагает, что все психические явления определяются логикой познавательной деятельности (Аллахвердов, 2005), что когнитивные процессы лежат в основе всех психических функций (Лекторский, 2008). Такой подход побуждает пересмотреть устоявшиеся в психологии взгляды, например, мотивационную сферу человека (ведь потребности и мотивы должны трактоваться как подчиненные исключительно познавательным задачам). Когнитивный подход изначально возник в противовес бихевиоризму, именно оппозиция к бихевиоризму объединяла первых когнитивистов. Но, к сожалению, представители когнитивной науки во многом отказались от своих исходных позиций и откатились назад к бихевиоризму. Думаю, пора вернуться к когнитивистским истокам.

С точки зрения радикального когнитивного подхода, даже природа социального должна объясняться исходя из логики познания, а не из каких-либо других соображений (биологических, социальных или каких-либо иных). Будем исходить из того, что в познающей системе необходимо должен быть реализован принцип независимой проверяемости любых результатов познания. (Это требование хорошо известно в методологии науки.) Такой подход задает структурообразующий принцип для построения схемы познавательной деятельности.

Это значит, что должны существовать, как минимум, две независимых схемы познания, получающих разную информацию и принципиально по-разному ее обрабатывающих. Например, отдельно обрабатывается сенсорная и моторная информация. Сенсомоторная схема соединяет успешные сенсорные и моторные результаты по смежности во времени и проверяет в действии существование этой гипотетической связи. Может быть, нечто подобное имел в виду Н.А. Бернштейн, когда говорил о «перекрестной выверке показаний сенсорных синтезов». Однако построенные на сенсомоторном уровне представления также должны независимо проверяться. Но с чем их

можно сопоставить? С представлениями о мире, созданными другими людьми.

Такой подход соответствует позиции методологии науки, говорящей о необходимости интерактивной проверки научных гипотез. Новация этого в том, что именно познавательная деятельность объявляется причиной социального взаимодействия, а не ее следствием, как это трактуется, например, в марксизме и в школе Выготского. Однако в самом начале человеческой истории человек еще не может спросить другого о его представлениях – нет языка. Ему следует совершать какие-то действия, предполагать в ответ на них определенное изменение поведения партнера и проверять, соответствует ли реальное поведение предполагаемому. Но выбирать надо такие проверочные действия, которые заведомо не имеют ни физического, ни физиологического смысла, иначе можно проверять лишь физические или физиологические гипотезы.

Партнер – не только объект, но и субъект познания. Он тоже строит и проверяет гипотезы о внутреннем мире другого человека. Если два человека одновременно странно себя ведут (совершают «неадекватные действия», по Поршневу), то они найдут причину таких действий партнера в самом себе и в своих действиях, поскольку никакого иного естественного смысла у наблюдаемых ими действий партнера нет. Эта гипотеза о причине, разумеется, ошибочна, но вся тонкость в том, что после своего возникновения она становится верной. Ведь оба проверяющих друг друга субъекта заинтересованы в подтверждении собственных гипотез, а потому оба склонны повторять совместные действия. Так порождается социальная взаимозависимость. То, что социальное взаимодействие возникает как необходимая для познания проверочная деятельность, в какой-то мере соответствует нейрофизиологическим данным. В тот момент, когда испытуемые ощущали конфликт между своим мнением и мнением большинства, мозг продуцирует «сигнал ошибки» (Klucharev et al., 2008).

Таким образом, когда человек узнает, что его мнение отличается от мнения большинства, это фиксируется нервной системой так же, как любая другая когнитивная ошибка. В наших исследованиях было показано: при предъявлении различных задач, когда испытуемый не имеет возможности осознанно проверить свое решение, он иначе реагирует на обратную связь, получаемую от человека, чем на обратную связь, получаемую от компьютера. А принятые решения обладают большим последствием, если при обсуждении с партнером (при том, что никто из партнеров не может осознанно найти правильный

ответ) партнер соглашается с мнением испытуемого, и еще большим – если соглашается, изменив при этом свою первоначальную позицию.

Поддержано грантом РГНФ № 10-06-00429а.

М.В. Аллахвердов

МОДЕЛЬ СТРУКТУРЫ ИМПЛИЦИТНОЙ ТЕОРИИ ДОВЕРИЯ

Доверие – один из самых важных компонентов в жизни человека. Неудивительно, что Э. Эриксон считает, что базовое доверие или недоверие к миру развивается у ребенка первым. Однако на такую значимость в исследовании доверия нет однозначно принятых ответов. Так, в работах отечественных и зарубежных психологов можно выделить 4 основных представления о доверии: доверие как ожидание, доверие как оценка, доверие как поведение и доверие как отношение. Гудж и Гилсон (Goudge, Gilson, 2005) в своей статье утверждают, что определение доверия подвержено влиянию контекста (в широком смысле этого слова).

По мнению ученых, в разных социальных ситуациях доверие несет разный смысл, и поэтому множится количество определений. Например, специально для доверия между родителями и учителями (семьей и школой) Адамс и Кристенсон (Adams, Christenson, 2000) определяют доверие как уверенность в том, что другой человек будет поддерживать и развивать, обогащать отношения между семьей и школой, чтобы достичь позитивных результатов для обучающегося.

Отдельно разграничиваются понятия «доверие» и «недоверие». А.Б. Купрейченко, вслед за Б.Ф. Поршневым и другими учеными, предлагает считать доверие и недоверие двумя самостоятельными процессами. При таком взгляде доверие рассматривается как интерес и уважение к партнеру, представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате взаимодействия с ним, а также как положительная эмоциональная окраска этого взаимодействия. Недоверие же представляется как осознание рисков, чувство опасности, страха в сочетании с негативными эмоциональными оценками.

В данной модели доверие и недоверие – это уже две шкалы, по которым оценивается каждый объект, партнер и т. п. Человек одновременно может испытывать доверие и недоверие к окружающим его людям или явлениям. Купрейченко приводит следующий пример.

Удовольствие от выигрыша всегда меньше, чем горечь от потерь. Это происходит потому, что содержание и степень опасений (недоверие) неэквивалентны содержанию и степени положительного исхода. Другими словами, то, что мы можем потерять, неэквивалентно тому, что мы можем приобрести. Поэтому доверие и недоверие неэквивалентны. Однако нам представляется такое разграничение запутывающим и неопределенным. Как в таком случае определить противоположные значения доверия и недоверия?

Нам представляется, что данная классификация носит социально-психологический характер. В общепсихологическом смысле можно выделить два доверия: доверие-ожидание и доверие-проверка. Эти доверия – два разных аспекта когнитивной работы человека. Доверие-ожидание – это уверенность в положительном исходе ситуации до ее начала, недоверие-ожидание – это уверенность в негативном исходе ситуации. Доверие-проверка – это отсутствие потребности в проверке результата, в то время как недоверие-проверка – это необходимость в проверке результата.

Данные два доверия действительно независимы друг от друга. Человек может считать, что ситуация закончится хорошо, но при этом на каждом этапе будет проверять, согласуется ли получаемая им информация с его представлениями. Или, наоборот, человек может быть уверен в плохом исходе, и при этом быть уверенным, что он ничего не может сделать, чтобы это изменить, таким образом, даже не считая необходимой проверку результата. Оба этих компонента доверия работают у человека на неосознаваемом уровне.

Таким образом, имплицитная теория доверия состоит из двух компонентов: имплицитное ожидание успешности или неуспешности и имплицитная потребность в проверке правильности или отсутствие такой потребности. Мы предполагаем, что возможно 4 варианта имплицитной теории доверия: ожидание успешности (ОУ) / потребность в проверке (ПП), ОУ / отсутствие потребности в проверке (ОПП), ожидание неуспешности (ОН) / ПП, ОН / ОПП. Мы считаем, что наличествующая у человека имплицитная теория доверия влияет на принятие решения на сенсомоторном уровне, социальном уровне и мировоззренческом уровне – уровне образа мира.

Для проверки данных утверждений нами была разработана серия экспериментов, которая позволит доказать высказываемые в данной работе теоретические построения.

ОТНОШЕНИЕ КО ЛЖИ ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Актуальность данной проблемы связана с растущим интересом общества к проблематике лжи и лживого поведения. Перспективы изучения лжи как возможного индикатора уровня морального развития личности представляют теоретический и практический интерес. В работе проанализированы семь видов лжи (по Шкуратовой И.П., 2009): этикетная ложь, ложь во благо, ложь-фантазия, умолчание, ложь-оправдание, ложь-сплетня, ложь-самопрезентация. Нами изучались различия в отношении к этим видам лжи людей, находящихся на разных уровнях морального развития (по Л. Колбергу). Отношение ко лжи рассматривалось с точки зрения степени терпимости испытуемых к лжи других людей и их готовности исказить информацию о себе.

Проверялись следующие гипотезы: по мере развития уровня морального сознания от 1-й стадии к 5-й (6 стадия морального развития не была выявлена в нашей выборке) уменьшается количество мотивов, рассматриваемых как оправдывающие ложь. Эгоистические мотивы лжи более характерны для людей доконвенционального уровня морального развития, альтруистические – для постконвенционального. Диагностика уровня морального сознания осуществлялась методом гипотетических моральных дилемм (Дилемма Хайнца), отношение ко лжи – методиками «Виды лжи», «Отношение ко лжи» И.П. Шкуратовой, а также контент-анализом ответа на вопрос «Лгать плохо, потому что...», однако это возможно, если...».

Исследование проводилось на выборке в 38 человек, относящихся к двум возрастным группам: 17–22 года и 29–66 лет. Эмпирическими задачами исследования являлись: выявление уровня морального развития испытуемых; выявление количественных и качественных показателей отношения ко лжи; выявление взаимосвязи между уровнем морального развития и степенью терпимости ко лжи определенного вида, а также частотой ее использования.

Выявлены статистически значимые различия между возрастными группами. Испытуемые младшей группы в меньшей мере склонны употреблять «ложь во благо» и в большей степени склонны ко «лжи-фантазии», безобидному искажению информации для повышения интереса слушателей.

Были обнаружены следующие закономерности, отражающие связь уровня морального развития с отношением ко лжи:

- отношение ко лжи-сплетне (дезинформации окружающих, созданию и распространению заведомо ложной информации о ком-либо) как к чему-то относительно допустимому, оправдываемому характерно только для представителей 2-й стадии морального сознания по Л. Колбергу (индивидуализм, инструментальная цель и обмен);

- «ложь во благо» в своем поведении используется представителями 4 и 5 стадии, т. е. постконвенционального уровня морального развития, чаще чем всеми остальными;

- «ложь-оправдание» характерна для 1-й стадии (гетерономная мораль) – значимые различия со стадиями 3п (индивидуальный кодекс чести) и 4 (социальная система и совесть); на 4-й стадии ее применяют значимо реже, чем на доконвенциональном уровне (1-й и 2-й стадиях) и на 3-й стадии (взаимные межличностные ожидания и межличностное подчинение);

- «ложь-фантазия» используется представителями 1-й и 4-й стадии реже, чем 2-й; а представители стадии 3п (следование индивидуальному кодексу чести) чаще, чем 4-й (закон, социальная система и совесть).

Статистическая достоверность различий была получена с применением методов дисперсионного анализа, а также при использовании непараметрического критерия Н-Краскала–Уоллеса. Обнаруженные нами различия позволяют утверждать, что люди, находящиеся на разных уровнях морального сознания, в различной степени терпимы ко лжи того или иного вида. С ростом уровня морального сознания эгоистические мотивы реже приводят к использованию лжи и рассматриваются как более недостойные при восприятии лжи других людей.

Ложь-фантазия, приукрашивающая реальность, более характерна для молодых людей и реже всего применяется людьми, исходящими из целостной социальной перспективы (успешность группы, социума в целом).

На основе полученных нами данных мы можем спрогнозировать типичные ответы представителей различных стадий морального развития на вопросы о приемлемых оправданиях лжи. Таким образом, ответ на подобный вопрос может рассматриваться как один из значимых индикаторов уровня морального развития. Однако прогностическая достоверность такой диагностики требует дополнительной про-

**МЕТАКОГНИТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК
КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ**

Целью наших работ является выделение структурно-функциональных характеристик конфликтной компетентности, обобщение основных понятий, обоснование целесообразности и перспективности метакогнитивного подхода к пониманию конфликтной компетентности, определение и описание уровней, критериев и показателей сформированности конфликтной компетентности личности. В наших исследованиях (М.М. Кашапов, Ю.В. Пошехонова, М.В. Башкин и др.) конфликтная компетентность понимается как интегративное качество личности, характеризующееся наличием в своей структуре когнитивного, мотивационного, регулятивного компонентов. Данные компоненты неаддитивно образуют целостную структуру конфликтной компетентности, которая обладает превентивной, прогностической, конструктивной, рефлексивной и коррекционной функциями, обеспечивающими реализацию профилактических мер в межличностном взаимодействии, а также адекватное распознавание и конструктивное разрешение личностью конфликтов. На основании обобщения полученных эмпирических данных получены следующие результаты:

1. Выделены и обобщены основные функции метапознания в контексте конфликтной компетентности: метапознание способствует адекватному распознаванию конфликтной проблемности и определению возможных вариантов разрешения конфликтной ситуации; обеспечивает организацию функционирования познавательных психических процессов и ресурсы для их актуализации; осуществляет отслеживание процесса решения конфликтной ситуации и управление этим процессом в экстремальных условиях.

2. Определены наиболее важные психологические особенности конфликтной компетентности личности профессионала. Вычленены компоненты, факторы и условия конфликтной компетентности профессионала. Выявлены наиболее типичные сильные и слабые составляющие (не актуализированные возможности) конфликтной компетентности личности и разработаны рекомендации по ее совершенствованию и обучению.

3. Созданы и проверены измерительные процедуры, соответствующие разработанной нами схеме метакогнитивного анализа процесса решения проблемно-конфликтной ситуации. Определены стра-

тегии решения проблемно-конфликтной ситуации, выражающиеся в совокупности умственных действий. Сконструированы критерии оценивания эффективности разрешения противоречий, составляющих ядро конфликтной ситуации; установлены и обобщены психологические механизмы и закономерности решения проблемно-конфликтной ситуации.

4. Установлено, что конструирование развивающих конфликтов является одним из основных средств организации профессиональной среды. Она формируется под влиянием следующих факторов: 1) открытость позиций; 2) направленность на рефлексию, креативность (показ образца, формирование обобщающих приемов); 3) объективация в коллективе личностных смыслов; 4) созидательно направленная поисковая активность участников конфликтного взаимодействия.

5. В качестве единицы анализа конфликтной компетентности профессионала обоснована конфликтная проблемность, поскольку именно проблемность несет в себе наиболее существенные свойства, функции и специфику процесса разрешения конфликтов. Обосновано, что своевременное и адекватное распознавание конфликтной проблемности в процессе межличностного взаимодействия является основой актуализации и реализации конфликтной компетентности личности профессионала. Умение устанавливать надситуативную проблемность в разрешаемой конфликтной ситуации обеспечивается: а) правильным использованием усвоенной информации; б) использованием не только приобретенными знаниями и умениями, а самим собой, имеющим эти знания и умения.

6. Установлена роль метакогнитивных компонентов в конфликтной компетенции на различных стадиях профессионализации субъекта, а также на разных уровнях функционирования его профессионального мышления (ситуативном и надситуативном), расширено представление о динамике структурно-функциональной организации творческой деятельности профессионала (рассмотрены метакогнитивные механизмы перехода на надситуативный уровень мышления как основы творческого мышления профессионала). Разработаны концептуальные основы метакогнитивного подхода к исследованию творческой деятельности профессионала (функции, структура, свойства, психологические механизмы и закономерности становления и функционирования, показатели сформированности, принципы и условия формирования, критерии эффективности).

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ; № проекта 10-06-00204а.

М.Б. Кувалдина, Н.А. Адамян

ВЛИЯНИЕ ОЖИДАНИЙ НА ВОСПРИЯТИЕ ПРИ ГЕНЕРАЦИИ СЛЕПОТЫ ПО НЕВНИМАНИЮ

Слепотой по невниманию (здесь и далее СН) называют невозможность заметить новый, яркий, отличающихся от остальных предъявляемых объектов стимул при условии выполнения задания с высокой перцептивной нагрузкой (Mack, Rock, 1998; Simons, Chabris, 1999; Most et al., 2001, 2005). Одним из основных факторов, влияющих на уровень СН, является уровень ожидания стимула, который определяет степень его «новизны» для испытуемого.

Рядом исследователей было показано, что а) ситуативные ожидания, сформированные при помощи подсказок, снижают уровень подверженности СН (Koivisto, Revonsuo, 2007), б) ситуативные ожидания, сформированные путем повышения релевантности стимула, значимо не снижают уровень подверженности СН, но вызывают косвенную реакцию испытуемых (Кувалдина, 2010), в) общие ожидания, выраженные в знаниях о феномене СН, значимо не снижают уровень подверженности СН (Simons, 2010, Beanland, Pammer, 2009), г) общие ожидания, выраженные в знаниях о количестве предъявляемых стимулов, снижают уровень подверженности СН в ситуации высокой загрузки внимания (White, Davies, 2008).

Однако эти результаты получены на различных задачах с использованием разных способов измерения ожиданий и манипулирования ими, и потому они не до конца поддаются обобщению. Целью нашего исследования была апробация экспериментальной модели, позволяющей манипулировать разными типами ожиданий (ситуативными и общими), и проверка влияния тех и других на уровень проявления СН. Основная проверяемая гипотеза: ожидания различной степени обобщенности будут оказывать различное влияние на уровень слепоты по невниманию, вырабатываемый в лексической задаче.

Метод исследования: мы использовали задачу составления слова из букв (по типу решения анаграмм), предъявляя испытуемым одновременно 4 буквосочетания, из которых им нужно было составить одно 6-буквенное слово («пример»). Через 4 однотипных пробы к уже предъявлявшимся буквосочетаниям добавлялось еще одно. Если испытуемый видел новые буквы, он мог присоединить их к старому слову и получить новое, уже из 8 букв. Если испытуемый не видел эти буквы (давал отрицательный ответ на вопрос: «заметили ли Вы

что-либо новое, не встречающееся в предыдущих пробах?») и не использовал их при ответе, мы считали это проявлением СН. Такая задача является модификацией метода, разработанного А. Мак и И. Рокком (Mask, Rock, 1998). Основное отличие состоит в том, что иррелевантный стимул является потенциально релевантным, т. е. подходящим задаче, но все же неожиданным для испытуемого.

В исследовании принял участие 81 человек (студенты СПбГУ) в возрасте от 16 до 28 лет. Сначала было измерено влияние общих ожиданий на СН, которые мы операционализировали как общую частоту встречаемости слова в естественном языке. Для этого одной группе предлагалось для составления высокочастотное слово («примерно»), а другой – низкочастотное («примерка»). Оказалось, что при низкой встречаемости слова в языке уровень СН выше, чем при высокой встречаемости. Различия зафиксированы на уровне тенденции (критерий хи-квадрат = 3,27, $p = 0,07$).

Далее с использованием того же дизайна эксперимента был исследован фактор ситуативных ожиданий. Мы операционализировали их как степень привычности слова в качестве решения конкретной задачи. Была введена третья группа, которой предъявляли слово, часто встречаемое в языке, но являющееся словоформой, то есть, достаточно неожиданное в качестве ответа при решении анаграммы («примеров»). Мы исходили из того, что, решая анаграммы, ребусы, кроссворды и т. д., люди привыкли давать ответ в виде слова в основной форме, например, именительном падеже. Несмотря на то что ситуативные ожидания в 3-й группе являлись низкими, испытуемые хорошо замечали новые буквы, т. е. оказались устойчивыми к СН (критерий хи-квадрат = 4,841, $p < 0,05$).

Таким образом, были получены следующие результаты: низкие общие ожидания имеют тенденцию повышать уровень СН, тогда как низкие ситуативные ожидания на него влияют меньше.

В данном пилотном исследовании мы показали, что ожидания разной степени обобщенности оказывают различное влияние на степень того, заметит ли испытуемый новый стимул. Чем более известен объект, тем больше вероятность его заметить, даже несмотря на то, что в данной конкретной задаче он может быть достаточно неожиданным.

Исследование выполнено при поддержке гранта молодых ученых факультета психологии СПбГУ № 8.23.462.2011.

А.В. Морозов

ЧАСТОТНЫЙ АНАЛИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЕММ В МАССИВАХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Активные исследования опосредованного общения, которые проводятся при исследовании интернет-сферы (В.Л. Волохонский), работы распределенных команд (Л.В. Марарица), воздействия информационных сообщений (А.В. Морозов) требуют разработки методов анализа коротких текстов. Это необходимо для подготовки стимульного материала, чтобы обеспечить однородность стимулов или контролируемость его параметров. С другой стороны, удобная и надежная методика откроет новые возможности в изучении отдельных авторов или групп авторов. Перспективное направление разработки методик обработки высказываний – это процедуры анализа частот вхождения заданных слов (лемм) в наборы высказываний.

Разработанные в лингвистике процедуры оценки частот (М.В. Арапов, А.М. Елизаров, Ю.Е. Хохлов) ориентированы на огромные (десятки тысяч слов) массивы текстов, что делает их мало пригодными для психологических исследований, где изучаются относительно короткие массивы: личные дневники, служебная переписка, комментарии к сообщениям. Кроме того, результаты лингвистических процедур несут структурный характер и их трудно соотносить с содержательной стороной текстов. Сочетание методов частотного и содержательного анализа открывает новые перспективы именно для психологических исследований. Корректные распределения могут вычисляться и на небольших массивах, а сопоставление нескольких таких массивов между собой позволяет сделать достоверные выводы о системных изменениях текстов (Г.Я. Мартыненко).

Разработанный по техническому заданию Ю.Ю. Милешкиной набор программ позволяет удалить «стоп-слова», привести остальные к нормальному виду, подсчитать частоты встречаемости каждой леммы и построить график их распределения. В серии исследований программа обрабатывала группы заранее отобранных высказываний, имеющих специфическую тематику. Результаты обработки показали высокую степень соответствия заложенных и выявленных особенностей текстов. Обработка нескольких массивов высказываний (например, с тематических форумов) позволяет выявить особенности концентрации и рассеивания слов, которые имеют содержательную интерпретацию. Ниже приведен фрагмент такого анализа, где после

знака «/» указан процент вхождения слова в набор соответствующей тематики. Лемма / курение / игровая зависимость / интернет / алкоголь / Алкоголь 0,2 / 0,1 / 0,3 / 10,2 алкоголизм 0,1 / 0,3 / 0,4 / 9,8 мочь 7,0 / 7,7 / 6,2 / 6,2 употребление 0,4 / 0,0 / 0,4 / 5,7 человек 5,1 / 12,3 / 5,7 / 5,6 спиртной 0,1 / 0,1 / 0,0 / 4,9 зависимость 13,6 / 19,0 / 18,5 / 4,8.

По результатам видно, что ключевые слова темы оказываются самыми частыми, но при этом в высказываниях об алкоголизме вместо леммы «Зависимость» используется лемма «Употребление». Валидность интерпретации обеспечивается тем, что проводится преобразование данных из шкалы отношений в ранговую, а затем в номинальную шкалы. Вычисленная частота вхождения является основанием для ранжирования слов по частоте, и динамика изменений частоты позволяет разбить ранговые ряды на три части: тематические примитивы, тематические ключевые слова, особые ключевые слова, выразительные слова. Такое деление основано на идеях, предложенных А. Вежицкой, развитых в работах С.А. Миничева, А.В. Морозова.

Проведенная апробация методики частотного распределения лемм в массивах высказываний подтверждает перспективность этого направления исследований.

Д.А. Хорошилов, Н.А. Кутковой

МЕТОД ЭКСПЕРИМЕНТА В ДИСКУРСИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В настоящем сообщении мы хотели бы обратить внимание на весьма значительный аспект современных социально-психологических дискуссий, касающийся переосмысления и критической рефлексии традиционного исследовательского инструментария. Дело в том, что параллельно с обновлением собственно методического аппарата (развитием новых исследовательских программ, ориентированных к качественной методологии и делающих акцент на языковой, дискурсивной составляющей социальных отношений и способах ее активного конструирования в межличностных коммуникациях) сегодня часто обсуждается положение экспериментального метода в социальной психологии. Исторически начало этим обсуждениям было положено еще А. Тэшфелом, который отстаивал необходимость выведения эксперимента за пределы лабораторных условий, его экстраполяции в широкий социальный контекст; в том же духе реализованы знаменитые эксперименты Ф. Зимбардо и С. Милгрма, в которых был по-

ставлен весьма острый, если не сказать злободневный, вопрос о методической возможности реконструкции широкого социального контекста и социальных отношений в конкретной экспериментальной ситуации.

Оставляя в стороне множество теоретических решений поставленной проблемы, остановимся на проекте его разрешения в дискурсивной психологии Р. Харре (Harre, 2002). В дискурсивном подходе особое значение приобретает анализ межличностного взаимодействия между исследователем и участниками экспериментальной ситуации. Для содержательной фиксации этого понимания эксперимента как процесса межличностного взаимодействия Харре обращается к старинной метафоре социальных отношений, понимаемых как театр, или энциклема (Moghaddam, Harre, 1992). Что же представляет собой это загадочное понятие, заимствованное из литературной истории античной драмы? Энциклема – это вид сцены в древнегреческой драме, своего рода «комната на колесиках», которая подчеркивает те или иные аспекты драматического действия и призвана тем самым привлечь внимание зрителей. Это действие становится впоследствии предметом их критической рефлексии и оценки.

В соответствии с этой метафорой Р. Харре выстраивает план экспериментального исследования в целом. Его цель заключается, в сущности, не в выявлении каузальных связей между переменными, но в экспликации понимания самими участниками правил и норм межличностных взаимодействий, осуществляемых в моделируемой ситуации. Здесь мы видим развитие одной из основных методологических предпосылок дискурсивной психологии, которая в общем виде сводится к признанию единства частного и публичного дискурса, т. е. непосредственного отражения в микросоциальной ситуации взаимодействия макропсихологического аспекта функционирования больших социальных групп, а именно коллективной памяти, идеологии, культурных норм данного общества (Harre, 2002).

Экспериментальное исследование, утверждает Харре, предполагает прохождение четырех основных стадий. Кратко рассмотрим эти стадии. (1) Выбор конкретной социальной ситуации для экспериментального моделирования. (2) Написание сценария моделируемой в эксперименте некой социальной ситуации, который включает в себя описание разыгрываемых ролей, действий и обстановки; при этом следует особо отметить, что сценарий должен включать в себя известное пространство неопределенности и не задавать жесткие образцы и правила поведения для участников эксперимента. (3) Распреде-

ление ролей участников, осуществляемое чаще всего посредством жеребьевки. (4) После того, как написан сценарий, наступает этап реализации экспериментального сценария, который состоит из репетиции и основного проигрывания действия, при этом каждая из этих стадий содержит этап проведения ситуации и этап обсуждения, совместной интерпретации ситуации. Репетиция необходима для достижения того, чтобы участники смогли принять свои роли и идентифицироваться с ними, задали бы дискурсивные нормативы межличностных коммуникаций в моделируемой экспериментальной ситуации. Ясно, что особое значение здесь приобретает момент свободной, творческой импровизации в тех игровых действиях, что предпринимаются участниками. Обсуждение, или же совместная интерпретация, после проигрывания ситуации позволяет выйти за пределы конкретной ситуации и понять то нормативное пространство, в рамках которого она формируется.

Таким образом, экспериментальный метод становится своеобразным опытом рефлексии и дальнейшей реконструкции социального контекста, которая осуществляется самими участниками исследования.

А.А. Четвериков

ВЗАИМОСВЯЗЬ АФФЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ И ПОРОГА ОСОЗНАНИЯ В ЗАДАЧЕ ОПОЗНАНИЯ ОБЪЕКТА

Влияние аффективной оценки, т. е. оценки по принципу «хорошо–плохо» или «нравится–не нравится», на порог осознания отмечалось в психологии достаточно давно. Достаточно вспомнить работы представителей «нового взгляда», предложивших для феномена повышения порога осознания название «перцептивная защита», а для его понижения – «перцептивная бдительность» (Bruner, Postman, 1947; McGinnies, 1949).

Большое количество экспериментов свидетельствует о том, что влияние аффективной оценки на опознание не является экспериментальным артефактом, связанным с нежеланием испытуемых сообщать экспериментатору о негативно окрашенных стимулах, различиями в частоте употребления стимулов, связанному с ними уровню напряжения, или ожиданиями испытуемых. В проведенном нами эксперименте демонстрируется взаимосвязь аффективной оценки и порога осознания в задачах опознания стимула.

Гипотеза исследования предполагала, что аффективная оценка будет прямо взаимосвязана с порогом осознания стимула – чем более приятен стимул, тем легче он будет осознаваться. Эксперимент проводился в сети Интернет с использованием специального разработанного программного обеспечения.

Испытуемые (124 человека, 78 женщин, 46 мужчин) решали задачу опознания. В качестве стимульного материала использовались 86 фотографий лиц (28 женщин, 58 мужчин) из набора “Aberdeen” базы изображений PICS (The Psychological Image Collection at Stirling).

Для каждого испытуемого этот набор случайным образом разбивался на пары стимулов. Таким образом, испытуемые выполняли 43 пробы, построенные по следующему дизайну. После предъявления точки фиксации (1 с) в одном из четырех квадрантов (слева-сверху, справа-сверху, справа-снизу, слева-снизу от точки фиксации) предъявлялся стимул (50 мс), затем маска, составленная из перемешанных случайным образом деталей не использовавшейся в эксперименте фотографии из того же набора (250 мс). После этого слева и справа от точки фиксации (место предъявления сбалансировано) показывались две фотографии, из которых нужно было выбрать ранее предъявленную. Аффективная оценка стимула оценивалась на основе ранее проведенных исследований, в которых испытуемые выбирали из двух фотографий более приятную. Для каждого стимула рассчитывалась вероятность его выбора. Таким образом, оценка измерялась в долях единицы ($M = 0,5$; $SD = 0,16$).

Для проверки гипотезы о влиянии аффективной оценки на порог осознания данные проведенного эксперимента были проанализированы с использованием логистической регрессии. Зависимой переменной являлся выбор целевого стимула. В качестве предикторов использовались оценка целевого и контрольного стимулов. Результаты анализа показали, что с выбором целевого стимула, т. е. правильным опознанием, взаимосвязана аффективная оценка цели ($b = 0,79$; Wald $\chi^2 = 17,5$; $p < 0,001$; OR = 2,2), но не контрольного стимула ($b = 0,18$; Wald $\chi^2 = 0,9$; $p > 0,1$).

Таким образом, результаты проведенного исследования демонстрируют взаимосвязь аффективной оценки стимула и порога его осознания в задаче опознания объекта. Чем более приятен стимул, тем больше вероятность того, что он будет правильно опознан. Данный эффект не является искажением ответов в пользу более приятных

объектов, поскольку проявилось влияние только целевого, но не контрольного стимулов.

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ 10-06-00482-а и федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 14.740.11.0232.

А.В. Чистопольская, И.Ю. Владимиров

ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЗАГРУЖЕННОСТИ РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ

Цель исследования: установить закономерности особенностей решения задачи в зависимости от загруженности рабочей памяти. Задачи исследования: 1) выявить предел количества условий, ведущий к перегрузке рабочей памяти; 2) экспериментально определить влияние наличия возможности фиксации хода мыслительного процесса и количества составляющих элементов задачи на результативность решения; 3) в ходе эмпирического исследования собрать феноменологический материал о качественных закономерностях решения задач.

Общая гипотеза: существует зависимость успешности решения задач в зависимости от загруженности рабочей памяти. Частные гипотезы: 1) существует предел количества элементов задачи, при превышении которого процесс ее решения резко усложняется; 2) наличие возможности фиксации хода решения улучшает процесс решения задачи; 3) существуют качественные закономерности решения задач.

Независимая переменная: загруженность рабочей памяти: количество элементов в задаче (3, 4, 5, 6); возможность фиксации хода решения.

Зависимая переменная: успешность решения задачи: время решения; правильность решения.

Фиксируемая переменная эмпирического исследования: качественные закономерности решения задач.

Объект исследования: процесс решения логических задач с разным количеством условий. Предмет исследования: ограничение ресурса рабочей памяти как механизм, влияющий на процесс решения задачи.

В исследовании приняли участие 19 испытуемых разного возраста и пола. Им предлагалось решить 16 задач, таким образом, в ходе исследования создавалось 304 экспериментальных ситуации.

Ход эксперимента: испытуемым предлагалось решить 16 задач на установление отношений между элементами. Для исключения возможного влияния побочных переменных на эксперимент осуществлялась рандомизация порядка предъявления задач, заданной определенной последовательностью. Для исключения эффекта влияния возможного качественного различия материала на успешность решения задач выборка была поделена на две группы таким образом, что в одной группе (группа А) сопровождалась фиксацией решения четные задачи, в другой (группа Б) – нечетные. Далее полученные результаты подвергались математико-статистической обработке.

Результаты исследования:

1. С помощью дисперсионного анализа подтверждено влияние количества элементов задачи на успешность решения, однако предел количества элементов, превышение которого ведет к сбою в решении задачи, не установлен.

2. Не установлено влияние возможности фиксации хода решения задачи на успешность ее решения (время решения и количество ошибок). Встает вопрос о достаточной трудности задач, поскольку их сложность варьировалась от 3 до 6 элементов, возможно, требуется увеличение элементов, что действительно бы говорило о перегрузке рабочей памяти, вызывающей потребность внешней репрезентации хода решения.

3. Значимый совместный эффект влияния возможности фиксации хода решения задачи при увеличении количества ее элементов не обнаружен.

4. Выявлены качественные закономерности решения задачи. К таковым относятся выделенные стратегии решения «В» и «П». Решатели группы «П» последовательно решали задачу, в ходе решения выстраивали элементы в ряд согласно их порядку в условии, затем в выстроенной логической цепи задачи находили элементы вопроса и после давали ответ. Решатели группы «В» исходили из элементов вопроса. Задачу, как правило, читали с вопроса, логическую цепь задачи выстраивали не до конца, а лишь до обнаружения ответа, в некоторых случаях не пользовались возможностью фиксации хода решения.

С помощью χ^2 -критерия Пирсона установлено значимо большее количество ошибочно решенных задач в группе «В» по сравнению с группой «П» ($\chi^2 = 6,18$, $p < 0,012907$). Время решения в выделенных стратегических группах значимо не различается.

С.В. Щербаков, А.Р. Исхакова

ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Доминирующая роль психометрического интеллекта как важнейшего фактора учебной и профессиональной успешности является одной из характерных тенденций в психологии прошлого столетия (Спирмен, Терстон, Кеттел и др.). В конце прошлого века в индустриальной психологии стали различать непосредственную успешность выполнения задания и контекстуальную успешность (contextual performance). Контекстуальная успешность, или организационная ответственность, по мнению американских исследователей, отражает содействие и поддержку другим людям, уровень их сознательности и ответственности. Оказалось, что данный фактор играет важную роль даже для профессий, требующих высокого уровня специальных знаний и навыков. Увеличение множества критериев профессиональной успешности расширяет диапазон потенциальных предикторов производственной деятельности человека. В современной психологии наряду с психометрическим интеллектом в число важнейших факторов эффективности профессиональной деятельности вошел социальный интеллект.

В нашем исследовании мы трактуем социальный интеллект как важнейший фактор контекстуальной успешности, который находит свое отражение в процессе поиска оптимальной стратегии выхода из конфликтных ситуаций. Для диагностики социального интеллекта был разработан опросник оценки оптимального выбора в конфликтной ситуации на основе популярного теста К. Томаса. С наиболее опытными сотрудниками Уфимского спирто-водочного комбината (УСВК) проводились интервью, в процессе которых определился набор конфликтных ситуаций, встречающихся в их производственной практике. Все двадцать отобранных экспертами тестовых заданий предусматривали семь вариантов ответов, оценивавшихся по семибалльной системе, причем каждый исход соответствовал определенным стратегиям выхода из конфликтного положения. Всего было протестировано тридцать пять специалистов УСВК (23 женщины и 12 мужчин). Средний возраст участников выборки составил 41 год.

Мы выдвинули предположение, что наряду с психометрическим интеллектом социальный интеллект играет важную роль для прогноза профессиональной компетентности сотрудников комбината. Групповая

оценка эффективности профессиональной деятельности работников комбината проводилась методом «360 градусов». Субъективное шкалирование участников эксперимента проходило по схеме, обычно используемой в зарубежной индустриальной психологии и предложенной американским индустриальным психологом Кэмпбеллом.

В итоге каждого сотрудника можно было охарактеризовать системой из шести параметров: служебный профессионализм, коммуникативная компетентность, производственная активность, личная дисциплинированность, содействие работе коллектива, самопрезентация и самоконтроль. Для диагностики психометрического интеллекта использовалась классическая методика Д. Равена. С самого начала исследования испытуемые демонстрировали боязнь проявить свою интеллектуальную несостоятельность, и мы были вынуждены видоизменить стандартную процедуру тестирования и разработать компьютеризованную версию этой методики. Для подкрепления тестовой мотивации и преодоления боязни интеллектуальной неудачи на экран компьютера выводились сообщения, в которых содержались следующие строки: «Спасибо за ответ! Вы умница! Так держать!».

По результатам нашего исследования, уровень социального интеллекта оказался статистически значимым предиктором всех индексов профессиональной успешности инженерно-технических сотрудников УСВК. В отличие от социального интеллекта ни один показатель профессиональной компетентности не образует тесные корреляционные взаимоотношения с психометрическим интеллектом. Преобладающая роль социального интеллекта как предиктора профессиональной успешности сотрудников комбината можно объяснить большим удельным весом социальных факторов в структуре производственной деятельности инженерно-технического персонала УСВК.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социальный интеллект и профессиональная компетентность инженерно-технических работников», проект № 10-06-00525А.

И.А. Юров

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СТАТУСЫ В СТРУКТУРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СПОРТСМЕНОВ

Б.Г. Ананьев отмечал, что общим эффектом слияния, интеграции всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельно-

сти является индивидуальность с ее целостной организацией этих свойств и их саморегуляцией. В.А. Ганзен и Л.А. Головей предложили психографическую сетку, состоящую из 7 уровней индивидуальности, в том числе и социально-психологического.

Нами было обследовано 70 пловцов 17–20 лет с учетом спортивной («мастера» – мастера спорта и мастера спорта международного класса и «немастера» – спортсмены 1-го разряда и кандидаты в мастера спорта) и половой дифференциации. Наряду с индивидуальными, субъектными характеристиками были исследованы личностные особенности спортсменов, проанализированы их социально-психологические статусы. Статусы спортсменов определялись с помощью социометрии (И.П. Волков). Использовались 3 критерия: 1) деловой («С кем бы вы хотели выступать в эстафетной команде, чтобы выиграть 1-е место?»); 2) учебный («С кем бы вы хотели готовиться к сессии, чтобы успешно сдать экзамены?»); 3) эмоциональный («Кого бы вы хотели пригласить к себе домой на день рождения?»).

Установлено, что ни по одному критерию не было обнаружено «отверженных» или даже «изолированных». В результате исследования выяснилось, что самый высокий деловой статус оказался у мужчин-мастеров. Различия между деловым статусом мужчин-мастеров и немастеров и женщин-мастеров и немастеров статистически достоверны на 5 %-м уровне значимости. Самый высокий учебный статус оказался у женщин-немастеров. Различия между учебным статусом групп испытуемых статистически достоверны на 5 %-м уровне значимости. Самый высокий эмоциональный статус оказался у мужчин-немастеров. Различия между эмоциональным статусом групп испытуемых статистически достоверны на 5 %-м уровне значимости. У мужчин-мастеров статусы коррелируют с чертами личности (по Кеттеллу), мотивацией (по Кретти) и невротизацией (по ММРП); у мужчин-немастеров – с чертами личности и мотивацией; у женщин-мастеров – с фрустрацией (по Розенцвейгу) и мотивацией; у женщин-немастеров – с чертами личности, фрустрацией и невротизацией.

Интракорреляционные связи свидетельствуют о необходимости исследования не только уровневых, но и структурных характеристик индивидуальности спортсменов. Установлено, что социометрические статусы отражают социально-психологический климат в спортивных группах, который влияет на «самочувствие» спортсменов и на их спортивную подготовленность.

Полученные данные важны для выбора оптимального пути и средств управления с целью выполнения группой поставленных за-

дач, формирования значимых качеств личности спортсмена в учебно-тренировочном процессе, в котором должны учитываться спортивная квалификация, половые и статусные характеристики спортсменов.

О.Г. Япарова, А.В. Дягилева

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МАТЕРИ НА ПРОЯВЛЕНИЕ ЭМОЦИЙ ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ

В настоящее время актуальны исследования прогностического значения эмоционального интеллекта (ЭИ) – совокупности умственных способностей, связанных с обработкой эмоциональной информации (Ушаков Д.В., 2004). Эмоциональный интеллект рассматривается в качестве ключевого фактора успеха в общении и деятельности (Mayer et al., 2004). В приемной семье качество отношений должно компенсировать факт первоначальной искусственности «приемных отношений» (Вершинин В.Н., 2008). Таким образом, эффективность взаимодействия в приемной семье может быть обусловлена способностью принимающих родителей понимать эмоции других и управлять собственными эмоциями. Именно поэтому целью данной работы стало выявление влияния эмоционального интеллекта матери на доминирующие эмоциональные состояния приемного ребенка. Предполагается, что чем выше эмоциональный интеллект матери, тем выше проявление положительных эмоциональных состояний.

В исследовании приняли участие 120 человек: 30 приемных семей (30 матерей и 30 детей), 30 кровных семей (30 матерей и их 30 детей). Средний возраст приемных матерей составил 51,0 лет, средний возраст приемных детей 12,5 лет; средний возраст кровных матерей – 53,0 года, кровных детей – 12,6 лет. Средний стаж воспитания ребенка в семье составил 3,6 года. Экспериментальное исследование проводилось на базе городских и сельских муниципальных служб сопровождения и средних школ Республики Хакасия.

Использовались следующие методики: «Опросник эмоционального интеллекта» Д.В. Люсина, измеряющий уровни межличностного, внутриличностного эмоционального интеллекта, понимания и управления эмоциями и интегральный показатель общего эмоционального интеллекта, «Четырехмодальный эмоциональный опросник» Л.А. Рабинович, оценивающий 4 эмоции – радость, гнев, страх, печаль и «Шкала дифференциальных эмоций» К. Изарда оценивающая 10 фундаментальных эмоций. Для достоверности и обос-

Н.С. Бурлакова, Е.В. Павлова

РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАННЕЙ СПОРТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

В условиях ранней спортивной профессионализации дети-спортсмены составляют потенциальную группу риска. Методология культурно-исторического подхода Л.С. Выготского позволяет рассматривать детско-родительские отношения как отношения, формируемые в культуре. Современное российское общество приобрело черты жесткой социальной стратифицированности с характерными для каждой социальной прослойки материально-экономическими и культурными особенностями, представлениями о семье, ребенке, женской и материнской функциях и, в том числе, пониманием «своей», особой нормы и патологии. Важно ставить задачу не усредненного, независимо от социальной принадлежности, подхода к изучению детско-родительских отношений, но их рассмотрение в связи с особым социальным устройством.

Предметом исследования являются особенности материнской позиции в ее связи с ценностными предпочтениями и личностными установками в условиях семей, принадлежащих к среднему классу, с ранней сознательной спортивной профессионализацией ребенка. В исследуемую группу (ИГ) вошла 31 мать, чьи сыновья 8–9 лет занимаются в элитном хоккейном клубе «Крылья Советов». ОФН еженедельно – 8–9 часов. Контрольная группа – 21 мать, мальчики обучаются в образовательном учреждении с углубленным преподаванием физической культуры и широким применением здоровьесберегающих технологий (ОФН еженедельно – 4–6 часов). Группы уравниваются по социально-экономическим и демографическим показателям, а также возрасту и полу детей, району проживания в г. Москве; ценностному отношению к физическому здоровью детей. Использовались: метод включенного наблюдения; анкетирование (разработка Е.В. Павловой); опросник PARY; методика ценностных ориентаций М. Рокича; методика диагностики уровня социальной фрустрированности

нованности результатов исследования использовались U-критерий Манна–Уитни и коэффициент ранговой корреляции по Спирмену.

Результаты по «Опроснику эмоционального интеллекта» Д.В. Люсина показали, что значимых различий в уровнях эмоционального интеллекта между кровными и приемными матерями не обнаружено. Результаты по методике «Четырехмодальностный эмоциональный вопросник» показали, что негативные эмоциональные состояния, такие как гнев, достоверно чаще проявляются у кровных детей (33,3 %), чем у приемных (6,7 %). Результаты по методике «Шкала дифференциальных эмоций» показывают, что приемные дети достоверно чаще, по сравнению с кровными детьми, проявляют интерес, внимание, собранность (20 % против 13,3 % соответственно), и достоверно реже, чем кровные дети, проявляют неприязнь и отвращение (6,7 % против 13,3 % соответственно). Корреляционный анализ влияния эмоционального интеллекта матери на доминирующие эмоциональные состояния ребенка по методике «Опросник эмоционального интеллекта» и «Четырехмодальностный эмоциональный вопросник» показал, что существует влияние эмоционального интеллекта приемных и кровных матерей на доминирующие эмоциональные состояния радости детей ($r_s = 0,509$, $r_s = 0,585$). Относительно печали в приемных семьях существует обратная зависимость ($r_s = -0,549$), т. е. чем выше эмоциональный интеллект матери, тем реже проявляется печаль. Корреляционный анализ методики Д.В. Люсина и «Шкалы дифференциальных эмоций» К. Изарда показал, что чем выше эмоциональный интеллект матери, тем чаще дети демонстрируют интерес ($r_s = 0,531$), радость ($r_s = 0,506$), удивление ($r_s = 0,424$). У кровных матерей эмоциональный интеллект имеет прямое влияние на проявление радости ($r_s = 0,548$) и обратное на горе ($r_s = -0,403$), гнев ($r_s = -0,485$), отвращение ($r_s = -0,526$), вину ($r_s = -0,717$).

Анализ результатов обнаружил, что существует прямое влияние эмоционального интеллекта приемной матери на такие доминирующие эмоциональные состояния приемного ребенка, как радость, и обратное – на состояние печали, т. е. чем выше уровень эмоционального интеллекта матери, тем выше проявление радости и ниже проявление печали приемных детей. Печаль как фрустрационная эмоция возникает после неудачи, упреков со стороны. Е.П. Ильин подчеркивает, что печаль вызывается чувством одиночества, разочарованием, утратой чего-то значимого для человека. Поэтому чем выше способность матери к управлению своими эмоциями и распознаванию эмоций ребенка, тем меньше у него причин печалиться.

(Л.И. Вассермана в модификации В.В. Бойко); многомерная шкала перфекционизма (П. Хьюита и Г. Флетта) в адаптации И.И. Грачевой; анкета для тренерского состава.

Основные результаты. Развитие отношений внутри ИГ: на начальных этапах тренировочного процесса положение женщины зависит от внешних экономических и социальных данностей, которые связаны с положением семьи и статусом мужа. В дальнейшем положение матери внутри родительской группы изменяется в зависимости от успехов ребенка и его статуса внутри команды. Ребенок становится «представителем» матери, а его достижения в спорте – основанием для формирования родительской самооценки, влияя на иерархическое положение матери в родительской группе. Ведущими тенденциями в родительской позиции матерей ИГ являются признание детской индивидуальности, размывание иерархичности отношений взрослый-ребенок наряду с поощрением «зависимости ребенка от себя» и «навязчивости». В ценностной сфере матерей ИГ особое место занимают семейные, а также ценности познания и общественного признания. Участие в занятии детей хоккеем оказывается удачным решением для сочетания этих разнонаправленных тенденций, позволяющее при сохранении схемы патриархальной семьи (муж – «добытчик», жена – «домохозяйка») находить точку приложения для самореализации.

Гипотеза о высоком уровне перфекционистских тенденций не подтвердилась. Не обнаружено статистически значимых различий в выраженности как общего перфекционизма, так и отдельных его составляющих (направленности на себя, на других, социально предписываемого) в ИГ матерей. На уровне сознательного самоотчета обнаружены адекватные представления о данных своих детей, однако результаты наблюдения свидетельствуют о повышенных ожиданиях и особой ценности спортивных успехов сыновей. Выявлена неоднородность группы матерей ИГ по перфекционистским тенденциям. Выделены подгруппы матерей, у которых перфекционизм, ориентированный на себя и на других, выражен равноумеренно, а также подгруппа матерей с наиболее выраженным перфекционизмом, ориентированным на себя. Такая повышенная требовательность к себе создает ситуацию напряжения: собственных возможностей для самореализации нет, а самоутверждение протекает в рамках вовлеченности в деятельность ребенка и напрямую связывается с его спортивными успехами. При выраженных показателях перфекционизма обнаруживается тен-

денция восприятия ребенка как «продолжения себя» и как «инструмента» для реализации материнских повышенных стандартов.

Н.В. Верещагина, Н.К. Климентьева

ТРЕНИНГ В РАБОТЕ С ДОШКОЛЬНИКАМИ С РЕЧЕВЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

В последние годы увеличилось число детей с речевой патологией, в частности с минимальными дизартрическими расстройствами, которые, по мнению Серебряковой, Лопатиной, Лалаевой, стали доступными для диагностики в последние 20–30 лет. Однако в логопедические группы детских садов поступают дети с более выраженными расстройствами речи, осложняющимися минимальными нарушениями слуха, зрения и негрубой неврологической симптоматикой (исследования Гаркуши).

Так, в течение 2009–2011 гг. на базе ГДОУ № 23 Красносельского района проводился мониторинг психоречевого развития детей-логопатов. При поступлении все дети имели средние выраженные расстройства речи: дизартрия, общее недоразвитие речи 3 уровня с низкой разборчивостью речи (общее количество детей 78, средний возраст 6 лет 7 месяцев). По результатам логопедической диагностики были выявлены трудности усвоения детьми грамматической, лексической и семантической сторон речи на фоне нарушенного звукопроизношения (исследование проводила Н.К. Климентьева).

По результатам психологического обследования (исследование проводила Н.В. Верещагина) выявлена недостаточность произвольного внимания у 23,5 % детей (методика «Перекодировка» теста Векслера), слухо-речевой памяти у 82,5 % детей (методика «10 слов» А.Р. Лурии), зрительно-пространственной памяти у 52,9 % детей (методика «9–12 картинок» Бернштейна). Также выявлена недостаточная эмоционально-волевая готовность у 76,5 % детей и мотивационная готовность к школе у 100 % детей (тест Солдатовой). Однако мыслительные операции сформированы по возрасту, что подтверждается многочисленными результатами в логопсихологии.

На медико-психолого-педагогическом совещании была разработана и внедрена стратегия комплексного сопровождения детей с речевой патологией. Согласно этому решению с детьми в течение учебного года проводились 3 вида тренингов: тренинг развития мыслительных процессов и творческих способностей, тренинг эффективной

коммуникации, тренинг формирования социальной адаптивности (толерантного отношения друг к другу) в 3 формах организации: 1) индивидуальные: когда у ребенка отмечалось несоответствие возрасту нескольких параметров развития в сочетании с низкой работоспособностью и повышенной утомляемостью; 2) подгрупповые: дети объединялись в подгруппы по 4–6 человек в зависимости от поставленной задачи по развитию высших психических функций или коммуникативной компетенции; 3) фронтальные: игротренинг со всей группой на развитие коммуникабельности, снятие напряжения, формирование дружелюбия, произвольности поведения, нормализации самооценки.

В конце каждого года был проведен контрольный срез (повторное логопедическое и психологическое обследование). Установлено значительное улучшение в психоречевом развитии ребенка. Так, 90 % детей выпущены в школу с чистой речью, 10 % детей с поставленными звуками. Освоение грамматической, лексической и семантической сторон речи у всех детей соответствует возрасту.

По данным педагога-психолога, положительная динамика зафиксирована во всех исследуемых параметрах развития дошкольников с речевой патологией. Так, дети 6–7 лет из логопедических групп продемонстрировали в 78,7 % случаев высокую интеллектуальную готовность к школе, в 47,1 % – высокую мотивационную готовность и в 58,8 % – высокую эмоционально-волевою готовность. Наибольшие трудности развития зафиксированы в зрительно-пространственной памяти дошкольников-логопатов (улучшение продемонстрировали 29,5 % детей), что можно рассматривать как прогностический признак дисграфии в школе (согласуется с данными Парамоновой, Садовниковой, Логиновой).

В ходе консультативной работы с родителями выявлены преимущественно семейные причины неуверенности ребенка в себе, повышенной тревожности, робкости, застенчивости на основе боязни не соответствовать завышенным требованиям родителей. Поэтому было принято решение о необходимости организации тренингов для родителей и семейных тренинговых занятий, направленных на нормализацию детско-родительских отношений. Признана необходимость в проведении регулярных релаксационных занятий, игротренингов, консультативных дней для педагогов, а также тренингов профессиональной поддержки для профилактики «синдрома эмоционального выгорания».

Таким образом, психологический тренинг является основой комплексного сопровождения детей-логопатов в условиях детского сада.

В.Е. Виноградова, М.Ю. Стукова

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ДЕТЕЙ

В настоящей статье представлен опыт работы специалистов в течение 2010–2011 учебного года с родителями и детьми с ограниченными возможностями, прошедшими два курса социальной реабилитации. Работа велась в Центре социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Выборгского района на отделении дневного пребывания. В ходе практической деятельности установлено, что дети с ограниченными возможностями достигают лучших результатов, когда в реабилитационном процессе родители, дети и специалисты становятся партнерами. Это связано с тем, что именно в семье ребенок проходит первые этапы социализации, начинается развитие его личности.

В детско-родительской группе принимали участие 32 человека (16 детей с ограниченными возможностями в возрасте от 7 до 9 лет и 16 родителей). Занятия проводились совместно, «специалист–ребенок–родитель», и были направлены на развитие познавательной активности, изменение отношения родителей к ребенку в сторону его большего эмоционального принятия и активного вовлечения родителей в процесс развития и обучения ребенка.

При первичной диагностике детей с ограниченными возможностями были выявлены следующие результаты: 50 % детей выполняли задания только с помощью обучающего характера, интереса к заданиям не проявляли; 40 % – часть заданий выполняли с помощью стимулирующего характера, интерес к заданиям был неустойчивый; 10 % – задания выполняли самостоятельно, проявляли интерес к заданиям. На первых этапах работы «родитель–ребенок» со стороны родителей наблюдалась растерянность, отстраненность, неумение преподнести информацию.

В ходе занятий были разработаны методы и приемы совместной работы «специалист–родитель» по формированию познавательной активности детей и преодолению трудностей родителей при общении. Социально-реабилитационная работа только с детьми мало эффективна, поэтому мы активно вовлекали родителей в реабилитационный процесс. Родители выступали и в роли наблюдателей – воспринимали информацию от специалистов, и в роли активных участников-ведущих – самостоятельно предъявляли задания, озвучивали и доно-

сили информацию до ребенка; и в роли активно-пассивного участника пары «ребенок–родитель» – выполняли, помогали и поддерживали ребенка в процессе занятия.

В занятиях «специалист–ребенок–родитель» использовались наглядные, практические, словесные методы. Их выбор и сочетание зависели от темы, реабилитационных задач и психоэмоционального состояния участников группы. Проведение работы осуществлялось в специально созданных условиях: организованная предметная среда, смена видов деятельности, динамические паузы, игры. Для повышения эффективности реабилитационной работы использовались следующие приемы: эмоциональное воздействие (одобрение, похвала, эмоциональность высказывания); тактильный контакт (поглаживание, пожатия, объятия); сюрпризные моменты (волшебные мешочки, музыкальные игрушки, свеча).

В процессе занятий мы столкнулись с такими трудностями, как общая пассивность родителей, трудность включения в совместную деятельность, донесение до ребенка информации правильным, понятным и доступным языком. В ходе практической деятельности были отмечены положительные стороны: менялось эмоциональное состояние родителей, повышалась мотивация на дальнейшую совместную работу, наблюдалась практическое применение знаний в повседневной жизни.

Результаты этапной диагностики занятий следующие: 35 % детей выполняли задания только с помощью, вид помощи – стимулирующий, обучающий, при этом интерес к заданиям неустойчивый; 50 % детей выполняли часть заданий с помощью специалиста или родителя, вид помощи – стимулирующий, интерес к заданиям более устойчивый; 15 % детей задания выполняли самостоятельно, интерес к заданиям устойчивый.

Таким образом, мы выявили, что в ходе проведения занятий у детей постепенно сформировался интерес к сотрудничеству, повысился уровень активности и включенности в совместную деятельность, обогатился словарный запас. Привлечение родителей в роли партнеров позволило создать благоприятную среду для развития ребенка. Курс совместных занятий способствовал изменению восприятия родителями детей. Чувство безысходности родителей постепенно сменилось их уверенностью в успешную социальную адаптацию, потенциальные возможности ребенка в соответствии с его возрастом и уровнем развития.

МЕТАФОРА В ОПТИМИЗАЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СПОРТСМЕНА

Метафора – это оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-то аналогии, сходства, сравнения. Для психологов же метафора – это иносказательное изложение ситуации клиента, когда прямые аналогии исключаются и работа ведется с объектами необычными, фантастическими, «сказочными». При этом сохраняется главный эффект – работа с проблемной ситуацией клиента.

Специалисты отмечают четыре необходимых компонента успешно работающей метафоры: 1. Контекст метафорической ситуации. 2. Объект описанного контекста. 3. Процесс осуществления объектом своих функций. 4. Прикладной эффект метафоры в реальной ситуации. Основное преимущество метафоры заключается не просто в описании проблемной ситуации, но в констатации реальности выхода из этой ситуации: решение проблемы метафоричных объектов ведет к решению реальной проблемы спортсмена, создавшего эти объекты. Вместе с этим у спортсмена остается достаточный простор для творческого преобразования метафоры, что, как правило, приводит к обнаружению или выбору того единственно оптимального выхода из проблемной ситуации, который подходит конкретному спортсмену в силу его желаний, возможностей и актуального опыта. При этом спортсмен обязательно найдет (не обязательно осознанно) свой, понятный ему смысл ситуации и предложит свое собственное решение проблемы, наполнив понятным ему смыслом все символические объекты метафоры.

Эффект метафоры можно описать через работу двух механизмов: ассоциативные связи и осознанное мышление. В первом случае метафора строится на принципах ассоциаций: построение метафорической ситуации и «сказочной проблемы» происходит по образу и подобию ситуации реальной и реальной проблемы. При этом решение «сказочной проблемы» по тому же принципу ведет к решению проблемы реальной. Во втором случае используется принцип преобразования объектов абстрактного мышления в объекты образного, описанный Л.М. Веккером. Спортсмены постоянно оперируют образными объектами, эти объекты понятны и привычны. Таким образом, перевод какой-либо проблемной ситуации из категорий абстрактного мышления

в категории образного мышления может сильно упростить понимание этой ситуации.

Рассмотрим методический приём, который мы применяем в работе, для того чтобы помочь спортсмену улучшить навыки регуляции психического состояния в ситуации соревнований. 1. Психолог просит спортсмена вспомнить своё состояние, свои переживания перед и в процессе успешного выступления. Что в этом состоянии помогает спортсмену выступать лучше? Предлагаем придумать и нарисовать сказочный, фантазийный образ: на что похоже то, что помогает спортсмену? 2. Далее предлагаем спортсмену вспомнить своё состояние, свои переживания перед и в процессе неуспешного выступления. Что в этом состоянии мешает спортсмену выступать лучше? Просим придумать и нарисовать сказочный, фантазийный образ: на что похоже то, что мешает спортсмену? 3. В каких ситуациях может быть полезно то, что нарисовал спортсмен в пункте 2, где это можно использовать? Предлагаем нарисовать, как это происходит. 4. На следующем шаге психолог предлагает спортсмену придумать и нарисовать картинку, на которой метафорические образы из рисунков 1 и 2 взаимодействуют, договариваются, сотрудничают, соизмеряя свою активность.

Таким образом, мы описали краткий алгоритм возможной работы психолога со спортсменом с применением метафор. Следует сказать, что применение метафоры не ограничивается только работой в качестве «переводчика» понятий. Метафора может применяться для решения практической любой задачи психологического сопровождения спортсменов: и решение проблемы чрезмерно повышенной тревожности, и решение внутриличностных проблем, и оптимизация психического состояния спортсмена, и помощь в реализации межличностного взаимодействия в спортивной команде и многие другие.

Е.Л. Касьяник

ГРАНИЦЫ МЕДИАЦИИ

Появление новых технологий всегда сопряжено с необходимостью уточнения и объяснения их инновационности, определения границ применения и четких отличий от имеющихся и устоявшихся родственных дефиниций. Решение данной задачи позволяет исследователю наиболее полно и точно определить новое понятие, способствует осознанию его специфичности и уникальности. При написании дан-

ных тезисов мы руководствовались русской пословицей «Все познается в сравнении», поэтому решили провести сравнительный анализ основных технологий разрешения конфликтов. Это, с нашей точки зрения, позволит более точно определить специфику медиативного процесса в психологической практике.

Медиация и судебный процесс. Главная общая особенность данных процедур – это наличие третьего лица, осуществляющего процесс урегулирования конфликта. Несмотря на наличие третьей стороны, их функции значительно различаются. Судья организует процесс и принимает решение, в то время как медиатор организует и сопровождает (катализирует) процесс самостоятельного принятия решения сторонами. Содержательный аспект осуществления данных процедур имеет явные отличия. Так, если процесс медиации направлен преимущественно на поиск оптимальных путей решения проблемы, то судопроизводство преимущественно направлено на поиск виновных и их наказание. В любом случае в суде всегда есть выигравшие и проигравшие. В медиации всегда выигрывают две стороны. Основным отличием также является добровольность участия сторон: в медиации оно всегда только добровольное, в судопроизводстве – нет.

Медиация и арбитраж. При арбитраже третья сторона (арбитр, трибунал), которая не участвует в конфликте и является нейтральной, собрав и заслушав информацию, представленную сторонами, принимает решение, каким образом стороны должны выйти из этого конфликта. При посредничестве также нейтральное третье лицо (медиатор(-ы)) помогает сторонам самим найти решение в ходе обсуждения проблемы. В процессе посредничества именно стороны несут ответственность за принятие решения, для этого им необходимо четко представлять суть дела, предлагать возможные варианты решения и, в конце концов, принимать это решение. Таким образом, обязанность принять решение лежит на сторонах.

Экспертная оценка (ЭО) и медиация. ЭО является добровольным процессом, в котором третья нейтральная сторона, как правило, специалисты в области разбираемого конфликта, дает оценку обсуждаемых проблем. Решение эксперта может быть оспорено. Медиатор не принимает решений, их принимают оппоненты.

Фасилитация и медиация. Когда нейтральная третья сторона вступает в процесс, чтобы помочь сторонам достигнуть консенсуса, процесс называется «фасилитацией». Фасилитатор не концентрирует внимание на сути обсуждаемых вопросов, он фокусирует внимание

сторон на основных, более важных вопросах, чтобы увеличить их шансы на достижение соглашения.

Психотерапия, психологическое консультирование и медиация значительное внимание уделяют работе с чувствами человека. Однако при психотерапии и психологическом консультировании работа с чувствами является векторным направлением, при медиации чувства не являются центральным моментом. Они рассматриваются как важный ресурс для определения истинных интересов и целей личности. Главная цель медиации – принятие решений, направленных на будущее, а не решение внутриличностных проблем. Г. Мета отмечает, что в отличие от психотерапии и психологического консультирования, в медиации не происходит прояснения отношений между партнерами, медиатор поддерживает стороны в поиске соглашений или выработке решений, прорабатывая конкретные темы, вопросы, проблемы. Главная проблема для медиатора – не «впасть» в психотерапию, важно помнить, что клиенты не давали согласия на психотерапию.

Т.В. Корнева

ЭКОЛОГОЦЕНТРИРОВАННАЯ АРТ-ТЕРАПИЯ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ

В традиции русской философской антропологии глубоко разрабатывалась идея о воплощении как диалектическом единстве «впечатления» и «выражения», как основы личности и способа ее порождения и существования. Идея о воплощении имела существенное значение для развития теории личности и практики психологической помощи. Очевидно, что позитивное развитие предполагает гармоническое соответствие между способностями к «впечатлению» и «выражению».

В реальном личностном процессе чаще можно наблюдать временный или стабильный дисбаланс этих способностей. Значительное преобладание импрессивного полюса формирует личностный тип, характеризующийся высокой дифференцированной чувствительностью, который нередко сочетается с повышенной тревожностью, ранимостью. Отсутствие адекватных экспрессивных возможностей приводит к проявлениям застенчивости, пониженной контактности вплоть до шизоидной замкнутости. Преобладание экспрессивного

полюса формирует противоположный личностный тип. Люди с богатыми экспрессивными возможностями легко вступают в контакты, чаще занимают лидерские позиции. Однако преобладание экспрессивного компонента придает эмоциональным проявлениям таких людей некоторый налет демонстративности, театральности. Отсутствие глубоких эмоциональных контактов с другими людьми формирует основу дальнейшего дисгармонического развития личности.

Особое значение данные процессы приобретают во второй половине жизни. Важнейшим содержанием психологической поддержки пожилых людей является вовлечение их в различные виды творческой деятельности. Современная арт-терапия представляет собой постоянно расширяющееся и пестрое поле психологической практики, включающее множество методов и техник. В большинстве случаев метод психологической помощи будет отнесен к арт-терапии, если он связан с апелляцией к произведениям искусства, творческому самовыражению и эстетическим чувствам личности. Глобальной тенденцией современной культуры является укрепление и развитие её экологического императива. К основополагающим экологическим принципам относится принцип взаимосвязанности человека и мира. В наиболее непосредственном, узком смысле экологический подход в психологии связан с акцентацией природосообразных, естественных факторов и механизмов личностного развития, с формированием «пространственного видения» человека. Особенности окружающего пространства во многом определяют поведение человека и, наоборот, характеристики пространственного поведения детерминированы констелляцией личностных черт.

Данная взаимосвязь лежит в основе многих психологических технологий. Издавна известна целительная сила путешествий, расширения географического пространства жизнедеятельности человека. В пожилом возрасте проблема «одомашнивания» окружающей среды имеет особое значение. В архитектуре и дизайне складываются новые направления – психоархитектуры, экологической архитектуры, психодизайна. Проработка архетипа «Дома» успешно осуществляется различными средствами арт-терапии, основывающейся на культурологической концепции Дома.

Среди множества других феноменов взаимоотношений человека с окружающим миром, природой огромный психотерапевтический потенциал имеют отношения человека с миром растений. Практически у всех народов мира независимо от того, в какой природной зоне обитал человек, священными считались деревья, роши, а то и целые

массивы лесов. Неслучайно в аналитической психологии К. Юнга «Дерево» служит одним из главных символов индивидуальной Самости. Известно, что работа с растениями благотворно влияет на физическое и психологическое состояние человека и является одним из старейших видов активной терапии. В современной психотерапевтической практике существует специальный вид терапии, названный садовой терапией (гарденотерапией), где растения и садоводческие технологии используются в целях психологической коррекции, терапии и реабилитации. Экологической проверкой этого метода является тот факт, что многие пожилые люди самостоятельно находят выход своим творческим возможностям, работая с растениями. В садовой терапии процесс взаимодействия человека и природы рассматривается как процесс постоянного сопереживания, соучастия, эмпатии. Гарденотерапия помогает человеку лучше понять свое место в мире через процесс рефлексии, направленный как на себя, так и на окружающие человека растения.

Е.Д. Красильникова

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С РАЗЛИЧНОЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

На сегодняшний день можно наблюдать отсутствие единой модели психологического сопровождения семей, воспитывающих детей с различной психической патологией. Круг психологических проблем, с которыми сталкивается данная категория семей, весьма широк, от проблемы принятия сообщения о диагнозе ребенка до трудностей, возникающих в процессе социализации ребенка. В нашем исследовании мы уделяем внимание возможности более дифференцированного подхода к семьям, воспитывающим детей с различными вариантами нарушения психического развития.

Нами обследовано 120 родителей (75 матерей и 45 отцов). Испытуемые выборки распределялись на четыре основные группы (по 30 человек). Первая основная группа – родители, воспитывающие детей с искаженным вариантом психического развития (на примере раннего детского аутизма и детской шизофрении). Вторая группа – родители, воспитывающие детей с задержкой психического развития. Третья группа – родители детей с умственной отсталостью (психическое

недоразвитие). Четвертая группа – родители, воспитывающие детей с поврежденным вариантом психического развития (дети, больные эпилепсией). Психообразовательные занятия с родителями строились на основе оценки конструктивной активности родителей, направленной на реабилитацию ребенка с психической патологией. Под конструктивной активностью мы понимаем весь спектр мероприятий, действий (на когнитивном и поведенческом уровне) родителей, направленных на реабилитационный процесс.

Для оценки конструктивной активности родителей автором исследования был разработан специализированный опросник, построенный в форме структурированного интервью. Также применялся метод анализа медицинской документации. В опроснике выделены следующие субшкалы: информированность о заболевании ребенка, особенностях его течения, возможных прогнозах заболевания; «соблюдение предписаний врача» (регулярность лечения, точность соблюдения врачебных рекомендаций); «развитие и социализация ребенка» (адаптация к социальным институтам, развивающие занятия, организация общения и совместная деятельность с родителями); активность участия членов семьи в воспитании и развитии ребенка (привлечение родственников для помощи, активность позиции отца в воспитательном процессе).

Практическая работа с данной категорией семей выявила достаточно низкий психообразовательный уровень родителей. Так, в 31,7 % (38) случаев родители не смогли назвать диагноз ребенка. 47,5 % (57) родителей никогда не обращались к специализированной литературе и интернет-ресурсам. 39,7 % (47) родителей весьма смутно представляют возможные прогнозы заболевания своего ребенка. Знание особенностей конструктивной активности родителей, воспитывающих детей с психической патологией, позволяет осуществить более дифференцированный подход при построении психообразовательных занятий. Так, наиболее низкий уровень конструктивной активности фиксируется у родителей детей, больных эпилепсией. Они демонстрируют низкие показатели по субшкалам: «развитие и социализация ребенка» и «активность отцовской позиции». Для родителей данной группы характерно использование в воспитании «щадящего» режима. Они, как правило, не используют все потенциальные возможности ребенка в развитии, часто оберегают его от излишних нагрузок.

Достоверных различий в уровне конструктивной активности родителей, воспитывающих детей с искаженным вариантом психиче-

ского развития, и родителей детей с психическим недоразвитием не выявлено. Однако качественные различия по субшкалам присутствуют. Так, родители детей с искаженным вариантом психического развития характеризуются более непоследовательным поведением при организации реабилитационного процесса ребенка (нарушение режима лечения, смена врача). Они также имеют невысокие показатели по шкале «знания о заболевании ребенка». Наиболее высокие показатели уровня конструктивной активности у родителей, воспитывающих детей с задержкой психического развития. Они имеют средние и высокие показатели по субшкалам. Такие дети чаще единственные в семье, к процессу воспитания активно привлекаются другие члены семьи, более активная позиция отца.

Таким образом, при построении психообразовательных занятий с родителями, воспитывающими детей с нарушениями психического развития, полезно учитывать особенности их конструктивной активности, направленной на реабилитацию ребенка.

Т.Н. Курбатова, Е.Н. Мухиярова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОДИНОЧЕСТВА

Многолетний психотерапевтический опыт позволяет поделиться некоторыми соображениями, связанными с одной из наиболее драматичных проблем, обнаруживающихся в процессе психотерапии – это страх одиночества. В жизни человека одиночество с разной интенсивностью, силой и продолжительностью переживается каждым, и все мы учимся как-то быть с ним, обходиться, справляться. Однако иногда с ним так больно, что некоторые предпочитают уйти из жизни, чем так жить. А другие уходят в болезни, алкоголизм, наркоманию. Реальность такова, что у каждого человека своя степень затронутости одиночеством, свой порог чувствительности к нему, свои отношения с ним. Отсюда весьма заманчиво найти и обосновать существование неких психологических предпосылок переживания одиночества, что помогло бы более целенаправленно и эффективно проводить психотерапию, адресно оказывать психологическую помощь лицам, страдающим от одиночества, и особенно тем, кто склонен к суициду. Изучению этих предпосылок и посвящено настоящее сообщение.

В исследовании приняли участие 420 испытуемых (170 мужчин и 250 женщин) в возрасте от 35 до 42 лет, различных профессий, получивших высшее техническое и гуманитарное образование.

Методики: модифицированная шкала одиночества UCLA (Рассел, Фергюссон, 1980); анкета Нью-Йоркского университета (К. Рубинштейн, Ф. Шейвер, 1979) для изучения имплицитных представлений об одиночестве и эмоциональных реакций на него, а для определения психологических предпосылок эмоционального реагирования на одиночество – проективная методика BEST, выявляющая Основные Эмоциональные Структуры личности (Х. Калер, 1972), с которой кафедра психологии поведения и превенции поведенческих аномалий работает уже более 10 лет. BEST является удачным сплавом современного развития психоаналитического представления о структуре личности и восточной медико-философской теории Дао и Веданты. Его отличает оригинальный тестовый дизайн, представляющий собой миниатюрные скульптурные изображения выразительных человеческих лиц, что позволяет наиболее полно раскрыть личность, выделив десять основных типов и девятую подтипов. BEST дает возможность определить тип «психологической предрасположенности», который детерминирован базовыми эмоциями, лежащими в его основе.

Автором теста предложен алгоритм определения этих типов, каждый из которых описывается одной из эмоций: 1 – депрессия, 2 – гнев, 3 – печаль, 4 – радость, 5 – рассеянность, 6 – сверхсосредоточенность, 7 – серьезность, 8 – спокойствие, 9 – страх, 10 – воля. Достоверность результатов обеспечивалась применением при обработке данных методов математической статистики: анализ параметров распределения; t-критерий Стьюдента; однофакторный дисперсионный анализ ANOVA; двухфакторный анализ MANOVA, обоснованность применения которого подтверждена критериями: След Пилая, Лямбда Уилкса, След Хотеллинга; дискриминантный анализ; метод корреляции Пирсона для нормальных распределений; проверка на нормальность распределения осуществлялась при помощи λ -критерия Колмогорова–Смирнова.

Результаты исследования таковы:

1. Выявлено значимое влияние типа психологической предрасположенности (вне зависимости от пола) на переживание человеком одиночества. 2. Определены и описаны тенденции влияния каждого из 10 типов психологической предрасположенности на переживание одиночества. 3. Наибольшая психологическая предрасположенность к переживанию одиночества характерна для мужчин типа № 2 (гнев), типа № 8 (спокойствие) и типа № 2 (гнев) у женщин. То есть испытуемые, склонные к агрессии (в ее вербальной форме), так же, как и их антиподы (что характерно только для мужчин), отличающиеся эмо-

циональной устойчивостью, наиболее чувствительны к переживанию одиночества. 4. Наименее выражена склонность к одиночеству типа № 3 (печаль) у женщин и типа № 6 (сверхсосредоточенность) у мужчин. Этих психотипов одиночество задевает в наименьшей степени, они к нему наиболее толерантны.

Таким образом, проведенное исследование позволяет серьезно заявить о наличии психологической предрасположенности к эмоциональному реагированию на одиночество и установить гендерные отличия. Очевидно, что требуется проведение дальнейших более глубоких исследований, что способствовало бы пониманию природы одиночества, облегчению способов его психокоррекционного и психотерапевтического воздействия.

М.Ш. Магомед-Эминов

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ КАК ПРАКТИКА ЗАБОТЫ

Психологическую практику, которая в современной психологии обычно строится в рамках медицинской парадигмы, мы рассматриваем с точки зрения психологической помощи. Следуя этой методологической установке, мы дополняем описательную и объяснительную научно-психологические установки горизонтом помогающей психологии, направленной на осуществление заботы о Другом и о себе. Поставив перед собой вопрос о психологической помощи человеку, нуждающемуся в этой помощи, вне медицинской парадигмы, мы оказываемся перед необходимостью очертить горизонт проблематизации феномена психологической помощи. Таким образом, вопрос о психологической помощи тематизируется с точки зрения сущностного устройства самого феномена. Вопрос о феномене психологической помощи, прежде всего, подразумевает раскрытие и схватывание феномена помощи как определенной человеческой ситуации, т. е. определенного способа существования конкретного человека в современном мире в многообразии событий «со-бытия».

Рассматривая проблему психологической помощи онтологически, с точки зрения бытия конкретного человека в мире в проблематичном существовании, мы должны осуществить переход от абстрактной психологии субстанционального субъекта к конкретной психологии бытия человека в драмах жизни (Выготский Л.С., 1986), т. е. в драматургическом «со-бытии» личности с другими личностями. При переходе от сущностной онтологии субъекта, личности, человека

к онтологии существования, жизни конкретной личности, т. е. живого человека, мы сразу сталкиваемся с определенными, достаточно серьезными, методологическими проблемами, говоря словами Л.С. Выготского, требующими философии практики. О личности, субъекте приходится говорить не только как о категориях, понятиях, но и как об определенной, вполне конкретной, единичной, живой и живущей человеческой реальности.

Человек, в отличие от понятий, живет в драмах жизни, которые не имеют представительства в психологическом аппарате, как, собственно, и сам единичный человек, живущий этой жизнью. Вот этот единичный человек, пребывающий в перекрестье многообразия живых драматических событий, стал привлекать пристальное внимание психологов, особенно в связи с массовыми бедствиями, катастрофами и социальными катаклизмами современной эпохи. Дело в том, что именно благодаря переходу психологии в жизнь, если верить Л.С. Выготскому, сместился центр психологической науки, и «камень, который презрели строители, стал во главу угла» (Выготский Л.С., 1982). Краеугольным может быть не всякий «камень» практики, а только такой, который требует методологии и общей теории, или философии практики.

В этом развитии взаимопересекаются, по сути, две методологии – общая, абстрактная методология и конкретная методология практики. Для раскрытия сути порождающей работы личности мы должны увидеть взаимодействие производства, порождения и присвоения. Присвоение опыта происходит в смысловой работе личности, в которой человек осуществляет заботу о воспроизведении и развитии культурно-исторического опыта, создании непрерывности связи поколений.

Таким образом, психологическая помощь трактуется с точки зрения принципа заботы, раскрываемого на основе культурно-исторической работы личности, в ходе осуществления которой формируется, развивается и восстанавливается культура заботы о себе и о Другом. Новую ситуацию можно обозначить как движение объяснительной и описательной психологии в сферу помогающей психологии. Сама психология должна совершить переход – не только объяснять явления и описывать феномены, но выйти в особую помогающую ситуацию, требующую преобразования, деятельной, «работающей» заботы.

Г.В. Пятакова

СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ У ПОДРОСТКОВ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ОЖГОВЫХ ТРАВМ

Печальные реалии современного мира свидетельствуют об увеличении частоты и масштабов аварий, катастроф с большим количеством пострадавших от ожогов, в том числе детей и подростков. 36,8 % детей, получивших ожоги, приходится на школьников от 7 до 14 лет. Последствиями ожоговой травмы являются ожоговая болезнь – тяжелое страдание, сопровождающееся нарушением функций почти всех органов и систем организма, а также образованием грубых рубцов на поверхности тела. Ожоговая болезнь представляет собой заболевание с достаточно мощным психогенным зарядом. С одной стороны, сама по себе ожоговая травма и обстоятельства ее получения (авария, катастрофа, несчастный случай) вызывают острые психогенные переживания страха, угрозы смерти; с другой – возникшая в результате этой травмы ожоговая болезнь и ее последствия (обезображивания, инвалидизация) создают для личности пострадавшего сложную стрессовую ситуацию, где психогенные переживания тесно связаны с соматическим состоянием.

Для подростков наиболее тяжелыми в психологическом отношении являются травмы, которые изменяют внешний вид человека. В этом отношении особенно тяжелыми оказываются последствия ожоговых травм с локализацией поражения в области лица, шеи, кистей и других открытых участков тела. Последствия травм, не имеющие с медицинской точки зрения угрозы для жизни, могут вызывать наиболее тяжелые психологические реакции, выраженные поведенческие девиации. До настоящего времени, практически не учитывались психологические аспекты проблемы ожоговой травмы и ее последствий в решении хирургической, медицинской реабилитации, реадaptации пострадавших в детском и подростковом возрасте. Все это определило актуальность предпринятого экспериментального исследования.

В исследовании участвовали 60 подростков 10–15 лет (30 подростков с последствиями ожоговой травмы и 30 здоровых подростков). В исследовании приняли участие подростки, имеющие сохранные возможности интеллектуального развития. Проводилось изучение особенностей эмоционального реагирования в ситуации фрустрации, проявления враждебных реакций, характеристик совладающего поведения. Для этой цели были использованы: тест фрустрационной

толерантности С. Розенцвейга (детский вариант), опросник А. Басса и А. Дарки, опросник копинг-стратегий школьного возраста.

Полученные результаты свидетельствуют о единстве закономерностей, определяющих формирование эмоционального поведения в ситуации фрустрации здоровых подростков и подростков с последствиями ожоговых травм, для которых характерны жесткая привязанность к ситуации, неумение эмоционально отвлечься от фрустратора, трудности в конструктивном разрешении конфликта. Для здоровых подростков характерно агрессивное, конфликтное поведение в ситуации фрустрации. Травмированные подростки в ситуации конфликта в большей степени, чем здоровые подростки склонны к самозащитному поведению, заключающемуся в поиске внутриличностных резервов для смягчения эмоционально трудноразрешимого для больного ребенка конфликта. У травмированных подростков наблюдается меньшая склонность к косвенной и вербальной агрессии, а также большая склонность к негативизму, что отражает проявления пассивного протеста в условиях повышенной зависимости от медицинского персонала и родителей.

Репертуар поведенческих стратегий совладания у подростков с последствиями ожоговых травм шире, чем у их сверстников без травматического опыта. Подростки с последствиями ожоговых травм чаще, чем подростки без травматического опыта, используют формы поведения, направленные на признание своих ошибок, вины, они чаще обращаются за помощью к высшим силам («молюсь»), либо к лицам и предметам, составляющим безопасное окружение подростка («обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь или глажу животное»). Вместе с тем травмированные подростки в большей степени, чем подростки без травм, склонны к аффективно-отреагированию напряжения, чаще в стрессовых ситуациях используют формы поведения агрессивного и аутоагрессивного характера.

Таким образом, у травмированных подростков чаще, чем у их сверстников без травматического опыта, встречаются разнонаправленные эффективные копинг-стратегии, что позволяет снизить уровень эмоционального напряжения в условиях хронической психотравмирующей ситуации.

СПИСОК АВТОРОВ

Аванесян М.О. ассистент СПбГУ
Аверьянова О.Ю. ст. преподаватель СПбГИПСР
Адамян Н.А. студент СПбГУ
Азеддин М.М. ст. преподаватель РГСУ
Александрова Н.А. аспирант СПбГУ
Александрова Е.В. студент СПбГУ
Алексеева Е.Е. доцент РГПУ им. А.И. Герцена
Алексеева Е.М. доцент КФУ
Аллахвердов М.В. мл. науч. сотрудник СПбГУ
Аллахвердов В.М. зав. кафедрой СПбГУ
Андреева Т.В. доцент СПбГУ
Андрианова Н.Е. студент СПбГУ
Анисимова О.М. доцент СПбГУ
Антинене Д.Ю. (Antiniene D.) доцент КТУ
Антонова Н.А. ассистент СПбГУ
Антонова Н.В. доцент НИУ ВШЭ
Бабаева Н.М. доцент СПбГУ
Базиков М.В. докторант ЯГПУ
Балакина А.А. аспирант ЮФУ
Балашова Е.Ю. вед. науч. сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова
Балин В.Д. профессор СПбГУ
Баранова В.А. ст. науч. сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова
Барафанова Е.Ю. студент СПбГУ
Барсукова О.В. доцент ПИ ЮФУ
Бартош Т.П. вед. науч. сотрудник НИЦ «Арктика» ДВО РАН
Бартош О.П. науч. сотрудник НИЦ «Арктика» ДВО РАН
Басова Е.С. студент СПбГУ
Батлук Ю.В. ассистент СПбГУ
Белавина О.В. ст. преподаватель СПбГИПСР
Беличева С.А. президент Консорциума «Социальное здоровье России»

Белкин А.И. доцент ПГСГА
Белогай К.Н. доцент КемГУ
Бендас Т.В. профессор ОГУ
Березина Е.Б. соискатель МГУ им. М.В. Ломоносова
Бескова Т.В. зав. кафедрой ИСО (филиал) РГСУ, г. Саратов
Бовина И.Б. профессор МГППУ
Богданова В.В. медицинский психолог ФГУ «СПбНЦПЭР им. Г.А. Альбрехта ФМБА России»
Богородская С.О. психолог, практикующий специалист
Борисова И.В. доцент БГУ
Бражник Ю.В. ст. преподаватель СГУ
Бражникова А.Н. доцент БГУ
Бузмакова А.В. аспирант ЯрГУ им. П.Г. Демидова
Бурлакова Н.С. доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
Бызова В.М. профессор СПбГУ
Вагайцева М.В. соискатель СПбГУ
Вагина М.В. доцент СПбГУП
Варганова И.И. ст. науч. сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова
Василенко Т.Д. зав. кафедрой, доцент ГОУ ВПО КГМУ Минздравсоцразвития России
Васильева М.Ю. зав. лабораторией ЦТСОП отдела физиологии СПбГУ
Ватулин А.И. ст. преподаватель СПбГУ
Вейц А.Э. детский врач-психоневролог СПНД
Верещагина Н.В. педагог-психолог ГДОУ, ИВЭСЭП
Верещагина Л.А. доцент СПбГУ
Вержибок Г.В. доцент МГЛУ
Вершинина К.В. студент СПбГИПСР
Викторчик И.С. студент ПИ ЮФУ
Виндорф С.А. ассистент СПбГУ
Виноградова В.Е. учитель-дефектолог СПб ГУ «ЦСРИ Выборгского района»
Владимиров И.Ю. доцент ЯрГУ им. П.Г. Демидова
Власова Е.Ф. студент РГГУ

Волков Д.Н.	ст. преподаватель СПбГУ	Жукова А.Ю.	студент СПбГУ
Волохова Е.П.	соискатель, преподаватель КТиГС	Журавлева Н.А.	ст. науч. сотрудник ИПРАН
Воропошина Е.Р.	магистрант СПбГУ	Жученко О.А.	ст. преподаватель ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА
Высотина Т.Н.	педагог-психолог ГОУ № 687	Загорец Т.Л.	медицинский психолог ПКБ № 12 г. Москвы
Газогареева Е.Н.	ст. преподаватель СПбГУ	Зайцева Ю.Е.	доцент СПбГУ
Гончарова В.А.	доцент ИСПИП	Зайцева В.В.	магистр СПбГУ
Горбатов С.В.	доцент СПбГУ	Зайцева В.Б.	психолог СПбГУ
Горбунов И.А.	зав. лабораторией СПбГУ	Зиновьева Е.В.	ст. преподаватель СПбГУ
Григалюнайте-Плерпене В.В.	арт-терапевт РКБ	Золотарева А.А.	бизнес-консультант, Агентство по недвижимости Санкт-Петербурга
Гудкова В.С.	студент РГГУ	Зуева М.Л.	доцент ГОУ ЯО ИРО
Гурвич И.Н.	профессор СПбГУ	Ибадова Т.И.	аспирант РУДН
Гушина О.В.	студент СПбГУ	Иванов М.В.	соискатель НЦПЗ РАМН
Давыдова И.А.	ассистент ГГУ им. Ф. Скорины	Иванова М.В.	зав. кафедрой ИФ РГУФКСМиТ
Даниленко О.И.	профессор СПбГУ	Иванова М.В.	аспирант СПбГУ
Данилова М.В.	ст. преподаватель СПбГУ	Иванова Т.К.	доцент КФУ
Дворникова Т.А.	ст. преподаватель СПбГУ	Иванова Е.А.	студент РГПУ им. А.И. Герцена
Дворцова Е.В.	доцент НФИ КемГУ	Ивутина Е.П.	доцент ВятГГУ
Дейнека О.С.	профессор СПбГУ	Иоффе Е.В.	доцент РГПУ им. А.И. Герцена
Денисова И.А.	ст. лаборант ЮФУ	Ипатов А.В.	педагог-психолог ГОУ Детский дом № 23
Дербенева М.Ю.	ассистент СПбГУ	Исаева Д.А.	соискатель СПбГУ
Дерманова И.Б.	доцент СПбГУ	Исхакова А.Р.	психолог УСВК
Довгая Н.А.	ассистент ДВФУ	Кадомцева Н.А.	студент СПбГУ
Долбеева К.А.	лаборант-исследователь СПбГУ	Казаков А.В.	СПбГУ
Дроздова М.А.	доцент ЧНПУ им. Т.Г. Шевченко	Капустина А.Н.	доцент СПбГУ
Дроздовская Е.Б.	студент СПбГУ	Касьяник Е.Л.	проректор по учебной работе УО «РИПО»
Дубровский Р.Г.	консультант Комитета по печати и связям с общественностью ЛО	Кац Е.Э.	ст. преподаватель ИСПиП
Дуленкова Е.А.	студент СПбГУ	Кашапов М.М.	профессор, зав. кафедрой ЯрГУ им. П.Г. Демидова
Дягилева А.В.	студент ХГУ им. Н.Ф. Катанова	Ким К.В.	ст. преподаватель СВФУ
Емельяненко А.В.	доцент УлГУ	Киреева Н.Н.	доцент СПбГУ
Еремеев Б.А.	профессор РГПУ им. А.И. Герцена	Киселева Т.Г.	зав. кафедрой ГОУ ЯО ИРО
Ершова Н.Г.	зав. кафедрой ВЛГАФК	Климентьева Н.К.	учитель-логопед ГДОУ № 23 Красносельского района Санкт-Петербурга
Жижина М.В.	доцент СГУ	Ковязина М.С.	доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
Жужлева Н.А.	студент МГУ им. Ломоносова		

Кожина Е.В. соискатель НГПУ
 Козина Н.В. доцент СПбГПМА
 Козлова Е.В. магистрант СПбГУ
 Козлова Е.В. студент ЯрГУ им. П.Г. Демидова
 Коломейцев Д.Ю. педагог-психолог С(К)ГОУ № 22
 Кондохова Т.Н. доцент ЛГУ им. А.С. Пушкина
 Конфисахор А.Г. доцент СПбГУ
 Корнева Т.В. доцент СПбГУ
 Королёва Н.А. студент ЯрГУ
 Корсак Н.В. ассистент УО «ГТУ им. Ф. Скорины»
 Кособудская О.А. аспирант ВЛГАФК
 Котов А.А. ст. преподаватель РГГУ
 Котов А.А. ст. преподаватель НИУ ВШЭ
 Котова Е.Е. доцент СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
 Краева А.В. педагог доп. образования ГОУДОД ДДТ Центрального района «Фонтанка-32»
 Красильникова Е.Д. медицинский психолог ТОКПНД
 Кривошеев В.А. доцент ГрГУ им. Я. Купалы
 Кувалдина М.Б. Fulbright Visiting Researcher NISSR
 Кузьмина А.А. студент ВятГГУ
 Курбатова Т.Н. доцент СПбГУ
 Кутковой Н.А. аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова
 Лавренчук С.Ю. педагог доп. образования СОШ № 213
 Ланина Н.В. доцент ВГПУ
 Лекавичене Р.Ю. (Lekaviciene R.) профессор КТУ
 Лемиш В.В. доцент ОмГУ им.Ф.М. Достоевского
 Леоненко Н.О. доцент УрГПУ
 Леонова Е.В. руководитель психологической службы, доцент ИАТЭ НИЯУ МИФИ
 Ли Цзыхань бакалавр СПбГУ
 Ликстановна Н.В. студент НФИ КемГУ
 Логинова Н.А. профессор СПбГУ
 Магомед-Эминов М.Ш. зав. кафедрой МГУ им. М.В. Ломоносова
 Мазалецкая А.Л. ст. преподаватель ЯрГУ им. П.Г. Демидова

Мазилев В.А. зав. кафедрой ЯГПУ
 Макаров Ю.А. доцент СПбГУ
 Малышева Н.Г. доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
 Манукян В.Р. доцент СПбГУ
 Марарица Л.В. ст. преподаватель СПбГУ
 Машонская О.В. психолог СРЦ для несовершеннолетних Фрунзенского района СПб
 Медников С.В. ст. преподаватель СПбГУ
 Микляева А.В. доцент РГПУ им. А.И. Герцена
 Михайлова И.В. ст. преподаватель УлГУ
 Морозов А.В. ст. преподаватель СПбГУ
 Муталимова А.М. ст. преподаватель ДГПУ
 Мухамедрахимов Р.Ж. зав. кафедрой, профессор СПбГУ
 Мухиярова Е.Н. ст. преподаватель СПбГУ
 Никитенко М.В. мл. науч. сотрудник СПбГУ
 Никитин Н.И. зав. лабораторией ИНФ
 Николаева В.В. профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
 Новикова Е.С. ст. преподаватель ПГУПС
 Новикова И.А. доцент РУДН
 Огородова Т.В. доцент ЯрГУ им. П.Г. Демидова
 Осорина М.В. доцент СПбГУ
 Павлова Е.В. студент МГУ им. М.В. Ломоносова
 Парыгин Б.Д. профессор СПбГУП
 Пахмутова М.А. аспирант СПбГУ
 Пашенко М.А. студент СПбГПМА
 Первичко Е.И. доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
 Перман В.А. студент СПбГУ
 Петанова Е.И. доцент СПбГУ
 Пилишина А.В. студент УлГУ
 Плаксина И.В. доцент ВГГУ
 Плотникова И.Е. студент СПбГУ
 Погожина И.Н. доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
 Польская Н.А. доцент Пединститута СГУ им. Н.Г. Чернышевского
 Поляков А.В. ст. преподаватель СПб ГИПСР

Посохова А.Е. студент СПбГУ
 Почебут Л.Г. профессор СПбГУ
 Привалова П.С. соискатель РГМУ
 Пятакова Г.В. доцент РГПУ им. А.И. Герцена
 Разина Т.В. зав. кафедрой СыктГУ
 Ракова В.А. медицинский психолог ПБ № 3
 Реброва Н.П. доцент РГПУ им. А.И. Герцена
 Розум С.И. доцент СПбГУ
 Романько И.Н. ст. преподаватель СПбГУ
 Рыкман Л.В. психолог СПбГУ
 Сабанчиева Р.З. доцент КБГУ
 Савенышева С.С. доцент СПбГУ
 Самохвалова А.Г. доцент КГУ им. Н.А. Некрасова
 Самуйлова И.А. доцент СПбГУ
 Санцевич Д.В. преподаватель БГУ
 Сачук В.С. ассистент СПБГМА им. И.И. Мечникова
 Свенцицкий А.Л. зав. кафедрой СПбГУ
 Селин А.В. доцент ГОУ ВПО КГМУ
 Минздравсоцразвития России
 Селин А.В. доцент КГМУ
 Семенов В.С. студент ГОУ ВПО «АГАО»
 Семеновских Т.В. доцент ТюмГУ
 Семечкин Н.И. профессор ДВФУ
 Семёнов В.Е. профессор , директор НИИКСИ СПбГУ
 Семянишева П.А. аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова
 Серафимович И.В. ст. преподаватель ЯрГУ им. П.Г. Демидова
 Сергиенко Е.А. зав. лабораторией ИП РАН
 Синельникова Е.С. студент СПбГУ
 Слотина Т.В. доцент ПГУПС
 Смирнова Ю.С. доцент БГУ
 Смолина Т.Л. доцент РГПУ им. А.И. Герцена
 Соловьева О.В. доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
 Солондаев В.К. доцент ЯрГУ им. П.Г. Демидова
 Сорокина А.В. студент МГППУ

Соткин А.С. студент ЯрГУ им. П.Г. Демидова
 Сотников В.А. ассистент КГМУ
 Старченкова Е.С. доцент СПбГУ
 Стефаненко Т.Г. профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
 Стеценко Е.Е. студент СВГУ
 Столярчук Е.А. ст. преподаватель СПбГУ
 Студеникина Л.А. ст. преподаватель ГОУ ВПО «АГАО»
 Стукова М.Ю. педагог-психолог СПб ГУ «ЦСРИ
 Выборгского района»
 Суховеева О.И. ст. преподаватель НИУ РАНХиГС
 Таланова Н.Н. аспирант ИП РАН
 Татьяна Л.Г. ст. преподаватель БГТУ «Военмех»
 им. Д.Ф. Устинова
 Телешева С.В. доцент РГСУ
 Тихвинская Е.О. ст. преподаватель СПбГУ
 Тихомандрицкая О.А. доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
 Тихомирова Л.В. инженер ВИМЗ
 Тихомирова М.А. студент СПбГУ
 Тищенко Ю.В. доцент БГУ
 Тромбчиньски П.К. аспирант СПбГУ
 Турова Ю.С. студент СВГУ
 Туровская Н.Г. преподаватель, медицинский
 психолог ВолГМУ; ГУЗ ВОДКПБ «Центр
 психического здоровья детей и подростков»
 Тысячнюк А.С. педагог-психолог СПбГУ СРЦ
 «Воспитательный дом»
 Ускова М.А. студент ЯрГУ им. П.Г. Демидова
 Ушакова Н.М. профессор ИнЕУ
 Филликова Е.Б. доцент МГОУ
 Флёрко Н.В. ст. преподаватель ГрГУ им. Я. Купалы
 Фоломеева Т.В. доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
 Фролова А.В. зав. кафедрой ТГГПУ
 Ходаковская О.В. доцент СПбГУКИ
 Хорошилов Д.А. аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова
 Хороших В.В. доцент РГПУ им. А.И. Герцена

Цветкова Л.А.	проректор, доцент СПбГУ
Червинская К.Р.	доцент СПбГУ
Черного Д.И.	соискатель, ст. лаборант СПбГУ
Четвериков А.А.	мл. науч. сотрудник СПбГУ
Чикер В.А.	доцент СПбГУ
Чистопольская А.В.	студент ЯрГУ им. П.Г. Демидова
Чувашова И.А.	ассистент НФИ КемГУ
Шабаетова А.В.	соискатель ОГУ
Шаболтас А.В.	декан факультета психологии СПбГУ
Шавырина А.М.	студент МГППУ
Шаповал В.А.	доцент СПбГУ
Шершнёва Т.В.	доцент БГУКИ
Шестакова К.Н.	аспирант СПбГУ
Шишкова И.С.	студент НФИ КемГУ
Шишкова А.М.	ст. науч. сотрудник ФГУ НИПНИ им. В.М. Бехтерева
Шляпкина О.А.	ассистент ЯрГУ им. П.Г. Демидова
Шумская Н.А.	аспирант СПбГУ
Щелкова О.Ю.	зав. кафедрой СПбГУ
Щербаков С.В.	доцент БашГУ
Юревич О.И.	студент СПбГУ
Юркина М.С.	студент ЯрГУ им. П.Г. Демидова
Юров И.А.	ст. преподаватель СГУТиКД
Юшачкова Т.Б.	доцент МаГУ
Ямаева А.Б.	психолог МОУ СОШ № 91
Япарова О.Г.	доцент ХГУ им. Н.Ф. Катанова
Ясюкова Л.А.	зав. лабораторией СПбГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Фундаментальные проблемы социальной психологии	
<i>Балакина А.А.</i> Особенности отношения к обобщенному Другому жителей городов разного уровня	3
<i>Барсукова О.В., Викторчик И.С.</i> Мотивация достижения студентов с разной самооценкой честолюбия	5
<i>Белкин А.И.</i> Анализ граффити с позиций бихевиоризма и гештальтпсихологии	6
<i>Бражник Ю.В.</i> Представления молодых людей о содержании мужской роли.....	8
<i>Ватулин А.И.</i> Этический кодекс: формальность или инструмент профессионального сообщества?	10
<i>Жужлева Н.А.</i> Склонность к риску в группах, решающих творческие и репродуктивные задачи	12
<i>Журавлева Н.А.</i> Ценностные ориентации личности в условиях макроэкономических изменений.....	14
<i>Капустина А.Н.</i> Ценностные ориентации студентов театрального вуза	16
<i>Логина Н.А.</i> Б.Г. Ананьев – исследователь проблем социальной психологии	18
<i>Мазилев В.А., Базиков М.В.</i> Социальная психология: методологические размышления после юбилея.....	20
<i>Парыгин Б.Д.</i> Философское и психологическое в судьбе социальной психологии	22
<i>Плаксына И.В., Тихомирова Л.В.</i> Субъективно-самооценочная составляющая качества жизни лиц	24
<i>Почепут Л.Г.</i> Социальный капитал общества и доверие людей друг к другу.....	25
<i>Почепут Л.Г., Марарица Л.В.</i> Стратегии накопления и использования социального капитала личности.....	27
<i>Свенцицкий А.Л.</i> Вся психология – социальная!?	29
<i>Семечкин Н.И.</i> Агрессия – доминирующий способ существования человека.....	31
<i>Семёнов В.Е.</i> Достоевский как социальный психолог и российская полиментальность	33
<i>Сергиенко Е.А., Таланова Н.Н.</i> Ментальные механизмы понимания рекламы детьми 3–6 лет	35
<i>Соловьева О.В.</i> Обратная связь как механизм межличностного общения.....	37
<i>Сорокина А.Б., Шавырина А.М.</i> Оценка текста на истинность в зависимости от уровня эмоционального интеллекта.....	38

<i>Соткин А.С.</i> Сознательное отцовство	40
<i>Татьянина Л.Г.</i> Личностные детерминанты доверия в общении.....	42
<i>Хороших В.В.</i> Особенности самопрезентации пользователей социального сайта «ВКонтакте».....	44

Толерантность и гражданская идентичность в российском обществе

<i>Бражникова А.Н., Борисова И.В.</i> Терпимость как нравственное качество развивающейся личности	46
<i>Вержибок Г.В.</i> Толерантность как элемент гендерной культуры и профессионально значимое качество	48
<i>Ким К.В.</i> Исследования этносоциальных представлений народа саха	50
<i>Кособудская О.А., Ершова Н.Г.</i> Толерантность – составляющая профессионального развития студентов спортивного вуза	52
<i>Краева А.В.</i> Современный подросток: ценностные ориентиры и уровень толерантности	53
<i>Кривошеев В.А.</i> Проблема формирования этнической идентичности белорусов.....	55
<i>Макаров Ю.А.</i> Предпосылки толерантности	57
<i>Микляева А.В.</i> Актуализация возрастной идентичности личности: ситуативный контекст.....	59
<i>Новикова И.А., Ибадова Т.И.</i> Типологические особенности толерантности студентов.....	61
<i>Семеновских Т.В., Ямаева А.Б.</i> Результаты исследования толерантности и стрессоустойчивости старшеклассников	63
<i>Слотина Т.В.</i> Толерантность как свойство личности современного педагога	65
<i>Смирнова Ю.С.</i> Толерантность/ интолерантность в отношении людей, живущих с ВИЧ/ СПИДом.....	67
<i>Тищенко Ю.В.</i> Личностные особенности студентов с негативной коммуникативной установкой	69

Социальная организационная психология и менеджмент

<i>Александрова Е.В.</i> Копинг-стратегии и стили саморегуляции поведения молодых сотрудников ОАО «РЖД»	71
<i>Андреева Т.В.</i> Биографический метод в исследовании семей предпринимателей.....	73
<i>Верещагина Л.А., Перман В.А.</i> Организационная культура и мотивирование менеджеров.....	75
<i>Газогареева Е.Н.</i> Уверенность сотрудников в себе и эффективность организации.....	77

<i>Давыдова И.А.</i> Социально-психологические аспекты мотивационного менеджмента в медицинских учреждениях	79
<i>Дуленкова Е.А., Червинская К.Р.</i> Содержательные и процессуальные характеристики разделения знаний (на примере медицинской организации).....	81
<i>Казаков А.В.</i> Просоциальное поведение в сети Интернет модераторов виртуальных сообществ	83
<i>Козлова Е.В.</i> Личностная детерминация к моббинг-атакам.....	85
<i>Романько И.Н.</i> Влияющее поведение как один из факторов эффективной деятельности руководителей	86
<i>Санцевич Д.В.</i> Метод моделирования проблемных ситуаций в обучении операторов call-центра.....	88
<i>Столярчук Е.А., Золотарева А.А.</i> Личностные особенности и успешность деятельности риэлторов	90
<i>Филинкова Е.Б.</i> Психологическая готовность учителей к управленческой деятельности	92
<i>Фоломеева Т.В.</i> Опыт измерения потребительских установок.....	94
<i>Чикер В.А., Посохова А.Е.</i> К проблеме социально-психологической диагностики репутации организации.....	96
<i>Шишкова И.С.</i> Эмоционально-волевой компонент готовности к ориентации на клиента у продавца	98

Политическая психология и массовое сознание

<i>Волохова Е.П.</i> Проблема формирования общественного мнения	101
<i>Дейнека О.С., Барафанова Е.Ю.</i> Фактор морали в представлениях о конкурентоспособности	103
<i>Дроздова М.А.</i> Особенности и механизмы связи образов родителей и политических лидеров.....	105
<i>Иоффе Е.В.</i> Значение работы по изменению общественного мнения в борьбе с проституцией.....	106
<i>Конфисахор А.Г.</i> Критерии исследования цивилизационных матриц основных гецивилизаций	108
<i>Леоненко Н.О.</i> Исследование этнических особенностей русского характера и личности.....	110
<i>Самуйлова И.А.</i> Представление аудитории о безопасности сообщений СМИ.....	113

Клиническая, специальная психология и психофизиология

<i>Алексеева Е.Е.</i> Анализ изменений типологических особенностей у студентов.....	115
---	-----

<i>Бабаева Н.М.</i> Проявление силы нервной системы в процессе адаптации старшекласников к вузу.....	117
<i>Балин В.Д., Горбунов И.А.</i> Психофизиологический критерий валидности психологических тестов	119
<i>Вагайцева М.В.</i> Проблема социально-психологической адаптации мужчин с диагнозом «рак простаты».....	121
<i>Вейц А.Э.</i> Влияние семьи на формирование защитных механизмов у детей с нервной патологией	122
<i>Вершинина К.В., Аверьянова О.Ю.</i> Динамика развития тревожности у подростков в условиях стационара	124
<i>Виндорф С.А.</i> Особенности ценностно-смысловой сферы у подростков с наркозависимостью	126
<i>Высотина Т.Н.</i> Психологический климат в семьях, имеющих детей со сложными нарушениями развития	128
<i>Гончарова В.А., Кац Е.Э.</i> Особенности памяти у больных с афазией	130
<i>Гончарова В.А.</i> Состояние произвольного зрительного внимания школьников с дисграфией	132
<i>Григалюнайте-Плерпене В.В.</i> Арт-терапия с психиатрическими больными.....	134
<i>Долбеева К.А., Андрианова Н.Е.</i> Дисфункции переработки провоцирующей информации у больных героиновой наркоманией	135
<i>Зайцева В.Б., Горбунов И.А.</i> Физиологические индикаторы неосознаваемых эмоций	137
<i>Иванов М.В.</i> Диагностика пространственных представлений в норме и патологии у дошкольников	139
<i>Ковязина М.С.</i> Оценка эмоциональных состояний при нарушениях межполушарного взаимодействия	141
<i>Ковязина М.С., Балашова Е.Ю.</i> Пространственные функции при дефиците межполушарного взаимодействия	143
<i>Коломейцев Д.Ю.</i> Отношение отцов к умственно отсталым детям	145
<i>Кондюхова Т.Н., Богданова В.В.</i> Внутренняя картина болезни пациентов с черепно-мозговыми травмами	147
<i>Мухамедрахимов Р.Ж., Никитин Н.И.</i> Взаимодействие с матерью и слуховое восприятие пространства у детей в раннем возрасте.....	149
<i>Николаева В.В., Первичко Е.И., Загорец Т.Л.</i> Особенности отношений в диаде «врач–пациент» при соматоформных расстройствах	151
<i>Польская Н.А.</i> Влияние показателей Я-концепции на риск самоповреждающего поведения	153
<i>Пятакова Г.В., Иванова Е.А.</i> Атрибутивные стили у детей с двигательными нарушениями различного генеза.....	155

<i>Ракова В.А., Щелкова О.Ю.</i> Восприятие временной перспективы больными шизофренией	157
<i>Реброва Н.П., Богородская С.О.</i> Функциональное состояние подростков с диагнозом гастродуоденит	159
<i>Сачук В.С.</i> О психологических типах отношения к болезни у больных геморроем.....	161
<i>Сотников В.А., Селин А.В.</i> Временная перспектива больных онкологией гинекологического профиля	163
<i>Стеценко Е.Е.</i> Событийная структура автобиографической памяти и временные перспективы у больных алкоголизмом	165
<i>Телешева С.В., Азеддин М.М.</i> Система социально-педагогической реабилитации	166
<i>Тромбчиньски П.К.</i> Сравнительное исследование невротических черт у больных и здоровых в Польше и РФ	168
<i>Туровская Н.Г.</i> Системный подход к диагностике нарушений психического развития при эпилепсии.....	170
<i>Тысячнюк А.С.</i> Защитные механизмы и структура личности депривированных подростков	172
<i>Флёрко Н.В.</i> Психокоррекционная работа с детьми с трудностями в обучении, обусловленными ЗПР	174
<i>Фролова А.В.</i> Взаимосвязь антиципации и речевого содержания больных наркоманией.....	176
<i>Черного Д.И., Васильева М.Ю., Мухамедрахимов Р.Ж.</i> Развитие недоношенных детей в связи с характеристиками их социального окружения	178
<i>Шишкова А.М.</i> Взаимосвязь особенностей личности и семейных отношений у матерей наркозависимых	179
<i>Шумская Н.А.</i> Дифференциальная диагностика критериев нарушения интеллекта у дошкольников с ЗПР	181
<i>Щелкова О.Ю., Машонская О.В.</i> Социальная адаптивность и распознавание эмоций при депрессиях различного генеза.....	183

Психология профессионального здоровья

<i>Бартош Т.П., Бартош О.П.</i> Выраженность социальной фрустрированности у врачей Магадана	186
<i>Вагина М.В.</i> Профилактика синдрома эмоционального выгорания у офисных служащих	188
<i>Дворцова Е.В.</i> Ориентация на клиента и эмоциональное выгорание в профессиях продавца и врача	190
<i>Денисова И.А.</i> Особенности паттернов ЭЭГ-активности у музыкантов в процессе творчества.....	191

<i>Ликстанова Н.В.</i> Психологические факторы профессионального здоровья врачей	193
<i>Пилишина А.В., Емельяненко А.В.</i> Особенности эмоционального здоровья работников железнодорожного транспорта.....	195
<i>Семяничева П.А.</i> Стратегии и ресурсы совладания у офицеров Космических войск в период реформ	197
<i>Старченкова Е.С., Гуцина О.В.</i> Взаимосвязь проактивного совладания с антиципацией и временной перспективой	199
<i>Шаповал В.А.</i> Инновационные технологии в практике массовых психопрофилактических обследований.....	201
<i>Шестакова К.Н.</i> Профессионально трудные ситуации в актерской профессии.....	203

Методология и практика социально-психологического тренинга

<i>Белогай К.Н.</i> Формирование структурных компонентов родительского отношения в рамках тренинга	206
<i>Зайцева В.В.</i> Исследование гендерных различий в эффективности тренинга личностного роста	208
<i>Иевтутина Е.П., Кузьмина А.А.</i> Социально-психологический тренинг как метод коррекции межличностных отношений	210
<i>Муталимова А.М.</i> Атрибутивный тренинг в старших классах: реализация программы	212
<i>Пащенко М.А., Козина Н.В.</i> Коррекционная программа по формированию и развитию навыков позитивного мышления	214
<i>Студеникина Л.А., Семенов В.С.</i> Оптимизации регуляторного стиля познавательной активности в условиях тренинга	216
<i>Ускова М.А.</i> Влияние личностных особенностей на эффективное усвоение навыков тренинга продаж.....	217

**Социальная психология: история и современность
(Симпозиум, посвященный 90-летию со дня рождения
Е.С. Кузьмина, основоположника Санкт-Петербургской школы
социальной психологии)**

<i>Беличева С.А.</i> Социальная психология как научное обеспечение психосоциальной работы	220
<i>Бендас Т.В., Шабаева А.В.</i> Лидерство в городской и сельской супружеской паре.....	222
<i>Еремеев Б.А.</i> Тематика публикаций Е.С. Кузьмина и материалов «Ананьевских чтений – 2010»	224
<i>Почебут Л.Г., Семенов В.Е.</i> Евгений Сергеевич Кузьмин – основатель отечественной социальной психологии.....	226

<i>Синельникова Е.С.</i> Стили семейного взаимодействия как основа понимания и доверия в семье	228
<i>Смолина Т.Л.</i> К вопросу о соотношении терминов «аккультурация» и «культурный шок»	230

Психология социального познания

<i>Антонова Н.В.</i> Бренд как объект социального познания	232
<i>Баранова В.А.</i> Городской и сельский социумы как объекты социальной психологии	233
<i>Белавина О.В.</i> Методика оценки коммуникативной компетентности младших школьников	235
<i>Бескова Т.В.</i> Внутренние детерминанты зависти: гендерный аспект.....	237
<i>Бузмакова А.В.</i> Восприятие конфликта и выбор стратегии поведения в конфликте военнослужащими	239
<i>Бызова В.М., Зиновьева Е.В.</i> Психологические смыслы в читательских и зрительских предпочтениях молодежи	241
<i>Жижина М.В.</i> Копинг-стратегии в медиаповедении личности.....	243
<i>Михайлова И.В.</i> Субъективная составляющая восприятия сложности ситуации	245
<i>Стефаненко Т.Г., Мальшева Н.Г., Тихомандрицкая О.А.</i> Образ России в многополярном мире: кросскультурный аспект.....	247
<i>Тихомирова М.А.</i> К вопросу о психологических особенностях футбольного фаната	248
<i>Шеринёва Т.В.</i> Особенности эмоционального интеллекта в юношеском возрасте	250
<i>Юшачкова Т.Б.</i> Половые различия в понимании людьми друг друга.....	252
<i>Ясюкова Л.А.</i> Логнитюдное исследование динамики социального интеллекта младших школьников.....	254

Психология развития и образования в современном обществе

<i>Аверьянова О.Ю., Петанова Е.И.</i> Личностные факторы жизнестойкости студентов.....	257
<i>Александрова Н.А.</i> Роль родителей в профессиональном самоопределении подростков и юношества.....	259
<i>Анисимова О.М., Кадомцева Н.А.</i> Я-концепция и особенности субъективного переживания времени старшеклассников.....	261
<i>Вартанов И.И.</i> Развитие ценностей старших школьников.....	263
<i>Власова Е.Ф., Котов А.А.</i> Усвоение детьми значений слов, содержащих неперцептивную информацию	265

<i>Данилова М.В.</i> Личность и совладающее поведение юношей на этапе профессионального выбора.....	267
<i>Дворникова Т.А.</i> Исследование мотивации учебной деятельности и саморегуляции студента.....	269
<i>Дербенева М.Ю.</i> Соотношение эмоциональных предпочтений и профессионального самоопределения.....	270
<i>Дерманова И.Б.</i> Психологические защитные механизмы в период ранней взрослости.....	272
<i>Довгая Н.А.</i> Динамика эмоционального развития дошкольников, проживающих в семьях разного типа.....	274
<i>Жученко О.А.</i> Особенности восприятия студентами мониторинга качества образования.....	276
<i>Иванова М.В.</i> Формирование Я-концепции студентов спортивного вуза (гендерный аспект).....	278
<i>Ипатов А.В.</i> Типы аутодеструкции безнадзорных подростков.....	280
<i>Исаева Д.А.</i> Особенности профессиональной идентичности студентов на разных этапах обучения.....	282
<i>Киселева Т.Г., Зуева М.Л.</i> Диагностика сформированности ключевых компетенций.....	284
<i>Кожина Е.В.</i> Специфика восприятия мужчинами отцовского отношения к ребенку.....	286
<i>Козлова Е.В., Киреева Н.Н.</i> Особенности гражданской позиции старшеклассников.....	287
<i>Корнева Т.В., Воропошина Е.Р.</i> Исследование эмоционального интеллекта у подростков.....	289
<i>Королёва Н.А., Солондаев В.К.</i> Мифологические компоненты обыденного мышления дошкольников.....	291
<i>Корсак Н.В.</i> Проблема понимания в образовательной коммуникации.....	293
<i>Котов А.А., Гудкова В.С.</i> Влияние социального контекста на усвоение ребёнком значений новых слов.....	295
<i>Котова Е.Е.</i> Метод экспертных оценок компетентности студентов в процессе обучения.....	297
<i>Лавренчук С.Ю.</i> От поколения к поколению: изменение системы отношений личности как отражение изменений социокультурной реальности.....	299
<i>Ланина Н.В.</i> Преодолевающее поведение как способ жизни в современном мире.....	301
<i>Лекавичене Р. (Lekaviciene R.), Антинене Д. (Antiniene D.)</i> Социально-психологические особенности поведения молодежи Литвы.....	303

<i>Лемии В.В.</i> Субъект-объектные ориентации пожилых людей после выхода на пенсию.....	305
<i>Леонова Е.В.</i> Сопровождение адаптации пятиклассников с применением методов творческого развития.....	307
<i>Мазалецкая А.Л.</i> Мотивационные особенности научно-исследовательской деятельности студентов вузов.....	309
<i>Манукян В.Р.</i> Кризисные переживания студентов-третьекурсников.....	311
<i>Огородова Т.В.</i> Мотивационно-потребностная сфера личности педагога.....	313
<i>Осорина М.В., Жукова А.Ю.</i> Когнитивные привычки как показатель интеллектуальной саморегуляции студентов.....	315
<i>Пахмутова М.А., Розум С.И.</i> Методологическая модель исследования феномена самоорганизации личности.....	317
<i>Погожина И.Н.</i> Децентрация и конкретно-операциональные структуры мышления: природа взаимосвязи.....	318
<i>Поляков А.В.</i> Проблема восприятия преподавателями вузов коммуникативных инноваций.....	320
<i>Разина Т.В.</i> Профиль мотивации научной деятельности у студентов вузов.....	322
<i>Рыкман Л.В., Дроздовская Е.Б.</i> Самоопределение в профессии и социально-психологическая адаптация подростков.....	324
<i>Сабанчиева Р.З.</i> Жизнестойкость преподавателя высшей школы как фактор успешной самореализации.....	326
<i>Савеньшиева С.С.</i> Отношение к семье и ребенку у мужчин.....	328
<i>Самохвалова А.Г.</i> Коммуникативные трудности дошкольников и младших школьников.....	330
<i>Серафимович И.В.</i> Особенности креативной компетентности в различных видах деятельности.....	332
<i>Суховеева О.И.</i> Психологические условия профессионально-личностного развития госслужащих.....	334
<i>Турова Ю.С.</i> Изучение психологических условий, влияющих на академическую неуспеваемость студентов.....	336
<i>Ушакова Н.М.</i> К вопросу о правилах взаимодействия содержания образования и учебной деятельности.....	338
<i>Ходаковская О.В.</i> Достижение самоидентичности в социальном мире в юности.....	340
<i>Шляпникова О.А.</i> Профессионально значимые качества педагогов дошкольного образования.....	342
<i>Юркина М.С.</i> Методика диагностики адаптации студентов к университету.....	344

Социальная психология здоровья

<i>Антонова Н.А., Дубровский Р.Г.</i> Употребление алкоголя учащимися в возрасте 15–16 лет г. Санкт-Петербурга.....	346
<i>Батлук Ю.В., Шаболтас А.В.</i> Социально-демографические и поведенческие особенности уличных подростков.....	348
<i>Березина Е.Б.</i> Причины соматических болезней в представлениях молодежи.....	350
<i>Бовина И.Б., Березина Е.Б.</i> Социально-психологические аспекты профилактических программ.....	352
<i>Горбатов С.В., Иванова М.В.</i> Совладающее поведение, детско-родительские отношения подростков, уходящих из дома.....	353
<i>Гурвич И.Н.</i> Значение социально-психологического знания в сохранении и укреплении здоровья.....	355
<i>Даниленко О.И., Ли Цзыхань.</i> Влияние культуры на гендерные различия показателей жизнестойкости.....	357
<i>Дворцова Е.В., Чувашиова И.А.</i> Гендерные особенности взаимосвязи эмоционального выгорания и эмпатии.....	359
<i>Никитенко М.В., Шаболтас А.В.</i> Детско-родительские отношения и риск возникновения табакокурения.....	360
<i>Новикова Е.С.</i> Ценностные ориентации малолетних и многодетных матерей.....	362
<i>Привалова П.С.</i> Индивидуально-психологические особенности женщин, страдающие никотиновой зависимостью.....	364
<i>Селин А.В., Василенко Т.Д.</i> Специфика социального взаимодействия в ситуации онкологического заболевания.....	366
<i>Цветкова Л.А., Антонова Н.А.</i> Риск распространения ВИЧ в среде студенческой молодежи.....	368
<i>Юревич О.И.</i> Взаимосвязь уровня жизнестойкости с характеристиками самоотношения человека.....	370

Теоретическая и экспериментальная психология

<i>Аванесян М.О.</i> Рисованные метафоры как объект психологического исследования.....	373
<i>Адамян Н.А., Басова Е.С.</i> Влияние инструкции на игнорирование при генерации слепоты по невниманию.....	375
<i>Алексеева Е.М., Иванова Т.К.</i> Использование экспериментальных имплицитных методов в исследовании установок.....	377
<i>Аллахвердов В.М.</i> Когнитивная природа социального.....	379
<i>Аллахвердов М.В.</i> Модель структуры имплицитной теории доверия.....	381

<i>Зайцева Ю.Е., Плотникова И.Е.</i> Отношение ко лжи людей с разным уровнем морального сознания.....	383
<i>Кашапов М.М.</i> Метакогнитивное понимание характеристик конфликтной компетентности.....	385
<i>Кувалдина М.Б., Адамян Н.А.</i> Влияние ожиданий на восприятие при генерации слепоты по невниманию.....	387
<i>Морозов А.В.</i> Частотный анализ распределения лемм в массивах высказываний.....	389
<i>Хорошилов Д.А., Кутковой Н.А.</i> Метод эксперимента в дискурсивной социальной психологии.....	390
<i>Четвериков А.А.</i> Взаимосвязь аффективной оценки и порога осознания в задаче опознания объекта.....	392
<i>Чистопольская А.В., Владимиров И.Ю.</i> Особенности решения задач в зависимости от загруженности рабочей памяти.....	394
<i>Щербаков С.В., Исхакова А.Р.</i> Интеллект и профессиональная компетентность инженерно-технических работников.....	396
<i>Юров И.А.</i> Социально-психологические статусы в структуре индивидуальности спортсменов.....	397
<i>Япарова О.Г., Дягилева А.В.</i> Влияние эмоционального интеллекта матери на проявление эмоций приемных детей.....	399

Теория и практика психологической помощи

<i>Бурлакова Н.С., Павлова Е.В.</i> Родительско-детские отношения в условиях ранней спортивной профессионализации.....	401
<i>Верецагина Н.В., Климентьева Н.К.</i> Тренинг в работе с дошкольниками с речевыми нарушениями.....	403
<i>Виноградова В.Е., Стукова М.Ю.</i> Влияние социального окружения на развитие познавательной активности детей.....	405
<i>Волков Д.Н., Медников С.В., Тихвинская Е.О.</i> Метафора в оптимизации психического состояния спортсмена.....	407
<i>Касьяник Е.Л.</i> Границы медиации.....	408
<i>Корнева Т.В.</i> Экологическая ориентированная арт-терапия в системе психологической помощи пожилым людям.....	410
<i>Красильникова Е.Д.</i> Психологическое образование в структуре психологического сопровождения семей, воспитывающих детей с различной психической патологией.....	412
<i>Курбатова Т.Н., Мухиярова Е.Н.</i> Психологические предпосылки одиночества.....	414
<i>Магомед-Эминов М.Ш.</i> Психологическая помощь как практика заботы.....	416
<i>Пятакова Г.В.</i> Совладающее поведение у подростков с последствиями ожоговых травм.....	418

Научное издание

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2011
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

Материалы научной конференции
18–20 октября 2011 года

Издание подготовлено к печати *Н.Г. Михайловой*

Подписано в печать с оригинала-макета 05.09.2011.
Ф-т 60×84/16. Усл. печ. л. 25,57. Тираж 120 экз.
Заказ № .

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199034, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21.

Типография Издательства Санкт-Петербургского университета.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр., 41.